

Информация

Роман «Челленджер»
Автор Ян Росс

Новая редакция

Редакторы Евгений Фридлин, Татьяна Лаптёнок
Корректоры Ирина Цуркова, Татьяна Лаптёнок

Художественное оформление обложки по мотивам скульптуры Александра Милова, фестиваль Burning Man.

ISBN 978-5-9909643-6-5
© Ян Росс, 2021

Сайт автора: yanross.net

Глава 1

Главная цель красноречия – не дать говорить другим.

Луи Вермейль

- Так, так... – пробормотал Ариэль, впиваясь в моё резюме. – Расскажите-ка теперь о себе.
- О'кей. Значит... у меня четыре высших образования. Законченных. И ещё два незаконченных. Мм... самолётостроение и космос, компьютеры, биомедицина, прикладная математика...
- Да-да, вижу, – он наигранно рассмеялся, блуждая взглядом по убористому тексту.
- Ну хорошо, и для чего всё это понадобилось?
- Понимаете ли, учась в университете, я любил читать умные книжки, а когда захотел стать совсем умным, принялся за греческую философию. Совсем умным я так и не стал, зато вычитал красивое слово – «естествоиспытатель».
- Что? – оторвавшись от непролазных нагромождений напыщенных терминов, Ариэль в недоумении уставился на меня. – Естествоиспытатель?
- Да, сегодня каждая наука исследует какую-то отдельную сферу. А тогда – там, у них, в Древней Греции, – не было математиков, физиков, биологов... Все учёные были естествоиспытателями и изучали мир как единое целое.
- И что? Из-за этого вы десять лет метались по факультетам?
- В общем... да. Во-первых, я воспринимал науку как способ познания мира и хотел охватить все возможные стороны, – завладев вниманием, я продолжал развешивать лапшу на уши интервьюера. – Во-вторых, мне было интересно. И, в-третьих, это получилось очень естественно. Я занимался мультидисциплинарными проектами и соприкасался с различными технологиями.

Признаться, это была не полная картина. В своей похвальбе я опустил, с чего всё начиналось. Ввиду запутанных и несущественных для данного повествования обстоятельств, я случайно угодил на инженерный факультет вместо вожделенной архитектуры, о которой имел идиллические представления. Заканчивая школу, я считал себя довольно посредственным учеником. И тот факт, что меня взяли в Стэнфорд, да к тому же на самолётостроение, вселял непередаваемый ужас и уверенность в том, что эта очевидная ошибка вскоре позорно вскроется.

Я боялся точных наук как огня, и единственным спасением казалось, получив хорошие оценки, побыстрее сменить кафедру. Вдобавок в учёбе у меня сложилось конструктивное соревнование с тогдашним другом, о котором ещё упомяну позже. Эти два фактора вынудили перебороть страх и удачно закончить сессию, а там, уверившись в собственных силах, и остаться. Постепенно я обнаглел окончательно

и возомнил, что море инженерии и науки мне по колено или, по меньшей мере, взял за правило высказываться в соответствующем тоне.

– Захватывающая история, – Ариэль плотоядно улыбнулся. – Но всё же не слишком? Шесть факультетов...

– Когда я чем-то увлекаюсь, – я развёл руками, – мне не всегда удаётся вовремя остановиться.

– И какие оценки получаются при таких метаниях? – продолжил он, не принимая шутки.

– Всё, что закончил, я закончил с отличием.

Помолчав, акцентируя заключительную фразу, я сделал следующее довольно рискованное признание:

– На деле это проще, чем кажется. Система не рассчитана на такие, как вы выражаетесь, «метания», и вместо того чтобы давать результат для каждого факультета отдельно, высчитывает среднюю оценку по всем когда-либо пройденным предметам. То есть, недурно защитив первый диплом, несложно иметь высокий балл и по второму, не говоря уж о третьем.

Интуиция подсказывала, что собеседник способен по достоинству оценить предлагаемый гамбит. Ариэль молчал, пристально рассматривая меня и будто что-то решая.

– Хорошо, – произнёс он наконец. – Очень хорошо. Теперь поговорим о профессиональном опыте. И, пожалуйста, поподробнее.

Я сел на любимого конька и выдал несколько отточенных многочисленными собеседованиями «рекламных роликов» про свои проекты. Ультразвук, компьютерная томография, катетеры для кровеносных сосудов – в совокупности мой предыдущий опыт покрывал все инженерные аспекты данной фирмы, и я прекрасно понимал – это именно то, что ему нужно. Забыв про сжатые в пальцах бумажки, Ариэль всякий раз кивал в такт новым виткам повествования.

В начале интервью говорил он – рассказал о компании и об их инновационных технологиях, заключающихся в изобретённых им самим ультразвуковых сенсорах. Потом пошли расспросы, в ходе которых мне удалось сбить его с толку своим признанием и, во избежание неудобных тем, перейти к «рекламным роликам». Увлёкшись, он так и не задал ни одного технического вопроса. И сейчас, к вящему удовольствию переговаривающихся сторон, мы приближались к развязке. Почувствовав себя уверенно, я перевёл дух и осмотрелся...

В центре кабинета, занимая бóльшую часть пространства, громоздился стол, на котором в гордом одиночестве стоял стильный вогнутый монитор. За столом сидел высокий, мощный, стриженный почти наголо человек лет под сорок с выразительными чертами лица. Глубокие залысины придавали его лбу некую монументальность, подчёркнутую двумя резкими морщинами, восходящими от переносицы. Из-за тесноты и куцости обстановки Ариэль казался несуразно массивным. В его глазах читалась радость непризнанного мыслителя, нашедшего, наконец, брата по разуму.

...Взаимопонимание крепло с каждым новым удачным выражением, буквально переполняя помещение. Ещё немного – и оно грозило выплеснуться наружу, проламывая тонкие гипсовые перегородки. Пора было закругляться, и, сбавляя темп, я плавно переходил к заключительным кадрам, как вдруг Ариэль опомнился.

– Если всё было так здорово, почему же вы каждый раз увольнялись?

Вопрос был задан скорее для проформы, но я старался избегать этой темы, так как предыдущие компании неизменно покидал со скандалом. Поначалу я скрипя зубами терпел окружающее безобразие, но рано или поздно выкладывал очередному начальничку всё, что думал о нём и его организации, и с грохотом хлопал дверь. Мало того, последние три года я вообще нигде не работал.

Однако эти художества от предполагаемого работодателя стоило утаить. Тем более что ему, вероятно, ещё предстоит познакомиться с этой замечательной чертой моего характера.

– Дело в том, – насторожился я, оказавшись на тонком льду, – что на второй работе компания создала пару коммерчески успешных продуктов и, распустив научно-исследовательский отдел, переориентировалась на продажи.

В действительности всё обстояло несколько иначе. Преисполненный энтузиазма, я доделывал проект и надеялся на повышение. Мне импонировало словосочетание Chief Scientist¹, особенно рядом с моей фамилией. Играя ключевую роль в разработке нового продукта, я имел договорённость с генеральным директором о присвоении желанной должности в случае успешного завершения. Но ближе к концу мне вежливо объяснили, что данную позицию должен занимать не талантливый двадцатисемилетний... мм... «юноша», а представительный мужчина лет сорока. В ответ я стал заявляться на работу не чаще раза в неделю, и то лишь после долгих

---

¹ Chief Scientist – руководитель научного отдела.

просьб и уговоров. При этом фирма была вынуждена терпеть мои выходки почти год, пока не нашла нового специалиста.

Естественно, знать такие подробности Ариэлю было вовсе не обязательно, и расстраивать его неаппетитными деталями после недавнего духовного взлёта казалось даже несколько нетактичным.

– Собственно, у них так и было задумано. Существующая продукция обеспечивала неплохой доход на ближайшие лет десять.

– Так... понятно, а на первой? – продолжил расспросы Ариэль.

Дальнейшее увиливание от попыток нащупать брешь в моей обороне грозило обернуться потерей доверия, и я решил сменить тактику – перейти от припудренной полуправдой лжи к радикальной искренности.

– Надо признать, мне было сложно ладить с начальником, – я умолк, изображая замешательство. – Имелось множество разногласий... а главное, мы постоянно скатывались в состязания эго.

Ошарашив собеседника новым откровением, можно было вновь направлять разговор в удобное русло.

– Я был юн, вспыльчив и эмоционален... только с университетской скамьи. Кроме того, я был первым его подчинённым, и ему тоже было нелегко. Но при всех неурядицах я понимал, что это гениальный человек. С большой буквы. Его рассказы о физике вдохновили меня поступить на ещё один факультет и получить ещё одну учёную степень. Он...

И, вместо того чтобы говорить о проблемах в профессиональных отношениях, я принялся петь дифирамбы бывшему боссу.

– Ладно, предположим, тогда вы были молоды. А сейчас?

– А сейчас прошло десять лет, и мне хочется верить, что я стал уравновешенней и мудрее.

Он помолчал, уставившись в незримую точку за моей спиной. Судя по всему, уловка с искренностью прошла успешно, и с этой темой было покончено.

– М-да... А у меня... – вымолвил Ариэль, выйдя из оцепенения. – У меня всё это было... – он махнул рукой и указал в неопределённом направлении, словно приглашая полюбоваться, как всё «это» было у него, – ...совсем не так. Фирма

взялась за амбициозный проект, но подход был неправильный, а методы ущербны. Кругом царил полный бардак, и чем больше они пытались навести порядок, тем хуже становилось. А главное, – он жажнул кулаком по столу, – начальник был идиот.

Ариэль взглянул на меня в поиске поддержки. Я кивнул, пряча улыбку.

– Мой начальник был идиот, – воодушевился он. – Я пытался и так и этак, а он... представляешь...

И Ариэль принялся описывать идиотизм своего начальника. Получалось действительно забавно.

– ...и я ушёл, – шумно выдохнув, резюмировал он. – Потом устроился на вторую работу, но там было то же самое. Там тоже был начальник. И тоже неслыханный идиот. Хуже первого. Он беспрестанно выдвигал несуразные требования. Всё делал через ж... Ну ты понял?! Я всё пытался ему объяснить... Впустую! Он не понимал. Был просто не способен...

«Что объяснить? Что он идиот?» – подумал я и еле сдержался, чтобы не прыснуть со смеху.

– ...и я снова уволился, – решительно подытожил Ариэль. – И устроился на новую. Там оказалось ещё хуже, а начальник – ещё большим идиотом. Невероятно! Гораздо тупее, чем те два, вместе взятые. Только вообрази, каково?! И опять я пытался, но ни в какую.

Как мы будем из этого выбираться? После титанических усилий провести замысловатую, но не лишённую элегантности кривую между нужными мне фактами – всё «это»? Катком по моим воздушным замкам? Зря я довёл его до такого вдохновения... Тем временем Ариэль был уже на ногах. Энергичными движениями он как бы наваливал в растущую между нами кучу новые и новые аргументы.

– И теперь начальник я! – помпезно провозгласил Ариэль. – Это моя компания. И на этот раз – тут, в моей компании, всё будет, как надо!

Он постоял, сжимая кулаки, потом растерянно огляделся, сел и вытаращился на меня. По сути, его положение было двояким: с одной стороны, он был соучредителем и мог, с некой натяжкой, заявлять, что фирма действительно принадлежит ему; с другой – Ариэль являлся руководителем отдела разработок и именно в этом качестве должен был стать моим начальником. В любом случае, несмотря на растущее раздражение, приходилось лихорадочно подыскивать

достойный ответ на это выступление.

– Но вы же понимаете, – начал я уклончиво, – всё «это» скорее связано с формой отношений «начальник – подчинённый», нежели с конкретными личностями. Мне кажется, дело в расстановке ролей, а не в самих людях. Потому что... Ведь я тоже успел поработать в нескольких местах, и в каждом, как водится, был начальник... прямо скажем – не идеальный. И когда я сегодня прихожу на собеседование... В нашей с вами ситуации...

В голове мелькнула мысль о вероятных последствиях, но было уже поздно. Я не мог не закончить.

– Получается, что самым большим идиотом в моей жизни являетесь вы.

Воцарилось молчание. Ариэль коротко хохотнул, потом на секунду умолк и рассмеялся уже искренне и не сдерживаясь. Я с облегчением выдохнул и решил, что с таким человеком будет нескучно работать.

– Ну да, но я, по крайней мере, стараюсь быть не полным идиотом. В худшем случае средним. Ладно... – он сгрёб бумаги. – Вернёмся к делу. Чем вы занимались в последнее время? Вижу – долго не работали. Где вас три года носило?

– Почувствовал, что надо разобраться в себе. Пока я постигал окружающий мир, прыгал и бегал, всё как-то перекошилось в моём собственном.

– И как? Разобрались?

– И да и нет. Это непростой вопрос, во всяком случае, мне больше не кажется, что в моём мире нечто перекошено.

– Понятно. Скажите, сейчас вы закончили самокопания и готовы хорошенько поработать?

– Да. Закончил и готов, – я бессовестно широко улыбнулся.

– Великолепно, свяжемся на днях, – он встал и протянул руку.

* * *

from: maya@akutra.me

to: ilya.dikovsky@gmail.com

date: 05.05.2015

subject: Namaste

интересная легенда о Сати – первой жене Шивы. Сати очень его любила, с детства мечтала о нём и поклонялась, хотя её отцу – Дакши это совсем не нравилось. впрочем, Шива тоже к тестю почтения не проявлял.

однажды Дакши устроил великий праздник и, разумеется, Шиву не пригласил. Сати жутко расстроилась, заявила на вечеринку, учинила там дебош и потребовала уважения к мужу. отец ответил: «твой супруг – недостойный выскочка и невежа». Сати, естественно, такого снести не могла. поклялась вернуться, когда отыщет на земле родителей, которых сможет уважать, и бросилась в жертвенный огонь, разведённый там для пущего понта.

Шива осерчал и устроил полный ататуй: папаше голову оторвал, всех, кто был на празднике, перебил и, пригорюнившись, забрался на гору Кайлас оплакивать свою утрату. провёл там тучу лет в аскетизме – сидел, косяки курил и медитировал.

вообще, когда Шиву что-то напрягало, он разносил всё в клочки. как правило, это было из-за женщин. каждый раз он почти разрушал вселенную, а потом воссоздавал вновь, разгоняя мрак.

он был любитель снести кому-то башку и приставить новую, притом какую попало. пострадавшему тестю приладил голову козла, а своему сыну Ганешу – голову слона.

Сати, как и обещала, переродилась и вновь стала женой Шивы в облике Парвати.

как-то раз Шива вернулся домой, в то время как Парвати была в ванной с ребёнком. Шива подумал, что с ней мужчина, разгневался, ломанулся туда и сгоряча оттяпал сыночку голову. Парвати крайне огорчилась и сказала, что пока Шива не исправит это безобразие, не подпустит его к себе. тот, недолго думая, выскочил на улицу, увидел слонёнка, отчекрыжил ему башку и приставил Ганешу. Парвати это вполне устроило.

начало их отношений тоже забавно. друзья Шивы решили, что тому пора жениться, и послали бога любви прервать его медитацию. забравшись на гору, тот принялся распевать оды любви, пока Шива не испепелил его. это происшествие несколько взбодрило Шиву, и интерес к женщинам у него возродился, а восточного купидона впоследствии откачали.

преданий, конечно, хватает, но общий мотивчик прослеживается – хаос и разрушение. индусы утверждают, что таким образом Шива создаёт пространство для новых творений.

я тоже к нему равнодушна. таскалась, собирала рудракши, бусы плела,

понавешала на всех друзей, и сама почти не снимаю. рудракши – это косточки гималайской оливки – священный атрибут, олицетворяющий слёзы Шивы.

вот и всё. посадка заканчивается. улетаю из города смерти – Варанаси. согласно поверью, если человек умрёт здесь, его душа не переродится и он выйдет из колеса Сансары. но так как скончаться в этом чудесном местечке мне не посчастливилось, приходится перевоплощаться дальше, и я отправляюсь в Катманду...

OM namah Shivaya!

P.S. с тех пор именем Сати называют похоронную традицию, когда вдова восходит на погребальный костёр вместе с усопшим супругом.

* * *

Среда. Середина дня. Стеклопанная дверь, наклейка с надписью BioSpectrum. В ответ на звонок из кабинета появился Ариэль и, поприветствовав меня издали, размашисто потопал открывать.

– Проходите, – он указал на дверь. – Сейчас Харви позову.

Стол, монитор, три стула: один – за столом Ариэля; напротив, прямо перед входом, – ещё два. Странная диспозиция. На сегодня основной оппонент – директор, и, сидя рядом, обращаться к нему будет неудобно.

Я переставил стул в торец стола. Сел. В который раз прокрутил в уме заготовленные наработки. Оставалось подгадать момент.

Вошёл сухопарый человек с как бы унифицированной до безликости внешностью, на вид чуть старше Ариэля. Поздоровался, сел.

– Это Харви – генеральный директор. – Ариэль протиснулся мимо, бухнулся в кресло и развернулся к нам. – Илья – специалист по алгоритмике. Окончил все факультеты Стэнфорда, на которые смог записаться. Зачем он это сделал, нам вряд ли удастся понять. Илья утверждает, что так принято в Древней Греции.

Ариэль расхохотался. Харви покосился на него и внёс пометку в блокнот. Кажется, с Грецией я погорячился. Ничего не оставалось, кроме как вежливо улыбнуться.

– Как бы то ни было, у него обширный опыт разработки медицинского

оборудования. Илья, расскажите вкратце, чем вы занимались.

Я принялся за «рекламные ролики» и спустя нескольких вступительных фраз перешёл к перечислению базвордов. Buzzwords – это новомодные звучные термины. Когда необходимо быстро произвести впечатление, можно просто закидывать ими собеседника вплоть до полного очумения.

После особо удачных оборотов Ариэль гордо поглядывал на Харви, словно мои успехи являлись результатом его стараний. Энергично жестикулируя, он как бы помогал информации переключившись от меня к директору. Несмотря на нарочито сосредоточенный вид, складывалось впечатление, что Харви мало интересовали мои словоизлияния. Лишь бы Ариэль был доволен да новый работник за рамки не выступал. Не слишком выступая «за рамки», я подбирался к середине второго ролика:

– ...а из собранных точек выстраивается трёхмерная реконструкция сердца, – вещал я. – Визуализация импульса внутри стенок миокарда и...
– Да-да, я же тебе показывал! – Ариэль щёлкнул пальцами.

И он принялся рассказывать об ультразвуковой системе, которую я когда-то разработал. Я умолк, не желая мешать начальству делать мою работу. Теперь уже я согласно кивал и жестикулировал, поддерживая Ариэля. Посматривая то на меня, то на него, Харви коротко чиркал в блокноте. Едва Ариэль стал выдыхаться, я уцепился за удачно подвернувшееся слово «томография» и перешёл к последнему ролику. Ариэль вновь быстро перехватил инициативу. Когда он утомился, я припечатал:

– И вот я здесь, – с ходу ничего лучше придумать не удалось, а подытожить чем-то эту прочувствованную речь было необходимо.

Ариэль сиял, как новенький гаджет, и важно поглядывал на Харви, заговорившего об окладе. Начальная ставка в двести тысяч в год виделась директору вполне соответствующей предлагаемой должности.

– За две сотни я работать не буду, – отрезал я.

Запрошенная мной сумма, стал объяснять он, перемежая аккуратные фразы прослойками чётко выверенных интервалов, выходит за рамки бюджета. Получив очередной отказ, Харви предложил сойтись посередине, посулив в течение полугода поднять зарплату до названной суммы и возместить разницу в виде бонуса.

– Хорошо, – Харви занёс числа в блокнот. – Нам важно время. Когда вы можете приступить?

– Хоть сегодня, – объявил я, дождавшись именно того, что мне было нужно. – Но есть одна важная... мм... вещь. В такие темы не принято вдаваться на собеседованиях, но я хочу, чтобы у нас складывались доверительные отношения, и поэтому сейчас буду говорить о любви.

Харви улыбнулся чуточку шире вежливого минимума и вновь принял невозмутимый вид. Ариэль склонил голову набок и обескураженно вытаращился.

– Долгое время я был один, – продолжил я, – и недавно встретил женщину, с которой хочу быть. Но она, как, собственно, и я, живёт в LA² и не может внезапно переехать в другой город, потому что у неё есть сын, и она его очень любит.

Брови Ариэля постепенно приподнимались, Харви же довольно успешно боролся со своей улыбкой.

– Я в непростой ситуации. С одной стороны, то, что Ариэль рассказал о вашей фирме, производит впечатление. Меня интересуют и кардиология, и ультразвук, и я буду рад принять ваше предложение. С другой, мне важны новые отношения, и я не хочу оказаться в ситуации, где буду вынужден выбирать.

– Так в чём проблема? – Ариэль подался в мою сторону. – С какой стати одно должно мешать другому?

– Расстояние... сами посудите: на машине туда-сюда – нереально. Значит, придётся летать. То есть ехать с работы в аэропорт, потом лететь, потом снова ехать. И пока я буду летать и ездить, она будет уже крепко спать, так как утром ребёнка надо вести в школу.

– Так встречайтесь со своей любовью по выходным!

Ариэль взмахнул рукой, устраняя досадную помеху с нашего совместного пути в счастливое будущее мировой кардиологии.

– Видите ли... в субботу моя подруга работает, а в воскресенье хочет уделять время ребёнку. И с этим трудно спорить.

– Хорошо, – помолчав, промолвил Харви. – Что вы предлагаете?

– Думаю, стоит пойти друг другу навстречу, – поставив локти на стол, я скрестил пальцы. – У вас сроки, у меня любовь. Я знаю, как сделать, чтобы все были happy – и вы, и я. Предлагаю договориться так: первые три месяца я работаю четыре дня в

---

² LA – Лос-Анджелес.

офисе и один дома.

Не сказать, что моя идея пришлась по вкусу, но возражать они не спешили, и я продолжил развивать успех, описывая преимущества работы на дому, где имеются все условия для продуктивной инженерной деятельности, где некому меня отвлекать и куда не нужно добираться через полштата.

– В таком случае – могу начать, когда вам угодно, – я откинулся на спинку стула. – Либо мы забываем этот разговор и договариваемся, как это и принято, о старте спустя месяц, а за это время я самостоятельно разбираюсь со своими делами.

Харви вопросительно взглянул на Ариэля, тот пожал плечами.

– О'кей, – уступил директор, – постарайтесь поскорее решить этот вопрос. Ариэль, когда ты хочешь, чтобы он вышел на работу?

– Вчера, – хохотнул Ариэль.

– Спасибо, что пришли, – Харви отложил блокнот. – Завтра вышлем черновик контракта, к понедельнику всё оформим, и сможете приступить.

Спускаясь по лестнице, я праздновал победу. Эх, – мелькнула шальная мысль, – надо было запросить два дня...

Глава 2

В книгах нечего ловить и нечего искать. Их сочиняют для того, чтобы превратить неорганизованное людское стадо в организованное. Прочитав книги, люди глупеют окончательно, и тогда с ними можно делать всё что угодно.

Андрей Аствацатуров

Проснувшись от настырно повторяющихся звонков, подскакиваю и хватаю телефон.

– Алло?

«Первый день работы», – единственная чёткая мысль, которой удаётся оформиться в моей голове. Смотрю на экран – 7:46.

– Это твой новый начальник Ариэль. Ты где?

– Я... я в постели.

Повисает молчание, и я чувствую – необходимо что-то добавить.

– Дома, – хрипло сообщаю я, протирая заспанные глаза.

– Почему ещё не в пути?! Мы же договорились, что ты прибудешь в девять!

– Мы о времени не договаривались.

– Вот как? Хм... Вообще, я и сам прихожу поздно, так что это даже удобно.

Я наскоро собираюсь и завожу свой Challenger³. Мимо проносятся опрятные домики. В зеркалах, слепя глаза, поблёскивает весеннее солнце. Ветвистые трещины на мостовой аккуратно залиты гудроном. Выруливаю на Pacific Coast Highway, полчаса – и я на парковке аэропорта. Миновав автоматические двери, озираюсь в поисках регистрационной стойки и сквозь гомон толпы различаю знакомые голоса.

– Сэр, не соблаговолите поделиться адресом вашего портного?

Вразвалочку приближается пёстрая тройца чудесных раздолбаев – группа «Bizarre⁴... чего-то» во всей своей неизъяснимой красе.

– Эк вырядился! – Ли скалит зубы на мой костюм. – У тебя что – суд или похороны?

---

³ Challenger – полуспортивный автомобиль компании Dodge (классический muscle car).

⁴ Bizarre – причудливый, экстравагантный.

– О-ля-ля, зачётный галстук! – под дружный гогот приятелей Майк отвешивает галантный поклон. – Прошу прощения, сэр, я не совсем компетентен в данном вопросе: скажите, это виндзор или полувиндзор?

– Чего? – рассеянно бормочу я, пытаюсь уследить за потоком их неудержимого веселья. – О чём ты?

– Не бери в голову. Давай лучше дунем!

Майк, который, естественно, никакой не Майк, а Миша – еврейский мальчишалопа из Питера – является предводителем этой шайки. Живут все трое в особняке Эда в Малибу, где и находится их студия. Играют своеобразный микс этнической и электронной музыки. Когда на Ли накатывает вселенская тоска, в этот винегрет примешиваются средневековые напевы и готика. Эд – большой весёлый американец из состоятельной семьи, чего он стыдится, вращаясь в околomuзыкальных кругах, где модно слыть оборванцем. По собственному мнению, настоящим талантом он не обладает и с благоговением смотрит на людей, как-либо причастных к искусству.

– А чувачки в синем? – я киваю в сторону охранников.

– Так у нас справки⁵, – подмигивает Ли.

На улице Майк неуловимым движением фокусника извлекает два здоровенных косяка.

– Э-э... У вас-то справки, а мне бы улететь без приключений, – увлекая их за собой, я направляюсь за угол.

– Не боись, профессор. Затянешься – и сразу улетишь.

Ли – негр, то есть афроамериканец, у него широкая улыбка, и, кажется, в голове постоянно играет регги, хотя по их музыке этого не скажешь.

– Так куда ты намылился в эдаком прикиде? – Миша протягивает косяк, а второй раскуривает сам.

– У-у! Сегодня поистине историческое событие! – гордо выпятив грудь, выпускаю дым вверх их голов. – Я начинаю работать!

– Менеджером в Бургер Кинг?

Я пытаюсь отшутиться, но словесный водоворот неумолимо влечёт их всё глубже и глубже.

---

⁵ В описываемое время в Калифорнии, имея соответствующую медицинскую справку, можно было приобрести каннабис в аптеках. С ноября 2016 года марихуана в Калифорнии легализована.

- Интересно, сколько это продолжится... – хохочет Майк. – Поди, месяц-другой – не больше.
- Да какой там! – не унимается Ли. – Недели три от силы!
- Максимум четыре, – вставляет свои пять копеек Эд.

Отсмеявшись, они наперебой выдвигают гипотезы, что произойдёт раньше: я уволюсь или меня выгонят. Дождавшись, пока все выскажутся, я решаю, что самое время сворачивать эту животрепещущую дискуссию.

- Так, понятно, – говорю резче, чем хотелось бы. – Вас-то как сюда занесло?
- Ах, видите ли, сэр, – принимается за своё Миша, – мы держим путь к берегам туманного Альбиона. То бишь в его столицу.
- Турне по ночным клубам Сохо, – подхватывает Ли. – Выступим, попьём клёвого пивка и обратно.

Заслышав очередное объявление, приглушённо доносящееся из павильона, вспоминаю о времени.

- Ладно, хороших гастролей. Пойду регистрироваться, пока не развезло.

Попрощавшись, спешно направляюсь к входу, как вдруг меня озаряет, я оборачиваюсь и кричу:

- Эй, клоуны, какой Лондон?! Это же терминал для внутренних рейсов!

Они растерянно оглядываются на Майка.

- Вам в меж-ду-на-родный!

* * *

Самолёт Bombardier Q400 компании Alaska Airlines. Оснащён двумя турбовинтовыми двигателями, крейсерская скорость 667 км/ч, размах крыла 28 метров, максимальная взлётная масса 29¼ тонн, максимальная посадочная – 28.

Миром правит наука. Даже не так – наше бытие практически целиком и полностью определяет наука. Если бы не наука, то мы с вами не пребывали бы в комфортной обстановке, сытые, удобно одетые и обутые, а торчали бы в какой-нибудь дремучей чащобе, кутаясь в провонявшие обрывки шкур, каждую ночь зверея от холода и доедая подгнившую требуху позавчерашней добычи. Хотя и такие деликатесы были бы редкостью, так как в рационе лесных жителей преобладали жуки и личинки,

выковырянные из трухлявой коры, вприкуску со мхом того же происхождения. Да и вообще, охотники-собиратели часто не доживали до нашего с вами возраста. Но, слава науке, мы ещё не окочурились, а благополучно выбрались из каменного века и столько всего наворотили, что мир уже конкретно трещит по швам.

Над головой зажглись лампочки, все дружно пристегнулись и самолёт принялся вырывать на взлётную полосу.

Достоевский утверждал, что красота спасёт мир. Красота всегда казалась непостижимой и таинственной. Художники, композиторы, поэты, писатели веками искали её формулу. А математики нашли и выразили её простым уравнением. И сейчас, вопреки уставу научной гильдии, я поведаю вам эту страшную тайну.

Красота – это непрерывность второй производной. Всё до отвращения просто. Производная – это скорость изменения. А вторая производная – это производная производной. Её непрерывность гарантирует непрерывность изгиба линии, то есть определённый уровень гладкости. И именно по этой причине сегодня всё такое округлое и пухлое.

Оглядитесь, посмотрите на нынешнюю эстетику плавно изогнутых форм. И это совсем не случайно, ведь сами графические программы для дизайнеров по умолчанию используют линии, состоящие из Би-Сплайн-функций. Только не пугайтесь. Би-Сплайн-функции – это функции, построенные по принципу сохранения непрерывности второй производной. И потому любая деталь, нарисованная современным дизайнером, неминуемо будет пухлой и гладкой.

Под крылом проплыл Лос-Анджелес, рассечённый широкими магистралями на ровные квадраты. Поблёскивая кромкой приборя, простирался до горизонта Тихий океан.

А углы, спросите вы, как же углы? Как же прямые линии? Вы хотите судорожно ухватиться за такой родной и всеми нами любимый уголок двадцатого века, за этот последний ускользающий краешек. Но я вам не дам. Углы – это анахронизм, неудачная попытка воплощения абстрактной идеи. Это зверьё никогда в природе не водилось, их внедрили где-то в процессе индустриализации.

Большинство физических явлений создают формы, обладающие непрерывностью второй производной, и поэтому природа представляется нам красивой. Даже скорее наоборот, ведь изначально мы черпаем представление о красоте у природы, и гладкость второго порядка не может не казаться красивой. В прошлом веке мы попробовали создать новую эстетику углов и прямых линий, но угловатость быстро

вышла из моды, и, полагаю, скоро окончательно вымрет, кроме некоторых неизбежных случаев.

В недрах сумки начинает истерически трезвонить мобильник. Пожилая женщина с всклокоченной, будто её шарахнуло молнией, ядовито-красной шевелюрой, негодуяще оборачивается в мою сторону.

- Что происходит? Ты ещё не приехал?
- Это возмутительно! Немедленно выключите сотовый телефон! – бабулька машет на меня костлявыми пальцами.
- Я в самолёте, – отворачиваясь к окну, делаю успокоительные жесты свободной рукой.
- Молодой человек, вы подвергаете опасности сотни людских жизней! – заходится старушенция.

В проходе возникает стюардесса.

- Ариэль, надо заканчивать. Скоро буду.

Вырубив телефон, демонстративно засовываю его обратно в сумку.

- Прошу прощения, мэм, самолёт Bombardier Q400 рассчитан...

Я хотел съязвить, что Bombardier Q400 рассчитан максимум на восемьдесят пассажиров, но внезапно с пронзительной ясностью, характерной осмыслению самых банальных истин, понимаю, как глупо затевать спор с пожилой женщиной в поисках предлога блеснуть эрудицией.

Находясь под впечатлением далеко не в первый раз сделанного открытия собственной склонности к пижонству и мелочности, пялюсь на крыло самолёта, рассеянно отмечая, как недовольно бухтит бабулька, как вторит ей сидящая рядом подружка, и старается добиться моего внимания стюардесса. Слушая её вполуха, продолжаю коситься в иллюминатор, где взгляд притягивает некая несообразность... и тут меня снова озаряет.

- Послушайте, мисс... мм... – я читаю имя на планшете, прикрепленной к её груди.
- ...Грейс, у вас торчат закрылки.

Она отстраняется, и я, подавив неуместный смешок, пытаюсь исправиться:

- Кхм... то есть не у вас, конечно, а там... – я тычу в стекло. – Не закрыты закрылки.

Для наглядности я пару раз взмахиваю кистями рук.

– Не задвинуты, – добавляю, окончательно смутившись. – Пилот забыл закрыть.

Тут до неё доходит, и, дивясь скудоумию клиентуры, она терпеливо увещевает меня, заверяя, что полёт протекает нормально и нет никаких причин для беспокойства. Она говорит, что их авиакомпания функционирует в соответствии с наисовременнейшими стандартами безопасности, их техобслуживание самое что ни на есть прогрессивное, а уж профессионализм пилотов... для подкрепления своих слов она демонстрирует незаурядные мимические способности. А я, собравшись с мыслями, втолковываю ей, что я инженер-авиаконструктор и знаю, о чём говорю, хотя после махания крылышками, поверить в это довольно сложно.

– Поймите правильно, – примирительно произношу я, уже жалея, что ввязался, – закрылки не критичны для этой вашей безопасности, разве что расход топлива...

После ключевого слова «безопасность» она принимается успокаивать меня с удвоенным усердием. Спор затягивается, бабулька негодует, пассажиры ёрзают, озираются.

– Хорошо, спасибо, немедленно доложу о вашем... эм... наблюдении, – поджав губы, стюардесса удаляется в сторону рубки.

Бабулька глядит победоносно, будто после этой выходки меня высадят прямо здесь. Тем не менее закрылки почти сразу задвигаются и появляется Мисс Грэйс.

– Вы оказались правы, – говорит она слегка сконфуженно. – Пилот хочет отблагодарить вас.

Она снова уходит и возвращается, неся поднос с бутылкой шампанского. Я польщён. Однако благоразумие подсказывает, что алкоголь поверх травы за час до начала рабочего дня будет явно лишним. Но и отказываться от красивого жеста тоже неловко.

– Дело в том... Понимаете, я сейчас никак не могу... Хотя... – мне, наконец, удаётся найти решение. – Передайте это во-он той даме, – киваю на блюстительницу авиационных правил. – И ещё бокал для её спутницы, пожалуйста.

Так, с самолётами разобрались, с женщинами, кажется, тоже, теперь ближе к телу. Мы обсуждали взаимосвязь между гармонией и алгеброй и их влияние на нашу

судьбу. Атеросклероз – закупорка сердечных сосудов является основным фактором риска возникновения инфаркта миокарда. К концу двадцатого века атеросклероз становится первой причиной смертности в западном мире, и, судя по всему, этот показатель будет только расти с увеличением продолжительности жизни.

Последние десятилетия основное количество копий в медицине ломаются на подступах именно к этому вопросу. Реки финансовых ресурсов изливаются на всевозможные исследования, и полчища специалистов ежедневно идут на штурм этой цитадели. Я в передовых рядах этого движения: разрабатываю аппаратуру для диагностики и лечения сердечно-сосудистых заболеваний, и большинству из нас предстоит оказаться на операционном столе, оснащённом моими приборами, если не посчастливится загнаться раньше по какой-либо глупой случайности.

Считается, что сосуды начинают закупориваться с момента рождения, но, полагаю, дела обстоят даже хуже: наши сосуды закупориваются ещё в утробе. Едва у зародыша появляется кровеносная система, – всё, как у взрослых – сосуды начинают закупориваться.

А тем временем всякие очковтиратели внушают нам: не ешьте холестерин, не курите и неустанно занимайтесь спортом. И в чём-то они, несомненно, правы. Но, во-первых, по сей день никто достоверно не знает, от чего этот самый атеросклероз возникает и как развивается. А во-вторых, даже если вы соблюдаете все указания и, кроме того, печётесь о диете, регулярно прочищаете чакры и постоянно находитесь в полной моральной, душевной и физической гармонии так или иначе сосуды неумолимо закупориваются. Впрочем, вероятно, несколько медленнее. И, очень постаравшись, возможно, удастся отсрочить свидание с тем самым операционным столом, на который вы всё равно попадёте. Если, конечно, вовремя доведут.

...Самолёт начал снижаться, выдвинулись обратно закрылки, и вновь зажглись лампочки, требующие пристегнуться. Раздалось слаженное щёлканье. Старушенции, выхлебав шампанское и не на шутку раздухарившись, перешёптываются, хихикают и делают мне ручкой. В иллюминаторе – утопающие в зелени окраины Сан-Хосе⁶, увитые причудливым переплетением автомагистралей. Лайнер делает широкую дугу, и вдали сквозь дымку утреннего тумана искрится бирюзовой гладью залив Сан-Франциско.

Далее, о свиданиях со столом. Предположим, пациента благополучно довели. Залитая светом софитов операционная сияет стерильной чистотой,

---

⁶ Сан-Хосе – самоназванная столица Силиконовой долины.

перемигиваются индикаторами приборы и суетятся расторопные медсёстры. Может показаться, что непосредственным лечением будет заниматься вон тот улыбчивый или хмурый, или мудрый и опытный учёный эскулап. Но, увы, врач всё больше становится декорацией и лицом, несущим юридическую ответственность.

Уже сегодня роль медика во многом сводится к обслуживанию машины. Разумеется, плохой врач может неверно эксплуатировать оборудование. Но хороший в лучшем случае правильно использует инструмент, данный ему инженером. И улыбается, говорит вкрадчивым голосом либо наоборот, сильным и уверенным, создавая иллюзию, что нас лечит человек, которому мы безразличны. Но, по сути, это ширма, красивый обман, чтобы было легче смириться с тем, что наше здоровье, а может и жизнь, в этот страшный момент зависят от компьютера.

В аэропорту покупаю кофе, включаю мобильник и слышу звук входящего сообщения. «Проверю потом», – решаю я, выхожу из здания, сажусь в такси. Звонок. Я отхлёбываю, чтобы не расплескать, и опять достаю телефон:

- Илья, это Ариэль. Я тебя ищу, почему не отвечаешь?
- Ариэль, я был в самолёте.
- И что?!
- Пожилые женщины требовали...
- Причём тут женщины? Ты вообще где? Почему тебя ещё нет?
- В такси. Буду через пятнадцать минут.
- Поспеш, я жду.

Возвращаясь к науке и красоте. Естественно, всеобщая компьютеризация происходит не только в медицине. Технологический прогресс проникает во все слои нашего повседневного существования, определяя образ жизни, быт и досуг. А культура и её венец – искусство, как стремление к духовной красоте, которую имел в виду Достоевский, не более, чем надстройка на здании науки и техники. Милая сердцу отдушина, сквозь которую видно небо, но всё же надстройка, пентхаус на крыше громадного небоскрёба цивилизации. И хотя прекраснодушные мечтатели могут возразить, что всё здание строится именно ради этой мансарды, едва ли это так. Ведь небо видно одинаково хорошо и с земли, и со сто пятьдесят пятого этажа.

Да я бы и сам хотел согласиться с Фёдором Михайловичем, но вот смотрю на небоскрёб и на мансарду, соизмеряю масштабы, и вывод очевиден: как ни прискорбно, приходится признать, что тенденция безостановочного наращивания новых ярусов не имеет никакого отношения к стремлению приблизиться к небу. И единственная цель строительства этой колоссальной конструкции – возвыситься над окружающим ландшафтом.

Расплатившись, вхожу в здание, вызываю лифт. Конопля почти выветрилась, я полон сил и готов к действию. Сейчас мы будем строить верхний этаж, самый близкий к мансарде, ну и как бы к небу.

* * *

Стеклянная дверь. Наклейка. Из комнаты в конце коридора с непринуждённой грацией молодого гиппопотама выскочил Ариэль.

– Добро пожаловать в компанию BioSpectrum! – он стиснул и потряс мою ладонь. – Сначала поговорим, потом всё тебе покажу.

Ариэль посторонился, указывая в направлении кабинета. Из-за его спины появилась девушка с короткими, высветленными до белизны, волосами и очками с тонкой оправой. Прошмыгнув между нами, она сдержанно улыбнулась, но в брошенном вскользь взгляде мелькнуло что-то лукавое.

– Садись. – Ариэль проследовал на своё место. – Первым делом условимся о времени прибытия на работу.

– Конечно, когда вы хотите, чтобы я приходил?

– В принципе... – он поскрёб иссиня-выбритуку скулу. – Мне неважно. Преимущественно ты будешь работать один, поэтому можешь выбрать удобные для себя часы. Главное, чтобы всё было согласовано и организовано на профессиональном уровне.

– Хорошо, я прикинул с полётами... давайте в одиннадцать.

– Одиннадцать? Великолепно. Люблю решать всё исходя из обоюдного понимания и согласия. Таким образом, будет легко придерживаться договорённостей и не придётся снова возвращаться к одним и тем же вопросам.

Он помолчал, собираясь с мыслями.

– Итак, к делу, – я подготовил материалы по ультразвуку, датчикам и обработке сигналов, – он бухнул на стол изрядную кипу бумаг. – Это последние публикации. Ещё несколько статей на флешке, – Ариэль выдрал диск из USB-порта. – Распечатаешь потом.

– О'кей.

– Флешка твоя. Подарок.

Я кивнул.

- Там книги и парочка учебников на случай, если надо освежить знания.
- Хорошо, начну со статей, а потом...
- Прекрасно, если что-то неясно – приходи, спрашивай. Нет смысла терять время на мелочи и условности, я всегда рад помочь.
- Спасибо.
- Замечательно... Так... – он энергично потёр ладони. – Что ещё? А, вот... Сегодня не успел, но завтра сделаю доступ к университетской электронной библиотеке. Или у тебя остался?
- Нет, спустя года два они таки собрались с мыслями и прикрыли.
- Понятно, тогда пробью по своим каналам, – Ариэль заговорщицки ухмыльнулся и хлопнул по крышке стола. – Великолепно. Идём, покажу твоё временное место, на днях организуем что-нибудь попрличней.

В конце коридора три двери: направо кабинет начальника, налево комната с железными столами, заставленными аппаратурой. Ариэль махнул на среднюю. Мы вошли. Двое работников фирмы BioSpectrum подняли головы и взглянули на меня, потом на него.

- Это Геннадий – ответственный за механику и электронику.

Ариэль указал на мужчину лет шестидесяти в очках типа гомо советикус.

- Стив – интеграция, эксперименты, контакты с субподрядчиками.

Высокий худощавый парень улыбнулся и приветливо кивнул.

- Илья – инженер всего чего ни попадя и космоса.

Мы обменялись рукопожатиями.

- Геннадий, тебе нужен сегодня компьютер? – бросил Ариэль и, не дожидаясь, продолжил: – Мы им воспользуемся.

Геннадий закрыл браузер, свернул окно электронной почты и отодвинулся на другой конец стола, где оборудована компактная мастерская. Аккуратно развешаны инструменты, под рукой – разогретый паяльник, стеллажи ячеек для мелких деталей и увеличительное стекло с подсветкой на шарнирном штативе.

Я сижу у открытой двери в коридор, за спиной Стив перебирает таблицы, разграфлённые на цветные блоки. Периодически делает звонки по телефону, говорит лаконично, внимательно слушает ответы, благодарит, прощается и

возвращается к таблицам.

Внезапно в проёме материализуется могучая фигура Ариэля:

– Илья, всё в порядке? – он требовательно смотрит на меня сверху вниз.

Стив и Геннадий оборачиваются.

– Да, всё о'кей.
– Что ты делаешь?

«В каком смысле?» Я слегка теряюсь.

– Я читаю.
– Великолепно, если что неясно – не стесняйся.

Он хлопает меня по плечу и выходит. Все возвращаются к прерванной деятельности. Через пару минут Ариэль снова на пороге:

– Илья, тебе нужно в туалет?

Стив оборачивается, Геннадий продолжает паять.

– Уборная рядом с лифтом. Идём.

У входа дощечка, в неё вбит гвоздь, на нём ключ.

– Не забывай вешать на место, это стратегический ресурс.

Хохотнув, Ариэль снимает ключ и выходит. Я возвращаюсь в комнату. Полностью освоить научные статьи с первого раза практически невозможно, тем более в таком количестве. Я внимательно читаю аннотацию и введение. Полистав теорию и присмотревшись к графикам, перехожу прямым ходом к выводам и заключению.

Девочка лет четырёх корчит мне с десктопа смешную рожицу.

– Ваша внучка? – обращаюсь я к Геннадию.
– Да, они с дочкой живут в Сакраменто.

Вдумчиво помолчав, он задаёт обязательный в такой ситуации вопрос:

- Вы откуда?
- Из Минска.
- А-а-а... – он многозначительно кивает.

У меня, конечно, тоже есть устоявшиеся ассоциации, связанные с названиями крупных городов нерушимого союза свободных республик и некими характерными чертами их обитателей, но что думает человек, слыша это моё «из Минска», я не очень себе представляю. Однако ритуал требует завершения, и я продолжаю ещё более банально:

- А вы?
- Из Москвы.

Знакомство состоялось. Удовлетворённые содержательным диалогом, мы возвращаемся к своим делам. Геннадий что-то неторопливо подтачивает и паяет. Добротнo и с удовольствием. Закончив использовать очередной инструмент, кладёт на место и рассматривает полученный результат сквозь линзу увеличительного стекла. Стив всё так же сосредоточенно ковыряется в таблицах.

С треском распахивается дверь, и появляется Ариэль:

- Илья, что ты делаешь?
- Читаю.
- Что читаешь?
- Статьи.

«Какого чёрта? Он дал статьи, сказал читать – я читаю».

- Вы дали мне книги и статьи, я читаю.
- Превосходно. Всё понимаешь?
- Более или менее...
- Есть вопросы?
- Нет, я тут как раз посередине... – я делаю неопределённый жест. – Ещё не сложилась общая картина.
- Если что непонятно – моя дверь всегда открыта.

Ариэль выходит, ныряет в кабинет и захлопывает дверь. Из-за стены почти сразу доносятся длинные гудки, голос в спикере, звук срываемой трубки и напористый бубнёж. Выждав немного, Стив оборачивается:

- Не обращай внимания, он всегда такой... на первых порах.

Прошёл день, работники разошлись. Я, уже порядком опухший мозгами, продираюсь сквозь дебри очередной публикации. В который раз врывается Ариэль:

- Что делаешь? Читаешь? Как идёт?
- Я...
- Нет времени, в другой раз. Когда собираешься прибыть на работу?
- В одиннадцать.
- Одиннадцать? Великолепно! До завтра.

В начале девятого я собрался и вызвал такси. В аэропорту наспех перекусил китайскими куриными ножками. Напряжение неохотно отступало, сменяясь заторможенностью и приятным оцепенением.

Проснувшись во время приземления, минуя охранников, турникеты, стеклянный павильон, лабиринт парковки, и вот я в своей машине. Вечерние улицы проплывают за окном под фортепианный джаз. Сейчас дом, душ и постель.

Глава 3

Главным врагом искусства является хороший вкус.

Марсель Дюшан

Шаря в поисках будильника, проклиная повседневную реальность, продолжающую радовать свежими переживаниями. Любовь к ранним пробудкам никогда не была мне свойственна, а вставать по часам и вовсе давненько не доводилось. Хочется вырубить адское изобретение, повернуться на другой бок и завалиться спать дальше. Зарывшись в одеяло, наслаждаюсь последними сладкими мгновениями. Впереди – дорога, утренний бриз, солёный воздух, стекло и металл терминала и Bombardier с закрылками, небо в клочьях ватных облаков, гладкая поверхность океана и новый начальник Ариэль.

После часового перелёта лайнер заходит на посадку, раздаётся звонок телефона, и пассажиры озираются. Взгляд на экран. Так и есть: «Ариэль», – произношу я вслух, будто выигрывая у себя безмолвный спор, и спешно выключаю мобильник.

По прибытии я, как большой, самостоятельно минуя дверь с наклейкой, пользуясь магнитной картой с логотипом и стилизованной надписью BioSpectrum. Из застеклённой комнаты выплывает высокая стройная женщина с длинными волосами.

– Привет, я Кимберли, – она протягивает руку, – административный директор компании.

Административный директор (в простонародье – секретарша), сияя образцовой улыбкой, приглашает уладить бюрократические формальности. В конце коридора появляется Ариэль:

- Который сейчас час? – требовательно вопрошает он вместо приветствия.
- Одиннадцать десять.
- Необходимо поговорить, идём в кабинет.

В узком коридоре нам троим вкупе с внушительным бюстом административного директора довольно тесно, и, будучи зажатым между начальником и секретаршей, я чувствую себя несколько неловко. Кимберли переводит прицел своей улыбки на Ариэля, вкрадчиво мурлычет пару слов, и тот ретируется.

Улаживание формальностей в исполнении Кимберли оказывается процессом

стремительным и неудержимым. Насилу успеваю следить за её действиями, я кивал и расписывался, где требовалось. Ей было лет сорок, но выглядела она молодожаво и подтянуто. Упругая кожа без единой морщинки, холёные ногти, ни щербинки, ни царапинки. Мулатка, безупречностью вида напоминающая дизайн фирмы Apple.

- О, наконец-то! У нас масса работы, – взбудоражился Ариэль, когда я постучался.
- Но прежде – во сколько ты прибыл?
- В начале двенадцатого.
- Мы договорились на одиннадцать.
- Да... Пришлось ждать такси, потом пробки...
- Постарайся впредь не опаздывать. Теперь к делу: я организовал доступ в библио... Кстати, – он вскочил, – жди здесь.

Исчезнув, он в очередной раз оставил меня в лёгком недоумении.

- Держи! – вернувшись, Ариэль протянул ноутбук. – Не новый, но на первых порах сгодится.

Вслед за начальником семенил щуплый азиат с курчавым хвостиком под лысой макушкой.

- ...практически всё почистил, – он бочком протиснулся внутрь, – только вот...
- Потом, – отмахнулся Ариэль. – Когда придёт стационарный компьютер?
- Утром ещё раз звонил, обещали...
- Кстати, – снова перебил его Ариэль, – это Тим Чи, знакомься.

Я встал и протянул руку. Ответив вялым пожатием, Тим помедлил, переминаясь с ноги на ногу, и пошёл восвояси.

- Подыщи себе новый, проверь, посоветуйся... – тем временем продолжал Ариэль.
- И без ложной скромности – бери лучший. Так, что ещё? Чем занимаешься?
- Читаю статьи, – отчеканил я.
- Великолепно! У меня всё. Увидимся позже.

* * *

Около полудня Стив позвал всех обедать, и вскоре наша небольшая компания собралась у лифта. По дороге мы познакомились. Вчерашнюю загадочно улыбающуюся девушку с короткими волосами звали Ирис. На вид ей было лет двадцать восемь. Она сдержанна и предупредительна. Девочка, которая своими пальчиками ничего не трогает. Но может.

- В округе имеется широкий выбор кафе и ресторанов, – с интонацией гида произнесла Ирис, когда мы вышли из здания.
- Я хочу в Black, – капризно потребовала русская девица кукольной наружности. – Давайте в Black.

По её тону сразу стали ясны две вещи: во-первых, ни в какой Black никто не пойдёт, и ей это заведомо известно; а во-вторых, отчётливо вырисовался характерный, легко узнаваемый типаж, определение которого мне никогда не удавалось выразить словами, но почему-то стойко ассоциировавшийся с именем Марина.

- Меня зовут Татьяна, – гордо заявила она, выговаривая своё имя на американский лад. – Я студентка третьего курса факультета биомедицины.

Студентка третьего курса обладала русыми кудрями и васильковым взглядом, незамутнённым чрезмерным интеллектом. Несимметричный румянец и перманентное состояние лёгкого шока гармонично довершали классический образ.

- Арик рассказывал о тебе, – задала тему Ирис, когда мы собрались за столом ближайшей кафешки. – Четыре учёных степени, как так вышло?
- Да как-то... – начал я.
- Вау... – Таня уставилась на меня с неподдельной тревогой. – Зачем? У тебя вообще оставалось время на жизнь?
- Оставалось, – я улыбнулся. – Когда приходишь на второй факультет...
- А оценки? – продолжала допытываться она.

Так... на собеседование у любознательной Тани-Марины я не рассчитывал.

- Оценки? А что такое оценки? – я выпучил глаза и пристально взглянул на неё.
- Ай, да ну вас... – оглянувшись на Стива, насупилась Таня. – Нет, я всё же не понимаю, зачем это надо?
- Преимущественно чтобы хвастаться, какой я умный.

Ответ понравился, лёд первой отчуждённости треснул. Я почувствовал, что пора слезать со сцены, и передал эстафету Ирис. Оказалось, что она заканчивает магистратуру по управлению медицинскими системами – близится время подбирать хвосты и писать диплом. Потом Татьяна вторично продекларировала намертво вызубренную формулировку, суммирующую её небогатую профессиональную биографию. Геннадий ел, поглядывая на собравшихся, как, должно быть, смотрел на друзей своей внучки. Когда очередь дошла до Стива, тот со странной усмешкой сообщил, что он программист, что пришёл в BioSpectrum чуть больше года назад и

был первым работником фирмы.

- погоди, а когда ты закончил учиться? – удивился я, прикинув, что он вряд ли значительно младше меня.
- Лет пять назад.
- Ты ж сказал, что это первая работа, чем же ты занимался?

Стив неопределённо развёл руками, но тут проснулся мой телефон.

- Алло?
- Ты где?
- Обедаю... вместе со всеми.

Стив переглянулся с Ирис. «Ариэль», – прошептал он одними губами.

- Зайди сразу, как вернёшься.
- Хорошо.

Я вопросительно посмотрел на Стива, потом на Ирис и снова на Стива. Они выглядели как парочка сообщников, ловко обтяпавших очередное дельце.

- Я что-то не понимаю. Может, объясните, зачем он так часто звонит?
- Не парься, – отозвался Стив, сдерживая улыбку. – Постепенно пройдёт.
- Ты бы видел, как он мучал Тима! – рассмеялась Ирис.

Таня-Марина тоже захихикала, но как-то невпопад.

- Так с каждым новым работником, – продолжал Стив. – До тебя был Тим, и Ариэль не слезал с него больше полугода, а вначале то же было со мной.
- Зато теперь он сможет вздохнуть спокойно, – веселилась Ирис. – Твоё появление для Тима просто праздник!

Стало быть, вот что означала вчерашняя улыбочка, – ожидается новый аттракцион. Я задумался, а Стив с Ирис принялись наперебой рассказывать курьёзы, связанные с нашим начальником.

* * *

Когда я вернулся, шеф разговаривал по телефону. Я отправился заваривать кофе в маленьком закутке, где имелись микроволновка и миниатюрный холодильник. Только я разобрался, что там и как, на пороге возник Ариэль.

– Идём, – выпалил он, развернулся и вышел.

Я взял чашку и последовал за ним. Шли мы недолго – шага три по коридору и пришли в соседнюю комнату.

– Это наша лаборатория, – гордо объявил Ариэль, обводя широким жестом свои владения. – Это Таня – работница лаборатории.

«Работница» сидела у покрытого листовой нержавеющей стола, рядом – аквариум и робот-манипулятор с длинным механическим щупом.

– Здесь калибруются преобразователи, – пояснил Ариэль.

Робот коротко зажужжал, совершил микроскопическое движение и затих. Татьяна вгляделась в табло и занесла несколько чисел в таблицу, затем переключила тумблер, вновь раздалось жужжание, и по воде пробежали едва заметные круги.

– На дне – преобразователь, над ним движется датчик, измеряющий интенсивность ультразвукового поля⁷, – продолжал Ариэль. – Таким образом составляется трёхмерная карта, её качество обусловлено высокой плотностью сетки и сверхточной локализацией...

– Да-да, я в курсе, – вклинился я, улучив момент, когда его речевой напор слегка ослаб. – Нечто подобное я уже видел.

– Великолепно, тогда займёмся сенсорами. – Ариэль хлопнул в ладоши и потёр руки. – Тим! Где Тим? Сейчас я его...

Он приволок Тима Чи, распорядился подготовить лабораторную демонстрацию и велел поспешить. Тим кивнул и удалился.

– И разморозь какую-нибудь артерию, – прокричал Ариэль вдогонку. – Я хочу, чтобы всё было по-настоящему!

Шеф углубился в описание своего детища. Рассказ кишел совершенно непригодными названиями композитных материалов. Я пытался уследить за основной идеей, с грехом пополам продираясь сквозь дебри излишних подробностей. В ближайшее время меня будут интересовать не тонкости строения сенсоров, а их рабочие характеристики.

---

⁷ Ультразвук, в отличие от слышимого диапазона звуков, плохо распространяется в воздухе. В качестве медиума для ультразвуковых волн часто используется вода, близкая по акустическим свойствам к живой ткани.

– На деле всё гораздо сложнее, но мы ещё обстоятельно к этому вернёмся, – обнадёжил Ариэль. – А пока обсудим абсорбирующие элементы, которые гасят остаточные колебания. Тут важно не только само вещество, а также крепление, клей, толщина и прочее.

– Кстати, а какова толщина излучателя? – спросил я, почувствовав, что слишком долго никак не проявляю своё внимание.

– Типичные размеры...

Пока Ариэль в новом приливе энтузиазма фонтанирует ничего не говорящими мне терминами, а Тим Чи собирает систему для предстоящей демонстрации, я в двух словах расскажу об ультразвуке.

Ультразвуковая система, как и аудиосистема, состоит из трёх основных компонентов: источника, усилителя и колонок. Функцию источника исполняет генератор-приёмник, а ультразвуковой преобразователь (или просто сенсор) заменяет одновременно колонки и микрофон. То есть он сперва генерирует акустическое колебание, а затем ловит возвращённое эхо.

– В целом уже сегодня наши сенсоры демонстрируют удовлетворительные характеристики. Остаётся одна загадка: почему при спектральном анализе фигурируют три преобладающих группы частот? – Ариэль бросился в кабинет и принёс кипу графиков. – Смотри, вот основная частота, а вот ещё две – невесть откуда.

Я сосредоточился. Представлялся шанс себя проявить. Множественность разнообразных факторов, влияющих на распределение частот, предоставляла широкий простор для импровизации. Оставалось найти нечто наглядное. В поисках зацепки я судорожно перелистывал диаграммы. Дойдя до конца, разложил их, частично совместив графики с похожими очертаниями. Так, различные виды композитных материалов. Что ещё? Крепления, абсорбирующая прослойка, размеры... Не то, не то. Хотя... стоп.

– А-а... вы не думали, что это из-за размеров? – проронил я.

– Размеров? – Ариэль осёкся. – Каких размеров?

– Из-за размеров сенсоров.

Он тоже склонился над столом.

– Три вида частот могут возникать из-за геометрических размеров, – уже уверенней, с расстановкой продолжил я. – Сенсор – не идеальная струна, а

трёхмерный объект. Низкие, сильно выраженные частоты порождаются колебаниями вдоль основной оси, а более слабые...

– А высокие – вдоль двух других, – подхватил Ариэль. – Тогда их соотношение должно соответствовать пропорции размеров.

– Вероятно... не обязательно линейно, но как-то соотноситься они должны.

– Тим, что скажешь?

– Я не физик, – поспешил самоустраниться Тим.

– Стив! – заорал Ариэль.

Выждав пару секунд, он метнулся в соседнюю комнату.

– Звучит логично, – дослушав, согласился Стив, – но надо бы проверить.

– Великолепно, – резюмировал Ариэль. – Тим, у тебя готово?

– Почти, ещё кое-что... – протянул Тим, ковыряясь в программном коде.

Ариэль окинул нас удовлетворённым взглядом и ушёл. Стив принялся проверять калибровку, а я подсел к Тиму и стал вникать в премудрости работы с аппаратурой.

Разобравшись с подсоединениями, мы подключили сенсор. Тим закрепил в тонких алюминиевых зажимах артерию и приладил к ней кусочек куриной грудки, которая по акустическим свойствам схожа с человеческой мышечной тканью и в нашем случае симулирует стенку сердца.

Тим со знанием дела комментировал измерения. Он был нарочито аккуратен и внимателен к деталям. Чувствовалось, что несмотря на отказ обсуждать физические аспекты, он неплохо разбирался и в сенсорах, и в их строении.

После эксперимента меня ждало чтение статей, потом такси и аэропорт. По пути позвонил Ире, и мы договорились встретиться.

Отворив, она на мгновение застыла на пороге.

– Полюбуйся, это мой новый друг, – я хлопнул по чехлу ноутбука.

Она шагнула ко мне и осторожно обняла. Я почувствовал её пальцы на плечах и лопатках. Настроение мгновенно сменилось, напряжение отхлынуло, по телу пробежали мурашки. Высвободившись, я скинул ноутбук и увлёк её в спальню.

* * *

Приподнявшись на локте и жестикулируя свободной рукой, я взахлёб делился

впечатлениями.

- Ты теперь прям добытчик... Летаешь куда-то на заработки...
- Сейчас я тебе покажу – добытчик! – набросив одеяло, я сгрёб хохочущую и брыкающуюся пленницу в объятия. – Слушай лучше, этот Ариэль совершенно ненормальный. Его распирает. Он носится туда-сюда по офису, хотя там особо не побегаешь – всё помещение метров семь на десять от силы. А ещё он постоянно звонит... неясно зачем.
- Может, ему одиноко? – в её голосе звучала тёплая ирония, с какой выслушиваются истории первоклассников о первом сентября.
- Да нет... он мне в принципе нравится. Конечно, его малость заносит, а кого в хай-теке⁸ не заносит? Тем более в стартапе⁹...

Я ненадолго задумался.

- С этими полётами я чувствую себя космонавтом. Мне нужна, как это... декомпрессия.

Обрадовавшись найденному слову, я вскочил, изображая невероятное давление, сжимающее мою бедную голову.

- Надо потребовать, чтобы мне установили декомпрессионную камеру.
- Ты так долго не выдержишь.
- Well, darling...¹⁰ а какие варианты? Пока так. Или давай перебираться в Сан-Хосе.

Она укоризненно взглянула на меня.

- А можно в Сан-Франциско. Цветные трамваи, тенистые улочки... – размахивая руками, я рисовал в воздухе сказочные картины, – ...и твой любимый Тихий океан. Тот же самый, что и тут. Отличный город – летние туманы, Русские холмы, огромные парки...
- Илья, ты же знаешь...
- Видишь... – я лёг обратно. – Во Фриско мы не хотим, так что придётся летать.

Спохватившись, я заметил, что Ира выглядит усталой и продолжает слушать лишь потому, что я никак не могу успокоиться и прекратить тарыхтеть. Я сослался на то,

---

⁸ High-tech – высокие технологии. Наукоёмкие отрасли промышленности, часто включающие в себя электронику и робототехнику.

⁹ Startup – начинающая хай-тек-компания. Особенности: инновационность, общность целей и чувство значимости каждого сотрудника; мизерные шансы на успех, но и колоссальная прибыль в случае реализации.

¹⁰ Well, darling... – Ох, дорогая...

что нам обоим рано вставать, и отправился домой.

Ночевать у Иры было нельзя. Она получала пособие как мать-одиночка. Год назад к ней нагрянули с проверкой и нашли боксеры. Боксеры были признаны мужскими. Сколько она не объясняла, что занимается в них спортом, ей так и не поверили и прекратили выплаты. В итоге бесчисленных прошений и апелляций пособие всё-таки вернули спустя три долгих месяца.

Оттягивая возвращение в пустое жилище, я поехал вдоль набережной и чуть не врезался в грузовик, вылетевший на встречную полосу. Для одного дня эмоций было более чем достаточно, и я свернул в сторону своего района.

Глава 4

Подчинённый пред лицом начальствующим должен иметь вид лихой и придурковатый, дабы не смущать оное разумением своим.

Пётр I

Сегодня я продвинутый пассажир воздушного транспорта – заранее выключаю телефон, своевременно пристёгиваюсь и отстёгиваюсь, с ходу нахожу свободное такси. С опозданием в две минуты вбегаю в вестибюль, бросаюсь к лифтам и, обнаружив, что обе кабины на верхних этажах, не сбавляя темпа, кидаюсь к лестнице, взлетаю на второй этаж и перехожу на шаг, выравнивая дыхание.

Ариэль в коридоре разговаривает с Кимберли. Поздоровавшись, задерживаю на нём вопросительный взгляд. Комментариев не последовало. «Великолепно!» – я отмечаю, что начал мысленно употреблять любимое словечко моего шефа.

- Как успехи? – в комнату заглядывает Ариэль.
- Всё хорошо.
- В котором часу ты прибыл?
- В одиннадцать ноль-пять.
- Одиннадцать ноль-пять и одиннадцать ноль-ноль – две совершенно разные временные точки. Ты как учёный должен это понимать.
- Я понимаю.
- Вот и отлично. Надо обсудить пару моментов.

Он развернулся и вышел. Я проследовал в кабинет.

- Я поразмыслил над вчерашней гипотезой, и очень может быть, что ты действительно прав. Необходимо в этом удостовериться. Посоветуйся со Стивом, спланируйте опыт и установите, так это или нет.
- Хорошо, я уже обдумал несколько вариантов.
- Замечательно, представьте детальный протокол. Дальше, чем ты занимаешься?
- Статьями. Я дочитал те, что вы выдали, и распечатал те, которые на диске.
- Это уже неактуально. Займись пока предстоящим экспериментом и выбором лэптопа и, смотри, не затягивай. Всё, жду подробный отчёт.

Стив был уже в курсе, и мы быстро договорились. После обеда отправились к Ариэлю.

- Приступайте, – задав пару уточняющих вопросов, Ариэль припечатал ладонью

листы. – Стив, измерения скинешь на Таню. Илья, когда будут результаты, произведёшь анализ и составите доклад.

Вернувшись, я отложил внезапно обесценившиеся статьи и погрузился в поиски ноутбука, длившиеся, впрочем, считанные минуты. Гонимый неуёмной жаждой деятельности, на пороге возник Ариэль.

– Пора переселяться, – объявил он. – За мной!

Между застеклённым «террариумом», где обитает Кимберли, и кабинетом начальника находилось помещение для совещаний.

– Ты будешь сидеть тут, – провозгласил шеф, окидывая хозяйским взглядом расчищенный кусок стола, занимавшего практически всё пространство.

На дальнем конце стола над корпусом разобранного компьютера склонился Тим Чи. Получалось, что я сижу у самого входа, спиной к двери – то есть мои экраны будут видны из коридора, что не слишком приятно. И вообще, как можно работать за одним столом, лицом друг к другу?

Остаток дня я занимался сенсорами и ноутбуком: копался в спецификациях, сравнивал характеристики. По дороге в аэропорт обнаружил, что забыл врубить мобильник с прошлого полёта.

– Илья, это Ариэль! – звенел по-утреннему бодрый голос в автоответчике. – Ты где? Сообщи, в котором часу намереваешься прибыть на работу.

* * *

Солнечное утро, в небе ни облачка, на дорогах мало машин, и я быстро добираюсь до аэропорта. На парковке, каким-то чудом, свободное место прямо у входа. Перекусив, я задремал во время полёта. По утрам с лёгкого недосыпа снятся быстрые красочные сны.

Когда-то ради этих снов я таскался на утренние лекции. Мой друг заходил за мной, будил, и я шёл за ним к свету и к знанию. В аудитории мы направлялись напрямиком к заднему ряду. Я клал локти на спинку переднего кресла, пристраивал голову на скрещённых руках и проваливался в ватную дрему. Бубнёж лектора постепенно трансформировался, слова причудливо переплетались, приобретая прихотливые окраски и формы. Калейдоскоп образов преображался, расцветал узорами. Потом товарищ тряс меня за плечо, вытаскивал проветриться на солнышке, и я

возвращался досыпать вторую половину пары.

Авиалайнер вздрогнул, касаясь земли. Из таких снов выныриваешь свежим и взбудораженным. В терминале я первым делом проверил время – приземлились на десять минут раньше расписания. Сегодня Ариэль будет мной доволен. Сегодня я, как пай-мальчик, прибуду вовремя. Даже с запасом.

Войдя, шествую напрямиком к кабинету – дверь открыта, и я заглядываю внутрь.

- Доброе утро, Ариэль!
- Привет... Привет... – рассеянно бормочет он.

Я жду, когда он обратит внимание на время, но шеф чем-то увлечён... или озабочен. Изображения на экране не видно. Помедлив, разворачиваюсь, иду к себе.

- Илья! – окриком останавливает меня Ариэль. – Зайди, пожалуйста.

Я вошёл, подвинул стул, сел.

- Закрой, пожалуйста, дверь.

Я встал, отодвинул стул, затворил дверь, вернул стул на место и снова сел.

- Я всё ещё раз взвесил... – произнёс Ариэль, собираясь с мыслями. – Так дело не пойдёт. Твои приходы...
- Но я пришёл вовремя! – возмутился я.
- Да-да... – Ариэль покосился в угол экрана. – Это хорошо. Очень хорошо.
- Так в чём же...
- Дело совсем не в том... – Ариэль скорбно нахмурил лоб. – Ситуация гораздо серьезней. С прибытием в одиннадцать пора заканчивать. Мы солидная контора и должны соответствовать общепринятым нормам. Рабочий день начинается в девять утра. Это азбука организации. Я сам беру обязательство приходить не позже полдесятого.

Ариэль строго уставился на меня. Я обречённо ждал продолжения.

- Вот, смотри, Тим, с которым тебе во многом сотрудничать, приходит в девять. Стив вообще в семь утра.

Интересно, с какой стати я должен продираться ни свет ни заря из-за того, что Стиву взбренило решать проблему дорожного трафика за счёт поездок до начала

утреннего часа пик?

- Вы команда. Нет, мы команда! – продолжал городить Ариэль. – И должны быть готовы в любую минуту прийти друг другу на выручку. А сейчас он приезжает в семь, а ты только в одиннадцать, потом вы отправляетесь на обед...
- Но я летаю из Лос-Анджелеса! – запротестовал я.
- Мне очень жаль, но я вынужден просить тебя приходить хотя бы на час раньше.

Я помедлил и обречённо кивнул.

- Великолепно. Люблю решать вопросы ясно и чётко. В нашей компании у каждого есть возможность свободно распределять своё время. В принципе нет никаких надуманных ограничений. Каждый должен чувствовать себя как дома. Кстати, как это укладывается в расписание рейсов?
- Они раз в час, – вяло промямлил я.
- Превосходно. Десять утра начиная с завтрашнего дня. И смотри, не опаздывай.
- Завтра... эм... завтра я работаю дома.
- Ах, да. Точно. Значит, с понедельника.

Я встал, отодвинул стул и открыл дверь.

- А... вот ещё, почему ты оставил лэптоп в офисе?
- Потому что...

Потому что пока он мне нафиг не нужен, – всё больше раздражаясь, мысленно закончил я. И вообще, лучше бы сейчас оставить меня в покое.

- Нет, лэптоп должен быть с тобой всегда. Всегда! Лэптоп – это... – Он вперился в потолок, но, не найдя достаточно сильного эпитета, попробовал подойти к задаче под другим углом: – А если дома придёт важная мысль? Как тогда? Я, конечно, не настаиваю, чтобы, возвращаясь, ты каждый вечер садился за компьютер, но лэптоп должен быть постоянно под рукой.

Наука и техника круглые сутки! Отходить от рабочего станка категорически запрещается. Снимать корпоративные оковы – тоже.

- Ведь сегодня ты в любом случае его не оставишь? – Ариэль нацелился на меня с притворной подозрительностью.
- Нет конечно, – я едва сдержался. – Мне же на нём работать.

Ухмыльнувшись собственной плоской шутке, шеф приосанился.

– Великолепно. Кстати, составь план работы на завтра. – Он взглянул на мою вытянувшуюся физиономию. – Ничего грандиозного, черкни пару строк на почту. Хочу знать, чем ты занимаешься.

– О-о-о'кей.

Измочаленный, я приплёлся в комнату, уселся и на меня навалились накопленный недосып и усталость от изматывающих каждодневных полётов. Я потёр веки. Надо купить капли для глаз, чтоб не шастать здесь, как голодный вампир.

– Илья, как дела?! – неожиданно раздаётся у меня за спиной.

Я оборачиваюсь – прямо рядом, сверкая улыбкой и подбоченясь, словно разбитная колхозница, стоит Кимберли.

– Как ты себя чувствуешь? – она вальяжно прислоняется к дверному косяку, и я с досадой догадываюсь, что это вовсе не минутный разговор.

Что за назойливая непринуждённость?

– Эм... Спасибо.

– Что-то у тебя помятое лицо... – она вместе со всеми своими формами наклоняется надо мной и пристально присматривается. Формы оказываются на уровне моих глаз. – Знаешь, ты выглядишь как-то не очень. Ты хорошо спишь?

Она что, совсем офонарела?

– Понимаю-понимаю, бурная молодёжная жизнь, night fever, верно? – продолжает она, фамильярно подмигивая.

Выражение «night fever»¹¹ я всегда ненавидел, а тут ещё эта бесцеремонная административный директор, её выпирающие из декольте сиськи, и тесно – встать, не оперевшись в них, никак невозможно, – а где-то сзади и справа курочит компьютер Тим Чи.

– Послушайте, Кимберли...

– Можешь называть меня Ким, – промурлыкала офис-менеджер.

– Благодарю. Так вот, Кимберли, меня не интересуют дискотеки и наркотические препараты. Я увлекаюсь древнегреческой философией и творчеством

---

¹¹ Night fever – ночная лихорадка.

Достоевского.

- О-о, Достоевский! – она округляет губы на всех этих «о», будто все они ударные.
- Как интересно! Я в юности читала «Преступление и наказание».

На ум приходит адаптированное издание карманного формата, страниц эдак на двадцать. Но то, как легко она сметает мои фортификационные укрепления, окончательно выводит меня из равновесия, и в каком-то помутнении рассудка я произношу следующую фразу:

- А... вы помните, что студент сделал со старушкой?
- О да. Это ужасно! – как ни в чём не бывало отвечает Кимберли со всеми сопутствующими буквам «о» гримасами.

Приблизительно в таком духе продолжается терзание моей бедной и без того расшатанной всевозможными излишествами психики. Минут через пятнадцать, решив, что для первого раза вполне достаточно, Кимберли удаляется, удовлетворённая произведённым впечатлением.

* * *

- Вот ты где! – вскричал Ариэль, когда я появился на пороге кабинета, обнаружив в оставленном на столе телефоне три пропущенных звонка за время обеда.

Он рванул в комнату, набросился на Тима и потребовал немедленно ознакомить меня с программным кодом.

- Отправная точка – acquisition – модуль, ответственный за сбор исходных данных,
- начал Тим Чи, дождавшись пока шеф уgomонится, уйдёт и даст нам заняться делом. – Эквизишн включает в себя...

Он углубился в описания, скрупулёзные и обстоятельные, как и его код.

- Следующие модули – обработка и анализ.

Это уже интересней. Основным аспектом моей деятельности будет создание алгоритма, способного синтезировать из многомиллионных скоплений чисел сжатый и удобоваримый результат, одного взгляда на который достаточно для установления диагноза.

Насколько мне удалось понять из рассказов и недомолвок Ариэля, подходит к середине второй год существования компании – первоначальный бюджет

практически съеден и нужно продемонстрировать хоть какие-нибудь успехи, чтобы получить новые инвестиции. Проблема в том, что в сфере биомедицины для создания опытного образца требуется года три-четыре, а уж никак не полтора. И потому необходимо во что бы то ни стало срочно слепить, если не сам прототип, то некое его подобие.

Под вечер заглянул Харви и позвал подписать договор. С понедельника мы не пересекались, и я почти забыл о существовании директора. Оказалось, он занимает тот же прозрачный кабинет, где ютится Кимберли, уходящая раньше остальных. Неясно, как им удаётся работать вдвоём в таком тесном помещении.

Покончив с документами, я вернулся к себе и вспомнил про план. Что бы такое написать?.. И вообще, как это понимать? Опасается, что без его надзора я стану валять дурака? Или просто преувеличенная тяга к порядку? Но Ариэль же как-то обходится без этих планов, когда я в офисе... Хотя нет, тут он чуть что врывается и требует устный отчёт.

Я встряхнулся, решительно открыл электронную почту и настучал:

План работы на 15.05.2015

Затем с ходу вывел:

1. Чтение научных статей.

Ах, да... он же их отменил. Я стёр «чтение статей». Помедлил, осмотрелся. Чем же, действительно, я тут занимаюсь?

1. Выбор лэптопа. Сопоставление характеристик.

2. Ознакомление с кодом.

3. Анализ данных.

Вроде, нормально. Нажал Send, захлопнул ноутбук, закрыл офис, спустился и поймал такси. Сегодня я наконец-то выплусь.

Глава 5

Вдруг меня поразил сильный, знакомый, но в Германии редкий запах. Я остановился и увидел возле дороги небольшую грядку конопли. Её степной запах мгновенно напомнил мне родину и возбудил в душе страстную тоску по ней. Мне захотелось дышать русским воздухом, ходить по русской земле.

Иван Тургенев

Проснувшись около полудня, я совсем уж было собрался вставать и, лениво потягиваясь, наслаждался сознанием того, как плодотворно проходит первый рабочий день дома. И, несмотря на мелкие передрыги, всё понемногу налаживается, а вещи начинают занимать свои места. Мне вспомнилось, что впереди ещё трое суток без Ариэля с его причудами, я прикрыл глаза и снова задремал.

Очнувшись в четыре, я вскочил, озираясь в поисках пропавшей половины дня, и, наспех собравшись, отправился к Ире. Нужно было забрать Алекса и пересечься с её сестрой – той ещё стервой, – направляющейся на выходные к матери, в то время как Ира работала во вторую смену, чтобы выкроить свободный день. Сдав мальчика на попечение бабушки, мы получали возможность провести ночь наедине.

Я взбежал по лестнице и постучался. Послышался топот босых ног, и, врезавшись в дверь, Алекс завозился с замком. Я наскоро перебрал в уме список вещей, которые следует взять с собой.

- Ничего не выходит, – донёсся приглушённый голос.
- Погоди, дай я.

Ключ вошёл не до конца и повернуть его было невозможно.

- Алекс, ключ застрял, надо его вытащить. Сейчас попытаемся вместе, – я навалился на дверь. – Ну-ка, давай!

Шебуршание возобновилось.

- Постой, не суетись. Соберись с силами и поворачивай.

Изнутри раздалось напряжённое сопение.

- Так, хорошо. Теперь попробуем по-другому – я оттяну, а ты крути. Медленно и

аккуратно. Поехали.

«Главное, чтоб не сломался, главное, чтоб не сломался», – стучало в голове. Сделав несколько попыток, Алекс пнул тяжёлую дверь.

– Оно не хочет... – звонкий голос подрагивал, – не хочет открываться.

Мальчик всхлипнул и принялся беспорядочно дёргать треклятый замок. Сообразив, что крики лишь накаляют атмосферу, набрал его номер и стал забалтывать какой-то чепухой, одновременно пытаясь отыскать выход из положения. Само собой, напрашивалось вызвать слесаря.

– Кажется, у нас приключения, – задумчиво протянул я, когда Алекс слегка успокоился. – Надо придумать способ проникнуть сквозь дверь.

– Как Финес и Ферб?

– Как кто?

– Финес и Ферб! Ну помнишь мультик?

– Вот-вот, именно. Как самые что ни на есть заправские Финес и Ферб. Признавайся, ты двери взламывать умеешь?

Нет, слесарь не годится – это два-три часа. Ира изведётся от волнения, а Стерва уедет, и все планы пойдут прахом. Я сбежал вниз прикинуть, как бы забраться через окно.

– Не умею... – растерялся Алекс.

– Я тоже. Хорошо, а что говорит по этому поводу Финес?

Под сбивчивый пересказ мультяшных перипетий я осматривал окна крытого балкона, жалюзи, которые ещё надо как-то раздвинуть, и стену фасада. Дом был построен на откосе. Главный вход соединялся с улицей длинным мостом. От него до балконных окон было метров пять ровного бетона. Сюжет усложнялся: я упустил момент, когда в истории Алекса возник какой-то доктор Фуфелшмерц. И на фразе «И тут он ему ка-а-ак даст!» позвонила Ира.

– Ир, у нас небольшая... – переключаясь, машинально отметил, что время поджидает, – мм... переделка.

– Какая переделка? Выходить пора. Что ты ещё там устроил?

Я взбежал вверх и приложил ухо к двери. Алекс был в гостиной. Торопливо описывая ситуацию, я метался взад-вперёд по лестничной площадке.

– Не волнуйся, как-нибудь выкрутимся... Алекс, кстати, держится молодцом. Позвони, отвлеки его пока.

Я скатился вниз, чтобы получше рассмотреть стену. Тщетно – от беготни вертикальная поверхность не стала менее неприступной. Снова взлетел наверх и замер прислушиваясь. Алекс разговаривал по телефону. Мгновение поколебавшись, я позвонил в смежную дверь. Спустя пару минут оттуда донёлся сварливый голос с сильным русским акцентом.

– Это по поводу Алекса – ребёнка, который живёт напротив, – прокричал я. – Откройте, пожалуйста.

В ответ прозвучало удаляющееся бормотание. Я выругался. Снова послышалось шарканье, позвякивание ключей и, наконец, долгожданный лязг. Поздоровавшись, я метнулся внутрь. Ошарашенная бабулька посторонилась, плотнее запахиваясь в халат невразумительного оттенка. Я устремился в направлении главного фасада и, с треском раздвинув бамбуковую занавеску, оказался на кухне.

– ...сразу смотреть телевизор, – сокрушалась старушка, семена за мной. – А ещё он любит оладушки. Когда Алекс приходит, я всегда...

– Извините, вы не возражаете... Я сюда чуть-чуть влезу.

Взгромоздившись на столешницу, высунулся в окно. Ниже уровня подоконника между бетонными плитами имелась щель. Можно попробовать, используя её в качестве опоры... В кармане завибрировал телефон, взгляд на экран – Стерва. Я сбросил звонок и глянул вниз – высота четыре этажа, под мостом садик, обрамлённый грубо отёсанными камнями. Если что, падать предстоит именно на них.

– ...оладушки, – лопотала соседка, переставляя из-под моих ног банки, перевязанные атласными ленточками. – Чудесные, пышные оладушки со сметаной и вишнёвым вареньем.

Не перегибаю ли я? Окна, камни, акробатические номера между этажами. С другой стороны, ребёнок взаперти, Ира волнуется, да ещё эта сестра... В общем, не романтический вечер, а полные оладушки.

Раздумья прервал очередной звонок.

– Алло! Вы все не отвечали – я уехала! – объявила Стерва.

– Умница. Я в тебе нисколько не сомневался.

– Что происходит?! Почему...

Я дал отбой и бросился на лестничную клетку. Из квартиры не доносилось ни звука. Я громко позвал Алекса.

– Я тут. Тут, – протянул он, стараясь скрыть жалобные нотки.

– Слушай, я кое-что придумал, но без тебя не справлюсь. Ты как, поможешь?

Я взялся объяснять свой план.

– Но смотри, поворачиваешь эти штуковины и сразу вниз, – повторил я. – И только потом раздвигаешь створки. Договорились?

– Договорились!

– Тогда вперёд.

Я метнулся в соседнюю квартиру и в три прыжка очутился на кухне.

– Полезу в окно, – с ходу объявил я разуваясь. – Ботинки пока оставлю у вас.

– Что вы! Молодой человек...

Стоя в проёме, я свесился наружу. Сквозь щели между планками жалюзи было видно, как Алекс забрался на стул и возится с рычажками. После нескольких попыток механизм поддался, и он исчез за сомкнувшимися пластинами.

– Отлично, Алекс! Молодец! Теперь слезай.

Услышав, как он спрыгнул на пол, я облегчённо вздохнул.

– Откры-вай! – басовито прокричал я.

Створки со скрежетом отъехали в сторону, и показалась вихрастая макушка, а потом и физиономия Алекса, с азартом ожидавшего продолжения.

– У меня получилось. Видел? Видел?!

– Конечно видел. Ты настоящий орёл!

Внутри, вдоль оконной рамы, имелся выступ, за который можно было уцепиться. Оставалось надеяться, что на той стороне будет нечто подобное.

– Обязательно заходите отведать варенья, – напутствовала меня бабулька.

– Благодарю. – Я качнулся, получше ухватываясь правой рукой. – Всенепременно.

Встав на краю, попробовал нащупать пальцами левой ноги зазор между плитами. Приседая ниже и ниже, наконец удалось дотянуться до узкого углубления, и я принялся потихоньку продвигаться вдоль него. Изловчившись, я уже почти добрался до нужного места, как вдруг:

– Давай, давай, осталось совсем чуточку! – потеряв терпение, Алекс вскочил на стул и высунулся в окно.

– Ты что?! А ну, вниз! – закричал я, прильнув к стене и пытаюсь сохранить равновесие. – Быстренько, быстренько слезай отсюда.

Алекс тут же исчез, и послышался глухой удар пяток о кафель. Замерев, я немного пришёл в себя и восстановил дыхание. Осторожно продвинул ногу ещё на пару сантиметров. Постоял, свыкаясь с новой позицией, качнулся, вытягиваясь влево, и ухватился за хлипкую раму. Подтянулся, нашарил точно такой же уступ, вцепился и повис между квартирами.

Переводя дух, я прижался лбом к нагретому солнцем бетону, а в кухне, шаркая из угла в угол, бабулька сомнамбулически нашёптывала своё заклинание: «варенье-варенье, оладушки-оладушки». Я откинулся назад, напрягся и рывком перешагнул на подоконник.

– Ну что, Алекс, первое боевое задание удалось!

Я присел на корточки, протянул ладони, и он несколько раз хлопнул по ним своими ладонками.

– Теперь оперативно собираемся, и нас ждут гонки с препятствиями, – я потрепал его по волосам.

Алекс помчался за вещами. Я разобрался с заевшим замком, убедился, что ничего не забыто, и мы выбежали из дома. Ступни ощутили булыжную кладку моста.

– Стой тут, держи круговую оборону, – вручив мальчику ранец, ринулся за ботинками.

По пути связался со Стервой и попросил обсудить с водителем остановку в одном из ближайших пригородов. Она свирепо посопела в трубку и отключилась. Я стал листать в навигаторе возможные маршруты. Алексу нравилось следить за нашими манёврами по движущейся карте. Мы миновали стороной запруженные районы, выбрались на магистраль и, лавируя в плотном потоке, неслись над городом по

шестиполосной навесной трассе.

Когда на придорожной стоянке появился автобус, Алекс вприпрыжку бросился навстречу. Дверь с гидравлическим шипением отъехала, и он стал карабкаться по крутой лестнице. Сверху с молчаливым укором взирала Стерва.

* * *

Не застав Иру за прилавком, я двинулся вдоль стеллажей и у секции с изданиями в пёстрых обложках услышал знакомый голос. Выглянув из-за спины расфуфыренной клиентки, отвесил шутовской поклон и жестами показал, что буду наверху.

До закрытия оставалось около получаса. Выбравшись на крышу, сажусь, прислоняюсь к стене вентиляционной шахты и неспешно скручиваю косяк. Вечереет. На западе полыхнет пурпурное зарево, и косые лучи отбрасывают длинные тени, обрывающиеся в провалах между домами.

Когда я вернулся, Ира приводила в порядок отбракованные покупателями книги. Наткнувшись на название «Обольсти меня на рассвете», я воздел руку и театрально уставился в общепринятом направлении всего вечного и прекрасного.

– Ты меня на рассвете разбу-удишь, проводи-ить не-о-бу-та-я вый-дешь, – дурным голосом завыл я и, приобняв, сделал вальсирующий шаг, разворачивая её в танце. – Ты меня никогда-а...

– Спасибо. Я так переживала... Ты мой рыцарь.

– Да, я мегамонстр, – я задрал подбородок и скрестил руки на выпяченной груди. – Пределы моей неопишуемой крутизны не ведают границ!

– Пределы не ведают границ? – она насмешливо вскинула бровь.

– Ага, – я с достоинством кивнул, – именно так.

– Илья, кончай дурачиться.

– Ладно, но только сегодня и в виде большого исключения.

Я помог распахать оставшиеся книги, она закрыла магазин, и мы отправились к машине.

– В таком виде я никуда не пойду, – безапелляционно объявила Ира в ответ на предложение где-нибудь поесть.

Несмотря на протесты и заверения, что лучшего вида быть просто никак не может, мы поехали к ней домой. Пока она прихорашивалась, я устроился на балконе с книжкой Платонова, которую Ира для меня стащила. Дочитав первый рассказ,

отправился на поиски своей красавицы и застал её, разумеется, в ванной.

Ввалившись туда, некоторое время наблюдал за тем, как она сосредоточенно прорисовывает какой-то неуловимый штрих.

– Ира, идём, ты уже и так невыносимо прекрасна, – взмолился я и попытался оттащить её от зеркала.

Я принялся говорить, что ценю естественную красоту, и этот боди-арт совершенно излишен, но она отбрила меня, заявив, что я ничего не понимаю, и со смехом вытолкала за дверь.

На мой вкус ресторан оказался слишком помпезным. Чопорный официант являлся точной, лишь едва уменьшенной, копией метрдотеля, царственно дефилирующего в отдалении. Между переменной блюд была церемонно подана бледно-зеленоватая субстанция в конических бокалах на высокой ножке.

Официант счёл нужным сопроводить это дело историческим очерком о происхождении сорбета и начал аж с Древнего Китая. Сперва нам удавалось сдерживаться, но к середине повествования мы уже покатывались со смеху. Когда он наконец удалился, Ира продолжила рассказывать о своей институтской жизни. Она училась в России на гуманитарном факультете, но её воспоминания во многом походили на мои годы студенчества. Засидевшись допоздна, мы вдоволь нахохотались и вкусно поужинали. Это был первый вечер, когда не надо было никуда спешить, и впереди нас ждал ещё весь завтрашний день.

Добравшись ко мне домой, мы набрасываемся друг на друга прямо с порога. Долго сдерживаемое желание захлёстывает нас обоих. На мгновение я отстраняюсь и смотрю в Ирины ошалелые глаза. Петляя в складках ткани, застёжках и пуговицах, мы добираемся до спальни и падаем в постель. Так нисходят с горных вершин снежные лавины. Так в безмолвной красоте Антарктиды откалываются от шельфовых ледников и рушатся в океан величественные айсберги. Так на фоне багряного неба, испепеляя всё на своём пути, растекаются огненные реки лавы.

Потом мы лежим и слушаем, как за окнами, расплёскивая мерный шелест листвы, пробуют голоса утренние птицы, а затем дурачимся, смеёмся и болтаем о всякой всячине.

* * *

Сморщившись от яркого света из настезь распахнутых окон, останавливаюсь на

пороге спальни. Обычно в моей квартире даже днём царит полумрак. Ира, подобрав ноги, сидит в большом старом кресле.

- Доброе утро, соня, – она отложила книгу и потянулась. Расстёгнутые рукава моей рубашки съехали, обнажая её острые локти.
- Нам... ээ... труженикам хай-тека, категорически противопоказано... – я зевнул.
- Умничать, особенно спросонья.

День выдался на удивление жаркий. Когда спал полуденный зной, мы отправились на дикий пляж в Малибу. Берег был пустынен, и только сёрферы, издали похожие на стаю пингвинов, поблёскивали на солнце мокрыми костюмами.

Прибрежный район опрятных домиков утонул в зелени, покрывающей почти весь, далеко выдающийся в море, мыс. Было как-то по-неземному спокойно и тихо. Крупные чайки прохаживались вдоль кромки прибоя, важно шлёпая перепончатыми лапами по мокрому песку. Когда солнце скрылось за холмами и стали сгущаться сумерки, мы двинулись к машине.

Приходилось спешить, Стерва несколько раз звонила сообщить, что они уже в пути и надо забрать Алекса. По дороге я исподволь наблюдал, как Ира постепенно преобразуется, возвращаясь к повседневным хлопотам занятой женщины и матери.

Вернувшись, достал свежую пахучую траву, зажмурился и втянул ноздрями знакомый запах. Это был запах моей Калифорнии – запах, веющий над нею со времён легендарного Вудстока, запах студенческих кутежей, запах вечеринок на дикой природе, запах юности и запретной свободы.

Я облизал клейкие от конопляной пыльцы подушечки пальцев и скрутил длинный тонкий косяк. Пошарил по карманам в поисках зажигалки. Не найдя, огляделся вокруг. Странно, ещё вчера зажигалки валялись повсюду. Осмотрелся внимательней и сообразил, что Ира навела порядок.

Курить хотелось всё сильнее. Я вскочил и принялся разыскивать зажигалки. Интересно, когда она успела? Ну да, конечно, – пока я дрых. Эх, надо было как-то проявить внимание, выказать благодарность... Я как дурак нарезал круги по квартире, в который раз проверяя одни и те же места. Куда же она их подевала? Порядок порядком, но зажигалки-то в чём провинились?

Есть у женщин милая особенность – попав к вам в дом и немного освоившись, они принимаются наводить этот самый порядок. Вдобавок они, как бы невзначай,

забывают тут и там серёжки, кольца, заколки для волос, браслетики и тому подобные мелочи, понемногу заполняя ваше жилище своими амулетами. И это какое-то наваждение! «Наваждение порядка» заключается в том, что, определяя места для вещей, женщины абсолютно не заботятся о том, чтобы поставить вас в известность об их новом местонахождении. Им даже в голову не приходит, что хотя бы некоторые вещи не раскиданы как попало, а уже давно имеют законное, проверенное жизнью место.

И вот вы, по уши облагодетельствованные, ощущаете себя в своём доме, как в гостинице, окружённые неопознанными объектами, расположенными в самых неожиданных местах. И нет никакой возможности хоть как-то умерить эти территориальные притязания. Ведь любая нормальная женщина искренне убеждена, что, наводя порядок, действует самоотверженно и творит добро.

Я подозреваю, что этот подсознательный механизм, выработанный тысячелетиями эволюции, направлен на порабощение мужского пола путём лишения самостоятельности, делая нас беспомощными перед лицом суровой бытовой реальности. Вероятно, в этом и кроется истинная причина того, что женщины так тяготеют к порядку, особенно в домах своих возлюбленных.

Отчаявшись, взял сигарету, вышел на улицу, поклонялся минут пятнадцать и прикурил у какого-то парня. Вернулся, зажёл косяк от тлеющего окурка и снова плюхнулся в кресло. Сделал пару глубоких затяжек, привычным движением потянулся за пепельницей. Пальцы несколько раз бессмысленно сомкнулись и разомкнулись. Пошарил по столу. Пусто. Очевидно, пепельницу постигла та же участь, и она канула в страну без вести пропавших зажигалок.

Глава 6

Секретарь райкома отвёл глаза на маленькое окно гуртовой избы и что-то подумал о летнем дне, блестящем за стеклом. Он вообразил красоту всего освещённого мира, которая тяжко добывается из резкого противоречия, из мучительного содрогания материи, в ослепшей борьбе, и единственная надежда для всей измождённой косности – это пробиться в будущее через истину человеческого сознания – через большевизм, потому что большевизм идёт впереди всей мучительной природы и поэтому ближе всех к её радости; горестное напряжение будет на земле недолго.

Андрей Платонов

В утренние часы первого рабочего дня терминал особенно запружен. Не найдя свободного места среди моря пластиковых стульев, я плёлся вдоль вереницы кафешек, где царила нервная суэта, кокетливо обёрнутая в служебные улыбки. Отыскав угол, наиболее отдалённый от этого безобразия, уселся на пол, скинул ляжку ноутбука и прислонился к стене, прикрыл глаза.

Разноголосое бормотание толпы сливалось в давящий фон, изредка прерываемый объявлениями, доносящимися из-под высоких сводов. В памяти всплывали обрывки прочитанного накануне. Так как в пятницу-субботу я бездельничал, вчера пришлось навёрстывать упущенное, и воскресный день прошёл за изучением документов и наработок Тима Чи.

Избранный им ход мысли понемногу обретал ясные очертания. Я проверил время и попытался расслабиться. Но новый проект уже завладевал мною, заполнял, захватывал. Я же всё это знаю, умею и даже люблю. Интеллектуальный вызов приятно будоражил. Несколько угнетали недосып и эти десять утра, ни с того ни с сего выдуманные Ариэлем, но и с ними можно будет ужиться, привыкнув к новому распорядку дня.

Разобравшись с парочкой ускользающих деталей, я прибыл на работу в приподнятом расположении духа. В коридоре – никого. Кимберли помахала через прозрачную перегородку, что-то втолковывая телефонной трубке. Я покосился на закрытую дверь кабинета и вздохнул с облегчением.

За столом, напротив моего места, я с удивлением обнаружил Ирис. Пробормотав приветствие, я преодолел секундную растерянность, расчехлил ноутбук и стал подсоединять провода. Закончив, откинул экран, и он с сухим стуком упёрся в её

монитор.

– Прости, – я подвинул лэптоп и принялся с преувеличенной тщательностью настраивать градус наклона.

Ирис поправила очки, уголки её губ дрогнули. Я сосредоточенно нахмурился и включил компьютер. «Много тут наработаешь», – думал я, ощущая острую нехватку личного пространства. Я откинулся и вытянул ноги, намереваясь, пока загружается система, непринуждённо уставиться в потолок, но, выпрямляясь, случайно пнул её под столом. Ирис улыбнулась, не поднимая глаз. Тут в комнату ворвался Ариэль:

– Илья! – выпалил он и умолк, словно забыв, зачем его сюда занесло.

Внезапное вторжение вывело меня из замешательства.

– Ты как? Всё нормально? – опомнившись, напористо проговорил шеф, явно подразумевая нечто большее, нежели мои личные дела.

– Всё...

– Идём, – он развернулся и вышел.

Ирис ободряюще кивнула.

– Илья, что мы будем делать?

– Простите, о чём, собственно, речь? – тактично осведомился я.

– Мы договорились. Причём заметь, я тебе ничего не навязывал. Обсудили и приняли решение по обоюдному согласию. Признаюсь, я разочарован. – Ариэль выдержал многозначительную паузу. – Это дело принципа. Соблюдение взаимных договорённостей – основа здоровых рабочих отношений. В четверг мы...

– Но я же пришёл в десять! – выпалил я. – На час раньше, как вы и...

– Не в десять, а в начале одиннадцатого. Я специально ждал – тебя не было.

Я хотел ответить, но чувствовалось, что шеф ещё только подбирается к пику своего монолога.

– Возможно, тебе кажется, что точное время прибытия не так уж важно? – бушевал Ариэль. – Ошибаешься! Напротив, оно архиважно! В этом отражается всё твоё отношение к работе!

Ариэль взглянул на меня. Я молчал.

– А как иначе?! – возмутился он. – С этого начинается рабочий день. Это базис.

Основа. То, что ты проецируешь...

Шеф говорил. Говорил жарко и напористо, демонстрируя незаурядное красноречие и широкий спектр ораторских приёмов.

– Ариэль, в принципе, я полностью согласен, – осторожно вымолвил я, дождавшись конца. – Но в данном конкретном случае не в силах что-либо изменить. Есть расписание рейсов...

Зазвонил телефон. Шеф сорвал трубку и сделал предупредительный жест.

– Важный разговор, – прикрыв микрофон, он кивнул на дверь.

Скоропостижно вышвырнутый из кабинета, я потоптался в коридоре и решил спуститься покурить и развеяться. Снял ключ с дощечки напротив комнаты Кимберли и инстинктивно взглянул в её сторону. Она игриво пошевелила пальчиками и произнесла одними губами «ха-ай!».

Покури́в, поднялся наверх, зашёл в туалет и вернулся в офис. Когда вешал ключ, дверь за моей спиной распахнулась. Я обернулся и прямо перед собой обнаружил Кимберли со всеми выпирающими округлостями.

– Эй, а что ты так долго делал в туалете? – с обезоруживающей непосредственностью выдала она.

– Вам нечем заняться? – процедил я.

– Ты чего? – Кимберли нелепо захихикала.

Интересно, она за всеми подмечает, кто сколько времени проводит в уборной, или один я удостоился? Наверняка можно было свести всё к шутке, но я даже в шутку не заигрываю с женщинами, с которыми не планирую лезть в постель. Прежде всего, из соображений экономии жизненной энергии и душевной гигиены.

– Ты сегодня какой-то квёлый. Всё хорошо?

Я отвернулся, вошёл в комнату, сел и уставился в монитор, чувствуя, что Кимберли всё ещё околачивается на пороге. Когда она ушла, позвал Тима, и мы засели за код. Потом я отправился в лабораторию, где провёл остаток дня, купая в аквариуме ультразвуковые сенсоры. Таня-Марина производила измерения для исследования моей гипотезы, Тим Чи заглядывал подсобить с настройками, да забегал Ариэль и устраивал проверки бдительности:

- Что делаешь?
- Опыты.
- Как идёт?
- Нормально.

Вечером я вымыл аквариум и вернул утомлённые артерии в морозильник.

* * *

Во вторник я уже никуда не спешил, не носился по павильону, не переживал из-за пробок. Бегай не бегай – вовремя всё равно не успеть. Интересно, когда шефу наскучит устраивать утренние разборы полётов? По прибытии проследовал в кабинет, внутренне готовый к очередной экзекуции.

- Не сейчас, – отмахнулся Ариэль.

Придя в комнату, я занялся кодом. С непривычки чертовски отвлекло лицо Ирис, маячившее над экраном. Задумываясь, я отводил глаза от монитора и наталкивался на неё. Чувствуя это, она насмешливо поглядывала на меня. Когда настало время обеда, мы с Тимом, не сговариваясь, отказались и вернулись к обсуждению протоколов генератора-приёмника. В опустевшем офисе, где никто не врывался поминутно с вопросами, водворилась рабочая атмосфера, и мы быстро во всём разобрались, после чего я, наконец, приступил к настоящему делу. Не терпелось поэкспериментировать с цифровыми фильтрами и исследовать несколько идей.

- Ты куришь, верно? – войдя, Ирис остановилась подле меня.
- Угу... – пробормотал я, силясь понять, почему мои фильтры урезают гораздо больший диапазон частот, чем предполагалось.
- О! А то я здесь как белая ворона, – обрадовалась она. – Идём вниз?
- Погоди минутку, у меня тут кое-что...

Я попытался наскоро проверить ещё два вертевшихся в уме варианта, но её присутствие мешало толком сосредоточиться. Я поднялся, и тут появился Ариэль:

- Я говорил со Стивом, – возвестил шеф, – из первичных данных уже ясно, что ты оказался прав. Хвалю, отличная работа, – он энергично потряс мою руку и продолжил на одном дыхании. – Я занят по горло – встреча с инвесторами. Сегодня вы без меня, ребята. Дерзайте, мировая медицина ждёт от вас подвига!

Благословив нас в этойкой своеобразной манере, он стремительно удалился.

- Давненько его таким не видела, – призналась Ирис. – Поздравляю.
- Мне просто повезло, – отозвался я с наигранной небрежностью.
- А как вообще у тебя с ним?
- С переменным успехом. Он мне каждый день устраивает... – я запнулся, подыскивая слово, – беседы. Вчера, к примеру, втирал об «обоюдном согласии».

Уловив заинтересованное выражение, я продолжил.

- Ты разве не в курсе, как выглядит обоюдное согласие в исполнении Ариэля? Он говорит – надо так и эдак. Я возражаю. Он настаивает, что иначе никак. Я нехотя произношу «ладно». И вот, пожалуйста, – обоюдное согласие состоялось.

Ирис рассмеялась, и я принялся рассказывать о неразрешимой дилемме времени прибытия на работу. Но торчать на солнце было жарковато, и нам пришлось прерваться. Она вернулась в здание, а я отправился обедать и заодно разведать окрестности. Когда-то я учился неподалёку и нередко гостил у знакомых, живших в частных домиках американской мечты с газончиком перед крыльцом, мощёной дорожкой, стоянкой у ворот гаража и непременно бассейном на заднем дворе, где осенью плавают опавшие листья и никто никогда не купается.

Спальные районы утыканы этими однотипными мечтами, расставленными вдоль улиц, дробящих окраины на прямоугольные секции. В деловой части города всё иначе. Реставрированные дома перемежаются постройками современного стиля с зеркальными окнами. Большинство зданий невысокие, в несколько этажей, и далеко отстоят друг от друга, создавая ощущение лёгкости и простора. Мерно кляца, проплывает белый трамвай. По краям широких тротуаров – деревья, их кроны смыкаются над проезжей частью. Облицовочный камень подходит вплотную к стволам, и кажется, что деревья воткнуты в гранит.

К вечеру я осознал, что уже ничего толком не помню о дизайне цифровых фильтров. Неуверенность в себе усугубляли покрывшие добрую часть стола графики – свидетельства неудачных экспериментов. Я погрузился в интернет и вынырнул, когда времени оставалось совсем впрыток. С досадой скомкал распечатки, вызвал такси, включил сигнализацию и стал запирает дверь.

- Стой! Илья! – слышалось издалека. – Погоди, не закрывай.

Я различил гулкий топот, а потом и взбегающего по лестнице Ариэля.

- Хорошо, что застал, – выпалил он, труся навстречу с неподражаемым гиппопотамьим изяществом и шумно отдуваясь. – Забыл ключи внутри.

– Мне пора, – я невольно улыбнулся, распахивая перед ним дверь. – До завтра, Арик.

И тут же машинально отметил это «Арик», вырвавшееся случайно и давшееся так естественно.

* * *

На следующее утро, едва я вошёл в офис, Ариэль возник на пороге кабинета и потребовал проследовать к нему. Я положил вещи, обменялся молчаливым взглядом с Ирис и вышел в коридор.

– Так продолжаться не может, – с ходу завёлся он.

Я закрыл дверь и сел.

– Илья!

– Да?

– Так не может больше продолжаться.

– Не может.

– Ты должен прекратить опаздывать.

– Это зависит не от меня.

– Мне надоели отговорки!

– Ариэль, пойми, самолёт ровно раз в час. Прилетает без четверти. Неважно, без четверти десять или без четверти одиннадцать. Ещё минут двадцать на такси. Плюс очередь, пробки...

– Но ведь на прошлой неделе ты пришёл вовремя.

Пришлось объяснять, что рейс прибыл раньше, и всё так сошлось совершенно случайно. При этом Ариэль смотрел на меня с лёгкой брезгливостью, будто на воришку, пойманного с поличным.

– И что же нам делать?

– Договориться, что я прихожу в десять десять, а лучше в десять пятнадцать. Чтобы непредвиденные задержки...

– Нет, это несерьёзно.

– Почему?

Он сгрёб подбородок и погрузился в размышления.

– Да, совершенно несерьёзно, – повторил он спустя пару минут. – Ты обязан

приходить вовремя.

- Ариэль, неважно что мы решим, авиакомпании не изменят расписание.
- Это твоя проблема, возьми ответственность и прими меры.
- Но самолёты не начнут летать быстрее... дорога до аэропорта не станет короче, и что бы я не делал, в ноль-ноль никак не получается и вряд ли когда-нибудь получится.
- Это недопустимо! Я приверженец пунктуальности и не могу делать вид, что не замечаю четвертьчасового отклонения от графика. – Он обвёл комнату страдальческим взглядом. – Пару минут я бы ещё мог простить, но пятнадцать...

Я хотел возразить, но он остановил меня, резко вскинув правую руку.

- Преступно тратить драгоценное время. Мы договорились, обсудили – ты согласился. Теперь твой долг найти решение.

Я развёл руками и молча дождался, пока иссякнет новый каскад обвинений. Натрындевшись, он рассеянно спросил, как я продвигаюсь, и, не дослушав, выпроводил вон.

Ирис встретила меня долгим понимающим взглядом, от которого я ещё больше обозлился. Она занималась медицинскими аспектами, только что вернулась со встречи с врачами, и мы отправились обедать. За едой разговор зашёл о телесериалах. Я погрузился в мрачную рефлексию по поводу утренней экзекуции.

- Илья, а ты какие сериалы смотришь? – Татьяна глядела широко распахнутыми кукольными глазами.
- У меня нет телевизора, – я угрюмо проглотил недожёванный кусок.
- Как это?! – её глаза раскрылись пуще прежнего.
- Представляешь?! – это неподдельное изумление меня развеселило.
- Ни фиги себе! А как ты отдыхаешь? – продолжала недоумевать она, не улавливая иронии.

Ирис со Стивом переглянулись, сдерживая улыбки.

- Я прихожу домой, – Таня-Марина независимо повела плечами, – и мне по-любому надо час-другой поваляться перед теликом, расслабиться, прийти в себя.
- И что? Разве это единственный способ?

Осушив остатки колы, я поставил бутылку на стол и крутанул. Тут важно точно рассчитать силу, и тогда, вращаясь и раскачиваясь, она сохраняет динамичное равновесие, касаясь поверхности лишь в одной точке. Татьяна набрала побольше

воздуха, чтобы ответить, но фокус сбил её с толку. Она заворожённо следила за крутящейся бутылкой, производившей пупырчатым донышком быстрый дробный стук. Канал переключился, телевизоры были забыты.

– Честно говоря, у меня тоже до недавних пор не было телевизора, – сказал Стив, когда бутылка остановилась. – Но потом появились дети и пришлось купить.

Оторвавшись от застывшей ёмкости, Таня-Марина вытаращилась на него, не в силах снести такого вероломства. Она так и не смогла оправиться, и разговор плавно перетёк на Ариэля. Судя по всему, эта тема обещала стать неотъемлемым блюдом наших обедов.

Внезапно все притихли. Ирис указала глазами мне за спину. Я обернулся и увидел Кимберли вместе с Ариэлем. Они прошествовали мимо, и офис-менеджер одарила всех обворожительной змеиной улыбкой, а Ариэль сделал вид, что нас не заметил.

* * *

Очередное утро не обошлось без традиционного рандеву в кабинете начальника. Шеф был хмур и озабочен больше обычного. Мы помолчали. Я ждал дежурного вопроса, но Ариэль погрузился в себя, словно забыв о моём присутствии.

– Нашёлся подходящий лэптоп, – решил начать я. – Видел мейлы? Я выслал спецификации.

– Угу... – рассеянно промычал Ариэль и снова умолк.

– Что думаешь?

– А чем, собственно, тебе не нравится тот, что я выдал?! – вскинулся он.

Такой поворот был полной неожиданностью. Дав это задание, Ариэль настырно интересовался продвижением и поторапливал оформить заказ.

– Так чем же плох твой лэптоп? – настаивал шеф. – Превосходная машина. Для твоих нужд – вполне достаточно.

Я хотел напомнить, что поручение исходило от него самого, но это могло послужить поводом для очередного препирательства, в итоге которого я как пить дать оказался бы кругом виноват. Помалкивая, я с горечью вспоминал, сколько времени было потрачено на поиски и на сравнение конфигураций.

– Я ещё раз всё обмозговал и склоняюсь к мысли, что такими темпами мы не сдвинемся с мёртвой точки. Ты приходишь в начале одиннадцатого, – с выражением

стоического терпения Ариэль затянул утреннюю мантру, – мы обсуждаем насущные вопросы, и ты отправляешься на обед. Так проходит половина дня. Это неприемлемо!

К концу стоицизм выветрился, и он – в излюбленной манере подкреплять умозрительные тезисы звуковыми эффектами – шандарахнул ладонью по столу.

– А потому я вижу единственное возможное решение: ты должен приезжать раньше. Говоришь – рейс раз в час, так вот...

Он что, совсем рехнулся?! Я и так встаю в полшестого. Тем временем начальник яростно аргументировал свою новую блажь.

– Ариэль, мы договорились на десять, – дождавшись, когда он заткнётся, сдавленно произнёс я. – Ты сказал, что, единожды решив...

– Знаю, – восстановив самообладание, проговорил он. – Но это общепринятая конвенция. Ты работаешь в коллективе и обязан соответствовать.

– Послушай, если проблема действительно в дообеденных часах, может, прекратим эту каждодневную утреннюю грызню?

– Утром мы обсуждаем текущие задачи и со временем, когда ты полноценно вольёшься в производственный процесс, эти встречи станут ещё важнее.

– Хорошо. Тогда, давай я буду обедать позже или раньше, как угодно. Всё равно, я буду работать один! И, в конце концов, мы договорились. Ты хотел в десять – я прихожу в десять. Мы до-го-во-ри-лись.

Он схватил ручку, покрутил, нервно пощёлкал кнопкой и отложил.

– Оставим пока всё как есть, – пробурчал он исподлобья. – Больше не задерживаю.

После выяснений отношений сложно сосредоточиться. Когда я выхожу из кабинета, споры продолжают в моей голове. Я изыскиваю и эффектно вворачиваю новые, всё более и более убедительные аргументы, и, подавленный их мощью, начальник признаёт мою правоту.

В очередной раз возобладав над шефом в своём воображении, я успокоился и взялся за дело. Ирис не было, и меня ничто не отвлекало. Даже Ариэль не дёргал своими визитами и звонками. Обычно он звонил минимум раз пять в день. При этом мы находились на расстоянии трёх метров, и сквозь гипсовую перегородку его было слышно почти так же хорошо, как в динамике телефона, что создавало интересный стереоэффект.

После обеда заявила Кимберли, встала руки в боки и завела шарманку с «как я себя чувствую?», «как, да почему я выгляжу, как я выгляжу?» и «славно ли мне спится по ночам?».

– Ты не заболел? – участливо осведомилась она. – Неужто о тебе некому позаботиться?

Интересно, что она выбирала исключительно те моменты, когда не было Ирис. Я поёжился. Эта сладкая парочка – Ариэль с Кимберли, меня доконает.

Вечером нагрязнул не на шутку всполошённый шеф:

– Илья! Хочу, чтобы завтра же ты составил план проекта локализации стенок сосуда. Необходимо всё переделать и разработать новые методики. – Он стиснул кулаки. – Ты наверняка заметил: программа, написанная Тимом, – лишь упрощённый вариант. Времени мало, а ставки высоки. Я верю, что ты приложишь все усилия, чтобы найти оптимальное решение.

Я законспектировал его требования в рабочей тетради.

– Хорошенько продумай сроки. Напиши черновик, в понедельник обсудим.

Я кивнул и для вида пририсовал ещё закорючку. Ариэль продемонстрировал большой палец и вышел. Только я вернулся к работе, раздался звонок:

– Совсем забыл: перед уходом набросай план на завтра.

– Разумеется.

План составления плана? Этот процесс предстал предо мной в виде бесконечной рекурсии. Отогнав завораживающий образ, открыл почту и настучал:

План на 22.05.2015

Разработка плана проекта локализации стенок.

Ключевые пункты:

- 1. Выявление основных этапов.*
- 2. Прогнозирование сроков.*
- 3. Составление плана.*

Глава 7

Женщины от безысходности и трагизма заламывают руки, закладывают за воротник и рвут в клочки последнее бикини.

Владимир Сержин

Отоспавшись, я выбрался в гостиную, включил компьютер и потянулся за сигаретами. Замерцали мониторы, и электронная почта услужливо сообщила о новом письме. «Доброе утро, Ариэль!» – ухмыльнулся я, машинально отмечая, что мейл получен в 10:01 и, вероятно, отнюдь не случайно. Подобрал босые ноги с прохладного пола, принялся читать:

*from: ariel.drillig@biospectrum.com
to: ilya.dikovsky@gmail.com
date: 22.05.2015
subject: Workplan*

Доброе утро, Илья!

Хочу обозначить твою основную цель...

Забавное начало. Действительно, пора определиться в этом животрепещущем вопросе. Я отыскал зажигалку среди хлама, скопившегося за последнюю неделю и придавшего моему жилищу более привычный вид, закурил и продолжил:

...цель – детекция поверхности сосуда.

А именно: по истечении семи месяцев, ты продемонстрируешь детекцию стенок кровеносных сосудов с помощью собственной программы, используя...

Бла-бла-бла... я потёр воспалённые веки, так... О! Вот:

Разработка первичного варианта заняла почти год, но у Тима не имелось соответствующего опыта. У тебя он есть, и потому это не должно составить труда. Но, делая скидку на то, что сегодня требуется реализовать широкий спектр дополнительных возможностей, я выделяю предостаточный период времени. Итак, в вышеуказанные сроки необходимо переделать существующее, а также разработать компоненты для новой функциональности, оговорённой в четверг. В понедельник к полудню хочу видеть на своём столе подробный план проекта, ориентированный на то, чтобы сделать возможным достижение этой

цели!

Прилагаю workplan Тима. Он его осуществил.

Последняя фраза казалась довольно странной, но, открывая документ, я начал догадываться, что имелось в виду. Текстовый редактор подвисал, и я с недоумением следил, как в углу бежали цифры. Наконец файл полностью открылся и высветилась надпись «страница 1 из 76». Забыв о тлеющей сигарете, я ошарашенно листал это монументальное творение. Ничего подобного мне видеть ещё не доводилось. Придя в себя, сдул упавший пепел и вернулся к письму:

Уточнение: ты не обязан составлять точно такой же документ, но план должен быть доскональным.

В течение первой недели можешь консультироваться с Тимом и, в случае надобности, также можешь...

Следующие пять абзацев посвящались тому, что можно и что невозможно. В общей сложности текст занимал три экрана. Заканчивалось послание так:

Дополнительные соображения относительно графика, сроков либо этапов проекта представишь в ближайший понедельник.

Хороших выходных, Ариэль!

К слову о выходных и планах, на сегодня у нас были намечены свои далеко идущие, а точнее едущие, планы. Ира давно хотела сводить Алекса в музей науки и техники и недвусмысленно намекнула, что моё присутствие крайне желательно. Принудительность участия в семейном мероприятии вызывала смешанные чувства. Впрочем, это предстояло чуть позже, а пока было самое время вернуться к шедевру канцелярского творчества.

Я просмотрел введение, привольно раскинувшееся страниц на пять. Потом двухстраничное оглавление. Перелистнув дальше, наткнулся на «Этап 01-А» и стал читать.

Тим счёл нужным предварить основную часть очередным описанием целей проекта и сжатым пересказом вступления. Следом он принялся за подготовку лабораторного опыта. Я воспрял духом, решив, что наконец добрался до сути, но не тут-то было. Первый лист посвящался инвентарному реестру, потом, как река весенним половодьем, расплылось повествование о том, как Тим намеревался

настраивать генератор-приёмник, затем неспешно потекло сказание об осциллографе. На отдельной странице красовалась общая схема вышеописанного с многочисленными сносками и пояснениями. В заключение приводился перечень пунктов и подпунктов «Этапа 01-А», прилежно разделённых на категории и подкатегории.

Описывался каждый этап: «Вышеозначенный кабель 33-827-54 непосредственно подсоединяется к соответствующему...». Каждый провод был пронумерован семизначным числом. Почему семизначным, когда их во всей конторе от силы сотня-другая? Должно быть, видя себя первопроходцем будущей транснациональной корпорации, Тим мыслил масштабно. В таком ракурсе скрупулёзность его детища приобретала новый, возвышенный смысл. Тим Чи созидал сакральный документ, скрижали, краеугольный камень, выковывая в поте лица и мучении мысли, становой хребет ультразвуковой диагностики на благо грядущих поколений.

Дальнейшее не уступало уже прочитанному в маразматической дотошности. Это ж надо такое удумать... «Он его осуществил». Вот это да! Не человек – человечине, я бы даже сказал инженерище мирового размаха. Тим Чи предстал пред моим внутренним взором многоруким идолом, эдаким диковинным воплощением хайтековского Шивы.

Он выхватывал из окружающего ореола провода, и, осенённые священным сиянием, они срастались сами собой. Напряжением мысли сотворял из пустоты инновационные сенсоры и с ходу калибровал их усилием воли. Он вычислял, замерял, проверял и, попутно всё вёдливо документируя, где-то за кадром, свободной конечностью выстукивал подробные мейлы Ариэлю, неукоснительно соблюдая сроки, исчерпывающе удовлетворяя корпоративные нормы и взаимные договорённости.

Кстати, были же какие-то таблицы... ну-ка, ну-ка, чем ещё нас порадует Тим... Интересно сколько времени он ухлопал на эту писанину? Вспомнив о времени, я глянул на часы. Приходилось спешить, чтобы успеть что-нибудь пожевать перед наукой.

* * *

Выскочив из машины, Алекс хватает нас за руки, разбегаются, прыгает и поджимает ноги. Мы подбрасываем его, и он пролетает несколько шагов.

– Ещё! Ещё! – залиvisto хохочет он. – Раз, два, три!

И он снова летит. И от этой незамысловатой игры становится как-то по-особому солнечно и тепло на душе. Это мне, мне, в последние годы выбиравшемуся из дома лишь после наступления сумерек и прожигавшему ночи на давно опостылевших альтернативных вечеринках. На этом ристалище лицемерия, псевдо-контркультуры и показного веселья, маскирующего душевную пустоту, безысходность и заурядный разврат. Где каждый, подспудно ощущая всю мерзость этого мяскокомбината, пытается поскорее обдолбаться всё возрастающими дозами наркотиков, чтобы не выпасть из ритма и храбро скалить зубы в ответ на такие же фальшивые улыбки окружающих.

– Ещё, мама, ещё! – кричит Алекс. – Раз, два, три!

И я, давно отвыкший от дневного света, неожиданно остро и полно ощущаю каждое мгновение, каждую мельчайшую деталь. Хочется целиком раствориться в этой игре, в этой улице, деревьях, растущих вдоль тротуара, и в тёплом ветре, полном запахов позднего цветения. Алекс заражает нас своим весельем. Мы смеёмся, как дети, и я тону в Ириных глазах, лучащихся настоящим чистым счастьем.

Держась за руки, мы подходим к стойке продажи билетов.

– Здравсьте! – обращаюсь я к освободившейся девушке.

– Добро пожаловать! – она поднимает взгляд, и, кажется, наше настроение передаётся ей. – Хотите сделать семейный абонемент?

Мы с Ирой переглядываемся.

– Вы вместе? – уточняет она. – Это ваш ребёнок?

– Да, в каком-то смысле, – я делаю уклончивый жест. – Это моя подруга, а это её сын.

– Прекрасно. Пожалуйста, он вам поможет, – подавив игривый смешок, она кивает Ире на парня за соседней кассой, который тут же начинает что-то бодренько втирать на тему скидок для детей и их родителей.

Я делаю поползновение переиграть весь этот расклад, но Ира, оглядев не в меру прыткую девицу, даёт понять, что разберётся сама.

– Почему бы вам не взять студенческий абонемент? – тем временем стрекочет молодая кассирша. – Представляете, это даже дешевле, чем обычный билет! Пожалуйста, вашу студенческую карточку.

– Вы знаете... я оставил её в библиотеке.

– Ничего страшного.

Оформляя бланки, она то и дело кокетливо улыбается. Ира уже расплатилась и наблюдает за нами со стороны. Наконец заполнение бумажек окончено, абонемент заботливо вложен в рекламный буклет, и мы направляемся к входу.

- Ох, Илья-Илья! – усмехается Ира, качая головой и потешно хмуря брови.
- А что? Я, кажется, вёл себя вполне прилично...
- О да, буквально монахиня-молчальница – скромна и недоступна.

Экспонатом, безраздельно поглотившим внимание Алекса, оказалась немецкая подлодка, захваченная в ходе Второй мировой. «Крушение Титаника послужило импульсом к развитию эхолокации на флоте. А в 1915 году появилась одна из первых ультразвуковых систем для обнаружения подводных лодок», – прочёл я на стенде. Это заинтриговало Алекса, и я разразился целым панегириком ультразвуку, а потом добавил, что у летучих мышей есть похожие штуки для ориентации в темноте. Алексу очень понравилось, и он заявил, что тоже хотел бы так уметь.

- Кстати, примерно этим я и занимаюсь на работе.
- А что ты делаешь? – с готовностью подхватил он.
- Я... да преимущественно ругаюсь с начальником. Точнее – меня ругают, а я поддакиваю и вежливо улыбаюсь.

Ира расхохоталась.

- Нет, ну, если действительно интересно, я, так и быть, открою тебе этот секрет, – прошептал я таинственным голосом. – Только учти, это коммерческая тайна, так что никому ни-ни.

Дальнейшая экскурсия проходила под знаком моей работы. В павильоне, посвящённом медицине, я рассказал Алексу о сердце и системе кровообращения.

- Вот смотри. – Забравшись в громадный макет, мы стояли в левом предсердии. – Допустим, внутри есть зловарная опухоль. Условно назовём её «выхухоль». И мы хотим её извести. Но важно не повредить поверхность, покрытую нежной кожей, – я провёл ладонью по стенке миокарда. – Резать нельзя. Что же делать?
- Лазером, можно лазером.
- Верно, лазер – вполне недурственный вариант. Мы используем ультразвук, но это похоже. Однако вот в чём загвоздка: лазер прожжёт всё на своём пути. Как же быть?

Алекс пожал плечами.

– Элементарно. Берём много слабых излучателей и расставляем вокруг, – для наглядности я продемонстрировал расположение. – Все они направлены в одно место. Пройдя сквозь разные точки поверхности и не повредив её, их лучи собираются вместе и выжигают эту гадость. Капиш?

– Капиш! Это как с линзой?

– О, точно! Когда подносишь пальцы вплотную к стеклу, лучи еле греют, а там, где они встречаются, бумага загорается. Ты ещё обжёгся, помнишь?

– Но мне было не больно!

– Ага, так вот, мы делаем такую же штуковину с ультразвуком, – проговорив это вслух, я сам поразился, как всё просто. – А хочешь, ещё кое-что покажу?

– Хочу-хочу.

– О'кей, мы только что видели фильм о том, как работает сердце.

Алекс кивнул.

– Когда спишь, оно бьётся медленно, а когда бежишь – быстро, и ты чувствуешь стук в ушах. Во-о-от... Но сердце не само решает: в него приходит сигнал из спинного мозга и даёт команду сжиматься и разжиматься. А бывают болезни... скажем, аритмия... когда что-то в этой системе нарушается. Взять хоть...

– Илья, идём, – позвала Ира. – Ты ребёнку совсем голову задуришь.

– Нет, мама, я хочу! – заканючил Алекс.

Я бросил на неё победоносный взгляд и продолжил.

– Взять хоть эти сосуды. По ним из лёгких поступает обогащённая кислородом кровь, – я встал на цыпочки и дотянулся до отверстий в верхней части. – Но иногда (не важно почему) через них тоже приходит сигнал и тоже даёт команду сокращаться. Как думаешь, что произойдёт?

– Что? – растерялся Алекс.

– Да сердце просто запутается – начнёт мельтешить, трепыхаться и может захлебнуться.

Ира прислонилась к стене и картинно закатила глаза.

– И тогда точно так же, как с опухолью, то есть выпухолью, берём и аккуратно выжигаем нервы, по которым идут вредные импульсы. И всё хорошо. Все здоровы, – я шутливо ткнул Алекса в живот. – Ладно, идём, не то мне твоя мама уши отвинтит, и тут, сам знаешь, уже никакой лазер не поможет.

* * *

После музея я собирался заняться составлением плана. Оставалось несколько часов, пока Ира уложит ребёнка и освободится. Общая картина проекта более или менее прояснилась. О сжатых сроках я старался до поры не думать. За отведённое время, конечно, не удастся толком поэкспериментировать, но состряпать прототип – вполне. А там, если что – доработаю.

Усевшись, я обнаружил новый мейл:

Илья!

Распределение времени, когда ты работаешь дома, оставляю на твоё усмотрение, однако ожидаю соблюдения стандартного девятичасового рабочего дня, полную подотчётность и крайне желательно, чтобы часы работы совпадали с официально установленными. Естественно, в редких случаях позволительны исключения.

После вступления, сквозившего плохо скрываемым недовольством, он счёл нужным добавить:

Полагаю, ты понимаешь общую идею.

Чего уж там, понимаю. То есть, казалось, начинаю понимать.

К слову, довожу до твоего сведения, что в четверг в десять утра будет проводиться еженедельное общее заседание. Изменить установленное время не представляется возможным, прими во внимание и организуйся соответственно. В этот день надлежит приходить заранее. До десяти!

Приятного продолжения выходных, Ариэль!

Молодец! С изобретательностью всё нормально! Измыслил-таки способ заставить меня приезжать раньше хотя бы раз в неделю. Ещё мне нравилась эта безликая форма. Можно подумать, будто требования исходят не от него, а от некой высшей инстанции. Что, с одной стороны, придавало им непререкаемую весомость, а с другой – снимало с него ответственность. Крайне удобная позиция, чтобы диктовать условия, за которыми не кроется ничего, кроме самодурства.

Оставив эти размышлизмы, я набросал эскиз первой части. Дальше пошло сложнее, пока было не вполне понятно, что именно от меня требуется. Новую

функциональность мы действительно собирались обсудить, но так и не успели, и поэтому я высказался обтекаемо.

Впрочем, несмотря на отсутствие деталей, было ясно, что во второй части мы входим в зону неизвестности. Поди знай, способно ли наше оборудование предоставить удовлетворительные исходные данные. Более того, вполне может выясниться, что задача в принципе невыполнима в рамках сегодняшних технологий, как с точки зрения ультразвука, так и с точки зрения алгоритмики. Но так или иначе ответственность ложится на меня. Мои профессиональные качества подвергаются испытанию, и на периферии сознания свербила подлая мыслишка, что на сей раз, может статься, мои знания и навыки окажутся недостаточными.

В связи с этим особенно тревожили сроки, не поддающиеся даже приблизительной оценке. Любое инновационное исследование сопряжено с долей риска, и одним из возможных выводов мог оказаться тот факт, что проект неосуществим в указанное время. Подписываться в такой ситуации под сроками, которые Ариэль изначально уконтрапупил до минимума, – самоубийственная затея, и в понедельник необходимо обстоятельно обсудить этот вопрос.

Перечитав и внося мелкие правки, не стал отсылать, решив дождаться воскресного вечера. Пусть сложится впечатление, что я все выходные трудился не покладая рук.

* * *

– Сегодня тебе нравится Ира, а через месяц кто? Катя? Маша? Наташа? Ты же сам понятия не имеешь, что с тобой будет завтра.

– Ир, зачем ты так?..

Вот во что превращается очередная попытка завести разговор о переезде в Сан-Франциско.

– Это что, сцена ревности?

– Илья...

– Нет, Ира, вот зачем ты это говоришь? – я чувствую, что начинаю злиться. – Я, вроде, не давал повода. Или ты про кассиршу? Так я же не сделал и полшага ей навстречу. Или тебе кажется, что за твоей спиной я бы поступил иначе?

– Нет, я не про кассиршу. И нет, мне не кажется, что сегодня ты бы поступил иначе.

– Так в чём же дело?

– В том, что я мать. У меня есть ребёнок. Я обязана думать о будущем. О его будущем в первую очередь.

«Я мать», – это нечестно. Это ультимативный аргумент в любой ситуации. А ещё угадывается недосказанное окончание фразы: «я мать, а ты оболтус и шалопай».

– Да, ты мать, – говорю, сделав несколько глубоких вдохов, как советует мой друг Шурик, употребляя новомодный термин anger management¹². – Этот факт не укрылся от моего внимания. И... я прекрасно нахожу с твоим сыном общий язык. Ты сама не раз об этом говорила, ведь так?

– Так... – отрешённо кивает Ира.

Я жду продолжения, но она смотрит в сторону. Я узнаю этот взгляд, этот тон и эту позу. Разговор окончен. Она замкнулась и больше не слушает.

– Ир, но ведь ты знаешь, что я и на этом фронте стараюсь, – не в силах остановиться, предпринимаю ещё попытку. – Если я что-то делаю не так – дай знать. Говори со мной, скажи что-нибудь, не молчи.

– Это не фронт, – роняет она.

– Ира! – поймав себя на том, что уже кричу, резко понижаю тон. – Ир, я забочусь не только о тебе, но и об Алексе. Разве ты не замечаешь? Ты знаешь, ты не можешь не видеть, как мне это важно. Действительно важно. Ты делишься переживаниями, рассказываешь о его проблемах. Я переживаю вместе с тобой. Стараюсь помогать, участвовать. Последнее время ты сама обращаешься за советами и нередко их принимаешь. Так в чём же дело? Объясни, пожалуйста!

По её лицу пробегает тень неясного мне, затаённого страдания.

– Я не хотела об этом, но ты давишь и настаиваешь... – произносит она совсем тихо. – Вспомни хотя бы, что ты устроил на прошлой неделе. На глазах у моего сына чуть не сорвался с пятого этажа. Рисковал собой, рисковал им... Ради чего? Погеройствовать приспичило?

– Ира!

– Нет уж, дай мне закончить. Пойми: я и мой сын, в отличие от тебя, не живём в приключенческом фильме. Ты хоть отдаёшь себе отчёт в своих действиях? Втянул ребёнка в свою погоню за адреналиновым кайфом. Мало того, ещё и соседей приплёл. Нам тут жить, а твои неадекватные поступки...

– Какие, блин, соседи? – я выматерился. – Твой сын был заперт в квартире один! Я! Хотел! Его! Спасти!

– Да, Алекс был заперт – это плохо. И ты помог. Спасибо. Но «спасти»?! Ему не угрожала опасность, и я всё время говорила с ним по телефону. Мы не на войне. Не в триллере. И нечего корчить из себя последнего героя боевика. Подумай

---

¹² Anger management – комплекс методик управления гневом.

хорошенько, кому это надо? Мне или тебе? Что было бы со мной, если бы ты упал? И главное, раз ты так заботаешься о моём сыне... что было бы с ним, если бы ты оступился и разбился, а он стоял в окне и смотрел бы на это!

– Ир, ты чего?! Не надо утрировать. Это не штурм Эвереста – просто перешагнул из одного окна в другое. Зачем ты так?

– Ты превратил бытовую неурядицу в чёрт знает что. Я не могу запретить взрослому человеку рисковать собой, но учти, я не позволю подвергать опасности моего ребёнка.

Повисает гнетущая пауза.

– Илья, мы всё не раз обсудили. У тебя новая работа, – продолжила Ира усталым голосом, – ты полон энтузиазма, ты говоришь прекрасные слова, и очень хочется верить... Но я так не могу, мне нужно время. На мне большая ответственность...

– Ир, время играет против нас. Мы ждём наших встреч неделями, видимся урывками, в часы, когда я, ошалевший, приезжаю из аэропорта, а ты уже ни то что не в состоянии чему-либо радоваться, тебе с трудом удаётся не заснуть. В итоге у обоих накапливается ощущение безысходности и разочарования. Разве ты не видишь, к чему всё идёт?

Ира молчит, и я знаю, на сей раз это окончательно. Я приближаюсь к точке кипения и заблаговременно ретируюсь на балкон. Достая сигареты. Жадно затягиваюсь. Докурив, зажигаю от окурка вторую, и внутри ещё тлеет надежда, что она придёт и скажет что-нибудь примирительное. Но этого не происходит. Я пробую успокоиться. Дышу носом. Грёбаный anger management не помогает. Невидящим взглядом озираю окрестности. Обида накатывает волнами, но вот, наконец, удаётся прийти в себя. Отщёлкиваю недокуренную, третью по счёту, сигарету и быстро возвращаюсь в комнату.

– Ира, я люблю тебя. Мне никто не нужен. Только ты и Алекс. Давай попробуем. Будем жить во Фриско, а не в этом треклятом мегаполисе. Снимем дом неподалёку от моря. Тебе не придётся горбатиться на двух работах. Сможешь заботиться о сыне. Он не будет сидеть один или с этой... полоумной соседкой с её оладушками... Ира, ты меня слышишь? Ир, в конце концов, тебе не жаль наших отношений?! Скажи, что ты хочешь?! Чего тебе не хватает?!

Она сидит, молчит и смотрит в сторону.

– Ира! Ты слышишь?! – ору я. – Ответь мне! Скажи что-нибудь!

Я топчусь перед ней как... да просто как придурок. Хочется ещё так много добавить,

но нет смысла.

– Я пойду, – говорю упавшим голосом.

И отмечаю, что впервые у меня прорезался именно этот, такой же, как у неё, тон. Я чувствую – сегодня нечто произошло. Возможно, я взрослею... Она бросает короткий взгляд, будто хочет что-то добавить, и снова отворачивается. Постояв, киваю сам себе, иду в прихожую, беру вещи и тихо прикрываю дверь.

* * *

Я в ночном баре, сижу у стойки и методично напиваюсь. «Я мать», «я должна думать о будущем», «у меня есть ребёнок, а ты оболтус и шалопай» – фразочки, которые она вонзала в меня с холодным садизмом, гулко бьются в опустошённой черепной коробке, резонируя многократно усиленным эхом.

В разгар этой адской какофонии приходит СМС:

Olesya: *Я стараюсь переносить с достоинством то, что не могу изменить. Прощаю себе слабости и поощряю силу идти дальше. В этом мире мы всего лишь люди, а для кого-то мы – целый мир... Мне не за что винить тебя, потому что ты такой, как есть. Спасибо, что отпустил меня. Всё предрешено, а расставание было бы больнее. Береги себя, милый.*

Это моя бывшая эпизодическая подруга. Она была крайне аппетитной, охренительно трахалась, постоянно чего-то требовала и, обладая непомерными амбициями, покамест днями работала в отделе телемаркетинга, а ночами пела по кабакам. Наши отношения состояли из колоритных скандалов и бурного секса. Я бросил её месяца три назад, познакомившись с Ирой.

Собравшись с мыслями, я нащёлкал:

Ира: *Леся, ты сильная и умная. Я за многое тебе благодарен и желаю всего наилучшего.*

Тут же пришёл ответ:

Olesya: *Я тоже желаю тебе самого наилучшего. Ты прекрасный человек. Удачи тебе!*

И через пять минут:

Olesya: *Если не верить в себя, нельзя быть гением. Оноре де Бальзак*

Я не видел смысла реагировать на эту бредятину. Заказав очередную стопку, вышел покурить и, вернувшись, обнаружил новое сообщение.

Olesya: *Пытаюсь уснуть, никак не получается...*

Тут меня переключило, я выпил и заказал ещё две.

Ilya: *Sleeping is not exactly what I had in mind...*¹³

Olesya: *А о чём ты думал?*

Браво! Певица в своём амплуа. О Бальзаке я думал, об Оноре!

Ilya: *Я хочу тебя. Давай встретимся.*

Olesya: *Если это единственное, что ты можешь предложить, меня это мало интересует. Это не то, что я ищу.*

И сразу ещё:

Olesya: *Это пренебрежение мной и тем, что у нас было. Лучше бы ты нашёл кого-то другого, потому что мне противно. ПРОТИВНО! И знаешь, думаю, ты так же кого-то водил, когда мы были вместе... Гадко и подло! Мне жаль, что всё именно так. Ты не имеешь уважения в первую очередь к самому себе.*

Лицемерная сука, дрянь, дрянь, – стучало в голове. Собрав всю накопившуюся злобу, я выцедил её по капле, расчётливо подбирая слова и вкладывая в каждую букву мегатонны ненависти.

Ilya: *К чему разыгрывать оскорблённую невинность? Я говорю искренне, не пытаюсь рассказывать сказки и давать несбыточные обещания. Да, у нас не сложились отношения, и я ушёл некрасиво. Но такая страсть и гармония – редкость. Я даже не о самом сексе, но я знаю, ты не могла забыть моменты сладостного предвкушения... как ты дрожала от одного звука моего голоса... и именно поэтому мы не созваниваемся, а шлём СМС-ки.*

Она переваривала это довольно долго.

---

¹³ Sleeping is not exactly what I had in mind... – Сон – не совсем то, что было у меня на уме...

Olesya: *I'm a vulnerable girl, why do this to me?*¹⁴ Мне нужен человек, который будет идти рядом, рука об руку... развиваться со мной, радоваться со мной... Перестань манипулировать моими чувствами!!!

Я чуть не взвыл от этого ханжества. Вспомнив об anger management, я отдышался, взял себя в руки и сублимировал презрение в холодной лицемерной форме.

Ilya: *Хорошо, прошу прощения за бестактность.*

И сразу отпустило. Ответ пришёл почти мгновенно.

Olesya: *Спасибо за понимание.*

Я глумливо усмехнулся.

Olesya: *Я всё знаю и чувствую... но не хочу больше боли.*

Мне было уже до лампочки. Я продолжал стремительно надираться, закусывая конопляным дымом. В начале третьего пришло сообщение:

Olesya: *Заедешь? Буду рада тебя видеть.*

Ilya: *Даже не знаю... Ты же хрупкая и ранимая.*

Язвительность ненадолго приободрила меня.

Olesya: *Случится то, чему суждено... You never know, unless you try...*¹⁵

Я молчал.

Olesya: *Я тоже хочу тебя, ты один или у тебя есть подруга?*

Ilya: *Есть подруга.*

Olesya: *Как ты можешь?! Если бы ты на самом деле ценил то, что у нас было, никогда бы не предложил такое!*

Я уже настолько пьян, что не ощущаю никакой разницы от новых порций. Звук в телефоне отключён. Сижу и тупо пялюсь в пространство. Через некоторое время бармен стучит по экрану моего мобильного. Нехотя беру и читаю:

Olesya: *Я просто хочу быть честна с тобой – у меня тоже есть бойфренд, и мне*

---

¹⁴ I'm a vulnerable girl, why do this to me? – Я хрупкая девушка, зачем ты так со мной?

¹⁵ You never know, unless you try... – Не попробовав, никогда не узнаешь...

кажется, что это будет неправильно...

Ир, ты ведь этого хотела! Я опрокидываю последнюю рюмаху и сую под запотевшее донышко мятые банкноты. Спустя полчаса я ебу певицу прямо в прихожей, уперев руками в стену, задрав короткое платье и сжимая в кулаке её тугие волосы.

* * *

Проснувшись к середине дня, я мрачно констатировал отсутствие алкогольного похмелья, зато моральное было в полном разгаре. Потянулся за недобитым косяком. Потом, не вылезая из постели, скрутил и высмолил подряд ещё и ещё один. Накурившись до остекленения, выполз в гостиную и с отвращением обнаружил очередное послание:

Илья!

Касательно проекта детекции поверхности сосуда, я прихожу к заключению, что задача вполне выполнима за пять месяцев.

Учти: в сентябре состоится опыт в больнице. Речь идёт о полной рабочей неделе, необходимой на подготовку эксперимента и анализ результатов. Кроме того, потребуется время на согласование деталей, потому я готов накинуть ещё пару дней. Таким образом, будем считать крайним сроком 31-го октября.

Я брезгливо поморщился. Почему именно к тридцать первому? Он что, решил приурочить окончание проекта к Хэллоуину?

Каждый час на счету. С 1-го июня необходимо непосредственно приступить к...

И т.д., и т.п. в том же репертуаре. Зачем, интересно, поручать мне составление этого дурацкого плана? Может, просто сдать в качестве такового подшивку его собственных писем?

подавив раздражение, кое-как одолел остаток этой безбрежной трясины с заводями щедрейших советов, топиями уточнений и чавкающих болотной тиной наставлений. Дочитав, заставил себя проглотить пару безвкусных тостов, запил выдохшейся колой и завалился спать.

Вечером в самопринудительном порядке просмотрел Арикову корреспонденцию и составленные накануне наброски. Частично откорректировал сроки и ещё раз строго-настрого решил серьёзно обсудить с ним эту тему, прежде чем давать какие-

либо обязательства. Засиделся допоздна, оттачивая отдельные фрагменты и производя предварительные расчёты. Перечитал всё сначала. Не удержался и, дав себе слово, что это последние правки, вновь принялся редактировать.

* * *

Alexander: *Ну чё? Как там твой безумный босс?*

Илья: *Шлёт шифровки*

Шурик – мой старый университетский приятель. На самом деле это определение не совсем точно: к тому моменту, как мы познакомились, он уже закончил учёбу, но в память о прежних временах появлялся на сходках. Мы сблизились как раз в то время, когда я окончательно охладел к этим сборищам, и на сегодняшний день Шурик является практически единственным человеком из того периода, с кем я продолжаю общаться. А студенческая общественная жизнь, поначалу казавшаяся интригующей, превратилась в череду однообразных попок, где с наигранной бесшабашностью велись претенциозные разглагольствования, неизменно вращающиеся в узком кругу модных тем.

Alexander: *Из этого всего один вывод: он клинически болен!*

Илья: *Absolutely))*

Ариэль ещё с первого интервью прочно занял верхушку нашего хит-парада. Частенько в ожидании посадки я, захлёбываясь от смеха, пересказывал особо пикантные перлы моего шефа. А его откровение на тему начальников-идиотов вообще превратилось в одну из моих коронных баек.

Alexander: *Я пытаюсь понять этот workplan – возникает ощущение, что это план нормальной компании на два года.*

Илья: *Понравилось?*

Alexander: *Ага, потрясающе. Особенно Excel. Вот тут где-то было...*

Открыв файл, о котором успел забыть, я рассеянно блуждал по календарному графику workplan-а, простирающемуся на десятки квадратных метров, как вдруг высветилось оповещение о новом мейле. Да что ж такое! И действительно:

Илья!

Всесторонне взвесив ситуацию, я постановил, что проект займёт четыре с половиной месяца. Восемнадцать недель – крайний срок, который мы можем себе позволить, ввиду...

Alexander: Прикинь, у него 14-го числа 21 пункт. Полное сумасшествие!

Илья: Эй, ах, Шурик

Илья: Наш обезбашенный снова активизировался

Alexander: А он в курсе, что сегодня воскресенье?

Илья: Не уверен

Alexander: И чего там?)

Илья: Я высрал. Как тебе этот сюр?

Alexander: Ща гляну

Я сделал кофе и дочитал свежий образчик эпистолярного творчества моего шефа.

Alexander: М-да... Видно, он вообще с головой не дружит. Каждые два часа перекраивать! Это ж абсурд!

Илья: Завихрения на почве излишнего рвения... Потолкуем – одумается. Он же не совсем...

Alexander: Совсем, братишка, совсем. Ну его, бросай всё и вали оттуда

Илья: Ладно, посмотрим. Где ты видел на такой должности адекватных и уравновешенных?

Alexander: Да, но этот-то точно псих

Илья: А я, типа, нормальный?

Alexander: Тебе возглавлять стартап пока не предлагают)

Илья: Вот и славно, не то я таким же стану))

Глава 8

Платон мне друг, но истина дороже.¹⁶

Дон Кихот Ламанчский

- Это никуда не годится! – Ариэль презрительно отшвырнул мой workplan.
- Послушай, отведённые тобой сроки...
- Оставь сроки, я о содержании. Тут же ни черта не понятно! Вот ты пишешь... – он схватил и быстро перебрал листки. – Где это? Так, так... Вот: «Анализ характеристик отражённого сигнала». Что это? Я не понимаю! Как вообще из этой фразы можно что-либо понять?
- Изучение характеристик сигнала, – монотонно роняя слова, начал я, – включает спектральный анализ, выявление основных частот, а также исследование...
- Я знаю, что такое анализ! – взвился он. – Но почему этого нет в документе? План работы – это не пустая отписка, план должен быть чётким, детальным и са-мо-дов-леющим. – Оторвав одухотворённый взгляд от потолка, куда он воззрился, пока говорил о том, что есть workplan, Ариэль испытующе уставился на меня. – Учти и исправься. Дальше, во второй части, ты и вовсе ничего толком не объясняешь. – Он снова зашуршал бумажками. – «Разработка альтернативных фильтров». Каких фильтров? Альтернативных чему? Как будет проходить их разработка? Из каких этапов состоять?
- Альтернативных существующим. Тем, которые уже реализованы в системе.

Шеф истоцил первоначальный запал и не спешил с ответом.

- Ариэль, давай разберёмся. Ты требуешь, чтобы я переделал всё с нуля плюс добавил новую функциональность. Как ты себе это представляешь в такие сроки?
- А в чём, собственно, проблема? – изумился он. – Первая часть сделана.
- Но ведь она работает кое-как!
- Думаешь, я не знаю! Не о том речь! Объясни лучше, почему твои описания столь поверхностны?

Я чуть не взвыл.

- Поначалу ещё куда ни шло, а дальше... Складывается впечатление, что, оставаясь дома, ты халатно относишься к своим обязанностям. Чем ты вообще занимался в выходные?

---

¹⁶ Перефразированное высказывание Аристотеля, который, в свою очередь, заимствовал похожую формулировку у самого Платона.

Хороший вопрос. Главное – своевременный.

- Ходил в музей, – брякнул я.
- Музей? – машинально переспросил Ариэль.

Причинно-следственная связь разрывается, и он на мгновение замирает.

- Какой ещё музей? – он мотнул головой, стряхивая оцепенение.
- Научный... Калифорнийский музей науки и техники.
- Зачем?
- Что? А... мм...

Действительно! Не в бровь, а в глаз. Я сделал витиеватый жест и пошевелил пальцами.

- Ну так... Посмотреть, вдохновиться...

Арик ошарашенно глядел на меня. В ажиотаже, охватывающем его во время внушения мне ума-разума, шеф имел обыкновение переть напролом, не придавая значения моим репликам. И теперь, опомнившись, пытался уяснить, как нас сюда занесло. Он тараторил на меня несколько долгих секунд, а я, стараясь сохранить невозмутимый вид, упивался тем, как огорошил его на полном скаку.

- Так, Илья, – Ариэль сгрёб бумажки и разровнял, постукивая торцом о крышку стола. – Сейчас не время беседовать о твоём досуге. Вернёмся к теме. Где мы были?
- Ты объяснял, – я тоже подобрался, – что план должен быть самодовлеющим, а то, что я написал, – никуда не годится.
- Вот именно! Абсолютно никуда. Теперь так... – он вновь впился в уже порядком измятые страницы.

Разнос возобновился и длился около часа, а попытка пересмотреть сроки с треском провалилась. Вопреки доводам о зоне неизвестности и нелинейном характере исследований, мне в очередной раз было навязано «обоюдное согласие» во всём своём великолепии.

Мы «договорились», что я закончу намеченную теперь уже «нами» работу за восемнадцать недель и, в случае необходимости, смогу просить ещё аж пять дополнительных дней на новые разработки. На прощание Ариэль вернул мне изжёванные листки, подчёркивая тем самым их полную непригодность.

Я вышел покурить, и Кимберли, приветствуя меня, шаловливо вильнула хвостом из своего «террариума». Опять двадцать пять. Бурное начало недели не сулило ничего хорошего. Толком ни в чём не разобравшись, приходилось взваливать на себя немалые обязательства. И дело не только в сроках, дело в том, что даже в первой части проекта непонятно до какой степени удастся и удастся ли вообще улучшить существующую систему. Перелопатить всё сделанное Тимом, без сомнения, необходимо, но Ариэль воспринимает это не как полноценное задание, а как досадную помеху. То есть он уже изначально недоволен, времени пшик, а спрос будет строгим.

И снова на меня накатило: «Планирование! – задыхался Ариэль, воздев руку к низкому фальшпотолку. – Планирование – это... – стиснув до белизны кулак, он прижал его к груди и с горечью промолвил: – Пойми: правильное составление плана работы зачастую важнее самой работы!», «...И, разумеется, всё переписать, это позорище, а не workplan. А чтобы попусту не затягивать, вышли ещё сегодня отдельный план усовершенствования workplan-а. Только пункты, без подробностей, не стоит тратить время напрасно».

– Илья-а... – вкрадчиво, словно душевнобольного, позвала Ирис.

Видимо, это произносилось не в первый раз.

– Ты идёшь?

– Э-э...

– Обедать, – приподняв в недоумении бровь, она насмешливо рассматривала меня. – Ты обедать пойдёшь?

– А... нет-нет, идите, я тут это... планирую...

Она изобразила забавную гримасу и удалилась. Я резко встал и прошёлся вдоль стены, отпихивая стулья. Три шага туда, три обратно. Как всё остобрыдло... Идти с ними – беспечно шутить, веселиться, прикидываться, – какого чёрта?! С недавних пор они взяли манеру интересоваться нашими перспективами, а обнадёжить их нечем. Что я им, кудесник, – за две недели найти лазейку в счастливое будущее? Какое тут может быть продвижение? Какое будущее?

* * *

Текли однообразные дни. Я вымучивал речевые конструкции и ворочал бессмысленные нагромождения слов, потом шёл к Ариэлю, и мы вместе оттачивали формулировки. То в минуты просветления наши разговоры взмывали до головокружительных высот абстракции, и мы могли часами обсуждать тончайшие

семантические оттенки отдельных выражений или идиом. То наоборот, вгрызаясь в какую-нибудь безобидную вводную фразу в стиле «Ввиду того что основной целью данного эксперимента является...», Ариэль хватался за голову и взывал: «Что это?! Как ты мог?! Иногда мне кажется, что ты абсолютно не понимаешь, чем мы тут занимаемся».

На этом встречу можно было считать сорванной. Часами мы блуждали вокруг да около и не продвигались дальше первого абзаца. В итоге оказывалось – я написал, что основные цели эксперимента такие-то, а второстепенные сякие-то, но Ариэль кардинально не согласен с тем, что у эксперимента могут быть второстепенные цели. «Цели, если они настоящие, все одинаково важны, – изнурённо втолковывал он, – либо они вовсе не цели. В нашей работе нет мелочей, всё должно делаться безупречно! На сто, на двести процентов!»

Потом приходила Кимберли и начинала свои финты и ужимки. Я больше не психовал. Но и не проявлял энтузиазма, что её несколько не смущало. Темы, с которыми она подкатывала, не отличались разнообразием, а намёки на то, что неплохо бы оставить меня в покое, Кимберли пропускала мимо ушей.

* * *

В среду я бился над протоколом связи между допотопной acquisition-платой и генератором-приёмником. Диалог не клеился. Сначала вовсе ничего не ладилось, а когда заработала электронная плата, выяснилось, что нарушена синхронизация с ресивером, и стало совершенно неясно, каким чудом до сих пор удавалось получать внятный сигнал.

Пришлось снова лезть в настройки. Затем искать в Сети дополнительные инструкции к злополучной плате. Разобравшись и с тем и с другим, я не поленился написать функции визуализации. Скроил всё воедино, запустил – на экране выстроились безукоризненно оформленные графики.

Я залюбовался. Ровные ряды диаграмм представляли результаты во всех возможных ракурсах. Одна беда – вместо ожидаемого сигнала на них отображалось скопище хаотично изломанных линий. М-да... я нервно сжал переносицу и некоторое время пялился на забранные в аккуратные рамки каракули.

Вздыхнув, снова полез в инструкцию и вскоре обнаружил, что acquisition-плата аккумулирует данные в шестнадцатеричной системе. Принявшись переводить их в десятичную, обратил внимание на время и сразу понял, что влип. До последнего рейса оставалось меньше получаса.

Я сгрёб в охапку вещи, запер офис и, выбежав на улицу, почти налетел на задумчиво ползущее такси. За пять минут до отлёта ворвался в аэропорт, вихрем пронёсся по терминалу и еле успел притормозить, чтобы не врезаться в стойку регистрации.

– Погодите! – с ходу выпалил я. – Там мой самолёт.

Двое охранников отделились от входа в телескопический трап и грузно придвинулись.

– Пожалуйста, я непременно должен улететь.

– Простите, посадка уже окончена. – Служащая в блейзере с эмблемой изобразила безмерно скорбную гримасу. – Мне крайне жаль.

– Так вот же – самолёт ещё тут, – я тоже попытался придать лицу адекватное этой безмерности просительное выражение. – Поймите, это экстренный случай.

Мои мимические упражнения не возымели действия. Стюардесса удалилась, а я сгоряча затеял препираться с парочкой мордovorотов. Когда авиалайнер задраил люки и поплыл к взлётной полосе, моё упорство стало беспредметным и потому ещё более абсурдным. Я обмяк, и меня проводили на улицу.

Ох уж эта наша американская квадратность, – ворчал я, тащась вдоль зеркальных витрин, – словно роботы. В самом фешенебельном заведении, стоит попросить банальную зубочистку, и, если она не числится в меню, добропорядочный служащий делает восьмиугольные глаза и входит в ступор. И всё это на фоне холёной вежливости, сахарных улыбок, спасибо-пожалуйста и непременно «How are you?» на каждом шагу.

Достав мобильник, стал просеивать номера. Перебравшись в LA, я не поддерживал отношения с большинством старых знакомых, и потому выбор был невелик. Можно, конечно, завалиться к Рабиновичу, но там, небось, дым коромыслом и гулянки до утра. Подумал было позвонить Шурику, но он наверняка либо детишек укладывает, либо уже и сам дрыхнет, – с него, примерного семьянина, станется. Полистал дальше, набрал два номера – безуспешно. Альтернатив не оставалось.

– Раби!

– Йоу-йоу! What's up, man?

– Слушай, Гоша, тут такая тема... Я застрял в Сан-Хосе. Негде переночевать. Думал у тебя вписаться, ты как?

– Не вопрос. Подваливай.

Добравшись до южных окраин Сан-Франциско, обнаружил ключ на том же месте, где и в прежние времена. Вошёл, рухнул на диван. Усталость сжимала виски. Тело ныло. Интересно, сколько я вынесу такой режим? Полежав с закрытыми глазами, взял книгу. Буквы расползались, а слова казались пустыми и пресными. Помаявшись, позвонил Гоше, узнал, где прячутся полотенца, и отправился в душ.

Заслышав шаги, обернулся полотенцем, вышел из ванной и наткнулся на незнакомую девушку в броской майке и мини-юбке. Слегка прищурившись в полумраке коридора, она вызывающе осмотрела меня с головы до ног.

– Ты кто? – осведомилась она, оторвавшись от созерцания стекающих с моего мокрого тела и разбивающихся о пол капель.

– А ты кто?

– Что ты тут делаешь? – бросила она и с неизъяснимым апломбом прошествовала в гостиную.

Тоже мне, – возмутился я, продолжая орошать кафельные плиты каплями водопроводной воды, я-то Раби знаю пятнадцать лет, а ты тут явление случайное и мимолётное. Постояв, вошёл, подобрал раскиданные шмотки и отправился одеваться. Тем временем она устроилась в кресле; на столике вместо моей книжки красовалась откупоренная бутылка, а в пепельнице дымилась сигарета.

– Где Гоша? – требовательно спросила она, отпив из бокала.

– Скоро будет.

Она ещё раз критически обзрела меня, стоящего посреди комнаты в мятой одежде с мокрым полотенцем в руках. Казалось, в её представлении я должен был резво собраться и исчезнуть, а в идеале моментально испариться. Под этим взглядом я ещё больше сконфузился, почувствовав себя каким-то бомжом.

– Я тебя смущаю? – поинтересовалась она.

– Смущаешь? – переспросил я сдавленным голосом. – Отнюдь.

Мы попытались завести разговор, но она была порядком пьяна, и её алкогольный кураж мне не импонировал. К счастью, вскоре явился шумный, жизнерадостный и, как всегда, многословный Гоша и, сославшись на то, что мне наверняка необходимо выспаться, увёл её в спальню. Я наконец остался один, расстелил выданную постель, разделся, лёг.

– Можно? – стоя на пороге, она постукивала ногтями по дверному стеклу.

Не дожидаясь ответа, прошла мимо меня, подхватила со стола бутылку и надменно удалилась.

* * *

Памятуя о заседании, я приехал к десяти. Но вместо обещанного мероприятия угодил в лапы Ариэля, затянувшего утреннюю песнь о десять ноль-пять. Эта экзекуция уже носила чисто ритуальный характер, и я решил ни в чём не перечить и по возможности соглашаясь.

Исчерпав тему времени прибытия на работу, Ариэль вышел на новый виток:

– ...начинаю осознавать, что ситуация крайне серьёзная. Даже критическая! – Хмуро насупясь, он всверлился взглядом в поверхность стола. – У нас разногласия на уровне базисных понятий.

И понеслось...

– Мы договариваемся, – брызжа слюной, разорялся Ариэль, – а ты вытворяешь, что тебе вздумается! С тобой невозможно заключить простейшее соглашение!

Оказалось, имелся в виду второй аспект понятия «мы договорились». Первым было пресловутое «обоюдное согласие», о наличии же второго аспекта я, в простоте душевной, даже не подозревал. Однако Ариэль указал на то, что мы уже не раз попадали в ситуацию, когда, согласовав некий вопрос, каждый оставался с иным представлением об отдельных нюансах договора.

Тут играли роль два фактора: погрешности человеческой памяти и неточности в определении понятий – именно то, к чему клонил Ариэль. Я уже пытался решить эту проблему, подробно конспектируя наши соглашения, но это не помогало. Он либо отметал мои конспекты под каким-либо абсурдным предлогом, либо оскорблялся в лучших чувствах и риторически вопрошал, неужто я думаю, что он сам не знает, о чём мы договаривались.

В итоге я опустил руки и действовал по собственному разумению, заранее смирившись с неизбежностью разногласий и конфликтов.

– Я приверженец Аристотеля и ярый противник той ложной точки зрения, которую сейчас представлю, но именно это заблуждение ёмко характеризует сложившуюся ситуацию. – Ариэль откашлялся, прочищая горло, будто собирался запеть.

Это было что-то свеженькое, Аристотелю ещё не доводилось бывать гостем на наших шизофренических посиделках.

– Некоторые люди, например Платон, – он вопросительно взглянул на меня, я добросовестно кивнул, – считают, что за каждым объектом или понятием стоит идея. Некая абстрактная, абсолютная сущность, витающая над нею в сиятельных горних высотах, и сама эта сущность тоже сиятельна.

Ариэль извлёк из ящичка большое яблоко и водрузил на середину стола.

– Любая реальная вещь, скажем, яблоко, по мнению Платона и его приспешников, является проекцией стоящей за ней идеи. Эта идея совершенна и содержит всю, так сказать, суть яблочности. Наше яблоко, как и всякое яблоко в этом мире, есть тень сиятельной идеи абсолютного яблока, упавшая или буквально впрессованная в материю.

Ариэль оглядел присутствующих, то есть меня и яблоко, оценивая произведённое впечатление. Впечатление действительно было неизгладимым: не знаю как яблоко, но с меня враз слетела утренняя сонливость.

– Так вот, людям, мыслящим, как Платон, – ещё один красноречивый взгляд, – свойственно думать, что, наблюдая тени, они способны узреть истинную сущность. Мало того, им мнится, что и другие, глядя на те же тени, видят ту же единую абсолютную идею. И когда вы говорите «яблоко», и я говорю «яблоко», вам кажется, что подразумевается одно и то же. Но это не так! И хотя я считаю Платона философом глубочайшим, то бишь достойным глубочайшего... – Он замялся и, чтобы сохранить темп, практически заорал: – Я с вами кардинально не согласен! Нет абсолютных идей, стоящих за схожими объектами! Все идеи субъективны! И любое взаимопонимание зиждется на чёткой согласованности понятий!

Он вытащил пакет с яблоками помельче и вывалил содержимое на стол. Плоды раскатились. Несколько упало на пол.

– Вот! – он сделал широкий жест. – Пожалуйста.

Возвышаясь над заваленным яблоками столом, Ариэль смотрелся сурово и внушительно. Он уставился на меня в ожидании возражений. Я молчал.

Возобладав над Платоном в моём лице, Ариэль пребывал в окрылённом состоянии, и сражаться с действующим начальником за взгляды давно почившего философа

было глупо. Хотя так и подмывало ляпнуть, что, несмотря на всё вышесказанное и вопреки отсутствию точного определения этой самой яблочности, ни одному из нас, как, вероятно, и Платону с Аристотелем, не пришло бы в голову усомниться в том, что разбросанные фрукты – ничто иное, как яблоки.

– Поскольку мне удалось тебя убедить, – подытожил Ариэль, – нам остаётся договориться о значении понятий. У нас в этом смысле разногласия на каждом шагу. Но мы будем бороться и непременно достигнем взаимопонимания. И, не откладывая, приступим к определению: когда я говорю «вовремя», я имею в виду десять ноль-ноль, а когда ты...

И пошло-поехало... Напоследок он многозначительно вручил мне так и оставшееся в центре стола большое яблоко.

Глава 9

...Он пребывал в том счастливом расположении духа, когда мужчины забывают, что у них есть наружность.

Пелам Гренвилл Вудхаус

Выходные ухнули в пропасть меж потугами довести рабочий план до приемлемого состояния и безуспешными попытками отоспаться. С Ирой мы почти не виделись. В пятницу было школьное мероприятие, потом детский день рождения, вернувшись с которого она долго укладывала ребёнка. Я застал её совсем обессиленной. Мы не встречались целую неделю, и Ира старалась казаться бодрой и весёлой. Это было трогательно и грустно. Сославшись на работу, я вскоре отправил её спать и вернулся домой.

В офисе всё понемногу устаканивалось. Параллельно с написанием плана я ещё на прошлой неделе принялся непосредственно за сам проект. К слову, согласовать конечный вариант workplan-а так и не удалось. Ариэль упорно назначал новые и новые встречи, на которых мы, изматывая друг друга, всё глубже увязали в бессмысленных лингвистических дебатах.

В итоге Арик неизменно браковал очередную версию. Это порядком изнуряло и отнимало время, но уживаться с придурью начальства мне было не впервой, и я незаметно втягивался в работу. Поставленная цель была почти недостижимой, и оттого ещё более желанной.

Шеф непрерывно был на взводе. Он хватал, швырял, призывал к ответственности, убеждал и настаивал. Его распирало от переизбытка эмоций. Как загнанный лев, он метался по крохотному офису, заставленному хрупкой аппаратурой, норовя наброситься и растерзать зазевавшихся подчинённых. Ариэль был вездесущ. Он звонил по пять-десять раз в день. Вдобавок постоянно врывался и требовал новые результаты. Результатов, естественно, не было – я работал. Тогда он требовал показать хоть что-то. Я наспех оформлял то, что есть, делал графики и шёл в кабинет.

– Тебе не стыдно?! – мгновенно взрывался он. – Что ты мне подсовываешь? Это же не закончено!

И начинался муторный процесс согласования базисных понятий – новая традиция, установленная после достопамятного разговора об идеях Платона.

– Перво-наперво мы должны определить концепцию законченности относительно объекта «работа».

Или значение понятия «проект», или «код».

– Это не код, – вопил он, заглядывая в мой программный код, – это чёрт знает что!

Что я ни делал, как ни старался, всё оказывалось из рук вон плохо и, сперва пристыжённый, но потом милостиво прощённый и осчастливленный массой ценнейших наставлений, я отправлялся работать над ошибками. Я трудился день и ночь, в самолёте, дома, я стал оставаться допоздна и летал последними рейсами. К моему возвращению ни о каких встречах с Ирой речи быть не могло – она уже давно спала, да и я валился с ног. Но шеф не унимался. Каждая его реплика была атакой. В каждой звучал вызов.

– Ты где?! – неизменно начинался любой разговор по телефону.

Ариэль постоянно задавал экзистенциальные вопросы.

– Что это?! – ревел он, потрясая распечатками первичных результатов.

– Когда?! – стонал шеф. – Когда, в конце концов, ты соизволишь приходить вовремя?

– Почему? – в отчаянии сипел он. – Почему ты опять прибыл в десять ноль-пять, а не в десять ноль-ноль, как мы договорились?

* * *

В среду пришлось засидеться. Никак не удавалось наладить, на первый взгляд, довольно простой цифровой фильтр. Я увлёкся, и бросать на полпути не хотелось. Поколебавшись, позвонил Шурику, не раз звавшему заходить после работы, и, решив вопрос ночлега, вернулся к прерванному занятию, но вскоре телефонный звонок прервал окучивание капризного фильтра.

– Алло? – пробормотал я, продолжая пялиться в экран.

– Илья, ты где?

– На работе, – заученно отчеканил я и лишь потом понял, что это не Ариэль. – А, Шурик, что стряслось?

– Как что?! Я думал, ты уже в пути. Мне в девять детей укладывать.

Я попытался отговориться, предложив приехать после того как они будут отправлены спать. Но Шурик был неумолим.

– Ты должен поиграть с детьми. Они давным-давно тебя не видели.

Рассеянно клацая клавишами, я проблеял что-то маловразумительное.

– Это и тебе полезно, – присовокупил он на прощание.

Шурик считал своим долгом насаждать непутёвому другу идеологию семейных ценностей. С тех пор, как я начал встречаться с Ирой, он воодушевился и утроил усилия.

– Илюля!!! – Кевин врезался в мою ногу и вцепился обеими руками. – Илюля! – вопил он, дёргая за штанину и подпрыгивая. – Илюля! Приехал!

Шурик, протянув мне руку, гордо взирал на своё чадо. В прихожую выскочила сестра Кевина – Натали, вся розовая от волнения. Замерла, смутилась и спряталась за папу. Повиснув на нём, она стала раскачиваться, всякий раз выглядывая и лукаво посматривая на нас.

Шурик подхватил Нати, я – Кевина, и под радостные визги мы ввалились в гостиную. Дети замельтешили, наперебой хвастаясь своими игрушками. Жена Шурика Вика, оторвавшись от расхаживания по кухне, помахала рукой. Кругленькому бойкому Кевину, с ещё редкими каштановыми волосами, года три. Натали, управлявшей перекосившееся платье подсмотренным у матери степенным движением, около шести.

Они принялись носиться друг за другом, часто оглядываясь, чтобы убедиться, что мы следим за игрой. Шурик развалился на диване и периодически делал ценные замечания. Дети выслушивали отца и, мгновенно позабыв обо всём, возобновляли беготню, то и дело валясь на пол и взрываясь звонким смехом.

– А давай ты будешь меня ловить! – Загоняв Кевина, Нати примчалась к нам и схватила меня за руку. – Давай! Идём! Идём!

Я резко наклонился и сцапал её.

- Не-е-ет, так не честно, – она извивалась, заливисто хохоча и пытаясь вырваться.
- Почему? – я не отпускал.
- Ты должен бегать.
- Я не могу. Мне голову на работе отгрызли.

От участия в игре увильнуть всё же не удалось. Но бегать я не стал, а устроил аттракцион, переставляя стулья, вокруг которых они носились. Нати принялась отчитывать меня, апеллируя к правосудию папы – Шурика. Кевин, придя в невыразимый восторг, шнырял между нами, не прекращая визжать. Чем громче они орали, тем веселее им становилось. Шурик сиял от удовольствия, что раздобыл детям такую большую забавную игрушку.

Несмотря на уловки, я вскоре выбился из сил и запросил пощады. Нас с Шуриком Вика позвала к столу, а детей усадили смотреть мультфильмы. Кевин поставил на выданном ему для этого дела ноутбуке сперва один, а потом параллельно и другой мультик, и до упора повысил звук. Натали солидно уселась к компьютеру и поставила свой.

Минут через десять я почувствовал, что схожу с ума. Хотелось в душ, хотелось расслабиться и залечь с книжкой, а главное – хотелось тишины. Самое интересное – никому, кроме меня, три вопящих на разные лады звуковых ряда нисколько не мешали. Вика безмятежно хлопотала на открытой кухне в паре метров от этой вакханалии, а Шурик напористо бубнил о карьерных перспективах. Я ничего не понимал – не слышал не то что Шурика, мне с трудом удавалось разобрать собственные мысли.

Пытка мультиками длилась около получаса, потом родители повели несколько присмиривших детей спать. Оставшись один, я вытянулся на диване и прикрыл глаза.

В гостиную ворвался Кевин, бросился к коробке с игрушками и стал вытаскивать большой самосвал. Затея удалась не сразу, но Кевин всё-таки выдрал его из-под общей кучи и шлёпнулся на пол в обнимку с откинувшимся жёлтым кузовом. Поднявшись, он приволок свой трофей и стал показывать, как он ездит и как открываются дверцы кабины, в которой сидел шофёр в синем комбинезоне.

Вскоре выполз Шурик, отрубившийся прямо на полу у кровати сына. Посидел, наблюдая опухшими глазами этот ночной разгул, и снова унёс Кевина в постель, показав жестом, чтобы я свернул косяк. Я спустился в машину.

– Ну что? Как дела? – он взял косяк и добил в пару затяжек. – Как с Ирой?

Начинается... Второй акт пропаганды – ретроспектива и подведение итогов.

– Да, вроде, в норме... Вот ходили с Алексом в музей. Приобщаюсь, участвую... А вообще, было довольно весело, хотя всё это, конечно, непривычно.

– М-да... Ещё годик-другой – станешь нормальным женатым человеком.

Шурик разочарованно покрутил окурочек и потребовал ещё. Я принялся сворачивать новый.

– Ведь ты же понимаешь, необходимо что-то менять. Ире не до твоих постоянных «фестивалей»... – он откинул сиденье. – Мне, разумеется, жаль терять свой персональный Тибет. Куда я буду ездить, чтобы забыться...

Я раскурил и передал Шурику.

– Но я рад... – он глубоко затянулся и выпустил в окно густую струю дыма. – Действительно рад за тебя.

– Идём, хорош голову морочить. Ты же хотел фильм посмотреть.

Шурик заклевал носом и уснул в разгар кульминации первой же сцены. Борясь с зевотой, я зачем-то досмотрел эту бредятину и разбудил примерного папашу. Он осовело покосился на меня и побрёл в спальню.

После душа я отправился в комнату, заставленную диковинными цветами, которые выращивала Вика. Раздеваясь, нашёл в кармане красивое конопляное семечко. Плутовато оглянулся, сделал в ближайшем вазоне ямку, опустил зёрнышко и присыпал землёй. «Пусть растёт цветочек для моего друга», – думал я, засыпая.

* * *

На следующий день я опоздал на общее совещание – то самое, о котором писал Ариэль. Оказалось, что оно проводится в нашей комнате. Припозднившись минут на десять, постучался и заглянул внутрь.

Ариэль прервал речь и строго вперился в нарушителя дисциплины. Синхронно повернув головы, сотрудники перевели взгляд с меня на Ариэля. Тим Чи или Тамагочи, как я окрестил это чучело после множественных полуночных бдений над его монументальным workplan-ом, капая на стол, ковырялся в моём аквариуме.

– Жди снаружи, – выдержав назидательную паузу, велел Ариэль.

«Детский сад какой-то! – в бессильном негодовании думал я, топчась перед закрытой дверью. – Воспитательница в угол поставила. И что теперь? Не стоять же тут, в самом деле!» Вчера я забыл лэптоп и потому совершенно не представлял, чем заняться. Может, постучаться и попросить? Но ведь Ариэль назло не даст.

Выслушает со скорбным видом, скажет нечто пафосное и сделает какой-нибудь нравоучительный жест. Хорошо ещё, если без Древней Греции обойдётся. Педагог хренов! Нет уж, увольте. Этого наслаждения я ему не доставлю.

Я бросил сумку в лаборатории и вышел на улицу. День выдался знойный, но пасмурный. Низкое небо, затянутое грязными кучевыми облаками, нависало над городским ландшафтом. В липком воздухе ни малейшего дуновения. Душно. Тихо. Машин почти нет. Людей тоже.

Миновав несколько кварталов, решаю купить кофе. Охлопав карманы, нахожу лишь мятую пачку сигарет. Достая последнюю, мстительно комкаю упаковку и ещё раз обшариваю карманы. Зажигалка не обнаруживается, и я плетусь дальше.

Между зданиями открывается полупустая парковка, ограждённая высокой стеной. Стена белая, и эта белизна резко выделяется на фоне преобладающих сероватых тонов. Я останавливаюсь. В стене с неведомой целью вырезана прямоугольная дыра. Поверхность с дырой напоминает обрамление большой картины – уютный скверик, заросший буйной травой и окружённый высоким кустарником, чуть поодаль, под раскидистым деревом, – скамейка и едва натопанная тропинка.

Я сразу понимаю, что мне туда. Упираюсь, подтягиваюсь и, перекинув ногу, усаживаюсь на краю дыры. На торце стены – спичечный коробок. Подобрал его, прыгиваю в сад. Осторожно иду по тропинке этого затерянного в безвременье уголка, а под подошвами приветливо похрустывает мелкий гравий.

Лёжа на скамейке, лениво затягиваюсь, выпускаю дым и смотрю на едва колеблющуюся листву, по которой скользят мягкие тени. Закрываю глаза, и тени, не желая расставаться со мной, продолжают скользить, навевая прозрачные мысли.

Вспоминается наша первая встреча. Мы на берегу, в ушах шуршит ветер, ласково журчит песок, а меж низких столиков мерцают фонари. Ира наклоняется и спрашивает...

А теперь мы в машине, она обращается ко мне, я смотрю на неё, и она так прекрасна, что я забываю вопрос и только крепче стискиваю руль. Она держится легко и непринуждённо, в ней нет ни жеманства, ни смазливости кокетства, от которых я так устал на наркотических тусовках и всевозможных пати. И, уже почти отчаявшись, долго искал это, прозябая в клубах, закрытых вечеринках, среди лицемерного веселья, бессмысленных разговоров и ненужных случайных знакомств, от которых наутро остаётся лишь мутный осадок стыда и разочарования. Неужто мне каким-то чудом удалось повстречать в этом городе, куда я выходил, как

на поверхность враждебной планеты в панцире из безразличия и цинизма, что-то настоящее, светлое и искреннее?

Её тон, голос, то, как она смотрит, возвращают меня в давно забытый мир. Мир, который поблёл, растрескался и осыпался где-то там, между первыми дорожками кокаина или позже, много позже, в часто повторяющихся затяжных депрессиях. Я люблюсь каждым её жестом, и каждое слово кажется мне откровением.

Осознание всего этого накатывает почти сразу, после нескольких приветственных фраз. Я инстинктивно пытаюсь скрыть смущение, от чего мой тон становится напорист и резок, и я принимаюсь хвастаться больше обычного. Несу какую-то околесицу, подкрепляя её выразительными жестами. А Ира смотрит на меня и всё понимает, то есть не ту туфту, которую я зачем-то проговариваю, а то, о чём я только смутно догадываюсь и в чём ещё боюсь себе признаться.

Я умолкаю, смотрю ей в глаза, в её бездонные, восхитительные глаза, и тоже наконец что-то понимаю. Я понимаю, что этот спектакль пора заканчивать, и закос под героя-любownika глуп и смешон, а главное – никому не нужен. А также я осознаю, что она это видит с самого начала, но это меня несколько не задевает. Она принимает и прощает меня. Это невероятно здорово, и, сжатая внутри, начавшая уже ржаветь пружина высвобождается, и мне тоже становится легко и свободно...

Она наклоняется ко мне, отбрасывает прядь волос, которую треплет ветер, и в её глазах играют отблески фонарей.

– Когда мы будем целоваться? – спрашивает Ира.

Я озираюсь, и она принимается смеяться. И я тоже принимаюсь смеяться. И всё кругом кажется таким близким и дорогим, будто после долгих скитаний я наконец-то вернулся домой, в родную, давно потерянную страну. И чудится, что вокруг добрые, настоящие люди. И клубная музыка, которую я не перевариваю, начинает казаться вполне сносной и тоже какой-то родной...

Прилив усиливается. Мы идём вдоль кромки прибоя. Ветер всё так же треплет её длинные волосы. Мы молчим, потому что всё уже сказано, а в тишине время течёт медленней, и, если бы не ветер, оно бы и вовсе остановилось. Ира тихо улыбается, а я смотрю, как её силуэт вырисовывается на фоне отражённых от мокрых песчинок далёких огней моего вновь обретённого города.

Обогнав её, рисую на песке две скрещённые линии.

– Целоваться мы будем тут, – говорю я, шагнув в центр.

Ира обводит перекрестие ровным кругом, поднимает глаза, я притягиваю её к себе... и просыпаюсь от лучей пробивающегося сквозь листву солнца.

Достаю телефон, на нём высвечивается имя Ирис, и медленно набирает силу мой рингтон – Oliver Huntemann – In Times of Trouble.

– Ирис! – кричу я. – Ты звонишь сообщить, что меня уволили? Смягчить удар?!

– Ага, сразу на пенсию, – она звучит подозрительно бодро для человека, вышедшего с двухчасового заседания. – Гроза миновала, Ариэль уехал. Можешь выбираться из укрытия.

– Мне стыдно.

– Чего именно?

– Того, что моё халатное отношение к работе вообще, и мои непрерывные опоздания в частности, пагубно сказываются не только на...

– Ладно-ладно, идём обедать. Заодно обсудим, что на чём сказывается.

* * *

– А где все? – поинтересовался я, встретив Ирис у здания офиса.

– Ай, да ну их, снова пиццу заказали, – отмахнулась она.

Наша медэксперт питалась исключительно здоровой пищей. Ярко выделяясь на фоне клерков, спешащих набить желудки в короткий обеденный перерыв, она чинно поклёвывала салатик, запивая минеральной водой.

– Так что было-то? – утолив первый голод, спросил я.

– Ну, как водится, все отчитались, потом он часа полтора разглагольствовал о новом проекте, – она выразительно взглянула на меня. – Всё зачитывал из какого-то документа, я так поняла – это твой workplan, хотя о тебе даже не заикался.

Я усмехнулся, исподтишка наблюдая за ней. Ирис ловко сворачивает по два-три листика и элегантно движением отправляет в рот. Не потребление пищи, а хореографический номер какой-то.

– Между прочим, Тиму что-то не понравилось в первой части...

– То есть? Что значит «не понравилось»?

– Он утверждал, что там нечто не совсем правильно... Принялись спорить и спорили так долго, что я запуталась. – В очередном па образовывается еле

заметная заминка. – Да они и сами быстро потеряли нить и решили продолжить отдельно. С этого момента Ариэль стал поминутно интересоваться у Стива с Тимом, что они думают.

– Та-а-ак, и что же они думают?

– Ну, Стив, сам понимаешь, на рожон не лез, а вот Тим всё норовил уточнить какие-то нюансы... – Справившись с взбунтовавшимся стебельком сельдерея, она продолжила: – В общем, не зря старался, шеф его похвалил.

– Дал кусочек сахара? Потрепал по холке?

– Тим – мутный тип. Ты бы с ним поосторожней...

– Ой, да ладно, тоже мне корифей канцелярского крюкотворства...

Хотя... И вправду, Тамагочи, разумеется, не в восторге от того, что у него отняли основой проект фирмы. И что из этого следует? Я поморщился, словно от изжоги, и отложил вилку. Не то что был повод для серьёзных опасений, но всё же эта, по сути, банальная ситуация приобретала дурной привкус.

– Ты-то как? – решил я сменить тему. – Как успехи в академии?

– Да-а... в принципе, ничего... – Ирис нацелилась на томат черри, сделала выпад, но тот увернулся. – Слепили черновик статьи, осталась волокита с правками. Надо бы начинать писать диплом...

– Но?..

– Но, я уже полтора месяца бьюсь над расчётами дифференциальных уравнений в цилиндрических координатах.

– Жуть какая!

– Прекрати ёрничать! – Ирис предприняла очередную попытку, но помидор вновь ускользнул.

– Прости, я так... для разрядки драматизма. Как тебя в эти дебри занесло?

Она смерила взглядом подозрительный овощ и откатила на край тарелки, изолируя очаг сопротивления. Мы углубились в обсуждение математических аспектов, а под конец, усыпив бдительность неприятеля, моя собеседница осуществила стремительный обходной манёвр, и строптивый помидор пал под сокрушительным натиском, в назидание представителям флоры, ещё осмеливающимся вступать в единоборство с человеком.

Официантка убрала со стола, я заказал кофе, а Ирис – нечто абсолютно непригодное. Я посоветовал, вместо того чтобы искать аналитическое решение, применить инструменты прикладной математики, и, со свойственным мне занудством, взялся за описание различных программ для численного анализа.

– Надо подумать. Может, ты и прав, мы уже столько времени угрохали...

- Подумай-подумай. Если что – помогу.
- Спасибо, попробую пока сама. Ладно, небось Ариэль вернулся, изнывает там без тебя. Да и пора бы делом заняться.

Глава 10

Единственный человек, действительно интересующийся нашим внутренним содержанием, – патологоанатом.

Сергей Федин

Встав затемно, я наскоро собрался и пустился в путь. Выбравшись на пронзающую мегаполис навесную трассу, включил радио – и салон взорвался нечеловечески бодрым голосом, зачитывающим утренние новости. Я сменил станцию, наткнулся на рекламу, потом на другую рекламу, потом на какую-то попсу и вновь спешно переключил.

– ...По представлению древних славян, Понедельник, видите ли... – по-питерски редуцируя предударные гласные, уныло пережёвывал немолодой диктор, – являлся, так сказать, вполне реальной личностью.

На выходных было принято решение добираться в Сан-Хосе на машине. Ежедневные полёты плюс поездки в и из аэропорта отнимали часов по пять-шесть, и я стал всё чаще оставаться у друзей. План был таков: выезжать в понедельник рано утром, три дня ночевать в окрестностях Сан-Хосе и в четверг возвращаться обратно.

– В праздник Преображения, иначе Яблочный Спас, – беспощадно доносилось из динамиков, – Господь одаривает яблоками праведников, а грешникам, согласно языческой традиции, в преисподней яблоки раздаёт Понедельник. – Память присоединилась к линчу над моей психикой и любезно представила внутреннему взору сцену разлетающихся по кабинету Ариэлевых яблок раздора.

Очередное нажатие кнопки:

– Русское радио Южной Калифорнии ищет таланты! – врезался в эфир захлёбывающийся восторгом девичий визг. – Приглашаем вас принять участие в открытом конкурсе радиоведущих! Наше радио...

Остаток пути прошёл в тишине. Наткнувшись на меня, Ариэль забывает, куда направлялся, с порога тащит в кабинет и принимается втолковывать, какое колоссальное значение имеет текущий проект, какую судьбоносную роль он играет в развитии компании, и именно сейчас результаты нужны позарез, говорит он, рубанув ладонью по горлу. Начав издали, шеф подбирается к теме эквизишн-кода, являющегося первым звеном, – довольно трудоёмким, но относительно

простым и прямолинейным, в смысле разработки.

– Ты же понимаешь... – увещевает меня Ариэль, пока я гадаю, к чему ломается эта комедия. – Все лавры в любом случае достанутся тебе. Ты разрабатываешь основную и, что гораздо важнее, творческую концепцию. Эквизишн для тебя просто инструмент.

Пилуля, подаваемая под этим соусом, заключается в том, что, по «общему» мнению (то есть по мнению начальника), всем, и в первую очередь мне самому, будет куда как удобней передать эквизишн Тиму, освободив время для основной части проекта. По осведомлённости в деталях чувствуется, что Тамагочи изрядно потрудился, внушая Ариэлю эту светлую мысль. Судя по всему, предполагается, что мне это не понравится из амбициозных и собственнических соображений.

Однако ожидания руководства не оправдываются. Когда он заканчивает, я легко соглашаюсь, прикинув, что Тамагочи может оказаться полезен. На первых порах он хотя бы отвлечёт Ариэля составлением своих излюбленных документов, а там, глядишь, и вовсе потопит его в бумажном море.

Выйдя из офиса, перегибаюсь через перила открытой галереи и застаю коллег за ежедневным ритуалом. Почему-то решение, когда обедать, принималось внутри, а где именно – снаружи. Договорившись, сотрудники расходились буквально на минутку что-то доделать и собирались спустя полчаса. Потом дружно топали к лифту, ехали вниз, брели через холл и, встав в дверях главного входа, где мешали всем входящим и выходящим, пускались в прения, куда податься.

Офис находится на втором ярусе пятиэтажного здания. Наверху располагается несколько модельных агентств, фотостудия и школа манекенщиц. В лифте мы регулярно имеем удовольствие лицезреть претенденток, штурмующих подиум красоты и славы. Их лица предельно сосредоточены, взгляд холоден и устремлён мимо и сквозь. Видимо, в сверкающее будущее мирового гламура. Первый этаж занимают модные рестораны и бары, куда мы, по негласному соглашению, никогда не ходим. Там стильные девочки с отсутствующим видом кушают суши и играет обезжиренная электронная музыка.

Внутри тоже не скучно – за стеной студия звукозаписи, и время от времени на нас обрушиваются цунами, низвергаются водопады, и далёкие раскаты грома извещают о надвигающемся шторме. Тигриное рычание перекликается с рублеными фразами и вспышками гнева, доносящимися из кабинета Ариэля. За другой такой же перегородкой наша секретарша (то есть административный директор) без устали тархтит по телефону. Даже в отсутствие звукозаписи стереоэффект, создаваемый

Кимберли и Ариэлем, конкретно сносит крышу. Всё это, помноженное на тесноту, которую я усугубил притащенной из лаборатории аппаратурой, довершает рельефную картину наших трудовых будней.

Тем временем в студии начинается озвучка военного фильма, и мы попадаем под шквальный огонь. Морская пехота скрежещет зубами, буквально в паре метров рвутся гранаты, и после основательной артподготовки боевые вертолёты заходят на штурм. Но осадное положение не смущает бесстрашную Кимберли, она невозмутимо разъясняет, оправдывается, настаивает, уточняет и, невзирая на предсмертные стоны тяжелораненых, добивается своего. Как-то нашим соседям подкинули то ли порно, то ли жёсткую эротику. Признаться, я оказался не готов к работе в таких условиях. Опять же, напротив сидела Ирис.

Положение спас Ариэль. Спустя полчаса стонов, всхлипов, причмокиваний и завываний он, весь красный как варёный омар, выскочил из кабинета и бросился к эпицентру разврата. Хардкор мгновенно прекратился, зато разъярённые вопли слышались ещё довольно долго.

* * *

Тягуче, словно вязкая смола, тянулась первая безвылазная неделя в Долине: проза затяжных рабочих дней, канувших в чёрную дыру офисного пространства, и вечерние поездки во Фриско с неизменными бытовыми неурядицами, связанными с ночёвками в гостях. Стремясь свести к минимуму последние и наверстать упущенное, в смысле, проигранное Ариэлю в баталиях за сроки, время, я всё чаще засиживался допоздна.

Шеф дёргал меня значительно реже. Отобрав эквизишн, он переключился на Тима. Первым делом они, естественно, затеяли составление грандиозного плана, поглотившее их обоих и практически нейтрализовавшее Ариэля, чей неусыпный учёт и контроль уже давно вышел за все рамки приличия. Единственным новым бытовым неудобством стал сам Тамагочи. Если раньше он тихо сидел, забившись в своём углу, то теперь, шныряя к Ариэлю, ему приходилось продирается через узкий проход между стеной и моим стулом. Смотрелось это довольно комично, и мне всякий раз с трудом удавалось сдержать улыбку.

И вот долгожданный вечер четверга, рабочий день давно кончился, в офисе пусто и царит тишина. Я доделываю последние мелочи, вечно оставляемые на потом, и, предусмотрительно запасшись музыкой, предвкушаю, как растекутся по салону мягкие звуки вступительных фортепианных аккордов... В коридоре слышится отрывистый удар, топот, и под нарастающий рёв сигнализации врывается Ариэль.

– Слушай! – выпаливает он и умолкает, судорожно хватая ртом воздух.

Упёршись руками в стол, Ариэль опрокидывает стаканчик с остывшим чаем. Я вскакиваю и бросаю в расползающуюся лужу пару бумажных полотенец.

– Илья! Мы летим в Солт-Лейк-Сити, – хрипит он, – делать опыт на человеке!

– Что?! – ору я, силясь перекричать истошные завывания. – На каком ещё человеке?! Ты в своём уме?!

– Илья, послушай...

– Ничего я не буду слушать! Я беру такси и двигаю в аэропорт.

Несмотря на раздражение, я помню, что шефу не следует знать, что я стал ездить на машине.

– Пойми, – он пытается сбавить тон, перекивая истерический аккомпанемент сирены и тяжело отдуваясь, – нам невероятно повезло. Нам представляется феноменальная возможность...

– Не хочу я ничего понимать. – Я тоже слегка сбрасываю обороты, поднимаю стаканчик и кидаю в урну. – Опыт на человеке?! Забудь, на данном этапе о таком и речи быть не может.

Ариэль отряхивает ладони, бросается в коридор, и макабрическая какофония стихает.

– Давай сделаем вид, что этой сцены не было, – продолжаю с подчёркнутой сдержанностью, – а в понедельник поговорим о сентябрьском эксперименте, хотя лучше всего перенести его на октябрь.

Неясно, какое впечатление производят мои слова, но Ариэль подвигает стул и садится.

– Это последний рейс? – спрашивает он помедлив.

– Предпоследний, – нехотя признаюсь я.

– Ты давно ел?

– Я обедал...

– Тогда давай так: удели мне час времени, мы поужинаем, ты меня выслушаешь, и, если в итоге не согласишься, я не стану настаивать и на обратном пути подкину в аэропорт.

– Нет уж, я как-нибудь сам.

Я кручу в пальцах пачку сигарет, которую инстинктивно ухватил, спеша эвакуировать из зоны чайного потопа. Осознав это, я ловлю себя на мысли, что Ариэлю удалось меня заинтриговать, и, пусть из чистого любопытства, мне уже не терпится узнать, что же он такое удумал и где раздобыл человека, согласного, чтобы в него пихали невесть что.

– Хорошо, поехали. Но предупреждаю: я в твоей афере участвовать не намерен и ни в какой Солт-Лейк-Сити или любой другой Сити не полечу.

Я зачехлил лэптоп, подобрал сумку и встряхнул их, подчёркивая, что беру всё с собой и возвращаться не собираюсь.

– Ты, конечно, в курсе, что можно завещать своё тело науке.

– Угу... – мычу я с набитым ртом.

– Так вот, я уже давно зарегистрировал нас на такой опыт. И сегодня в начале встречи с инвесторами звонят из университетской больницы и сообщают, что есть рабочий материал. С близкими уже связались, формальности улажены.

Ариэль принимается живописать подробности аварии трейлера с легковушкой в провинциальном городке штата Юта.

– Голову разнесло напрочь. Прикинь, он влетел в него сбоку, между колёсами, крышу срезало подчистую! – азартно жестикулируя, Ариэль старается понаглядней изобразить, как машина врезается в днище грузовика. – А, ладно, не в том суть, представляешь, кроме этого никаких повреждений, грудная клетка цела!

– Ты считаешь, – я поморщился и отодвинул тарелку, – нам невероятно повезло? Возможно... Но на сегодняшний день мы не готовы даже к экспериментам на животных, и не факт, что будем готовы к сентябрю. А ты о человеке...

– Пойми, мы ждали больше года, и сегодня нам крупно повезло. Это не заформалиненный орган, в течение тридцати шести часов у нас живое тело. – Он отпивает воды и продолжает более размеренно: – Илья, чтобы выжить, нужно постоянно ублажать инвесторов. Демонстрировать прогресс. Хоть какой-то. Если удастся добыть результаты, получим дополнительные инвестиции – это опыты, аппаратура, консультанты, публикации да и наша зарплата, в конце концов. Такова суровая реальность. Хотим мы того или нет, приходится делать рискованные ставки в надежде на будущий успех. Только так. Иначе никакого будущего просто не будет.

– Ариэль, шанс действительно уникальный, и я даже не могу представить, каких усилий это тебе стоило, но мы провалим этот опыт. Про-ва-лим. Да какой там – мы не в состоянии даже начать! Ни один из компонентов алгоритма не окончен и не работает.

– Хорошо, – Ариэль побарабанил по столу, – давай сделаем только эквизишн.

Прогоним сенсор по основным параметрам, возьмёшь замеры и всё. Потом спокойно обрабатываешь их офлайн.

– Ну... допустим. Но как ты себе это представляешь? Он же не пашет – этот ваш эквизишн, – усмехнулся я. – Вы его у меня отняли? Отняли. А сами дальше workplan-а не продвинулись. Или я ошибаюсь?

– Хм... – Ариэль нервно поскрёб подбородок. – Так, а старый? Был же старый эквизишн, что с ним?

– Да он ведь не подходит для новых сенсоров. Частоты не те.

– Эквизишн, эквизишн... – шеф нахмурился и вновь принялся барабанить. – Так, ясно... – он сплёл пальцы и уставился на них. – Илья, то, что я скажу – не распоряжение, не директива начальника, а моя личная просьба.

Он мельком взглянул на меня и продолжил:

– Давай попробуем. Доведем эквизишн до ума. По крайней мере частично. Я прервал встречу и примчался сюда. По пути переговорил с Харви, получил добро на незапланированные расходы. Всё оплачено. Ким из дома оформила...

– А они, в смысле инвесторы, в курсе, что тут у нас творится?

– Нет. Не в курсе. Никто не в курсе. Тут всё так, на всех уровнях. Чтобы добиться результатов – нужно финансирование, а финансирование можно выцарапать только продемонстрировав или, на худой конец, пообещав результаты, а без финансирования их не получить. И всё. Заколдованный круг. В общем, в сложившейся ситуации я по уши в дерьме.

Он снова посмотрел на пальцы, помолчал и добавил:

– Я помогу. Возьму на себя чёрную работу. Покажешь, как гонять тесты, тебе не придётся...

– Так, стоп, – я тоже постучал по столу и, поймав себя на подражательстве, отдернул руку. – Пойду покурю, попробую понять, насколько это вообще реально. Надо вспомнить, что там в каком состоянии.

Закурив с третьего раза, задержал дым в лёгких, осознавая, что уже загорелся авантюрной идеей. Я ощутил на лице вечерний летний ветер, полный неясных будоражащих запахов, сделал пару коротких затяжек и отшвырнул сигарету.

– О'кей, – я протянул руку. – Поехали.

Вернувшись, мы с ходу взялись за дело, я переписал Ариэлю нужные компоненты, настроил симулятор, подключил графическую визуализацию, наскоро объясняя, что к чему. Получилась вполне сносная виртуальная лаборатория. Шеф задал пару

уточняющих вопросов, которые меня обнадежили. Алгоритмика совсем не его стихия, и я опасался, что толку от этой затеи будет мало.

Мы расставили приоритеты, и Ариэль отправился в кабинет. Я нервно перебирал в памяти разрозненные фрагменты. По сути, подобные ситуации и были самой интересной частью моей работы. То, чем я занимаюсь, в широком смысле, даже не алгоритмика, а – proof of concept или feasibility, то есть доказательство концептуальной осуществимости. Моя задача – всеми возможными правдами и неправдами слепить прототип. Линейное развитие тут неприемлемо – ни времени, ни финансирования на последовательную разработку, как правило, не имеется, и направление часто выбирается по наитию.

Но одна ночь на эквизишн – это не просто в обрез, а катастрофически недостаточно. На голой интуиции не выехать, нам должно ещё крупно повезти.

- Так, я, кажется, закончил. – Заработавшись, я не заметил, как вернулся Ариэль.
- Вот список проблематичных случаев, – он протянул листок, заполненный ровными столбцами.
- Отлично, сейчас гляну. Открой директорию, скину новую версию.

Ариэль удалился, а я взялся за баги. Если наш многострадальный эквизишн действительно заработает, это будет невероятное чудо. Надо отдать должное Тиму, выбравшему важный, но, вместе с тем, безопасный участок. Располагая достаточным количеством времени, можно спокойно разобраться и всё наладить без наитий и риска, сопряжённого с разработкой самого алгоритма. Расчётливый ход осторожного игрока. Вот только как проверить то же самое до рассвета?..

Сражение с багами было прервано телефонным звонком:

- Привет, – приглушённо донёсся Ирин голос, – ты вернулся?

Я бросил взгляд на часы и осознал, что незаметно пролетело больше четырёх часов, время – начало первого, а конца-края даже не видно.

- Ир, ты чего не спишь? Всё в порядке?
- Да... – она помолчала. – Всё нормально. Ты уже дома?
- Не, – пробормотал я, продолжая тарашиться в экран, – я это...

Оторваться от бегущих цифр было выше моих сил. Тут обнаружился очередной баг, я исправил, запустил и стал сверяться с показаниями осциллографа.

- Илья, что случилось? Ты где?
- Да-да, Ир, я на работе, – спохватился я. – У нас цейтнот... долгая история. В общем, завтра расскажу.
- Мы завтра увидимся?
- Конечно. Я позвоню.

Ариэль разделался с проверками и в начале пятого предложил съездить за пиццей. Есть не хотелось, но я сразу согласился. Оставшись без дела, он бесцельно метался по офису, понукал меня и всё больше раздражал.

К утру эквизишн работает, но в пяти процентах присутствуют шумы, полностью перекрывающие сигнал, и сколько не бьюсь, никак не удаётся систематизировать ни условия их возникновения, ни их характеристику. Обнаружив закономерность, я бы мог если не решить проблему, то по крайней мере научиться её избегать. Радует лишь одно – подкрепившись, Ариэль отправился паковать аппаратуру и больше не докучает.

- Хватит, пора заканчивать, – выпаливает Ариэль, ворвавшись в комнату. – До вылета полтора часа.

Я замороженно пялюсь в код, судорожно щёлкаю функции и процедуры.

- Брось это. Помоги мне, я один не справлюсь.
- Ариэль, – я на миг оглядываюсь, – мы не можем так ехать.
- Пять процентов – это ерунда, – настаивает он. – Если сейчас же не начнём, то попросту не успеем.
- Пять процентов – не ерунда. Мне не удаётся локализовать проблему, ошибки появляются рандомно.
- И что? Нас вполне устроит девяностопятипроцентный успех. Всё, Илья, время истекло.
- Слушай! – я вскакиваю, теряя терпение. – Ты понимаешь, что это значит? Пока мы не выясним, что происходит, невозможно ничего гарантировать. Я же говорю – рандомные ошибки...

Мы стоим друг против друга в тесном проходе между загромождённым аппаратурой столом и гипсовой перегородкой.

- Пять процентов – это...
- Ариэль, это не пять процентов! Это РАНДОМНОЕ явление! Сейчас пять, а при других условиях, возможно, восемьдесят пять! Или сто!
- Илья, мы поедем как есть, пора действовать, либо...

- Нет, не поедем, дай мне ещё...
- Илья...
- В чём проблема? – кричу ему в лицо. – Возьмём пару вещей неупакованными. Что, по-твоему, лучше?
- Илья, время вышло. Сейчас же...
- Нет, Ариэль...
- Я сказал...
- Нет!..
- Я! – рычит Ариэль, делая шаг и оказываясь вплотную ко мне. – Приказываю! Сейчас же...
- Ариэль! Ты! – тело захлёстывает обжигающая ядовитая дрожь, и я чувствую, как слетают последние тормоза. – Ты...

Раздаётся тихий щелчок, мы настороженно замираем. Слышится шелест двери, шаги, ещё щелчок, и на пороге возникает Стив.

- Бурная ночь? – он невозмутимо осматривается.

Опомнившись, Ариэль бегло описывает ситуацию. Я сажусь, рассеянно беру уцелевшую от ночной трапезы алюминиевую банку, запрокидываю голову и выливаю в рот оставшиеся на донышке капли.

- Я помогу, только как ты без этого? – Стив кивает на приборы.
- Ничего, продолжу на симуляторе.
- Хочешь – иди в кабинет, – кивает Ариэль, – а мы прям тут и запакуем.

Вскоре удаётся выявить проблему. Наспех прогоняю тесты – всё работает. Я издаю победный вопль, метнувшись в комнату, бросаю гордый взгляд на шефа, несмотря на суровость, не способного сдержать улыбку. В шесть рук мы стаскиваем коробки, закидываем в машину и через считанные минуты уже несёмся в направлении аэропорта.

Глава 11

Лекарство – вещество, будучи введённым в крысу, дающее научный отчёт или статью.

Гиппократ

Одуревшие от бессонной ночи, мы мчимся через терминал, Ариэль с ходу ввязывается в перепалку о транспортировке нестандартного багажа, а я отправляюсь купить чего-нибудь съестного, так как в коротких полётах кормёжка не предусматривается.

Заняв места, набрасываемся на еду. Умяв свою порцию, Ариэль окидывает окружающих голодным взглядом, подзывает стюардессу и требует шоколадку, а лучше три. Нет, пять, – он кивает на меня.

– Впереди тяжёлый день, тебе нужно побольше глюкозы, – поясняет шеф.

Проглотив сладости, мы впадаем в оцепенение. Я опускаю спинку и прикрываю веки.

– Вот уроды! – хлёсткий возглас вырывает меня из сна. – Ты только глянь!

Шеф суёт мне лэптоп и тычет в набранный мелким шрифтом абзац.

– Это ж надо! – щелчком сворачивает окно и открывает другое. Я успеваю ухватить лишь несколько слов. – А вот это! – Ариэль переключается на следующий мейл. – Не, полюбуйся-полюбуйся! Как тебе это нравится?!

Он швыряет ноутбук мне на колени.

– Ну? Каково? Знаешь, кто пишет?

– Кто? Может, пояснишь?.. Я спросонья как-то не врубаюсь.

– Это инвесторы! – взрывается Ариэль. – Люди, которые годами вбухивают баснословные бабки в биомедицину ни хрена в ней не смысля. – Он захлопывает лэптоп. – И нет бы прислушаться к профессионалам! Или нанять консультантов! Куда там! С каждым новым просаженым миллионом у них крепнет иллюзия, что они сами... Понимаешь?! Сами! Становятся экспертами в медоборудовании! Да и вообще в медицине!

Удивительно, что они ещё не берутся оперировать! – Ариэль принимается

утрамбовывать содержимое портфеля портативным компьютером. – И, что самое парадоксальное, – из недр доносится жалобный хруст, – они даже не видят бизнес-потенциала! Их так называемого коммерческого чутья хватает ровно на один ход вперёд.

Выпрямившись, он извлекает какую-то непонятную... хрень.

– Что я ни втолковываю, как ни бьюсь, им всё кажется, что речь о чём-то в стиле борьбы процессора поколения 4300 с поколением 3400 или, что мы нечто вроде фичи для браузера разрабатываем...

На свет появляются шнуры с диковинными креплениями.

- Это что? – я вопросительно кошусь на хрень.
- А, это? Это... стимулятор тета-волновых излучений.
- Чего-чего?

Он распутывает и приводит в порядок провода.

– Тета-частотные волны генерируются в пограничных состояниях сна и стимулируют... – Ариэль нахлобучил на голову обруч с хромированными цилиндрами, – стимулируют креативность, мыслительные процессы и позволяют оперативно регенерировать резервы организма.

Он пришпандоривает провода к цилиндрам, создавая замысловатое сооружение, смахивающее на самодельное взрывное устройство. По вполне понятной причине подбегает всполошённая стюардесса. Шеф втюхивает ей заранее заготовленную брошюру и повторяет всю историю, только более медленно и подробно.

– Где мы были? – Ариэль застывает с проводом в руке. – А, вот! Смотри, сегодня в каждом нормальном государстве человеческая жизнь является наиболее ценным ресурсом. А потому любой перспективный медицинский аппарат широкого назначения имеет колоссальный рыночный потенциал. – Он осторожно ощупывает получившийся агрегат. – На первый взгляд, задача нашей компании проста, даже банальна. Создать сенсор, подобный существующим на рынке, но действующий на основе простых технологий и стоящий значительно дешевле.

Несуразное приспособление чем-то отдалённо напоминает гипертрофированные бигуди, на которые вывернули кастрюлю спагетти.

– И дело даже не в цене самого сенсора, – шеф взял пульт и повозился, что-то

конфигурируя, – стоимость процедуры состоит из расходов на сопутствующую аппаратуру, квалификации врачей, обработки данных. А в нашем случае всё значительно проще, быстрее и, соответственно, дешевле в десятки раз, а, войдя в массовое производство, станет дешевле в сотни и в тысячи.

Сегодня такая операция стоит от двадцати до пятидесяти тысяч долларов в зависимости от зарплат персонала, налогов и множества других факторов. Подобные процедуры даже в Штатах проводятся меньше, чем в пяти процентах клиник, и то исключительно частным образом. В Западной Европе ситуация гораздо хуже. О Восточной Европе, Южной Америке, Азии и Африке – вообще молчу. То есть даже в самых развитых странах...

– Погоди, а какие альтернативы?

– Никаких... Ну ничего, – Ариэль покатал желваками, – мы ещё посмотрим...

Он помолчал, поправил обруч и продолжил более сдержанно:

– А теперь прикинь масштабы: население США и Канады около 350 миллионов, Западной Европы – 400, то есть всего около 750. Из них, в лучшем случае, два-три процента могут позволить себе такие операции. А население планеты более семи миллиардов. Итого: меньше двух десятых процента.

Ариэль потыкал в пульт, рассматривая объёмные графики. Конструкция заискрилась цветными светодиодами. Соседи, опасливо следившие за его манипуляциями ещё при монтаже чудо-шлема, снова оглядываются, смотрят на Ариэля, потом на меня и обратно на него. Намертво вбитое в сознание американских обывателей понятие «прайвеси» в очередной раз побеждает любопытство, и спустя несколько секунд все теряют к нам интерес.

– Завершающая стадия – гамма-индуцирование. Расширение восприятия и повышение эфирного тонуса, – комментирует Ариэль. – Ты слушай, не отвлекайся, мы подбираемся к самой сути. Так вот, моя мечта – сделать достижения кардиологии достижимыми не только для сверхбогатой прослойки. Я хочу видеть наш логотип в каждом богом забытом городке Индии и Африки. Наша продукция должна стать так же доступна, как Кока-Кола.

Ариэль воинственно взмахнул пультом.

– Избавление – на расстоянии вытянутой руки. Мы с тобой способны сделать эту мечту реальностью за год-полтора. Речь даже не о миллионах, на кону миллиарды человеческих жизней! А наши инвесторы... впрочем, ну их в жопу. Прорвёмся.

Ариэль стащил с головы прекратившую мигать штуковину, отсоединил и свернул провода.

– А теперь поговорим о других цифрах. – Он потёр виски в местах соприкосновения с обручем. – Помнишь, я обещал, что как только произойдёт существенный сдвиг, мы вернёмся к вопросу опционов? Пришло время объяснить, почему откладывался этот разговор. Ты наверняка думаешь, мне надо, чтобы ты что-то доказал? Проявил себя?

– Ну, это вполне логично... – уклончиво ответил я.

– Так вот – нет. Не тебе надо доказать мне, это мне надо доказать им, – он усмехнулся. – Смотри: на всех работников – и теперешних, и будущих, включая внешних консультантов и двух-трёх передовых кардиологов, которые будут пиарить продукт, отведено пять процентов. Ты уже ключевой игрок в нашей команде, хотя сегодня это мало кто понимает. Но когда мы продемонстрируем новые результаты, состоится очередной инвестиционный раунд. И вот тогда я смогу диктовать условия. И потребовать для тебя не те крохи, какие достались остальным, а где-то около одного процента.

– Кстати, если уж на то пошло... Какой кусок пирога имеешь ты? – спросил я из желания хоть как-то проверить эту историю на прочность.

– Нас два основателя, и на пару у нас – те же пять. У меня – три процента, у партнёра – два, так как он участвовал только в формировании концепции и первом круге инвестиций. При случае надо вас познакомить.

Ариэль поглядел в иллюминатор и чему-то улыбнулся.

– А по самым скромным прогнозам, после создания прототипа мы за годик-другой раскрутимся до пятидесяти, если не до нескольких сотен миллионов, – он прищёлкнул пальцами. – Вот и прикинь.

Я прикинул. Надо признать – семизначные числа имеют неотразимый шарм. Да что там, числа били наотмашь.

– И, пойми правильно, здесь никто тебе одолжений не делает. Нам необходимо тебя мотивировать. Мне нужен не подчинённый, а соратник. Я хочу, чтобы это была не моя, а наша общая война.

* * *

Галопом проносимся сквозь больничный холл. Не дожидаясь лифта, Ариэль ввинчивается по лестнице на третий этаж, спеша убедиться, что всё готово. Когда эта железная коробка вместе со мной и аппаратурой доползает вверх, шеф уже у

дверей. В операционной он с ходу бросается распаковывать вещи. Я тестирую каждый прибор. Яркий свет заливает помещение, нещадно выжирая пространство. Предметы не отбрасывают теней.

Спустя полчаса система собрана. Мы наскоро переодеваемся в хирургические костюмы. Нам выдают свинцовые халаты и воротники. Я смутно припоминаю, что щитовидные железы особенно чувствительны к радиоактивному облучению.

- Ну что? Ввозим тело? – заглядывает медбрат.
- Давайте-давайте! – вскидывается Ариэль. – Нечего тянуть.

Эти доспехи весят килограмм по пятнадцать, и мы не спешим надевать их. Я гоняю тесты, раз за разом убеждаясь, что всё функционирует как надо. Ариэль поминутно оглядывается на меня. В его глазах вопрос: «Ну как, работает?» и, завершив очередной контрольный блок, я энергично киваю.

Кроме нас, в комнате хлопочут ещё двое – раскладывают скальпели, зажимы, шприцы. Распахивается дверь, санитары ввозят тело, накрытое зелёными простынями и подсоединённое к машине жизнеобеспечения. Следом появляется целая толпа. Наскоро представляются. Врачи, ассистенты, медбратья. Их фамилии и должности моментально выветриваются из моей головы, запоминается только имя главного хирурга – Уолтер. Один из вошедших – анестезиолог. Можно подумать, здесь действительно кому-то понадобится наркоз. Эта деталь, царапнув сознание, на миг выбивает меня из ритма.

Ассистент откидывает простыню. Я мельком оглядываю туловище невысокого парня и механически отмечаю, что он сходного со мной телосложения. Волос на груди почти нет. На плече татуировка из переплетения зазубренных линий. Голова прикрыта отдельной в несколько раз сложенной тканью. Я, так же как он, когда-то подписал бумажку о том, что завещаю тело науке.

Хирург делает надрез, устанавливает фиксатор и вводит катетер. Начинается showtime, и посторонние мысли мгновенно улечиваются. Тактовая частота происходящего возрастает до предела. Уолтер виртуозно, в два приёма доводит катетер до сердца. Пока он исполняет этот манёвр, все замирают, следя за картинкой на мониторе, дублирующем флюороскоп¹⁷.

- Мы там. Берём образцы? – бросает Уолтер.
- Да, – выдыхаем мы в один голос.

---

¹⁷ Флюороскоп – рентгеноскопический аппарат, обеспечивающий просвечивание в реальном времени.

Ариэль нависает надо мной, заглядывая через плечо. На некоторое время я руковожу происходящим. Всё продельвается чётко и споро, будто пациент жив. Каждая секунда на вес золота. Что-то не ладится с калибровкой, и я прошу повторить первичные замеры. Хирург понимает нас с полуслова и ловко устанавливает катетер в нужной точке.

– Вы в своём уме?! – орёт Уолтер, оглянувшись, в паузе между манипуляциями. – Седьмая минута облучения пошла!

Мы кидаемся к халатам, наскоро натягиваем, помогая друг другу застегнуть их на спине. Напяливаем воротники. Халаты громоздкие – ниже колен, в них мгновенно становится жарко. Воротники жмут и, чтобы посмотреть в сторону, надо поворачиваться всем телом.

Мы проходим по типичным сценариям, и Ариэль настаивает на многократном повторении ключевых ситуаций. Вскоре наши требования даже мне начинают казаться чрезмерными. Спустя три часа все уже на пределе, но работа продолжается в прежнем темпе.

В кратких передышках, пока врачи реконструируют очередной клинический сценарий, ко мне возвращаются воспоминания. Я с тревогой жду, когда пациента будут усыплять. Это выражение меня коробит. Вроде как речь и не идёт об умерщвлении. Сегодня мой первый опыт на человеке, но я уже не раз участвовал в экспериментах на животных. Преимущественно на свиньях, так как анатомия и физиология их внутренних органов, и в частности сердца, сходны с человеческими. После опыта зверюшка могла бы жить дальше, но, как правило, необходимо сверить результаты с оригиналом. То есть вынуть сердце, разрезать и сравнить. Но даже в тех случаях, когда ничего извлекать не надо, зверей всё равно «усыпляют», иначе наше мероприятие граничило бы с издевательством над животными. И поэтому их убивают из якобы гуманных соображений, а на деле – чтобы не подпасть под соответствующую статью.

Выглядит это так: анестезиолог вопросительно смотрит на собравшихся и, убедившись, что к свинке больше претензий не имеется, вводит раствор. Сигнал электрокардиограммы быстро затухает. Он выжидает протокольные пять минут, записывает точное время, накидывает простыню и уходит.

Следом приходит другой мужик, откидывает простыню, примеривается и делает глубокий надрез поперёк груди. Затем ещё и ещё. Это нарушение святости кожного покрова шокирует сильнее всего – в этот момент животное превращается в груды

мяса. Он засовывает руку в кровоточащую щель, погружая её чуть ли не по локоть, и с чавкающим хрустом кромсает внутренности грудной клетки, а я держу наготове банку с физраствором.

Как сейчас вижу – мужик достаёт сердце с ошмётками коронарных сосудов, сочащихся густой тёмной кровью, и запихивает в подставленную ёмкость. Берёт из моей одеревеневшей руки крышку, привычным движением запечатывает и сдирает окровавленные перчатки.

Эти образы вспыхивают в сознании, но голос Уолтера раз за разом выдёргивает меня оттуда. И вот последние сценарии завершены, проверены и перепроверены. Шесть часов пролетели словно шесть минут.

- Ну что? – проронил через плечо Уолтер.
- Всё, – выдохнул я.
- Точно? – он оглянулся. – Можно ещё пару успеть, решайтесь...
- Да-да, действительно всё, – кивнул Ариэль. – Всем спасибо.

Мы принялись упаковывать оборудование. Вошёл анестезиолог. Я внутренне напрягся, но он лишь бегло осмотрел тело, сверился с приборами и попросил ждать его в холле.

Санитары вывезли койку и машину жизнеобеспечения. Я с облегчением выдохнул. Со сборами управились на удивление быстро, и я даже успел наспех высмолить две сигареты, начхав на запрет курения на территории больничного кампуса.

- Держите, – анестезиолог вручил мне пластиковую ёмкость. – Постарайтесь поскорее в заморозку.

* * *

По пути в аэропорт обнаруживаю четыре пропущенных звонка. Улучив момент, отхожу в сторону и набираю номер.

- Ир, привет.
- Где ты? Всё о'кей?
- Да, я был на опыте...
- Почему ты не отвечаешь?
- Ир...
- Сложно найти минуту перезвонить?

Явственно чувствуется нарастающее напряжение, но я не в состоянии сейчас что-либо объяснять.

– Ир... – просительно повторяю я.

Она молчит.

– Ира...

Мой тон становится заискивающим, и от этого я начинаю закипать.

– Ира! – говорю я требовательно.

– Что?

– Ира, пойми...

– Не трудись, – тускло откликается она. – Я уже всё поняла.

– Ир, я прилечу в Сан-Хосе и позвоню тебе.

Она снова молчит.

– Ира, пока. Прилечу и позвоню, – выждав несколько секунд, вешаю трубку.

Возвращаясь к стойке регистрации, где уже началась посадка, судорожно потираю виски, пытаюсь сосредоточиться. Как ни крути, добраться в Лос-Анджелес до полуночи никак не удастся. Пока долетим до Сан-Хосе, пока закинем вещи, пока то-сё, а езды до LA часов пять в лучшем случае. От усталости и морального истощения ситуация кажется всё более нестерпимой и безвыходной.

Что же делать? Что делать?

Очередной скандал неизбежен. Хотя нет, в том-то и дело, она не станет скандалить, она будет молчать. Уж лучше бы выговорилась, пошвырялась чем-нибудь, в конце концов. Всё легче пытки тихой истерикой.

Так и подмывает позвонить и с ходу начать орать. Зачем она так? Хочется докричаться. Хочется, чтобы она услышала. Чтобы поняла. Или хотя бы сама начала кричать в ответ. Но звонить нельзя. Она не услышит и тем более не станет кричать. Она дождётся, пока я выдохнусь, скажет что-нибудь бесцветным голосом и повесит трубку.

– Эй, где тебя носит? – шутливо треплет меня по плечу Арик. – Мы пока ещё не купили этот самолёт.

Самолёт... Самолёт! Бросить машину в Сан-Хосе и лететь на самолёте. Я заново прокручиваю расчёт времени. Если поднапрячься, можно успеть на последний рейс. Впритык, но можно.

Заняв своё место, Ариэль мгновенно отрубается, свесив голову набок. Я тоже прикрываю глаза, но сон не идёт. Беспорядочно мелькают сцены минувших суток – безумная ночь, Стив, явившийся в последний момент, тета-волновой излучатель и спич о спасении человечества. Безжалостный свет операционной, пальцы, сжимающие скальпель, и бурое подсохшее пятно на хромированной поверхности.

Чтобы отвлечься, перебираю в уме выкладки Ариэля. На самом деле, он несколько приукрасил. Во-первых, наше оборудование применимо далеко не для всех кардиохирургических процедур. А во-вторых, катетеризация – не единственное решение, всегда остаётся открытая операция на сердце. Вскрытие грудной клетки, распиливание рёбер...

Я поёжился, развивать эту мысленную траекторию не хотелось. Но упомянутые им цифры вполне реальны, и наша технология действительно имеет огромный потенциал. Размышляя о перспективах, я задремал и провалился в глухой душный сон. Даже не сон, а анабиоз, из которого меня выдрал Ариэль, нещадно тормоша обеими руками.

По дороге позвонил Ире и условился, что еду напрямиком к ней. Подкатив к зданию офиса, мы припарковались поперёк тротуара, заблокировали лифт, перетасили коробки и, не распаковывая, свалили в лаборатории. И вот мы снова в машине, Ариэль в третий раз гонит к аэропорту, покинутому менее часа назад. У входа в терминал он глушит мотор и оборачивается.

– Спасибо, сегодня ты сделал большое дело.

– Тебе спасибо, – я жму его широкую сильную ладонь. – Теперь это наша общая война.

* * *

– Ну наконец-то, – Ира распахивает объятия, и я зарываюсь лицом в её волосы.

– Ира, – шепчу ей на ухо, – Ира...

Я чувствую, как её тепло по капле проникает в меня. Как откликается каждая клетка моего тела. Как расслабляются сведённые мускулы и обволакивает пологом усталость. Провожу у неё за ухом, и ниже к ключицам, пропуская меж пальцами

шелковистые пряди... И тут соображаю, что уже два дня не мылся, и осторожно высвобождаюсь из объятий.

– Ир, я только в душ и к тебе, – наклоняюсь и целую её в шею.

...Опоясавшись полотенцем, выхожу из ванной, посвежевший и готовый к подвигам, и браво направляюсь в спальню. Приняв триумфальную позу и слегка сдерживая улыбку, я останавливаюсь на пороге, словно в ожидании оваций. В комнате тихо и царит полумрак. Ира лежит на кровати спиной ко мне. По светлой простыне растекаются её волосы. До меня доходит не сразу... Она спит.

Я растерянно потоптался на месте. Ничего не изменилось. Моя поза как-то сама собой потеряла триумфальность. Улыбка скукожилась. Я ещё некоторое время постоял в дверях, надеясь, что она вот-вот оглянется. Но этого не произошло.

Вернувшись в ванную, напялил штаны, с отвращением набросил мятую, пропахшую больницей и потом рубашку. Проходя мимо спальни, останавливаюсь и гляжу на безмятежно посапывающую Иру. Такую близкую и далёкую... Затем стряхиваю оцепенение, гашу свет в гостиной и тихо закрываю за собой дверь.

* * *

Дома первым делом скидываю грязную одежду, не жуя, проглатываю купленные по пути бутерброды и закурываю. Отголоски пережитых эмоций бережат сознание, и, понимая, что в таком состоянии всё равно не уснуть, решаю взглянуть на результаты.

Запускаю простенький анализ первой контрольной точки. На экране высвечивается график, и у меня перехватывает дыхание. Ноль информативных данных. Опомнившись, запускаю анализ второй. То же дерьмо. Третья точка. У меня темнеет в глазах. Четвертая. Пятая. Догоревший окурок обжигает пальцы, я отшвыриваю его. Шестая, седьмая... Прогоняю точку за точкой, не в силах остановиться.

...Часа через полтора я оторвался от экрана, окинул невидящим взглядом свою берлогу, дотащился до спальни и рухнул в постель.

Глава 12

Нет, я не жалею, я в принципе привык бы и к тому, что мир бывает нечувствительным и чёрствым, что благородным образцам соответствует не шибко или требованьям высшим отвечает не вполне.

Чёрт с ним! Не отвечает, и чёрт с ним.

Но почему в таком количестве, во всяком переулке, изначально, бесконечно – и как раз по отношению ко мне?

Михаил Щербаков

Субботний день пролетел за изучением результатов. С самого утра я засел за компьютер. Поначалу картина казалась безнадежной, но при последовательной проверке стали обнаруживаться потенциально годные данные. Однако это был лишь первый этап анализа, для остального нужна была аппаратура.

– Ты снова опаздываешь? – Ирин звонок застал меня за работой.

Желая компенсировать вчерашнее, она договорилась оставить Алекса у подруги. По пути было решено отправиться ко мне, заказать что-нибудь и посмотреть фильм. Пока я оформлял доставку, Ира успела задремать, свернувшись в кресле. Я приглушил музыку и продолжил бороться с результатами.

Заслышав тарахтение мотора, поспешил навстречу посыльному, чтобы не потревожить Иру шумом и разговорами, потом разложил привезённую снедь и лишь затем разбудил её. После ужина мы перебрались в спальню, и я поставил давно ждущий своего часа для совместного просмотра «Астенический синдром» Киры Муратовой.

В конце первой части картины камера отдаляется – виден зал кинотеатра, вспыхивает свет и опускается занавес.

– ...Мы ведь не часто встречаемся с кино действительно серьёзным... – запинаясь, мямлит конференсье. – Мы имеем сегодня замечательную возможность поговорить...

Зрители поднимаются и недовольно проталкиваются к выходу. Никчёмность искусства на фоне безразличия толпы, поданная в такой ироничной форме, вызывает трепет и восхищение. Я оглядываюсь на Иру, ища сопереживания, и

обнаруживаю, что она уже мирно посапывает.

Зал пустеет, в кадре крупным планом – спящий, свесив голову набок, школьный учитель Николай Алексеевич. В заднем ряду вскакивает сержант.

– Взвод! Встать! – рявкает он. – Выходи строиться!

Ира и Николай Алексеевич синхронно встрепенулись. Солдаты с грохотом подхватываются на ноги. Николай Алексеевич ошалело сдирает с головы вязаную шапку и снова засыпает. Ира поворачивается на другой бок и, уткнувшись мне в плечо, следует его примеру. Это уже перебор. Я отстраняюсь, отодвигаю Иру и продолжаю смотреть кино в одиночестве.

Утром мы оба были не в духе, я отвёз её домой и вернулся к работе. К вечеру вырисовались общие очертания: приблизительно половина результатов ещё подавала надежды, остальное – никуда не годилось.

Это было фиаско. Я отказывался смириться и весь день вновь и вновь гонял тесты и изучал данные. Пятьдесят процентов коту под хвост из-за каких-то багов! Моих багов! Хотя я десятки раз всё проверил и перепроверил! В важнейшем эксперименте, повторить который шансов нет и не будет. И это лишь предварительный анализ...

Я ломал голову над поиском источника проблемы. В ужасе думал, что нас могли подвести сенсоры и запороть осязаемый процент... Хорошо, если не все оставшиеся пятьдесят. Могли подвести выбранные мной частоты, параметры и интенсивность импульса... да мало ли ещё что. Я представлял новые и новые возможные ошибки и уже отчётливо видел, как у нас, а точнее у меня, в итоге останется полный ноль.

Ночью, ворочаясь в постели, перебирал в уме модули и настройки треклятого эквизишн-кода. С горечью вспоминалась ссора из-за последних пяти процентов. Как много бы я дал за те пять вместо этих чудовищных пятидесяти. Что же я упустил? Всё ж работало! Каким вообще образом такое возможно?!

* * *

В понедельник я притащился на утреннее совещание, о назначении, точнее, о переназначении которого Ариэль разослал экстренные письма ещё на выходных. Речь о всё том же совещании, перенести которое, по словам Ариэля, было абсолютно невозможно.

Но для начальства нет ничего невозможного! И вот я топчусь перед закрытой дверью. Планёрка в разгаре, стоит ли упоминать, что я традиционно опаздываю.

– О! Сейчас он сам всё и расскажет, – прекратив рисовать на доске, шеф торжественно указывает на меня. – Небось уже провёл первичный анализ?!

– Ариэль, тут такое дело...

– Не дрейфы! Уступаю сцену тебе.

Он хлопает меня по плечу и плюхается в кресло. С трудом оторвав от него взгляд, смотрю на Стива, Ирис, Тима Чи, даже Таня тут – для полноты моего унижения.

– Половина результатов никуда не годится, – выпалил я.

– Ч-ч... что? – заикается Ариэль. – Что значит...

– С остальным пока неясно, – заканчиваю я чуть тише.

– Что ты несёшь?! – Ариэль вскакивает, мгновенно теряя всю добродушную вальяжность. – Что значит никуда не годится?! Как?! Мы всю ночь проторчали! Перепроверили каждый шаг! Всю ночь! До последней запятой! Как такое...

– Ариэль... – пытаюсь вклиниться я.

– Мы же... Ты же... Ведь все тесты... – Шеф совершает какие-то бестолковые движения руками. – Как же так?! Мы же всё проверили! Все тесты... На все сто процентов! Что, чёрт подери, это значит?!

Ища поддержки, оглядываюсь на Ирис, на Стива, но им тоже не по себе, они отводят глаза, и лишь Тамагочи пялится на меня с неестественным выражением. Раздаётся сухой треск, пальцы Ариэля окрашиваются ядовито-малиновым цветом. Он разжимает кулак, и на пол падают обломки маркера. Он хватает листок из стопки моих бумаг, трёт, комкает и отшвыривает. Затем хватается ещё один.

– А ну, показывай! – вновь начинает вопить он. – Давай сюда презентацию!

– Какую ещё презентацию?! – срываюсь я.

– С результатами, чтоб их... С твоими грёбаными результатами!

– Какая, нахрен, презентация?! Я все выходные корячился, еле успел прогнать первичные тесты!

– И не удосужился подготовить презентацию?

– Презентацию чего? Того, как мы провалили опыт?!

– Так, ладно, показывай что есть!

Я начинаю возиться с проектором. Меня трясёт. Провода выскользывают из рук. В конце концов всё как-то срастается, открываю код, загружаю первую точку, прогоняю тест и поясняю происходящее. Ариэль мельком косится на изображение и всверливается взглядом в стол. Ирис поначалу старается следить. Тамагочи

постреливает глазками то на Арика, то на экран, то на Стива. Я обрабатываю точку за точкой. Долго, нудно и довольно коряво.

Постепенно все, кроме Стива, теряют нить. Ирис нюансы анализа мало понятны, и она быстро тонет в подробностях. Таня-Марина и вовсе чатится в мобильнике.

– Как я уже не единожды был вынужден констатировать, отсутствие систематической методики... – в паузах подзуживает Тим Чи.

Его высказывания всеми игнорируются, но он продолжает, заискивающе поглядывая на Ариэля, по-прежнему пребывающего в полной прострации. Я вывожу на экран новые графики и механически комментирую.

– Доскональное планирование и поэтапное исполнение... – не унимается Тим.

Вот крыса, голос у него прорезался!

– Мне холодно! – неожиданно встрепенулась Таня-Марина. – Выключите кондиционер.

– Иди лучше воды принеси, – не оборачиваясь, бросает Ирис.

Посидев с минуту, Таня встаёт, с независимым видом выходит и вскоре возвращается, неся два пластиковых стаканчика. Ирис кивает на Ариэля. Таня-Марина боязливо ставит перед ним стакан, затем залпом осушает второй и вопросительно смотрит на Ирис. Новых распоряжений не последовало. Нервно похрустывая пустым стаканчиком и не находя, что делать дальше, Таня топчется рядом с начальником.

В разгар этого коллективного помешательства Стив решает взять безвластие в свои руки, велит Тане сесть и окликает Ариэля с лёгким нажимом в голосе. Некоторое время шеф никак не реагирует, потом медленно поднимает взгляд.

– Коллеги, – нарочито размеренно произносит Стив, – ещё вчера у нас был сенсор с результатами из самодельного аквариума на шнице из супермаркета, а сегодня – действующий катетер и, главное, опыт на человеке. Во-первых, это значительно повышает ставки во всех отношениях.

Стив делает короткую паузу.

– Во-вторых, половина данных, вероятно, вполне пригодна для дальнейшего анализа. Это сотни измерений! – Ещё одна выверенная пауза. – И в-третьих, вчера

для новых сенсоров не было никакого эквизишн-модуля, сегодня – есть, пусть с багами, но есть. Всё это – большая удача и важный этап в развитии компании.

Он обводит взглядом присутствующих. Ирис, ждавшая развязки, переменила позу и, кажется, несколько расслабилась. Таня-Марина расценивает смену атмосферы как предлог снова уткнуться в чат.

– Вызываюсь взять на себя повторную проверку и, возможно, мне удастся установить корень проблемы, – резюмирует Стив.

Ариэль, выйдя из оцепенения, то ли утвердительно кивает, то ли в изнеможении роняет голову. Все расползаются по своим вольерам. Я сижу, созерцая разгром на моём столе. Скомканные листы многострадального workplan-а, обагрённые ядовито-малиновыми чернилами, валяются на сероватом ковровом покрытии.

Собравшись с силами, встаю и выхожу на улицу. Надо пожрать. Мяса. Внутри тошно и мрачно, и ассоциативно вспоминается название «Black». Там оказывается вычурный дизайн – тяжёлые драпировки, густой полумрак, оттенённый янтарной подсветкой, и массивная мебель из морёного дуба.

Пока готовят заказ, бармен предлагает выпить с ним на пару. К нашему общему удивлению, я выбираю арак. Он нацеживает вязкую от кристалликов льда жидкость, и мы молча опрокидываем рюмки. Когда сидишь за стойкой один, нередко угощают за счёт заведения. Это продуманный коммерческий ход – фишка не в бесплатной выпивке, а в имитации личного участия. И хотя прекрасно всё понимаешь – это подкупает.

Мы выпиваем, и он наливает по второй, а потом и по третьей. Я возвращаюсь в офис спустя часа два. Помаявшись, прикидываю, какое титаническое волевое усилие надо предпринять, чтобы превратиться в амбициозного, целеустремлённого инженера, и нахожу это выше моих сил. Встаю, беру сумку и сваливаю, ни с кем не прощаясь. Выбираюсь из центра, снимаю комнату в придорожном мотеле и валюсь спать.

* * *

Всё продолжается как ни в чём ни бывало. Будто не было вчера ни моего позора, ни всеобщей истерии. Я копаюсь в алгоритме, Тамагочи пишет план, а Ирис пребывает на экзекуции у Ариэля. Из-за стены доносятся отголоски до боли знакомых интонаций в нарастающих тонах. «Это надолго», – решаю я и отправляюсь тестировать сенсоры в лаборатории.

Вернувшись, надеваю наушники, врубаю электронную музыку пободрее и берусь сверять калибровки. Мало-помалу я начинаю чувствовать, что что-то не так. Осматриваюсь. Внешне всё, как всегда. Тамагочи сколопендрой скрючился за компом, Ирис уставилась в монитор. Вроде, всё о'кей. Но нечто улавливается краем сознания, словно доигранная пластинка крутится впустую и игла царапает виниловую поверхность.

Я приглядываюсь к Ирис. В линзах её очков сменяются разноцветные блики экрана. Она некоторое время сидит без движения, затем жмёт на кнопку. Блики на мгновение пропадают, и калейдоскоп повторяется.

После нескольких циклов я догадываюсь, что она раз за разом перезагружает компьютер, ждёт, пока система загрузится, и снова делает рестарт.

– Ирис, – осторожно зову я.

Ноль эмоций.

– Ирис!

Выключает, включает и продолжает таращиться в ту же точку.

– Ирис, пойдём покурим... – легонько касаюсь её.

Она вздрагивает и смотрит на меня невидящим взглядом.

– Идём, – снова треплю её по плечу и убираю руку, – заодно прогуляемся.

Я делаю приглашающий жест, она некоторое время сидит без движения, потом нехотя встаёт и следует за мной. В лифте Ирис молчит, и я тоже не спешу заводить разговор.

– Куда мы? – тускло спрашивает она спустя несколько кварталов.

– Подальше от этого серпентария, – пытаюсь сосрить я, но ей не до моих шуточек.

– Хочу показать тебе одно место, только захвачу кое-что из машины.

Ирис безучастно кивает. Мы минуем полупустую стоянку и оказываемся у странной дыры в стене. Ирис в недоумении косится на меня.

– Давай-давай, – подбадриваю я.

Мы садимся на скамейку. Докурив, она сбивает огонёк и заботливо прячет бычок в карман. В скверике, как всегда, тихо и спокойно. Под конец второй сигареты Ирис прорывает, и она начинает говорить. И говорит долго, рассказывает об отношениях с Ариэлем, о том, как устала от его постоянных придирок и упрёков, и что она ни делает – всё ему кисло, и так подбирается к сегодняшнему требованию подделывать результаты лабораторных опытов.

– Ну и хрен с ним, какая разница? – вворачиваю я, почувствовав, что Ирис уже немного пришла в себя. – Это же просто, чтоб выиграть время.

В моих пальцах ловким движением возникает длинный конусообразный косяк, взятый из тайника в Challenger-е. Раскуриваю и передаю ей.

– Что ему остаётся, если инвесторам невтерпёж? Водить их за нос до появления продукта – главная полезная функция Ариэля!

– Интересно, а зачем я ему понадобилась? Почему он сам не сделал?

– Ну да, какой смысл ещё кого-то впутывать?

Трава отменная, и вскоре нас накрывает.

– О! Я знаю! Это Ким!

– А Ким-то тут при чём?

Она пытается ответить, но вместо этого заливается хохотом.

– Может, вернёшь косяк? Кажется, тебе уже хватит.

Она глубоко затягивается и передаёт.

– Ну, как же? Ким! Наша шпионка-куртизанка! Ариэля она просто берёт на бордаж. Подкрашивается, юбку подтягивает, усаживается к нему на стол и спину выгибает, чтобы была ещё короче, выпускает локон, и пальчиком так... пальчиком...

– Погоди-погоди, а шпионка-то тут причём?

– А каким, думаешь, образом Ариэль узнаёт, когда кто пришёл, ушёл, сколько времени обедал, что делал, пока его нет?

– Да ладно!

– А зачем, по-твоему, ей к тебе клеиться? Она постоянно ведёт слезку за новенькими. Ой, а Тим... – давясь от смеха, Ирис чуть не скатывается со скамейки.

– Тим-то наш, бедный! Его она вовсе доконала.

– Ох, Кимберли кого хошь доконает, я сам еле отбиваюсь. А он-то ей на что?

– По-моему, попросту забавляется. Подловит в тесной кухоньке и начинает шпынять. Тима потом аж колотит, он прячется за монитор и полдня пытается оклематься. Совсем зашугала его своими сиськами. Он теперь выглядывает и прислушивается, прежде чем выйти в коридор, чтобы в них не угодить.

– Ладно, защищать Тамагочи от молочных желёз нашей офис-менеджер меня не очень-то тянет. А что ей от тебя надо?

– Да, было у нас пару... разговорчиков, – Ирис хихикает, – когда я поняла, что она на меня стучит Ариэлю.

* * *

– Необходимо срочно найти решение, – прерывает Стива Ариэль, исступлённо повторяя эту заветную фразу далеко не впервые.

– Начнём сначала, – с неослабевающим энтузиазмом Стив заходит на пятый круг.

– Устраиваем мозговой штурм, генерируем идеи, делим на конкретные задания, и каждый берётся за свою часть.

– Великолепно, приступаем!

Так протекает совещание, созванное Стивом, который, естественно, сам ни в чём не разобрался. Мы приступаем и довольно быстро умудряемся заплутать в деталях и частностях.

– Ещё раз, какие у нас основные модули? – снова заводит Стив.

– Основных модуля три, – устало повторяю я. – Генерация сигнала, оцифровывание и сохранение данных.

– Подробнее! – требует Ариэль, сосредоточенно насупившись.

Вся эта тягомотина кажется натянутой и бессмысленной, и не совсем ясно, что за новую роль разыгрывает Стив.

– О'кей, генерация первичного сигнала. Там, как я уже говорил, несколько субмодулей...

– Вперёд, выкладывай по порядку, – командует Ариэль. – Стив, записывай.

– Погодите... – мягко урезонивает Стив. – Давайте прежде испробуем аналитический подход. Ведь вы тут всё сотни раз проверили, и никаких проблем, а там...

– Ну-ну... – подгоняет Ариэль.

– Надо уяснить, что изменилось. В чём фундаментальное различие между здесь и там?

Ариэль откидывается и закладывает руки за голову, а мы стоим перед ним, как

Гамлет и Горацио или Бивис и Батхед, с ходу не разберёшь.

– Хорошо... Генерация. Первичного. Сигнала. Что могло измениться? – я обвожу их взглядом, хотя, разумеется, отвечать на вопросы предстоит преимущественно мне самому. – Не вижу никаких фундаментальных различий между Сан-Хосе и Солт-Лейк-Сити. Импульс и его генерация – сугубо внутренние функции системы, никак не зависящие от внешней среды. Есть возражения?

Они некоторое время молчат и вдумчиво морщат лбы.

– Возражений нет, я так понимаю?

Ариэль угрюмо похрустывает костяшками пальцев. Стив выводит на доске заголовок.

– Отлично, дальше – оцифровывание, – продолжаю я. – Снова нет никакой разницы между Сан-Хосе и Солт-Лейк-Сити. Мы рассматриваем широкий спектр частот. Более того, ни в сенсорах, ни в электронной плате, ни в коде мы ничего не меняли. Ваши мнения?

Сцена с нахмуренными лбами повторяется.

– Все согласны, – заключаю, выждав пару секунд.

Стив записывает на доске – «Оцифровывание».

– Ну и последнее, – спешу отделаться я. – Хранение информации. То же самое: берём, что намерили, урезаем до нужного диапазона и сбрасываем на жёсткий диск. Заметьте, мы используем датчики одного типа, соответственно, диапазон – тот же. Плюс, мы их проверили, и сомневаюсь, что у сенсоров могут иметься сантименты географического толка. Им глубоко фиолетово – излучать ультразвук в Калифорнии либо в ином штате.

На лицах отображается мучительная работа мысли.

– Вот и славно. Давайте уже закончим, и я сам...

– Не понял... – задумчиво произносит Стив. – А зачем резать частоты? Ведь частоты... я имею в виду, разве...

С меня вмиг слетает насмешливость.

- Fuck! – кричу я. – Ну конечно!
- Да! – вскакивает Ариэль. – Точно!
- Слушай, а на сколько меняется базовая частота?
- Процентом на десять-пятнадцать... – шеф бессильно оседает в кресло.

Тишина неммым укором заполняет офисное пространство.

- Я что-то упустил? – наконец нарушает молчание Стив. – Можно поподробнее?
- Да... Понимаешь, когда мы... – принимаюсь объяснять я. – Нет, я не верю! Как нас угораздило?!
- Это моя ошибка... – страдальчески отзывается Ариэль.
- Нет, ну я тоже хорош.
- Я должен был тебя предупредить...
- И сам бы мог догадаться... – мне трудно уступить в этом состязании за первенство в кретинизме.

Мы замолкаем. Выждав, Стив картинно машет ладонью.

- Да, в общем... – нехотя признаюсь я. – Эхо, то есть сигналы, отражённые от живой и от мёртвой ткани, несколько разнятся. Мёртвая – жёстче и плотнее, тем более после заморозки. А при хранении берётся узкий диапазон вокруг основного пика. Процентом десять. Это... оптимизация такая...

Мы понемногу приходим в себя. Проблема установлена, можно расходиться.

- Молодец, – кивает Стиву Ариэль. – Если так пойдёт... – фраза обрывается, и складывается впечатление, что продолжение не предназначено для моих ушей. – Молодцы! Оба... Оба молодцы! – скомканно поправляется он. – Впредь готовим отдельную конфигурацию для больничных опытов.

Я сделал несколько конфигураций, отретушировал мелкие детали и исправил пару багов, не переставая удивляться, как они не всплыли на эксперименте. Уцелевшая половина результатов оказалась вполне пригодной, да и новые сенсоры превзошли наши ожидания.

Всё постепенно приходило в норму. Покончив с эквизишн-кодом, я вернулся к алгоритму, втихомолку посмеиваясь над Тимом, продолжавшем планировать и разводить канитель вокруг своего игрушечного проекта, альтернативу которому я забацал практически за сутки.

* * *

В пятницу с Ирой встретиться не удалось. Пока она управилась с делами по дому, пока уложила Алекса, – было уже поздно. Я работал и засиделся до утра, а затем, так и не ложившись, отправился в автосервис. Challenger требовал капитального ремонта. Я разжился им ещё в студенчестве, не только из-за гордого изгиба линий и скрытой за ним силы, – само название совпадало с моим тогдашним прозвищем.

Challenger – мне нравилось и звучание, и значение, да и судьба погибшего космического корабля придавала этой кличке так импонирующий мне тогда флёр героизма. И хоть сегодня я далёк от показухи такого рода, уже давно сроднился с этой раритетной колымагой. И даже решил, что её видок будет смирать мою гордыню, напоминая о капризах молодости. Но это не работало. Как был я пижоном, так и остался. Только выпендриваюсь чуть более ухищрённо.

Вечером позвонила Ира. Они были в гостях неподалёку, и Алекс попросил заночевать у школьного приятеля. Мы условились, что я оставляю дверь открытой и немного вздремну до её прихода.

Проснувшись поздним утром, я пришёл в ужас. Выскочил в гостиную – Иры нет. Метнулся во двор, где она любила пить кофе. Там нещадно палило солнце. Иры не было. Вернувшись в квартиру, стал смутно припоминать, как она тормозила меня. Я ворвался в спальню и, осмотрев кровать, понял, что она не ложилась. Опять выбежал в гостиную, потом на улицу, будто она могла где-то спрятаться.

Закрыв входную дверь, прислонился к стене в прихожей. Какой же я придурок... Тяжело сполз на пол, представляя, как она просидела всю ночь одна, ожидая, пока я соизволю проснуться, и потом уехала утренним автобусом.

Надо было срочно звонить, я вскочил и кинулся искать телефон. По дороге заметил, что её разноцветный браслет, уже давно ставший декоративным элементом интерьера, исчез. Бросился к стеллажу, где была воткнута её серёжка, которую я отобрал ещё в начале наших отношений. Серёжки тоже не оказалось. Дальше я убедился, что из шкафа пропали те немногие вещи, которые она держала у меня, а из ванной исчезла зубная щётка и тюбики с кремом.

До меня, наконец, дошло очевидное. Она ушла. И ушла навсегда. Я зачем-то вновь вернулся в прихожую, опустился на пол и обхватил голову руками.

Глава 13

Маэстро... Сейчас я хочу приготовить самый убойный коктейль из тех, что я знаю, а вы будьте добры – смягчите силу удара, как можете. Мне-то уже всё равно, а вот за зрителей своих я немножечко волнуюсь...

Mr. Freeman

На первом свидании Ира настроена решительно, будоража и держа в постоянном напряжении. А второе заканчивается в моей постели. И вот я везу её домой, мы молчим, переполненные аурой первой близости, и заново переживаем яркие мгновения. Подъезжаем, Ира выходит из машины, одёргивает юбку и произносит всего одно слово:

– Сволочь.

Взгляд её затуманен и на дне его мерцают угольки, будто острые когти, утопленные в подушечках лап. Она потягивается с грацией благодарной самки. И это последний штрих. От звука её охрипшего голоса нечто внутри переворачивается, качели делают солнышко, и эта сцена намертво впечатывается в моё сознание.

* * *

Вам налить? Пока нет? Тогда, с вашего позволения, пью один. Так, дальше!¹⁸

* * *

Мы в суши-баре. В один из тех немногих вечеров, когда удалось куда-то выбраться. Потягиваем остывающее саке, едим суши. И тут Ира делает одну из вещей, свойственных женщинам на ранней стадии отношений, – то есть лезть, куда не следует, что-то разузнавать и проверять границы. Она просит посмотреть, что я ношу в кошельке. Перебрав его содержимое, она обнаруживает карточку из плотной бумаги.

– Это что? – спрашивает Ира.

А карточка найдена в одном из ночных скитаний по дебрям Лос-Анджелеса. Я шёл вместе со своей «бездной», увидел и сразу понял, что это мне. Карта из детской игровой колоды. На ней парусник с тремя мачтами, высокой палубой, гордо

---

¹⁸ Здесь и ниже вставки из видеоролика «О России», проект Mr. Freeman.

заданным бушпритом и раздутыми попутным ветром парусами. А под рисунком написано «Спасательный корабль». Я положил карточку в кошелек, и с тех пор она всегда со мной.

Когда я заканчиваю эту историю, Ира достаёт ручку и, закрываясь ладонью, что-то выводит. Затем протягивает мне. «Я.Т.Т.Л.» – написано под Кораблём спасения. Такое признание... в письменной форме, с этим «тоже» и в виде аббревиатуры, – оно жалко, натянуто.

А я уже давно сказал ей, что люблю. Ещё на третьей неделе. Неожиданно для нас обоих. Обычно я крайне осторожно отношусь к этой фразе и прежде, в таком контексте, произносил её один или два раза. Но тогда нам было так здорово, чувства были столь чисты и возвышенны, что я не удержался и сказал.

* * *

Ещё рюмочку? Давайте-давайте! Не стесняйтесь! Опять один? О, народ... О, народ!

* * *

Незадолго до Корабля я нашёл меч и пистолет. Тоже детские. Меч был маленький, но красивый. Я решил, что у меня должен быть свой меч. И подобрал. Потом нашлась ещё штуковина из стальной проволоки совершенно неясного назначения. Из неё торчали два штыря, на концах закрученные в кольца. Я вставил меч эфесом в кольца и воткнул штуковину в приборную панель.

А пистолет был совсем как настоящий, увесистый, с тугим затвором. Взводить его было приятно. Только патронов к нему не было. Его я тоже положил в машину. Каждое утро меня ждали мой меч и мой пистолет. Ритуал повторялся неизменно – я садился, брал пистолет, взводил и стрелял себе в правый висок. Потом клал оружие на место, включал двигатель и ехал завтракать.

Пистолет в итоге сломался от частого употребления, и я его выбросил. А меч и по сей день воткнут в приборную панель.

* * *

Кажется, алкоголем тут не обойтись. Иду в спальню, достаю из тайника марки¹⁹, кладу одну под язык и в ожидании кислотного прихода подлечиваюсь косяками.

---

¹⁹ Марка – распространённая форма сбыта и употребления ЛСД. Квадратик бумаги или картона с цветным рисунком, пропитанный кислотой. Марка содержит одну дозу препарата.

* * *

В тридцать лет пропал смысл. Я больше не видел его в том, чем занимался изо дня в день. Стало окончательно ясно, что основная цель всех человеческих действий состоит в постоянном замазывании внутренней пустоты. Я решил прекратить лицемерный самообман и три года учился неотрывно глядеть в эту бездну.

Замазывание, замуравывание, заглушение звоном погремушек из массмедиа, мнимых идеалов и социальных установок, которыми общество бряцает перед носом индивидуума, чтобы отвлечь от ужасающей пустоты, – со всем этим пора было покончить. В неистовом поиске оптимальной кривой, проходящей через точки локальных минимумов топографии моих психозов, я бросил работу, учёбу, выписался из рядов кого бы то ни было, порвал все отношения и свёл практически к нулю контакт с внешним миром. Я старался прекратить какие-либо действия, избавиться от привычек, от вовлечённости любого рода... А затем стал тренироваться останавливать внутренний диалог.

По сути, мы имеем дело не с миром, а с его описанием, ежесекундно формирующимся в голове. И эта разница существенна. Мир теряет вкус и цвет, потому что ум взрослого человека мгновенно категоризирует любые явления, подменяя их ярлыками. Вот, скажем, конфета: в детстве я ел конфеты и чувствовал подлинный вкус. А сегодня я имею дело с интерпретациями, точнее, с инвентарным списком.

Я не вкушаю такую невероятно вкусную штуку, а грызу ярлык с маркировкой «Конфета» и уже не способен получить то былое удовольствие, когда я ел конфету всем телом, всем естеством и был истинно счастлив. И так со всем остальным, ладно конфеты... есть вещи и поважнее. Но и их, для меня, взрослого, вроде как и нет. Нет ничего. Ни солнца, ни ветра, ни любви, ни счастья – одни номенклатурные наименования.

Однако внутренний диалог мешал мне в совсем ином смысле, постоянным шелестом истёртых ярлыков отвлекая от созерцания таящейся внутри космической пустоты. А когда удалось избавиться от всего, заслоняющего бездну, меня охватили панический страх и депрессия. Поборов собственные фобии, я вскоре осознал, что страх, как и сопротивление ему, – лишь очередной способ ретушировать индивидуальную пучину. Более того, любая эмоция – просто повод отвлечься и трусливый побег от священного ужаса перед живущим в нас чёрным омутом.

А если взглянуть на человечество со стороны – наблюдается жуткая картина. Мы

настолько увлечены этим замазыванием, что готовы перегрызть друг другу глотки по поводу незначительных нюансов и частностей, позабыв, что суть не в повышении каких-то там показателей или в заработной плате, а в том, что весь дичайший процесс цивилизации затеян лишь ради того, чтобы не дай бог не вспоминать о воющем в каждом из нас космическом вакууме.

А в чём идея? Идея в том, что, если это осознать, можно попытаться всё переосмыслить. Избавиться от постоянных сизифовых мук, на которые мы обречены, подобно древнегреческому герою. Ведь любое серьёзное дело почти всегда превращается в сизифов труд.

Каждый из нас катит камень к вершине горы, и всякий раз, как он срывается, мы безумно переживаем. Но катание камней само по себе – нормальная деятельность. Это работа, и если ты не лентяй, то, образно выражаясь, катать камни ты, в принципе, не против. Однако человек живёт надеждой в итоге добраться до вершины. Более того, ему порой кажется, что в вершине и заключается цель, смысл и даже избавление.

В этой мечте, безмерно раздувающей ожидания, и кроется корень грядущего разочарования. Ведь, как правило, достичь вершины не удаётся, а если и удаётся – момент полного триумфа не наступает, так как, бесконечно пережёванное в грёзах, само событие меркнет на фоне гипертрофированной предвкушением утопии. Не говоря уж о том, что «Вершина» – не более, чем очередной ярлык, положим, чуть менее замусоленный, чем «Конфета», но всё равно ярлык.

А пока человек разрывается между стремлением докатить и разочарованием по поводу того, что это никак не получается или получается, но не так, как хотелось, – жизнь незаметно проходит мимо. Возможно, что-то могло сложиться иначе, доведись ему понять и запомнить, что катание камней и есть жизнь, и если уж вообще существует какой-то смысл в этой деятельности, то отнюдь не в том, чтобы докатить, а в самой себе, в самом бытии... Либо, на худой конец, чтобы забыть о пропасти, разверзающейся под ногами.

В этом заблуждении и заключается проклятие. Мучения Сизифа не физического, а душевного толка. Сизиф – прообраз всех нас, обречённых постоянными ожиданиями на не менее постоянные разочарования.

Но всё не так просто, ибо эту незамысловатую истину легко постичь, но крайне сложно воплотить в жизнь. Стоит взяться катать камни и, даже если неустанно напоминать себе, что смысл не в вершине, всё равно невольно возникает стремление к достижению цели. И всё – ты влип. Незаметно появляется

вовлеченность, ожидания и – как результат – неминуемые разочарования.

В итоге ничего у меня не вышло. Я не стал сильнее или мудрее, не сумел раствориться в бытии как таковом или избавиться от страхов и не смог победить в гляделки собственную бездну. И раз смысл не в действии, а в замазывании – я выбрал то, что было наименее противно. Незадолго до того на просторах интернета я наткнулся на онлайн-игру по мотивам средневековых феодальных войн. И я расслоился на две чуждые сущности: ночи топил в алкоголе и наркотиках, а днём уходил в виртуальный мир тотальной резни.

* * *

Ещё по полмарочки? Нет?! Отчего же? Полмарочки никак не помешают!.. Маэстро, музыку!.. Великолепно!

* * *

Ира ушла. Навсегда. Её больше нет в моей жизни. Всё кончилось. Осознание этого накатывает с новой силой.

Звонить я не стал. Ира не из тех, кто уходит ради эмоциональной встряски. Не будет криков, обвинений и слёз. Не будет заламывания рук или журавлиного бега, как в замедленной съёмке, в распротёртые объятия друг друга. Не будет всей этой слякотно-розовой пошлости. Не тот случай.

Будет глухая стена. Она не ответит. Это не скандальная выходка, а обдуманное, взвешенное решение. И принято оно не в одночасье, не сгоряча, а холодно и рассудочно. И вечер, когда я уснул, стал лишь последним гвоздём в гроб наших отношений.

Я не звоню. Если позвоню один раз, то позвоню в другой, стану злиться, надеяться, воображать радужные или, наоборот, слёзные сцены примирения. Оттачивать аргументы и эффектные реплики, которые никто никогда не услышит. И так, пока не изведу себя дотла. Буду звонить в третий, в пятый, в двадцатый раз. Но она не ответит. Я лишь испорчу напрасной истерикой одну из немногих красивых вещей в своей жизни.

Я стискиваю зубы и по кускам вырезаю из себя Иру. Мне не удаётся одним махом, как сделала она. Интересно, останется ли хоть что-то после этой вивисекции? Или одна окровавленная оболочка? Я ощущаю себя чучелом диковинного животного, набитым опилками чужого, краденого содержания. И всё, что исконно моё в этом

чучеле, – это кожа, и та дана лишь для того чтобы чувствовать боль от каждого соприкосновения с миром.

Странно, вроде мы были вместе недолго, но только сейчас я осознаю, насколько они с Алексом успели войти в мою пропащую жизнь и заполнить меня всего. Насколько я сроднился с ними. Алекс зовёт меня, рассказывает о школе, о друзьях и о своих приключениях. Как же, оказывается, я изголодался по человеческому теплу. По ласке, по нежности, по чистоте простых вещей. Оглядываясь назад, кажется невероятным, с какой готовностью я влился в круг их повседневных радостей и забот, и как быстро и всеобъемлюще жизнь насытилась новым смыслом.

Порой представлялось, что мы вместе летаем в BioSpectrum. Я говорил об Арике и Тамагочи как об общих знакомых. И чудилось, что мы вместе работаем в её книжном магазине, – так много я знал об их будничных перипетиях. И даже в чём-то вместе растим Алекса. А теперь выясняется, что это не так. И похмелье от этой иллюзии тяжелее, чем я мог представить. И нет лекарства... Алкоголь не снимает боль, а загоняет глубже, словно иглы под ногти. И брешь, разверзающаяся во мне, когда я ампутрую из себя Иру, слишком велика. Я узнаю старую знакомую. Вот она – моя бездна.

В сущности, так и должно быть. Она, как всегда, права. Мы прекратили совпадать во времени. Банально и глупо, но насущно и неотвратимо, как десять ноль-пять. Ковчег нашей любви разбился о первые рифы быта. И, возможно, оно к лучшему. Скорее всего, за ними не ждало счастливое будущее. И она, как человек более практичный, вероятно, поняла это давно, если не с самого начала, и приняла мудрое решение. Чтобы не привязываться, не пестовать несбыточные мечты и не усугублять боль.

Я перебираю яркие мгновения: радости и обиды, смешные и печальные картинки наших отношений. Листаю альбом воспоминаний. Каждое осторожно вынимаю, рассматриваю и, укутав грустью и тоской, аккуратно возвращаю на место.

Вспоминаются вещи, которым не придавал значения. Каким счастьем было вызвать её улыбку и как становилось тепло на душе от её смеха. И совершенно незначительный момент: мы были у меня, она вышла во двор и, вернувшись, взглянула вдумчиво и пронзительно. В её глазах было нечто, чего я тогда не понял. И именно сейчас это всплывает, резонируя и бередя душу.

А расставаясь до следующей встречи, она всегда уходила быстро, без прощаний. Но прежде была секунда, когда она останавливалась и тихо смотрела на меня, как бы вбирая, чтобы взять с собой. От накала, звеневшего в этом кратком миге, всякий

раз перехватывало дыхание.

Но образов мало. Внутри столько боли, что не терпится её умножить. Мне не хватает боли! Хочется, чтоб она захлестнула меня. Хочу захлебнуться ею! Но я ещё барахтаюсь. Мне нужно потрогать. Ощутить что-то принадлежавшее ей своими пальцами. Почувствовать кожей. Обжечься. И я вновь принимаюсь искать её вещи. Переворачиваю весь дом, чтобы найти хоть что-то. Я готов на что угодно – на закладку в книжке, затерявшуюся заколку, на гущу в кофейной чашке. Но нет. Не забыто ни соринки, ни волоса. Она не допускает ошибок. Она забрала всё. Ушла целиком. Без остатка. Не сохранилось ничего. Даже запаха на подушке.

* * *

Извините, больше не предлагаю – пью один!.. Сейчас, переведу дыхание...

* * *

Встречаясь с женщиной, у которой есть ребёнок, максимум, на что можно рассчитывать, – это третье место в списке её приоритетов. Третье! На первом, естественно, сын. Тут не поспоришь. На втором – работа. Так как работа – способ добычи средств для того же ребёнка. Она не может выпендриваться. Ходить, либо не ходить. По настроению ударяться в загулы или любовные угары, терять голову и заявляться на службу в виде одолжения. Ей не позволяет ни материнский долг, ни социальное положение. И так, в лучшем случае, остаётся номер три.

Ваш номер три, скажите «спасибо» и улыбайтесь!

Номер два можно просто купить, взяв на себя финансовые заботы. Но для такого шага было несколько рановато. Конечно, со временем я бы принял на себя эти обязанности, но столь меркантильный способ приобретения активов в сердце любимой женщины плохо уживался с моим идеализмом. И хотя я понимал, что обстоятельства диктуются насущными бытовыми условиями, привкус всё равно оставался. Мне, как человеку, культивировавшему здоровый эгоизм, было сложно смириться с номером три и, если уж совсем честно, с два тоже.

Всё постоянно напоминало об этом – время и душевные силы выделялись мне лишь после того, как было сделано остальное. Нам приходилось учитывать не только распорядок Алекса, но и её левые подработки. Денег из гордости она не брала, что создавало абсурдное положение, когда я откладывал свою высокооплачиваемую работу, подстраиваясь под её копеечные халтуры, а Ира разрывалась, силясь выкроить часок-другой между заботами об Алексее и служебными обязанностями

для наших кратких свиданий.

Я часто замечал, что мысли её заняты иным. Вместо того чтобы уделить время нашим отношениям или себе самой, расслабиться и хоть немного отдохнуть, её сжирали мелкие интриги подковёрных баталий никому не нужных коллег и плутоватых, мелочных работодателей. Уродство этой ситуации было сопоставимо лишь с её безысходностью.

Ира действительно нуждалась. Перебиваясь двумя грошовыми работами по чёрному, ей еле удавалось сводить концы с концами. И хотя я верил в искренность её чувств, время от времени всплывали подлые вопросы. Почему она меня выбрала? Потому что я неплохой добытчик? Даже очень завидный, а если Ариков замут выгорит, и подавно. Или меня выбирают, поскольку Алексу нужен папа? Почему выбирают меня? Потому что нужен отец, а я не худший кандидат? Я и сейчас верю Ире, искренне верю, но вопросы есть, они очерняют иллюзию, в которой я пытался пребывать, и никуда от них не деться.

По сути, пока ты не взял на себя роль добытчика, ты просто развлечение. Не красивая утопическая любовь, возможно, инфантильная, но такая, к коей стремятся всеми фибрами души. Не та, которая мечта и смысл, ради которой... Словом – не та. Ты так... – десерт. Ты nice to have²⁰. А если вдобавок ты имеешь запросы, то вообще рискуешь превратиться в досадную помеху.

Да и Алекс уже не дитя, а сформировавшаяся личность. Ему вот-вот семь. Он почти взрослый. Его воспитал другой мужчина, и он для Алекса – образец для подражания. В этом раскладе меня не всё устраивает, и, сколько ни старался, я так и не смог полностью от этого абстрагироваться. Он не мой сын, которого я воспитывал. Иногда в нём проявляются уже укоренившиеся мировоззренческие установки, от которых меня передёргивает.

Всё это непросто и неоднозначно, потому что он меня очаровывает. При всех своих несовершенствах, я очень люблю детей. С ними гораздо интересней, чем со взрослыми, перенявшими общепринятые нормы, наглухо зашорившимися в высмотренном из телика поверхностном восприятии и окопавшимися в рамках «легитимных» тем, даже в них придерживаясь исключительно «адекватных» суждений. Ах да... Как же я запомнил ещё одно омерзительнейшее качество, присущее взрослости, давно превратившееся в повинность, – непременно лезть из кожи, стараясь казаться позитивным. Ведь иначе ты лузер. А лузер в двадцать первом веке – худшее оскорбление.

---

²⁰ Nice to have – приятное дополнение.

А дети не бывают позитивными, они либо радуются от души, либо не радуются никак. Дети могут удивить, показать что-то новое. То новое, которое на самом деле хорошо забытое старое и которого так не хватает. Задать вопрос не каверзный, а искренний, способный поставить в тупик и вывести за рамки, в которых ты давным-давно залип вместе с остальным стадом.

Но есть папа Алекса. И когда в этом наивном ребёнке проступают перенятые у отца и по-детски утрированные плебейские социальные установки, я не знаю, как реагировать. Меня раздирают противоречивые эмоции: жалость, злость, сострадание. Единственное, что неясно: кого жалею? Себя? Иру? Алекса?

И ещё одно шкурное соображение: Ира родила другому мужчине. Куда ушли её жизненные соки? Они ушли в милое, приятное существо. Но... оно не моё. Не моё. Что это? Ревность? Расчётливость? Иногда я замечал в глубине её глаз надломленность. Жизнь матери-одиночки, которой не удалось толком устроиться в чужой стране, без алиментов и практически без родительской поддержки, подточила её. Где-то там, в пути, в нелёгкой борьбе она растеряла, отдала, пожертвовала слишком многим, чего уже не вернуть. И смотреть на это так больно, что хочется выть и разбивать кулаки о закрытые двери.

* * *

Вы находите ЛСД плохой закуской к алкоголю? Позвольте с вами не согласиться. Маэстро, музыку погромче! Громче!

* * *

Люди делают детей, чтобы забыться. Отвлечься от страха одиночества, безысходности и, в конечном счёте, смерти. Для этого они приводят в этот холодный и жестокий мир новые человеческие существа. Эта картина видится мне фантастически ужасающей.

И ведь жертва напрасна. Ничего, по сути, не меняется. Ни страх, ни одиночество не исчезают, а просто отходят на задний план. Они присущи человеческой форме, и изжить их нам не дано. Однако из века в век двуногое ради мнимого избавления бросает в кровавую мясорубку ещё одно или два, или три таких же беззащитных создания.

На муки, которые родитель сам не выдерживает, он обрекает не каких-то там врагов, а детей. Своих детей! Казалось бы, самых любимых и близких существ, и им,

подобно ему, придётся страдать от опустошённости, бессмысленности, никчёмности и страха той же смерти.

И несчастный потомок в какой-то момент, вероятно, примет то же решение. Родит ребёнка, то есть уже внука того первого мерзавца, не решив при этом ни одной из терзавших его проблем. И таким образом кумулятивная сумма страдания множится в геометрической прогрессии с приростом населения и с увеличением продолжительности жизни.

Наша несчастная планета тонет, захлёбываясь в боли и ужасе. Задыхается в немых мольбах об избавлении. И при этом некоторым особо одарённым индивидуумам удаётся настолько себя обманывать, что им кажется, будто они творят благодеяние... ДАРУЮТ ЖИЗНЬ!!!

Мы замуриваемся и улыбаемся. Мы говорим: дети – это счастье. Дети – цветы жизни. Мы умиляемся и поздравляем друг друга с явлением на свет нового, заведомо обречённого существа. А какое право мы имеем за них решать – быть им цветами или нет? Кто сказал, что за сомнительное удовольствие стать счастьем чьей-то жизни они готовы расплачиваться грядущим страданием? С чего вы это взяли, если сами не справились?! Если не нашли внутри достаточно оправданий для собственного бытия, и вам пришлось... Да, я настаиваю, пришлось! Вам пришлось рожать, чтобы свалить на них это бремя и взамен черпать силы и смысл жить дальше.

Возможно, родителям казалось, что они производят потомство от избытка счастья и любви?! Чёрта с два! Всё это ложь! Во-первых, не стоит путать гормональную эйфорию юношеской влюблённости и сексуального влечения со счастьем. А во-вторых, большинство людей становятся родителями в довольно раннем возрасте, ещё мало что осмыслив, а потом уже не до того. В этом-то, в сущности, и дело. Так механизм и работает. Ибо нефиг, меньше знаешь – крепче спишь. К чему шевелить мозгами? Айда плодиться!

Это не сознательное решение, а животный и стадный инстинкт, слепое следование социальным нормативам. Целостному человеку нет нужды перекладывать ответственность на других, чтобы найти оправдание собственному существованию. Но к чему брать на себя непосильный труд, когда так удобно спрятаться за лицемерной ширмой общественной нравственности?

И ещё раз: кто сказал, что дети хотят быть цветами жизни? Готовы ли они ценой своих страданий скрасить старость дедушек и бабушек и унавозить останками почву для будущих поколений? Ведь их родители не готовы! И вы не готовы! Мы все не

готовы! Просто у нас уже нет выбора...

Помимо того, дети – идеальная отмазка для заурядного индивидуума. Помогает создать иллюзию, что ты что-то сделал и чего-то стоишь. Кем бы ты ни был, пусть самым последним ничтожеством, а произвёл потомство и опля – ты отец или мать. Звучит весомо и позволяет отгородиться от собственной никчёмности. Тебе причитаются хвала, почёт и уважение, да и перед собой легче оправдаться. И потом, оглядываясь назад, можно говорить, что делал всё ради детей, жертвовал карьерой, стремлениями, творческими или душевными порывами, которых, возможно, и в помине не было...

В общем, дети крайне удобны во многих отношениях, не говоря уж о своекорыстном соображении заблаговременно заручиться опорой в старости, низводящем потомство до уровня тягловой скотины. Но это уже столь невообразимая степень эгоизма, что кружится голова от колоссальной высоты кургана истлевших костей, уходящего фундаментом во мглу истории.

Вдумайтесь: сколько кругом людишек, кроме этого папства и мамства, ничего из себя не представляющих! А мы гладим их по головке и приговариваем: молодцы, не из вас, так хоть из ваших детей что-то выйдет...

И снова эта извечная убаюкивающая иллюзия счастливого будущего...

На самом деле, избежать этой доли невероятно сложно. Это ловушка. Мы назвали её – «инстинкт продолжения рода» и сняли с себя ответственность. Инстинкт – и мы не при чём. А по сути, это слабоволие.

Сложно остаться чистым. Одного осознания мало. Это, действительно, ловушка, и прехитро сконструированная. Человек с годами становится более и более одинок. И на горизонте всё явственней маячит финишная прямая. «А что может быть хуже смерти? Одинокая смерть!» – кричат ему отовсюду.

Кроме того, если не рожать – на тебя начинает давить социум, друзья и родители, которые так хотят внуков. Человечество со всей многовековой историей, культурой и ценностями смотрит с укором и вопрошает: «Как же так?! Почему ты не произвёл потомства?!» И нет тут ничего странного, ведь адепты моей точки зрения вымирают в первом поколении. Осознал, не продолжил род и всё, твоя точка зрения гордо умерла вместе с тобой.

А выживают малодушные подлецы с гнусной идеологией, из которой, как лопухи из навоза, эти ценности и произрастают. Они смотрят с укором и говорят: «Как же так!»

И может показаться, что они правы. Но на самом деле все неосознанно хотят перемазаться кровью и страданием будущих поколений и забыться... забыться... забыться...

Они не просто хотят, им жизненно необходимо, чтобы ты тоже поскорее перемазался кровью и не совал им в рожи оскорбительные обвинения.

А дилемма донельзя проста: надо выбрать между своим страданием и страданием другого.

И мне кажется, что в свете всеобщего безумия – малодушного, чудовищного предательства собственных детей и заклания будущих внуков и правнуков – гораздо честнее глушить страх спиртом и наркотой. И следующий стакан я выпью за вас – бездетных наркоманов и алкоголиков! Хочется верить, что мне хватит воли достойно умереть рядом с вами. Всеми забытым и заброшенным, во мраке и холоде одиночества. Изуродованным морально и физически, но хоть немного чистым душой.

* * *

Ещё по стаканчику? Стопроцентная гарантия! Два глотка и сутки счастливого анабиоза! Ваше здоровье, дорогие мои! И долгих лет жизни!

* * *

Три недели ухнули в никуда. Днём я работал в тупом остервенении, потом приезжал в тот же мотель, пил, курил и валялся в постель. Ночевать у друзей я прекратил. Пропало всякое желание видеть, а тем более слышать кого бы то ни было. Не хотелось, чтобы кто-то жалел, утешал или отвлекал меня от погружения в объятия депрессии.

Вечера я гробил в ближайшем пабе. Садился в дальнем краю стойки, и бармен без лишних разговоров приносил мне стакан. Он хваткий малый и сразу усёк, что меня лучше не трогать. На выходные я возвращался домой. Задраивал окна, чтоб солнечный свет не резал воспалённые глаза, и закидывался кислотой. А на отходняках – валиум и четыре банки пива, и ещё таблетку, чтобы поскорее забыться и уснуть.

* * *

Алекс трижды назвал меня «папа».

Мысль останавливается на этой фразе. Это настолько больше того, что умещается в сознании и дано выразить словами, что мне нечего добавить.

– Папа, – говорит Алекс, беря меня за руку.

– Папа...

– Папа...

* * *

Маэстро, ещё стакан! Я СКАЗАЛ ЕЩЁ!!!

* * *

Я переел трипов²¹. Меня плющит. Не спится. За окнами раскисла сизая муть. Светает. Только в такое время, пока солнце ещё не встало, пока не навалился изнуряющий зной и обыватели ещё не выползли из своих логовищ, я отваживаюсь выбраться наружу.

Выхожу, раскуриваю косяк и понуро плетусь куда глаза глядят. Странный монотонный стук привлекает внимание. Останавливаюсь. Передо мной деревянный столб телекоммуникаций. Для устойчивости он привязан тросом. Неясно, как этот архаичный объект пережил эпоху модернизации. Чтобы металл не перетирал древесину, под петлю троса хозяйственной рукой подложен кусок жести.

На узле, скрепляющем петлю, сидит дятел. И долбит. Его голова как раз напротив жестяной заплатки. Чувствуется, что устроился он всерьёз и надолго. Это зрелище завораживает меня. Дятел остановил свой выбор не на одном из вязов, растущих вдоль улицы, или хотя бы на другой точке опорного столба. Нет, он облюбовал именно самый центр металлической поверхности.

– Траа-та-та... Траа-та-та... Траа-та-та...

Размеренно, методично, с неубывающим воодушевлением.

– Траа-та-та...

---

²¹ Трип – уличное название ЛСД. От английского trip – путешествие.

И так битый час. Он колотит, а я смотрю.

– Траа-та-та...

Вот кто отлично усвоил метафорический смысл образа Сизифа. Воистину, успех есть переход от неудачи к неудаче со всевозрастающим энтузиазмом, как говаривал товарищ Черчилль.

Проходят люди, задирают головы, дивятся на дятла, потом на меня, недоумённо пожимают плечами и идут дальше. А я залип. Сажу в оцепенении и гляжу.

– Траа-та-та...

От долгого смотрения вверх немеет шея, а ему хоть бы хны – он невозмутимо продолжает свой труд.

– Траа-та-та...

Спустя некоторое время перемещаюсь на соседний пригорок. Боясь надолго потерять дятла из поля зрения, очередной косяк скручиваю на ощупь.

Это же я. Я! Только я способен отыскать в современном мегаполисе чудом уцелевший деревянный столб. Только я мог удумать основательно засесть напротив жестяной заплатки. И долбить. Долбить. Годами. Несмотря ни на что – ни на здравый смысл, ни на боль в распухшем клюве. И окружающим всё понятно. Они даже будут делать робкие попытки вразумить меня. Куда там! Я буду колотить, пока не рухну вниз в полном изнеможении. Но песнь мою не задушишь, не убьёшь! Я отлежусь и полезу долбить дальше.

Сколько таких столбов в моей жизни... Тьма-тьмущая. Дремучие леса. И каков результат? Да, конечно, я неизменно доказываю, что у меня отменный клюв, упорство и целеустремлённость. А что в остатке?

– Траа-та-та...

Куда ведёт мой путь? К чему я прилагаю целеустремлённость? Каков смысл моих колоссальных усилий?

– Траа-та-та...

В остатке – боль и эмоциональное похмелье от доведённой до маразма, наивной

мечты. Одиночество, сублимируемое в пустые металлические звуки. Разочарование, стыд и самобичевание.

– Траа-та-та...

И потом скитания, омерзительная жалость к себе и в итоге новый столб и новая жестяная поверхность.

– Траа... та... та...

* * *

Маэстро, до краёв!.. Не то расплескаю!

* * *

Вера – это то, что сейчас нужно. Вера – идеальная секс-игрушка, созданная и отточенная под меня. Она истошно кончает от любого моего проявления. От прикосновения, от звука моего голоса и даже от того, как я испражняюсь.

Однажды мы были в Барселоне. От непривычной пищи у меня случился запор, и я проторчал на толчке минут сорок. Когда я, весь потный, наконец, выбрался оттуда, она, разруганная, валялась на кровати, тяжело дыша. Вера призналась, что слушала моё дыхание, пока я тужился, и это так её завело, что она кончила пять раз подряд.

Вне постели она абсолютно отморожена. Не то чтобы черства, нет – она будто сделана не из плоти, а из стекла. Она обитает в плоскости, где отсутствуют понятия совести и морали. Я убеждён, что таких людей существовать попросту не должно. Будь моя воля, я бы её казнил. Отрубил голову – и ничего бы во мне не шелохнулось.

Она с преданностью собаки исполняла любую сексуальную прихоть. Стелилась под меня с тотальной, неистовой самоотверженностью, искренне и по-настоящему. И настолько же искренне и по-настоящему ни на йоту не шла навстречу в любой иной сфере взаимоотношений.

Наши редкие встречи ради демонических соитий тянулись долгие годы. В перерывах мы не виделись и не общались. Последний раз это было года полтора назад. В промозглый вечер поздней осени я написал ей: «Хочу выебать тебя под сенью нашей синагоги».

У неё светло-голубые глаза и ангельское личико, лучащееся трепетным простодушием. При этом более бесчеловечной особи я никогда не встречал. Её жестокость порождалась не злобой, а непониманием и наивным любопытством, как безжалостность неумелых детских пальцев, ломающих крылья насекомого.

Я ненавидел её всем естеством, до хрипа и скрежета. Она была мне отвратительна, как не могут быть отвратительны любые телесные уродства, и даже хуже, гораздо хуже, как не бывают отвратительны какие-нибудь твари в фильмах ужасов.

Вера – это в самый раз. Беру мобильник, нахожу номер и набираю сообщение:

Motel 6, 1041 Alameda, San Jose. Room 9

Через час раздаётся стук. Дверь не заперта, я отзываюсь, и она входит. Дыхание спирает от похоти, ненависти и предвкушения. Она приближается медленно, словно по зыбкой поверхности, неотрывно смотря своим рыбьим взором. На её лице – улыбка покорности, а в подрагивающих уголках губ играет азарт торжества: «Ты снова позвал меня». Я выжидаю с полминуты цепящего молчания и резко разворачиваю её к кровати. Опускаясь на колени, Вера расстёгивает ремень, стаскивает джинсы и, выгибаясь, призывно обнажает белые ягодицы. Я швыряю недопитый стакан о стену и вхожу в неё под звон осыпающихся осколков.

* * *

Вкус Веры необходимо срочно залить спиртом. Маэстро, медицинский спирт в студию. И К ЧЁРТУ СТАКАНЫ!!!

* * *

Сальная стойка с пятнами от стаканых донышек. Я снова в пабе, уже в другом. Трава кончилась, и я собираюсь как следует надраться. Нацеживая очередную рюмку, смазливая барменша затевает пустопорожний трёп.

– Ты как, в порядке? – игриво спрашивает она.

В порядке ли я? Да что там, в полном ажуре! Оглянись вокруг, дурёха, разуй глаза, как тут вообще может быть что-либо в порядке?! Выпиваю и жестом показываю налить ещё.

– А чем ты занимаешься?

– Я инженер, – огрызаюсь я, решив отделаться коротким ответом и пересесть за дальний столик. – Разрабатываю меди... цинское... обо...

Я затрудняюсь выговорить конец фразы. Мысли начинают отслаиваться от речи. Трещина в сознании разрастается, змеясь рваными краями, меж которых разверзается головокружительная пропасть. Окружающая действительность наваливается с невыносимой подробностью, заостряясь пронзительной чёткостью восприятия. Мускулы сковывает тисками липкого страха. Я встряхиваю головой, силясь отогнать наваждение, открываю рот, но сказать ничего не получается.

– Ты точно в порядке? – нервничает размалёванная девица.

Я захопываю рот и утвердительно киваю. От волнения её голос становится визгливым. Я озираюсь, прикидывая, как бы поскорее свалить на улицу, отдышаться и прийти в себя.

– Всё о'кей? – верещит смазливая сучка. – Может, вызвать врача?

Я отрицательно мотаю головой и в проплывающей перед глазами пелене чувствую, что начинаю отслаиваться от собственных мыслей. Они текут всё медленней и прозрачней. Какое-то бесконечно тянущееся мгновение я наблюдаю их со стороны, и меня пронзает первобытный звериный ужас.

Всё исчезает, и последний вопрос пытается уцепиться за ускользящее сознание: кто же тогда тот я, который останется, если... Но вот и он затухает. Звенящая тишина повисает в густой беспросветной тьме. Единственный звук, который я слышу, или, скорее, ощущаю – это удары собственного сердца. Глухие и гулкие, словно сквозь толщу воды.

Я делаю отчаянную попытку подняться. Картинка начинает съезжать куда-то в сторону. Пальцы вцепляются в край стойки. Срываются. Задевают соседний стул, он медленно валится набок, а я падаю назад. Перед глазами проплывает полоса огней над стойкой, их отсветы в бокалах на навесной полке, потом потолок, и я проваливаюсь в пустоту. В бездну.

Глава 14

Но в нас горит ещё желанье,
к нему уходят поезда,
и мчится бабочка сознания
из ниоткуда в никуда.

Виктор Пелевин

Я бросаюсь животом в белую, мелкую, как пудра, пыль. Хорошенько извалявшись, перекатываюсь на спину. Под радостный смех окружающих вожу по песку руками и ногами, и мне немного неловко, но тоже весело. Зачерпнув, вскакиваю, подбрасываю горсти песка и наблюдаю, как оседает белёсое облако. Мне вручают железный прут, и я со всей дури бью в импровизированный колокол из газового баллона, подвешенного к пирамиде спянных рельсов.

– Welcome home! – чувак в шотландской юбке обнимает меня и хлопает по спине. Чувствуется, что он старожил, – всё знает и понимает. И хоть это странно и несколько настораживает, тут искренне рады мне.

Я бью ещё и ещё. Все вокруг орут и смеются. Пыль смывает первое смущение. Я прохожу через ворота, на которых тоже выведено «Welcome Home», и двигаюсь вглубь. На билете адрес и карта раскинувшегося амфитеатром палаточного города Black Rock City, а на незанятой территории написано непонятное слово «Playa».

* * *

Очнувшись в машине скорой помощи, ещё бухой и злой как бес, содрал присоски ЭКГ и потребовал остановиться. Санитары хватили меня, пытаюсь уложить обратно, но на перекрёстке я вырвался, и, пошатываясь, перебежал на другую сторону. Припав к стене, отдышался и оглядел пустынную улицу.

Внезапно меня окликнул парень, будто соткавшийся из ночной мглы. Подойдя, он протянул листок и сказал: «Думаю, тебе сюда». Сказал и пошёл дальше. В свете фонарей на флаере, кроме эмблемы и названия, различалось лишь: «На Burning Man²² нет денег и всего с ними связанного».

А впервые я услышал об этом эвенте при ещё более чудных обстоятельствах. Будучи студентом и исследуя окрестности Сан-Хосе, меня занесло в заповедник

---

²² Burning man – дословно горящий человек.

калифорнийских мамонтовых деревьев. Когда я нагулялся по изрытым узловатыми корнями тропам, мне стало любопытно, каково остаться одному в ночном лесу. Найдя ручеёк, струившийся меж гигантских стволов, устроился на берегу, дождался сумерек и пустился в обратный путь.

С собой были зажигалка и карта, казавшиеся вполне достаточной экипировкой ночного путешественника. На третьей попытке рассмотреть карту зажигалка развалилась на куски, и наступила полная темнота. Высоко над головой кроны смыкались в сплошной навес, не пропускавший лунного света. Проскитавшись всю ночь в кромешной мгле, чудом вышел на сторожку лесника, который за кружкой липового чая поведал мне свою историю знакомства с Burning Man.

...За последний месяц я уже дошёл до самого дна, надо было срочно что-то предпринимать, и парень из ниоткуда, вручивший флаер, подсказал верный ответ на незаданный вопрос. Две недели спустя, побросав в машину палатку и консервы, я устремился в Неваду. И вот я в пустыне. Только-только забрезжил рассвет, и всё тонет в молочной дымке, сквозь которую маячат шпили пёстрых шатров. И зычно гудит колокол. От этого звука и общего бесшабашного настроения спадает усталость и отступает первый барьер скованности.

* * *

Едва я принялся ставить палатку, из соседнего лагеря выкатились несколько гавриков, облачённых в звериные шкуры, и предложили помочь. Казалось, они вот-вот бросятся обниматься, но я был ещё не готов к такой всеобъемлющей любви и держал дистанцию. Добродушно расхохотавшись, они потоптались, наперебой приглашая заглядывать в гости, и вскоре отчалили.

Покончив с обустройством, отправился на разведку. Город распростёрся на равнине, окаймлённой далёкими холмами. К центру сходились раскинувшиеся веером улицы, вдоль которых тянулись шатры и остовы каких-то сооружений. Навстречу из облака пыли выплыл... диван. На нём восседала тусовка с кальяном. Пока я огорошенно взирал на это дело, оно плавно повернуло за угол, и один из наездников дивана помахал на прощание соломенной шляпой.

Я развернулся и чуть не врезался в метровое крыло бабочки, прикрепленное к трёхколёсному мопеду, на котором ехала парочка в костюмах молодожёнов. Невеста заверещала и осыпала меня ворохом конфетти. Едва я отряхнулся, как передо мной выросло что-то невообразимое и уставилось единственным глазом сквозь циклопические очки. Гологрудая девица высунулась из-за загривка чудозверя и заголосила оперным вокалом. Я решил, что стоит свалить с проезжей части

и прекратить хлопать ушами. Появление пятиметрового розового слона с зонтом воспринялось уже гораздо спокойней.

Сойдя на обочину, я оказался в разношёрстной толпе. Кого тут только не было! Девочка в кожаном корсете, высоких шнурованных сапогах, мехах и цветастых перьях. Синекожий Нептун в золотой тунике, с трезубцем и короной, в обнимку с не менее синекожей русалкой. Сказочные феи, мохнатые чудики всех цветов и оттенков, пришельцы из космоса, разодетые дамы и кавалеры во фраках, воины и воительницы в сверкающих стилизованных латах, рептилии, птицы, египетские фараоны, викинги и древние жрицы. Множество полуголого народа, разрисованного причудливыми узорами.

Арт-кары – инсталляции, установленные на машинах или даже на грузовиках, вроде самоходного дивана и розового слона – попадались всё чаще. Миновав уйму диковинных препятствий, я добираюсь до центрального шатра и присаживаюсь перевести дух от впечатлений. Девочка с соседней подушки протягивает чашкупряного чая и предлагает массаж. Я восхищаюсь тем, как бесхитростно она это делает, и одновременно чувствую, насколько не готов к такому уровню непосредственности. Хочется куда-то спрятаться и на время оказаться в привычном мире. Но тут появляется ансамбль дервишей и принимается играть убаюкивающую суфийскую музыку.

Подгоняемый любопытством, я переходил с места на место. На внутренних улицах находились тематические шатры, где разыгрывались представления, в большинстве из которых оказываешься не просто зрителем, а участником. Выбравшись из безумного уголка под названием Sexual Miseducation Clinic, я решил исследовать незастроенную территорию.

Выйдя на Плаю, направился напрямик к статуе Горящего Человека. В сумерках перед ней пылал огромный костёр, вокруг которого бурлило яркое кольцо света. Приблизившись, увидел людей в ниспадающих до земли тогах, державших на плечах длинные шесты с масляными фонарями. Другая группа, с баграми и в тех же одеяниях, зажигала лампы от пламени костра и развешивала по шестам.

Они выстроились в шеренги и под завывание волынок, бой барабанов и литавр тронулись по главной аллее в сторону Города. Впереди церемонно ступали люди с шестами, на концах которых горели огненные лампы, следом – музыканты в чёрных мантиях и золотых венецианских масках.

От процессии каждый раз отделялось по две передние пары, люди с баграми подхватывали светильники и развешивали на резных столбах. Волна пламени

накатывалась на Город. Достигнув его пределов, сверкающий поток вскипел, будто разбиваясь о прибрежные рифы, и растёкся по улицам огненными ручьями.

Ночью картина преобразилась, всё залилось светом и огнём. Арт-кары, освещённые зыбкими бликами, обрели экзотические очертания. Языки пламени затопили пространство, взметаясь в небо и опадая снопами искр. Посреди огненной фантазмагии величественно возвышалась гигантская статуя Горящего Человека.

Я двинулся в обход, и навстречу выплыл пиратский корабль в натуральную величину. Казалось, я уже освоился и с размахом, и с непредсказуемостью происходящего, но от этого зрелища замер как вкопанный. Фрегат, озарённый мириадами свечей, проплывал мимо, а я стоял, задрал голову, не в силах отвести глаз. На мачтах, под парусами застыли матросы в треуголках. Флибустьеры пели. Грудные голоса сливались в печальную торжественную мелодию, от которой кожа покрывалась мурашками.

Вернувшись под утро, пополнил запас воды и подкрепился. Спать не то что не хотелось – сама мысль о сне казалась абсурдной. Единственное, что действительно мешало, – это въевшийся во все поры песок. Я кое-как умылся из проезжавшей мимо цистерны и знакомым маршрутом направился к центру.

Инсталляций стало гораздо больше, некоторые сооружения ещё не были достроены и, несмотря на ранний час, работа кипела вовсю. Чувствовалось, что разгул нарастает, и ошеломляющие удары по сознанию сыпались со всех сторон нескончаемым потоком.

Напившисьпряного чая, я бродил по Плае. Там повстречал крылатого дракона и железного осьминога, рукотворный смерч, ковёр-самолёт и исполинского буйвола, выползающего из земли.

К полуночи вышел к храму – комплексу резных деревянных башен, соединённых подвесными мостами и несколько напоминающих пагоды. Отовсюду сложной тревожной мелодией лился перезвон множества гонгов, связанных замысловатой паутиной тросов, уходящих к остроконечным сводам.

Храм переполнен людьми – они лежат на песке, сидят, свесив ноги, на галереях и молча слушают чарующую музыку. Стены испещрены надписями и фотокарточками. Это фотографии умерших и прощальные письма.

Примостившись на ступеньках между здоровенным парнем и девушкой в арабском платье с золотистыми узорами, я прислонился к стене и растворился в звуковом

потоке, исходящем, казалось, от самого строения. Очнувшись, увидел, что парень медленно раскачивается, закрыв лицо ладонями, а на щеке девочки прорезает покров пыли слеза. Я достал карточку Корабля спасения с надписью «Я.Т.Т.Л.» и пристроил рядом на балку.

* * *

На закате притащился Шурик. Утомлённый долгой поездкой, он совсем не настроен на приключения. Мы в шатре соседей; накормив и напоив нас, они отправились на вылазку в Город, предложив присоединиться к ним. Но мой товарищ хотел лишь отдыха да немедленно накуриться, и мы остались.

– Как-то затянулась моя депрессия... Я здесь побродил и понял, что жизнь прекрасна и даже удивительна.

– Тебе нужна баба, – лениво кивает Шурик, потягивая вино со льдом. – Чем Ирис-то не подходит? По твоим рассказам, вы – идеальная пара.

– Блин, ты опять за своё? Спать с коллегой – это мо-ве-тон. Только офисного романа мне не хватало – под бдительным присмотром Кимберли и на фоне истерик Ариэля.

– Ну, не хочешь Ирис, не надо. Хотя...

– Шурик! – грожу ему кулаком, чуть не рассыпая траву.

– Всё-всё, забыли офисный роман, просто нормальные отношения.

– На серьёзные отношения нет ни сил, ни желания. Раз уж на то пошло, нужны бабы... Чуешь разницу? Множественное число. Так что не вижу иного выбора, кроме как окунуться в беспробудное блядство.

– Блядство – это не конструктивно, – снисходительно вздыхает мой умудрённый опытом семейной жизни друг.

– Ну почему? Не обязательно... Давай придумаем конструктивную модель, основанную на искренности и всеобщей любви.

– Звучит как... какая-то несусветная чушь.

Шурик затягивается и придирчиво осматривает самокрутку.

– Ладно, какие у нас условия?

– Кхм... В идеале нормальному самцу, естественно, хотелось бы каждый раз иметь новую, но для этого нужно беспрестанно... мм... охотиться. То есть: тусить, напиваться, вести глупые разговоры – в общем, совершать массу лишних телодвижений.

– А почему бы не найти молодую дурочку? Впарить ей...

– Не, не пойдёт, одна – слишком лично. Плюс дурочек я не переносу, да и это всё равно перерастёт в отношения.

- Тогда две. Чем плохо? Сегодня одна, завтра другая.
- Мм... Две, безусловно, лучше, но всё же не то. Начнётся нездоровое соревнование, ревность, закидоны всякие... «Почему она, а не я?»
- В смысле? Ты что, собираешься им сообщать...
- А как же! Не хочу я врать. Лишняя нагрузка... Скрывать, выкручиваться, держать в голове две версии – не, так не пойдёт. Всё должно быть честно.
- Это бред.
- Да ладно тебе! Я ведь подобное уже проделывал. Система хрупкая, требует деликатности, местами даже большей, чем обычные отношения. Женщины, понимаешь ли, существа загадочные...

Меня всегда поражало, что в слове «женщина» нет мягкого знака. Хотя, казалось бы, должен быть.

- Так вот, пока ты женщину хорошо окучиваешь, а другие претендентки в поле зрения не роятся, – всё ништяк. Если, конечно, ты изначально такие условия поставил, и она их приняла.
- Ну-у...
- Никаких «ну». Сконцентрируй свой могучий аналитический разум и вообрази: вот я её охмуряю, и... когда она уже готова, вся из себя... эм... тёпленькая, сообщается радостное известие... что, мол, я веду исключительно свободные отношения. И что? По-твоему, она уйдёт? Никуда она не денется. Скажет себе: сперва попробую, а там видно будет.

Шурик хихикает.

- Короче, всё реально. Если она со всех сторон удовлетворена, то до поры до времени она наша.
- То-то и оно, что «до поры». Ты это, не отвлекайся, – он жестом подгоняет меня, требуя ещё косяк.
- Да-да, не извольте беспокоиться. А «до поры» – и ладно. Нужна ротация. Мы же в идеале хотим каждый раз новую.
- Особенно мне нравится это «мы».
- Ага, я пытаюсь добиться вовлечённости. Так сказать, личной ангажированности в решение поставленной задачи.
- Кстати, где-то я читал про четыре типа женщин по Юнгу.
- О! Валяй. Нечего мелочиться, ваять надо на прочном теоретическом фундаменте. Будем на троих соображать: ты, я и Карл Густав.

Шурик откидывается на подушках и задумчиво разглядывает клубы дыма.

- Юнг утверждает, – наконец изрекает он, – что есть четыре типа женщин: Домохозяйка, Поэтесса, Амазонка и... и Жрица. Но у каждого архетипа имеются и тёмные стороны: Домохозяйка – стерва, Поэтесса – шлюха и истеричка, Амазонка... мм... ну Амазонка – это само по себе, а Жрица – ведьма, она же Фурия.
- Красиво излагаете. Хотя, четыре – это перебор. Я, само собой, половой гигант и всё такое...
- Впервые слышен голос разума!
- Думаю – три. Три – в самый раз. Никакого соревнования, – это тебе не та или эта. Плюс...
- Отлично! Мы прям по Юнгу и пойдём.
- Куда пойдём?
- Для твоей безумной конструкции надо по одной из каждого типажа. Для основы берём Домохозяйку.
- Ой, не... Домохозяйка – это скучно. Лучше эту, как её... Жрицу или Амазонку.
- Не дури. Тебя же должен кто-то кормить, заботиться... Взгляни на себя!

Мы оба осматриваем меня. По меркам Шурика, не говоря уже о среднестатистическом жителе Калифорнии, я выгляжу хуже бомжа.

- М-да... кормить меня, пожалуй, не помешает.
- Дальше можно Поэтессу, ты ведь у нас весь такой утончённый, тебе непременно нужно, чтобы кто-то припудривал мозг рафинированной лабудой.
- Угу, непременно. Поэтесса – эта которая истеричка и шлюха?
- А ты не доводи. У вас же свободные отношения, какие истерики? Одна лишняя истерика – и на выход.
- Хорошо, уломал. Берём Поэтессу.
- Спасибо.
- Ага, цени. Так, что у нас осталось?
- Дальше сложнее. Оба типажа не шибко конструктивны. Даже не знаю... Скорее, Амазонка.
- А Жрица? Куда-то не туда мы идём. Где же духовность? Давай либо выкинем Домохозяйку, либо пересмотрим цифру три.
- Нет, Жрица не катит. Жрица – это Фурия, она разметает всё в клочки. Амазонка, правда, тоже не фонтан. Станет войны затевать чуть что. Ледовые побоища. Оно тебе надо?
- А что? Войны я люблю. Одной едой да лабудой сыт не будешь. Но вернёмся к Жрице. Обоснуй-ка, пожалуйста, почему Поэтессу можно держать в рамках, а её нет?
- Илюха, пойми: Жрица слишком похожа на тебя, и затеять с ней поверхностную интрижку не получится. К тому же, она непременно превратится в Фурию, при попытке запихать её в трёхгранную пирамидку.

- Юнг тоже придерживается этого мнения?
- Увы, дорогой. Либо Жрица, либо твоя полоумная модель.
- Ну что ж... вот мы и определились с троицей почётных финалисток: Домохозяйка, Поэтесса и Амазонка.
- Осталось только название придумать. Конструктивное блядство – грубо и громоздко.

Зной сменился ночной прохладой. Мы выбрались из шатра и устроились под открытым небом. Шурик притащил новую бутылку, а в холодильнике обнаружился лёд.

- А что тут думать? Так и назовём – Троебабие!
- Не, «баба» – это вульгарно.
- Зато смачно и от души.
- Может, Троежёнство?
- Не, ну... кто о чём, а вшивый о бане. Ау! Троебабие и концепция брака – не-сов-мес-тимы.
- Учкуду-у-ук три колодца-а! – внезапно заголосил Шурик. – Учкуду-у-ук...
- Ты чего?
- Три колодца-а! – ухахатываясь, продолжает горланить он.
- Братишка, ты перегрелся?
- Это песня советская, – утирая слёзы, пытается отдышаться Шурик. – Да, ты же ребёнком уехал. Тёмный... ни хрена не знаешь. Учкудук – город в пустыне... как её там? А, во – Кызылкум!
- Тоже мне культурная вежа, – фыркнул я. – Учкудук в Кызылкум!

Мы снова покатываемся со смеху.

- Итак, модель «Учкудук»?
- Да, отлично! И звучно, и символично.

* * *

Ознакомившись с основными достопримечательностями, Шурик объявил, что ему пора, собрался и уехал ещё засветло, а к вечеру меня ждало новое знакомство.

- Эй, странник! Куда направляешься?

Я обернулся и увидел чудака с посохом, в огромных клоунских ботинках и в турецкой феске на рыжей шевелюре. В целом – дивный экспонат здешнего паноптикума. Его тоже звали Илья, он осведомился, где находится кинотеатр. Интересно, что же

происходит там, когда наяву творится такое?

Мы двигаемся в путь, темнота сгущается, время близится к полуночи. Ветер усиливается и поднимает пыль. Вскоре мы оказываемся в сплошном тумане, настолько густом, что трудно различить пальцы вытянутой руки. Сквозь белёсую поволоку проступают светящиеся полосы на куртке моего спутника и больше ничего. Порывы ветра смешивают звуки в страннейшую какофонию.

Дышать тяжело. Пыль забивает рот, нос и глаза. Илья надевает повязку, закрывающую почти всё лицо. У меня повязки нет и, покопавшись в рюкзаке, он находит для меня такую же.

Словно два аргонавта, мы движемся сквозь мерцающее звёздным светом плотное облако. Ориентиров никаких – ни статуи, видной со всех концов Города, ни Храма. Куда идти – неясно. Глаза саднят. Тут носят не обычные солнечные очки, а закрытые, плотно прилегающие к лицу, как у пилотов Первой мировой. Я полагал это данью местной моде, но теперь ясно, какой ошибкой было не запастись такими же. Поход превращается в пытку, но возвращаться поздно – в такой пылище лагерь не найти, да и отступить не хочется.

Над нашими головами с рёвом вспыхивает снап огня. Илья, шедший впереди, попятился, я тоже отпрянул от неожиданности. Двигаемся дальше, и перед нами вырастает громадный светящийся богомол. Он перебирает шипастыми конечностями и то и дело шарахает в небо вспышками пламени.

Потом натыкаемся на инопланетных существ. Здоровенные, в два-три человеческих роста, кошки нависают над нами. В центре – прозрачный шар, внутри него – маленькие кошки, замерев, смотрят на больших. От этого зрелища Илюха впадает в замешательство и достаёт компас.

Мы крайне смутно представляем, в какой точке Плаи находимся, и компас не вносит особой ясности.

- Так, нам на северо-восток.
- Северо-восток? – Илья удивлённо озирается. – Почему именно северо-восток?
- Звучит красиво.

Аргумент вполне удовлетворяет его, и мы возобновляем странствие. После долгого перехода дорогу преграждает стена, идём вдоль неё, находим дверь. Проникаем внутрь и оказываемся в лабиринте. Странно, ещё вчера тут ничего не было: ни стен, ни дверей, ни кошек, ни богомола.

Блуждаем причудливо извивающимися ходами, пока не добираемся до просторной комнаты. Стены усеяны рунами, пиктограммами и каббалистическими знаками. В центре – фигура женщины-дерева из цветного стекла, её руки-ветви простираются над стенами. В углу кружком сидят люди и медитируют.

Мы принимаемся искать выход, долго плуаем, путаясь в развилках и тупиках и, выбравшись, оказываемся совсем не там, откуда вошли. Илья тотчас выуживает компас. Бродит, уткнувшись в него, пока не обнаруживает приземистую палатку, натянутую вокруг берёзового ствола.

– Иди глянь, – выкарабкавшись, кивает Илья с довольно обалдевшим видом.

Я лезу внутрь и вижу вбитый в землю колышек и привязанную к нему тетрадь. Открываю и листаю испещрённые рисунками страницы, пока не дохожу до разворота с надписью крупными русскими буквами:

*Счастье для всех, даром, и пусть никто не уйдёт обиженный!*²³

От доносящегося отовсюду многоголосого гула, разрываемого ударами ветра, выведенные от руки слова обретают некий сакральный смысл. Кажется, вот-вот что-то произойдёт или уже произошло.

– Ну что, видел?

– Ага.

– Круто, да?

– Ну да, круто, – отзываюсь я, стряхивая оцепенение.

Случившееся больше не обсуждается, и недосказанность увязывается за нами по пятам. Не видно даже земли под ногами, и кажется, будто мы плывём. Глаза воспаляются всё сильнее. Я, как могу, заслоняюсь ладонями. В пелене проступает зыбкая тень, из неё материализуется мужик на велике, весь в чёрном, с разводами на лице и дьявольскими рогами. Он сообщает, что кинотеатра больше нет, и исчезает во мгле, а мы поворачиваем обратно.

Странно, – хоть мы не раз меняли направление, – снова палатка и опять лабиринт. Теперь всё ощущается иначе. От стен веет враждебностью. Мы не находим ни комнаты, ни людей, и еле-еле выбираемся наружу.

---

²³ «Пикник на обочине», Аркадий и Борис Стругацкие.

Чтобы не следовать прежним маршрутом, резко меняем курс, но, вопреки всякой логике, попадаем в заколдованный круг марсианских кошек. Композиция гигантских астральных существ производит мрачное, завораживающее впечатление. Я чувствую себя чужаком, ставшим свидетелем зловещей мистерии. Усталость и слезящиеся глаза довершают картину, и делается совсем не по себе.

Бредём дальше, и вот – над нами снова машет клешнями огненный богомол. Какофония звуков вместе с шелестом песка опустошают сознание. И, несмотря на измождённость и дезориентацию, в душе воцаряется умиротворение.

Становится неважно, куда идти, где моя палатка и мой дом. И я с ясностью откровения понимаю, нет, даже не понимаю, а пронзительно ощущаю, что мой дом везде, и стоит лишь отказаться от мелочей бытового комфорта, как весь мир станет моим домом.

Я больше не думаю, я остро чувствую всем телом, всем своим естеством. Мне хочется окунуться в песок и осязать его порами. Я опускаюсь на колени и загребаю пудру земли. Я уже настолько пропитан ею... Сквозь ветер доносится голос Илюхи. Он зовёт меня и, должно быть, в который раз. Я прихожу в себя и слышу дикую музыку. Звуки обрушиваются откуда-то сверху, будто в ночном небе над нами бьются демоны.

– Илюха, идём, – мой спутник указывает вперёд.

Я стою на коленях, сквозь пальцы струится песок, и эти прикосновения ни с чем не сравнимы. Закрываю глаза и медленно мотаю головой. Илюха ещё раз зовёт меня. Он проникновенно говорит, убеждая двигаться дальше, но мой дом везде, песок – моя кровь, а пыль – воздух, и мне незачем куда-то стремиться.

– Ну, я пойду? – спрашивает он, как бы ища разрешения оставить меня одного посреди пустыни.

Я киваю. Он в последний раз треплет меня по плечу и пропадает.

Когда песок высыпается из рук, я зарываюсь в него ладонями. Потом перекатываюсь на спину и погружаюсь целиком. Медленно вожу руками, и песчинки, щекоча и скользя меж волосков кожи, забираются под одежду. Это невероятное щемящее чувство, и я вбираю его, наполняюсь, пропитываюсь невесомой, мерцающей пылью.

Я лежу в густом слое песчаного облака, слегка колышущемся, как рябь на

мелководье. Здесь нет ветра. Он дует над нами. Звуки тише и мягче. Они струятся во мне и сквозь меня перетекают в землю.

Мало-помалу буря стихает. Оседают пыль. Я встаю, и во все стороны льются водопады песка, клубятся и растворяются, впитываясь в почву.

* * *

Мерно стучат колёса далёкого детства. Мимо проплывает берёзовая роща. Лязгая стыками вагонов, электричка прибывает на конечную и замирает. Со станции мы едем в кузове грузовика. Мой отец откинулся на брезентовый рюкзак, он грызёт травинку и, жмурясь, поглядывает в небо. Его высокие сапоги упираются в дощатый борт, а я стою рядом, вцепившись в край, и смотрю кругом.

Деревушка в пол-улицы. Отец подхватывает меня и ставит на землю. Я устал, и он ведёт меня за руку. Я всё озираюсь, пытаюсь понять, откуда доносится стрёкот. Вдоль разбитой колеи – покосившийся забор. И до боли подробный угол дома, срубленного из толстых, потемневших брёвен. Трещины, шероховатости спила и ржавая проволока на балке карниза, и тусклая лампа со скрипом покачивается в косых лучах заходящего солнца.

Мы выходим за околицу, углубляемся в лес. Чаща сменяется широкой опушкой. Я пробираюсь сквозь высокую осоку. Стрекозы шарахаются при моём приближении. В духоте застывшего воздуха тревожно стрекочут кузнечики. Небо раскалывается, и зычный гром, обрушившись, вязнет в кронах далёких деревьев. Кузнечики умолкают, шлепки капель о листья сплетаются в нарастающий звон водяных струй.

Ливень стихает, унимается поднявшийся было ветер. Заросли расступаются. Мы на краю пруда. Я вижу своё отражение в малахитовой воде и рядом – молодого отца. Он вглядывается в густой бурелом на другом берегу. Он ищет дорогу, и он её найдёт. Робко пробуя отсыревшие смычки, издают короткие трели кузнечики. А я замираю и смотрю на застывшую гладь, смотрю, боясь шелохнуться.

* * *

Проснувшись, выбираюсь из палатки и привычно чапаю к центру, протирая новые правильные очки – с добротными, прилегающими к лицу резинками и широкими стёклами, – которые подарили мне во время бури, когда я вернулся в город и встретил людей.

Задолго до начала церемонии сожжения статуи народ со всех концов стягивался к

центральной площади. Выступление факельщиков сменилось коротким затишьем, и ночную мглу разорвал свист фейерверков. Громадные ручки Горящего Человека начинают вздыматься, и по толпе пробегает восторженный ропот. Гул усиливается и, когда фигура замирает с поднятыми руками, новый сильнейший залп заволакивает свободное пространство. Мириады искр взмывают ввысь, и многотысячный вопль сливается в протяжный ликующий рёв.

Гремит тревожная, насыщенная музыка, и петарды нескончаемым потоком устремляются в небо, заполняя его ослепительным заревом. В беснующейся массе людей возвышаются арт-кары, будто сказочные чудища, явившиеся на шабаш. Свист, крики и музыка сплетаются в нарастающий рокот. Основание постамента обволакивает всполохом. Огненные шары рвутся вверх, набухают и лопаются. Равнина озаряется светом, ошмётки пламени разлетаются в стороны, и на фоне звёзд вновь вырисовывается фигура Горящего Человека с простёртыми к небу руками. Вспышки вновь и вновь окутывают статую и языки огня саламандрами карабкаются по брусьям пьедестала. Все умолкают и замороженно смотрят, как пылает символ нашего братства.

Обуглившаяся балка с хрустом срывается вниз, снова поднимается гомон, и толпа принимается вытаптывать общий ритм. В небо взвиваются десятки искусственных смерчей и, змеясь, пляшут с нами вокруг пылающего Человека. И когда, охваченные огненным шквалом, последние обломки рушатся вниз, рёв пламени и грохот смешиваются во всепоглощающий пронзительный звук.

Мы – племя, сплочённое экстатической пляской. Первобытное животное опьянение обрушивается на плотины сознания и разносит их в щепки. Я окунаюсь в забытьё и тону в нём. Столп пламени высится над головами. Почва гудит от нашей поступи. В воздух, клубясь, взмывается пыль и превращается в плотную завесу, будто во время песчаного шторма. Природа внемлет голосу стаи, и огонь бушует в каждом из нас. Слившись в единую первобытную стихию, мы порождаем бурю – пустыня дрожит под нашими ногами, и Земля отбивает нам ритм.

* * *

Следующей ночью проводится заключительная церемония – сожжение Храма. Это происходит совсем иначе – без криков и воплей. Пятьдесят тысяч человек молча смотрят, как огонь поглощает святилище. Медленно расплзается, охватывает внешнее кольцо башен, и, прибиваемый ветром, взбирается на центральную пагоду. В тишине далеко разносится гул прожорливого пламени и треск ломающихся брусьев, от которого почти физически больно.

В глазах слёзы, а в них блики огня. С лиц, будто озарённых внутренним светом, спали маски. И цветок на пиджаке парня рядом со мной выглядит как медаль, а я бы каждому вручил орден. За то, что они прошли этот нелёгкий путь и создали то, о чём я даже не мечтал. Они – свои, и какое счастье наконец повстречать столько близких по духу людей. Они приняли меня таким, как я есть, в песке и пыли, с моим скептицизмом и комплексами. Приняли, согрели и подарили счастье и надежду.

Мне хочется остановить время и остаться тут. Я стараюсь запечатлеть в памяти эти лица. Смотрю и не могу насмотреться. Рядом тихонько поют, а там кто-то чуть слышно читает стихи. И у меня в горле застрял комок, но это слёзы благодарности, и я не дам им пролиться – я заберу их с собой. Сегодня сгорает мой Корабль спасения, но я обрёл нечто большее. Нечто, что пока ещё не до конца понимаю и что только предстоит осмыслить.

* * *

После сожжения Храма я собрался и тронулся в обратный путь. Выбравшись на автостраду, остановился на заправочной станции, и первым делом – вода, проточная, холодная, в неограниченных количествах, – вода. Я умылся и прополоскал глаза. Потом наелся, напился сладкой шипучей дряни и сижу, а передо мной – заправка во всей своей омерзительности. Стойка с промасленными резиновыми шлангами, аляповатый козырёк, кричащий рекламный щит и закусовая с навесом из синтетического волокна. Всё искусственно ровное и тупое, в смысле – с пухлыми обтекаемыми краями.

Только сейчас я начинаю осознавать происшедшее. Я подобен рыбе, которую с рождения держали в продезинфицированной воде. И вот меня достали из тесного аквариума и выпустили в океан, и я понял, что такое плавать и что такое простор и свобода. А я и о море-то уже не мечтал, а о существовании океана – вообще не догадывался. И я растворился в таком естественном, но давно забытом чувстве свободного плавания. А теперь снова чую знакомый вкус хлорки, и мне тошно.

Как жить дальше в этом мире? Как после такого вернуться в вездесущую заправочность бытия?

Всё, что я видел, создано руками таких же участников. Эти конструкции строились месяцами и стоили немало времени, усилий и, чёрт подери, денег. И всё для того чтобы на мгновение порадовать, поразить воображение и в последнюю ночь быть преданным огню. Ведь дело совсем не в костюмах, перформансах или инсталляциях – это лишь средство вывести за рамки привычного мира, выбить из колеи, заставить разум прекратить интерпретировать и навешивать ярлыки.

Сорвать пелену и увидеть, узреть прекрасный, удивительный мир и воочию убедиться, что может быть иначе, чем в рутинной, опостылевшей повседневности.

А пыль и песок, и тяжёлые физические условия необходимы, чтобы вытащить из зоны комфорта, в которой мы окопались и за которую будем держаться, как бы муторно нам ни было. Через всё это надо было пройти и пережить бурю, чтоб хоть на время содрать коросту, которую я наращивал годами, защищаясь от лжи, лицемерия и чёрствости.

* * *

Поздним утром на подъезде к Сан-Хосе останавливаюсь перекусить и попадаю в торговый арт-центр. Там пасторальная атмосфера, повсюду натканы фикусы в кадках, а на стенах картины безруких художников. Кто покупает такой хлам – неясно.

По павильону чинно променадытся пенсионеры. Подолгу пялятся на эту, с позволения сказать, живопись и перешёптываются, делясь впечатлениями. И в этой юдоли мещанского благолепия – я – в салатových шароварах, оранжевой майке и с глазами на лбу.

Ввиду недельного недосыпа, отходняка от фестиваля и ночи за рулём, мои реакции резки и утрированы. Чувствуя это, я пытаюсь себя сдерживать, отчего, должно быть, выгляжу ещё комичней. Высматриваю подходящую забегаловку, валюсь в кресло и запрокидываю голову.

- Я хочу завтрак! – взбудоражено вскидываюсь я, завидев официантку.
- Погоди, – стройная негритянка смерила меня взглядом. – Видишь, я тут...

В её руках поднос с корзинками сахара, салфетками и какими-то штучками.

- А, ну да... – отзываюсь с той же неадекватной бодростью. – Но я уже хочу.

Ага, они только открылись, – проявляю я чудеса проницательности, не сводя глаз с официантки.

- Ты что, с Burning Man? – выдаёт она, закончив обсахаривать столы.

Я ошарашенно озираюсь, как Штирлиц, которого Мюллер поздравил с днём Красной Армии. Она высокая, с короткой стрижкой. На эту тему у меня особый фетиш – в грации женщин с короткими волосами больше свободы и изящества. У них не формируется привычка при каждом повороте головы думать о своей гриве.

Привычка, придающая пластике движений некую скованность и манерность. Правда, в ответ на эту теорию Шурик заявил, что я латентный гей.

При появлении завтрака я на некоторое время забываю обо всём. Потом она убирает со стола, а я заказываю двойной эспрессо. Рядом степенно расхаживает голубь, а она нравится мне всё больше и больше. Никакой косметики, на тонких запястьях по элегантному браслету, в ушах, в тон им, точки серёжек.

- То go? – спрашивает она.
- Нет, я на тебя ещё люблю.

Я прикидываю несколько вариантов вступительных фраз и решаюсь.

- Как бы ты поступила, будь это сценой в... современном романе? Главный герой заваливается позавтракать во хмелю после Burning Man, а тут ты, то есть героиня, у неё только начался рабочий день – и на тебе. Он выдаёт эту реплику. И?

Она несколько замешкалась.

- Предположим, он тебе нравится, – припечатываю я. – И ты в принципе не прочь.

Она выдерживает паузу, пристально разглядывая меня. Я вызывающе улыбаюсь.

- Это у тебя такое начало романа? – произносит она скептически.
- Нет, почему? Скажем... середина.
- А герой, стало быть, писатель?

Чувствуется, что ей не терпится сбить с меня эту самодовольную спесь.

- В каком-то смысле... Наш герой – художник. Он творит в широком понимании. Стараются, чтобы каждое действие, любой поступок был... мм... – я изображаю витиеватый жест, – проникнут творческим вдохновением.
- И что, эта сцена войдёт в роман?
- Вопрос в том, способна ли героиня сделать достаточно сильный ход.
- Похоже, с читателем, добравшимся до середины такого романа, что-то не так.
- Давай оставим читателя, ты увливаешь от основной сюжетной линии.

У неё мягкий французский акцент и поразительные голубые глаза.

- Знаешь... – она опирается двумя пальцами о стол и слегка подаётся ко мне. – Не я буду симпатичной официанткой в твоей книжке, это ты попал в мои сети и пока

производишь неоднозначное впечатление... Не исключено, что ты согласишься на роль... мм... – она передразнивает мой жест, – забавного клоуна. Я как раз думала разнообразить сюжет эдаким шутком.

– Идёт, – я делаю реверанс, подметая пол пером воображаемой шляпы. – Шута – вряд ли, а вот роль забавного клоуна меня вполне устраивает.

Беру в зубы цветок из вазочки, становлюсь на руки и, балансируя согнутыми ногами, обхожу вокруг стола.

– Эй, Зои! – раздаётся раздражённый окрик.

Голубь закурлыкал, вспорхнул и улетел, негодуя хлопая крыльями. Я спрыгиваю на ноги и отвешиваю господину в пиджаке и броском галстук шутовской поклон. Он неодобрительно осматривает меня, но тут от дальнего столика раздаются жидкие аплодисменты.

Новая знакомая подмигивает, с трудом сдерживая улыбку, и удаляется. Хмырь в галстук семенит за ней и что-то нервно подзуживает. Зои приносит счёт, украдкой оглядывается, делает страшные глаза и снова уходит. Я беру два ножа, вставляю между крайними зубцами вилки – получается треугольная пирамидка. Рукоятки, чтобы не разъезжались, устанавливаю на пакетики сахара. Поиграв с балансировкой, добиваюсь шаткого равновесия и, написав на квитанции свой номер, пристраиваю её на кончики лезвий.

Итак, Амазонка нашлась. Дело за малым.

Глава 15

Одиночество – это болезнь, передающаяся половым путём.

Вера Павлова

Возвращение в повседневный мир было нелёгким. Окружающее казалось безвкусным и бесцветным, словно картонные декорации любительского театра. Но внутри сохранялось зародившееся где-то в песках чувство покоя и умиротворения. Меня переполняла незнакомая радость, без клокота и бурления, но мощная и стойкая. Мир обрёл свежесть, ясность, насыщенность и вместе с тем некую эфирную невесомость, с готовностью отзываясь внутренней мелодии.

Стали заметны вещи, которые я давно разучился видеть. Это было захватывающе и ново, и я стремился ступать осторожней и вдумчивей, чтобы не нарушить чудесный мираж. Однако, как ни старался, яркие ощущения постепенно выветривались под натиском ежедневных забот.

Работа, с её неумолимой логикой, брала своё. Медленно и неуклюже, но всё ускоряясь и наслаиваясь, текли трудовые будни. Я по-прежнему вкалывал, пытаюсь уложиться в сроки и по необходимости отражая атаки Ариэля. Впрочем, после совместного эксперимента в больнице его нападки пошли на убыль как с точки зрения частоты, так и интенсивности. В них уже не было прежнего азарта, и чувствовалось, что продолжает он то ли для проформы, то ли по инерции.

Более того, теперь, когда Арик затягивал одну из излюбленных песен, скажем, балладу о десять ноль-пять, мне временами удавалось выбить его из накатанной колеи, сообщив о новых результатах или неразрешённой задаче. Он отбрасывал менторский тон и охотно углублялся в инженерные дискуссии, не раз помогая выйти из тупика.

Эквизишн уже давно налажен, основная часть детекции тоже завершена, и теперь я навожу глянец: подстраиваю параметры и оттачиваю нюансы. Нудное занятие, включающее тысячи однообразных тестов, и лишь стоящие рядом осциллограф и генератор-приёмник греют мне душу. В особенности осциллограф, ещё со школьных уроков физики сохранивший в памяти некий романтический флёр, как инструмент, позволяющий заглянуть за пределы зримого мира. Всякий раз, закончив очередную серию опытов, я кручу рифлёные ручки и щёлкаю мягкими подушечками кнопок.

Теперь у меня даже не один, а два осциллографа. Я колдую над ними, словно

алхимик в поисках философского камня, и это отнюдь не единственное их достоинство – приборы почти полностью отгораживают Тима Чи, что является не менее важным аспектом их волшебства.

Но вот начинается суэта, грёзы улетучиваются, в комнату подтягиваются работнички, рассаживаются, вздыхают и ёрзают, устраиваясь поудобней. Последнее время, кроме обычных недельных планёрок, Джошуа – консультант по методикам управления, проводит ежедневные лекции, посещение которых, с лёгкой руки нашего обожаемого директора Харви, вменяется в обязанность всем сотрудникам, включая секретаршу и Таню-Марину.

Мы сидим, героически сдерживая зевок, и слушаем эту невероятную галиматью.

– У понятия «проект» существует два концептуально разных определения, – гундит Джошуа, как бы обсасывая каждую гласную. – Первое – проект есть мероприятие, производящее уникальный результат в ограниченные сроки.

Запечатлев сказанное на доске, он обводит собравшихся одухотворённым взглядом. Кроме Харви, притащившего сюда это нелепое создание, и, естественно, Тима Чи, в глазах слушателей ответного воодушевления не наблюдается, но присутствие начальства не даёт расслабиться, и они уныло кивают, подтверждая усвоение информации.

– И более новое – уникальный набор процессов, состоящих из скоординированных задач с начальной и конечной датой, предпринимаемых для достижения конкретной цели.

Джош триумфально тычет пальцем в потолок.

– Необходимо уяснить кардинальную разницу, ибо она подчёркивает то, на чём фокусируются стратегии и методики. Не скрою, меня безмерно порадовал выход в свет второй формулировки, так как даже сама уникальность результата совершенно несущественна...

На этом я отключаюсь, и в памяти всплывает бессмертная фраза Ариэля: «Правильное составление плана работы зачастую важнее самой работы».

Джошуа был призван, дабы внедрить в наши ряды систему правильной организации или, как он выражается, реорганизации рабочих процессов. Хотя, какая организация и какие такие процессы... Преподавательства с Ариэлем едва ли назовёшь процессом. Да и вообще, как в компании, где каждый отдел состоит из одного

человека, можно толковать о таких понятиях?

Если это и имеет практический смысл, то для гигантских концернов или относительно больших предприятий и уж никак не для нашей захудалой шарашки. На фоне катастрофической нехватки времени и полной неясности, как справиться с насущными инженерными задачами, эта катавасия выглядит не просто абсурдно, а глупо и безответственно. Однако, судя по тому, как Джошуа взялся за дело, чувствуется, что замыслы у него грандиозные.

Следующие полчаса он петляет вокруг этих двух определений, а я малюю абстрактные каракули, переходящие от округлых форм к всё более резким и агрессивно заострённым, и искоса поглядываю на коллег: Ирис, вынужденную приезжать каждый день ради этих маразматических лекций; ни в чём не повинную Таню-Марину, которой, впрочем, всё нипочём, пока ей не мешают чатиться в телефоне; флегматичного Геннадия; неуместную Кимберли во всеоружии макияжа и вызывающего декольте; деревянного Харви; невозмутимого Стива; Тамагочи, чуть ли не истекающего слюной от этой говорильни; и Ариэля, неуклонно приобретающего болезненно зеленоватый оттенок.

Джошуа являет собой в высшей степени карикатурный персонаж. Долговязый, угловатый, с претензией на аристократизм британского разлива не первой свежести, он припирается в офис с пуделем. Джош прибыл к нам, о ужас, из самого Нью-Йорка, и столь одинок, что ему не с кем оставить свою ненаглядную собачонку. И поэтому в нашей и без того тесной конторе постоянно путается под ногами эта драная псина. Разительно напоминающий своего хозяина, довольно потасканный пёсик обладает мерзким характером, непрестанно облизывается и то и дело жалобно поскуливает.

– Разработанные консультантом схемы – это полуфабрикат как методологически, так и технологически, в то время как комплексное решение, требующее знаний отраслевой специфики, можете создать лишь вы сами. Ибо консультант, по сути, не более, чем сферический конь в вакууме.

Судя по характерным ужимкам, этот конкретный конь не только сферический, но ещё и гей. Не то чтоб я имею что-то против, но приторность, манера растягивать слова и нарочитая похотливость, которой отдают его интонации и жесты, раздражают до крайности. Всё начиналось вполне безобидно: выпроводив Кимберли, они подолгу запирались с Харви, прежде заглядывающим в офис далеко не каждый день. Но вскоре бурная деятельность Джошуа выплеснулась за пределы кабинета директора, и что-то подсказывало, что новое веяние будет лишь усугубляться. Оставалось неясным, удастся ли нашему утлому судёнышку пережить

этот шторм, не сгинув в пучине бюрократизма.

* * *

Несмотря на тоску по утерянным отношениям, я постепенно оттаивал, нехотя выкарабкиваясь из скорлупы депрессии, в которой было так уютно. Боль и обида улеглись, но всякий раз по пути в аэропорт я проезжаю знакомые места... и они вновь растрavляют душу. Вот он – неизменный маршрут, проделанный уже сотни раз, и большой перекрёсток перед поворотом в район, где живёт Она. Когда останавливаешься на светофоре, виден её квартал, а если нет машин – даже краешек бокового фасада... И вновь накрывают воспоминания. А если горит зелёный, я по привычке планирую этот поворот, соотношу с ситуацией на дороге и прикидываю, как лучше в него вписаться. И когда самолёт взлетает, ещё сохранившимся в глубине глазных яблок рефлексом я нахожу её дом, затерянный в полотне переулков, а затем – машинально – свой.

Дом, где я прожил последние несколько лет, за время наших отношений наполнился и до сих пор хранит некое неуловимое присутствие. Стены впитали звуки её голоса, её смеха. Ночью в темноте мне иногда кажется, что простыни ещё помнят её запах. Или вдруг, хотя реже и реже, я замираю, и перед глазами проплывают сцены недавнего прошлого. Поэтому дома я стараюсь себя чем-то занять. Предпочтительно алгоритмом, сжирающим меня целиком. Но для работы нужна хоть крупица вдохновения, которую не всегда удаётся найти, и тогда выходные напролёт я валяюсь на диване и думаю о ней, а внутри ногтями по грифельной доске скребётся пустота.

Впрочем, воспоминания не лишены своеобразного чувства такта и почти не тревожат меня в Сан-Хосе. Так повелось изначально – жизнь распалась на две автономные реальности. На севере – Ариэль со своими демонами и остальными атрибутами корпоративной действительности; на юге – призраки бывшей подруги, копошащиеся по углам полузаброшенного жилища. Они следуют за мной по пятам вплоть до самого аэропорта, но не дальше, и, затаившись, поджидают, чтобы наброситься прямо у выхода из терминала.

Правда, там я оказываюсь всё реже, а чаще – уезжаю на четыре дня и возвращаюсь, отработав укороченную неделю, неуклонно трансформируясь в бомжа на машине, в кочевника, который вечерами звонит Раби или Шурику и просит убежища. Чем дальше, тем больше эта ситуация начинает изнурять и меня, и моих друзей, хотя, надо отдать им должное, оба это тщательно скрывают.

У Шурика каждый раз одно и то же – детские вопли, отцовские внушения, потом

ритуал отхода ко сну и напоследок «quality time»²⁴ на кухне или в гостиной. Впрочем, в гостиной сохраняется та же атмосфера советских посиделок на кухне с самодовольным брюзжанием и циничным отношением ко всему, выходящему за рамки бермудского треугольника семейных ценностей, карьеры и мировой политики. И все эти прелести – при неукоснительном соблюдении ночной дисциплины. Всё бы ничего, если б не его непреклонность касательно проведения времени с детьми, и договориться приходиться, когда они уже уложены, невозможно. Шурик обижается, уговаривает, настаивает, и не мытьём, так катаньем добивается своего.

Для него это святое, и в этой обители семейного счастья я не хочу быть заподозрен в святотатстве. И вот я сижу посреди этого бедлама и мечтаю о дúше, о тишине и о том, чтобы спокойно накуриться... А курить нельзя. Вика обнаружила и выполола мой цветок свободы. «У женатого человека одна радость – как следует выспаться», – зевает Шурик, почёсывая брюхо. Одеяло у него слишком толстое и колючее, а подушки чересчур большие, и по утрам ноет шея. Интересно, какие же надо отрастить плечи, чтобы было удобно спать на таких подушках.

У Раби другая крайность: его квартира – нечто среднее между общественной ночлежкой, проходным двором и круглосуточной вечеринкой. Когда и в каком количестве нагрянут очередные гости, не знает никто, даже он сам. Там редко удаётся отдохнуть. Вот и получается, что днём я лабаю алгоритмы, а по вечерам отрабатываю то няней, точнее, заводной куклой, то белой вороной, искоса зыркающей на незваных прожигателей жизни в ожидании, пока те начебурахаются и расползутся по домам.

В пятницу передо мной и вовсе не простая дилемма: либо Ариэль, либо мои химеры. И хотя возвращаться отнюдь не тянет, упускать исключительную возможность работы дома я не намерен. Моя врождённая тяга к свободе вопиет от такой мысли, и я чаще подумываю о переезде. Том самом, на который пытался сподвигнуть Иру... И вновь передо мной оживает сцена, как я экспрессивно жестикулирую, живописуя красоты Сан-Франциско, а она, едва прикрывшись простынёй, смотрит на меня и улыбается, думая о своём. Это ведь было совсем недавно, а кажется, так давно, что я вижу всё словно сквозь плотную пелену...

Но сегодня мне ничего не мешает. Никто не удерживает... Более того, сегодня уже нет никаких причин тратить столько времени и сил на никому не нужные полёты или поездки через полштата. Но что-то останавливает меня. То ли лень, то ли нежелание одному осуществлять то, что хотел сделать вместе с ней. Неясно. Но так

---

²⁴ Quality time – термин, определяющий особое время, отведённое для общения с семьёй, близкими друзьями или посвящённое любимому занятию.

или иначе переезд я откладываю, занимаю себя другими делами, говорю себе, что ещё не совсем оправился. Что надо всё хорошенько взвесить. Мне нужно ещё немножко времени. Как знать, возможно Сан-Фран – не лучший вариант. Либо мне просто тяжело покидать дом, где прожил долгие годы, где разобрал себя на кусочки и кое-как собрал заново...

* * *

Около полуночи мы договорились встретиться с Зои. В ожидании конца её смены я съездил помыться и переодеться и, так как в мотеле заняться нечем, коротаю время в офисе. Гоняю симуляции, оптимизирую параметры – муторная деятельность, подобная поиску иглы в стоге сена, при отсутствии какой-либо уверенности, что в этом стоге действительно имеется искомое.

Тем временем в студии звукозаписи за стеной острое воспаление порно-активности. Который час кряду они гоняют туда-обратно один и тот же эпизод. Видать, тоже творческий поиск... правильной интонации или тембра... поди угадай. Эх, натравить бы на них Ариэля, он бы мигом нашёл и тон, и тембр. Дикие стоны прорезаются сквозь музыку в наушниках, усиливая раздражение.

Плюнув на работу, бреду вниз, сажусь на ступеньках у входа и закуриваю. Вскоре из здания появляется девушка с собранными на затылке волосами, просит огня и пристраивается неподалёку. Провожая взглядом редкие машины, она откидывает непослушную чёлку, и в мягких движениях чувствуется усталость.

Докурив, она достаёт ещё одну, снова просит огня и уже не возвращается на прежнее место, а садится рядом.

- Тут работаешь? – помолчав, интересуюсь я.
- Ага, там, на втором этаже.
- А-а... Хорошо хоть здесь не слышно. Тебе как? Не мешают эти вопли?
- Вопли? – смешливо сощурившись, переспрашивает она.

У неё задорная улыбка, сумбурно разбросанные трогательные веснушки и выбившаяся прядь волос, щекочущая губы.

- Ну эти... А-а! У-у! Ох-ох! – вою я, пародируя застенные стоны.
- О-о, да тут незаурядный талант пропадает! Может, тебя к нам?
- В каком смысле «к нам»?
- В прямом, это я там... А-а! У-у! Ох-ох! – передразнивает она.
- То есть?..

- То есть – озвучиваю, в смысле, воплю.
- Ну да, конечно... кхм... пожалуй, я тоже ещё...

Не договорив, принимаюсь сосредоточено нащупывать пачку. Она наблюдает, как я достаю сигарету и со второго раза закуриваю.

- Удивлён?
- Да нет, не то что...
- Я слышу нотки осуждения?

Её явно забавляет моё замешательство. Может, она права, что за занудство? Но неотвратимая логика спора, заставляющая оппонентов, подчас помимо воли, занимать противоположные позиции, и то, как открыто она потешается, мешают отступить.

- Нет, почему... Но всё-таки ничего более, как бы это сказать...
- Давай, вразуми меня: чем же плоха моя работа?
- Не то чтобы плоха, но всё же...
- Всё же?
- Да, всё же... Продавать своё... мм... сексуальное обаяние, привлекательность, эротизм...
- погоди, ты кто по профессии?
- Я инженер. Научный работник, если угодно.
- Ага, значит, проституировать мозгами – нормально, а голосовыми связками – нет?
- Зачем так сразу – проституировать?
- Будем называть вещи своими именами, – усмехается она. – Ты свои способности продаёшь? Продаёшь. Так в чём же дело?

Необходимость отстаивать сомнительную точку зрения раздражает всё сильнее. А ей хоть бы хны – она пожимает плечами, и в свете уличных фонарей в ключицах пролегают беззащитные тени.

- Стоп, ты меня как кого спрашиваешь? Как представителя целевой аудитории?
- Давай-ка разберёмся, – проигнорировав мою попытку отшутиться, настаивает она, – в чём проблема?
- Проблема, как ты выражаешься, в том, что есть большая разница...
- Неужели?! – снова перебивает меня эта нахалка.
- ...разница, заключающаяся в том, что я разрабатываю медицинское оборудование, которое спасёт сотни тысяч человеческих жизней. Что может быть благородней?

- Bravo, bravo... – иронично роняет она. – Ты, наверное, рыцарь?
- Да уж, рыцарь... У меня даже меч есть.
- Не сомневаюсь.

Это, пожалуй, слишком. Но, вопреки язвительности, в её слегка надтреснутом голосе слышится некая необъяснимая горечь и теплота.

- Раз уж ты о высоких материях, позволь и мне, – помедлив, она решает добить меня окончательно.
- Конечно-конечно, – я пытаюсь придать голосу безразличный тон.
- Так вот, мы, блудницы, гораздо нужнее, чем вы – спасатели человечества. Да, в извращённом, по-твоему, виде, я продаю ласку и фантазию. Но если мы замолчим и прекратим шептать вам на ушко нежные слова, то и вы, и ваше человечество околеете от недостатка любви, нежности и тепла.
- Ой! Прямо Мария Магдалина, – я поднимаю раскрытые ладони, изображая готовность к капитуляции.
- Вот-вот, кстати, даже католическая церковь склонна культивировать образ раскаявшихся проституток.
- Что-то особого раскаяния не наблюдается. И потом, насколько я помню, блуд – один из семи смертных грехов.
- Как уныние и чревоугодие, – она демонстративно косится на мою пачку.
- Красиво излагаешь.

Я рассмеялся, признавая абсурдность дальнейшего спора. Мы помолчали.

- Ладно, а чем ты занимаешься, когда не трудишься на поприще теплоснабжения и любвеобеспечения?
- Знаешь, котик... – начинает она вкрадчиво-коварным тоном.

В этот момент звонит телефон, она предостерегающе поднимает указательный палец и, выслушав пару коротких фраз, поворачивается ко мне.

- Мне пора ещё немного повопить, – произносит она хрипловатым, сочащимся сексуальностью голосом.

Обезоруживающе улыбается, обдаёт меня профессионально-томным взглядом и, расхохотавшись, юркает внутрь.

* * *

Покончив с первой частью, я перешёл к терапевтической функциональности

будущего продукта. В наши амбициозные планы входит не только предоставление вспомогательной диагностической информации, но также инструмента, позволяющего не просто философски взирать на плачевное состояние пациента, а предпринимать шаги для решения проблемы посредством того же ультразвука. Таким образом, мы вторгаемся на неизведанную территорию. Никаких мало-мальски достоверных данных подтверждающих, что это теоретически возможно, у нас нет. Скорее наоборот: подобные опыты, описанные в научной литературе, прежде давали сомнительные результаты.

Я снова зарываюсь в работу. Пожалуй, пришло время признать – толком я ничего не знаю, всё делается настолько впопыхах и на авось, что абсолютно непонятно, как вообще что-либо в итоге получается. Но самое интересное – оглядываясь назад, пройденный путь обретает некую внутреннюю логику и даже величавость. Однако так кажется только потом. А пока моя деятельность состоит из хаотичного, если не сказать панического, метания и выискивания путей вывернуться из сложившейся ситуации – при постоянном дефиците данных, знаний и катастрофической нехватке времени. Но именно это и тешит самолюбие, заставляет бороться и добиваться цели.

Мне, как натуре увлекающейся, в такие периоды сложно не только сохранять баланс между трудом и отдыхом, но даже просто расслабиться. Азарт погони за ускользящей целью непрерывно жжёт изнутри, за что приходится платить ошибочными решениями, потраченным зря временем и хроническим недосыпом, пагубно сказывающимся на моём и без того прихрамывающем чувстве меры. Эти марш-броски превращаются в умопомрачительную помесь воодушевлённого экстаза с кошмарным бредом.

Мясорубка мыслей не стихает даже по возвращении домой – после долгих полётов или ещё более долгой дороги на машине... Или посиделок с друзьями. И вот я, измотанный и опьянённый передозировкой адреналина, добираюсь, наконец, до постели, где бы она ни была в тот вечер, и, укутавшись, чувствую, как рывками спадает напряжение и веки сковывает долгожданная тяжесть. Я приминаю подушку, устраиваясь поудобней, и сквозь первую пелену дрёмы замечаю, что проклятый арифмометр продолжает щёлкать почти с той же частотой, как в часы упоённого трудового угара.

Рождаются новые идеи, возникает элегантное решение, над которым бился многие сутки, и я вскакиваю и принимаюсь записывать, рисовать чертежи и графики. Или просыпаюсь, осенённый головокружительным откровением, и потом, взбудораженный его красотой, подолгу не могу уснуть. А утром все плоды ночных бдений порой оказываются полной ахинеей либо чем-то столь банальным, что

становится стыдно и абсолютно неясно, чему было радоваться, вскочив в четыре утра и подробно документируя изобретение очередного велосипеда.

И даже когда всё улеглось, наиболее острые проблемы локализованы, а разрозненные идеи сложились в стройную схему, мясорубка не останавливается. Измельчая в труху остатки эмоций и шелуху чисел, машина вертится по инерции, жадно требуя новой пищи и, не находя, принимается пожирать саму себя.

Постепенно к этому привыкаешь и, хотя мясорубка продолжает молотить, я проваливаюсь в сон сквозь лязг и скрежет вертящегося на холостом ходу механизма.

* * *

*from: maya@akutra.me
to: ilya.dikovsky@gmail.com
date: 11.09.2015
subject: Namaste*

вновь подул южный ветер, и я опять в пути. ступив на индийскую землю, сразу почувствовала знакомый вкус свободы и умиротворения, ощутить который можно только тут.

в городке Путтапарти расположен Ашрам «Прашанти Нилаям» – «Место Наивысшего Покоя», основанный Саи Бабой, почитаемым как чудотворец и Аватар, или воплощение Бога. это место и стало моим пристанищем.

поселили в женском общежитии. соседками по комнате были ещё семь женщин из разных стран. узнав мой возраст и краткую биографию, они решили, что я приехала просить у Бабы жениха. пришлось объяснять, что мне, в принципе, ничего не надо. есть, конечно, скромные желания, такие, как мир во всём мире и решение глобальных экологических проблем, но беспокоить Бабу я не собираюсь, поскольку не уверена, что он такими вещами занимается.

первые дни дались нелегко из-за многочисленных законов и закончиков. особенно раздражали закончики – я никак не могла запомнить, на какие мероприятия что брать: на некоторые без белых носков не пустят, на другие лучше прихватить коврик. лёжа на голом мраморе, не помедитируешь – мысли только о коврике. вдобавок, на медитациях запрещено чихать и кашлять, это даже указано в брошюре. если не удалось сдержаться и не успеваешь выбежать из зала, кто-нибудь обязательно подойдёт и попросит удалиться.

постепенно освоившись с порядками, начала получать удовольствие. так пролетели недели три, но, когда потерялась последняя пара белых носков, что ставило крест на полуденной медитации, сделалось ясно – это знак – пора продолжить путешествие, ведь впереди ещё столько неизведанного.

вернувшись в Пуну, влипла в дурацкую историю, в итоге которой у меня спёрли все вещи, кроме иранского бубна. стало быть – денег нет, документов нет и планов на будущее тоже нет, зато трипом добрые туристы угостили. и вот брожу в обнимку с бубном по городу и встречаю Машу, с которой в Ришикеше познакомилась. Маша очень удивилась такому стечению обстоятельств и позвала на какую-то халтуру – работа, говорит, не пыльная, платят хорошо.

пришли на репетицию, примерили костюмы, вроде не так уж плохо. однако профессиональные танцовщицы сразу отказались быть с нами в группе, так как я не могла правильно повторить ни одного движения.

предполагался матч крикета между командами sony и ещё чего-то. на место ехали долго, я была словно в тумане. по прибытии выяснилось, что в таком виде выступать нельзя, потому что должны быть прикрыты плечи и ноги. заставили одеться и поверх натянуть костюмы, причём уже другие: чёрные лосины с короткой серебряной юбкой, которая даже жопу не закрывает, да ещё и велика; сверху рубашка; на ней майка в обтяжку; а в руках махалки, как у девиц в бейсболе. одним словом – кошмар. не то что на люди выйти – в зеркало смотреть страшно.

тут прискакала тётка и загнала всех на сцену, перед которой тусила кучка престарелых индусов. не успела я оглянуться, как подлетает Маша и вопит: «Майя, у тебя юбка падает!». смотрю, а юбка уже у колен. Маша попыталась помочь, но вместо этого спихнула меня со сцены, и я грохнулась вниз.

упала, значит, лежу на зелёной травке и думаю себе: «приплыли. всё, что могло произойти, – произошло. я лишилась всего. я упала со сцены. я несуразно лежу в этом ужасном наряде. я не умею танцевать и так боялась опозориться».

и попустило. всё прояснилось. теперь можно лезть обратно и прыгать в своё удовольствие. поднялась и полезла. и отплясали мы весело, коленки уже не дрожали. правда, наши проиграли с разгромом. может, потому что у них была такая группа поддержки. девочки из другой группы показывали акробатические номера, вставали в пирамиду и радостно скандировали название команды. мы же безуспешно силились изобразить синхронные действия, но даже в названии

постоянно ошибались в спеллинге. время от времени, кто-то подбегал и просил выкрикнуть имя кого-нибудь из игроков, но с таким жутким акцентом, что воспроизвести услышанное, тем более по буквам, никак не удавалось.

впрочем, поражение никого не расстроило. после окончания мы ещё долго скакали по полю под гоа-транс, а спортсмены трескали гамбургеры.

итак, дальше падать некуда, остаётся только забираться обратно, зная, что и другие падения я переживу.

OM namah Shivaya!

P.S. здесь существует слово «Сайрам», которым можно объяснить всё даже лучше, чем русским матом. например, если хочешь сказать человеку – подвинься, говоришь: Сайрам – с подходящей интонацией; а он в ответ: Сайрам – типа, извини; и ты: Сайрам – мол, спасибо. и поэтому, Сайрам, Илья...

Глава 16

Девочки! Девочки, делайте реверансы! Мальчики, наклоняйте быстрым поклоном подбородки к груди и щёлкайте пятками, улыбайтесь вежливо и нагло! Потупляйте скромные взоры. Таитесь. Лелейте свою грёзу, грёзу джунглей. В лилиях, нежных певицах-танцовщицах, в восточных загадочных принцах. Разрывайте, разрывайте шуршащий шёлк кончиками пальцев, едва притрагивайтесь вздрагивающей кожей. Вспоминайте, потом вспоминайте... Когда вас спрашивают, о чём вы думаете, отвечайте холодно: «ни... о... чём».

Астенический синдром

Джошуа. Джошуа, Джошуа и ещё раз Джошуа. Джошуа всё шире расправлял крылья и, казалось, его бурная деятельность вскоре затмит, а потом и вовсе вытеснит все иные отправления нашей конторы. Джошуа был повсюду. Он читал лекции, он наставлял, уточнял или упреждал, носясь взад-вперёд и создавая бурю в стакане по любому мало-мальскому поводу. Спасу от него не было никакого. Пощады не достаивался никто, даже неокрепшее подрастающее поколение (я, само собой, имею в виду Таню-Марину). Вечно мельтешащая фигура нескладной конституции стала столь неотъемлемой частью повседневной офисной действительности, что едва ли не мерещилась нам по ночам.

Вдобавок, у него имелся тик, видимо, являвшийся наследием прежнего этапа нелёгкой биографии. Время от времени он с резким сипением судорожно втягивал ноздрями воздух. В недолгий период, когда я увлекался коксом, у меня тоже была привычка шмыгать носом, но у этого заскорузлого кутилы она превратилась в нервный тик.

Вместе с тем Джошуа – эта жертва кокаиновых угаров, подобно некоторым развратным женщинам, по достижении преклонного возраста бросающимся из одной крайности в диаметрально противоположную, превращаясь в приверженец строгих правил и ревностных блюстительниц нравственности, напропалую разыгрывал из себя примерного бойскаута. Держался гипер-бодро и супер-позитивно, говорил исключительно правильные вещи, непрерывно лез из кожи от переизбытка служебного рвения, был всегда корректен и неизменно проецировал успешность. А в присутствии начальства пыжился ещё пуще, в общем, вылизывал на отлично. Даже на отлично с плюсом.

– Итак, шс-шс, – вещал Джошуа, вдохновенно взмахивая клешнями и жадно втягивая воображаемый кокс. – Мы наглядно убеждаемся, что правильные, хорошо

сбалансированные процессы являются фундаментальной составляющей, первоосновой, шс-шс, трепещущим сердцем всей структуры.

Тик резко усугублялся, когда он говорил о процессах, а он в основном именно о них и говорил. Кроме того, с недавних пор он нашёл соумышленника в своём непотребстве в лице нашего ненаглядного Тима Чи, вследствие чего у Джошуа укоренилась привычка заглядывать к нам в комнату по десять раз в день, а у меня выработался защитный механизм – стоило ему появиться на пороге, как я рефлекторно хватался за наушники.

Эти встречи, к нашему с Ирис неудовольствию, становились более частыми и продолжительными и вскоре претерпели качественное изменение. На одном из заседаний Джошуа заявил, что необходим представитель от работников фирмы для адаптации процессов к реалиям компании, и на эту ответственную должность как нельзя лучше подходит господин Тим Чи, чью кандидатуру уже одобрил отсутствующий ныне Харви. Ариэль устало кивнул, видимо, рассудив, что такой поворот снимет с него часть гнёта, связанного с общением с Джошем. И так, с заочного согласия директора и благословения Ариэля, их мезальянс был официально оформлен и перешёл в более тесную фазу.

Помимо этого, освоившись, Джошуа стал проявлять узурпаторские замашки, внедряясь в сферы, никак не связанные с его прямыми обязанностями. Едва мы свыклись с необходимостью ежедневно выслушивать его лекции, как он, выходя на очередной виток сумасбродства, развил активность на новых неожиданных фронтах, и реформы посыпались как из рога изобилия.

Преображение началось с нашей крохотной кухоньки. Ничем не примечательным утром я забрёл туда с невинной целью приготовления кофе и был ошарашен: на стенах не осталось ни клочка живого места – всё усеяли инструкции с подробными иллюстрациями. Мытьё рук – двенадцать пунктов, каждый из которых поражал нелепостью и долженствовал длиться в течение времени, необходимого, чтобы дважды пропеть Happy Birthday, а последний гласил: «Теперь ваши руки безопасны». Свод правил поведения и гигиены, в числе коих над микроволновкой красовалось: «Осторожно! После разогрева пища будет горячей». А в коридоре радовали глаз инструкция правильного чиханья и схема пользования уборной, которыми Джошуа не ограничился и потребовал сменить пресловутый гвоздь, велеречиво высказавшись в духе того, что это-де небезопасно, антисанитарно и возмутительно неэстетично.

Однако пылкие воззвания канули втуне и надлежащие меры приняты не были. И тогда он ушёл из офиса! Ох, как бы хотелось поставить на этом точку, но нет – он

вернулся. И, вернувшись, притаранил аккуратненький крючочек с завитушками и собственноручно, хоть и несколько кривовато, приляпал его к дощечке.

Это было бы ещё ладно, но далее, под предлогом всё той же безопасности, он потребовал избавиться от удлинителей и тройников и в сопровождении Харви прошёл по комнатам, самолично производя изъятие. Покончив с конфискацией, эта парочка их куда-то запрятала. И тут, как и следовало ожидать, выяснилось, что нет достаточно розеток и большая часть приборов осталась без питания.

В результате целую неделю экстренно вызванная ремонтная бригада сверлила стены и демонтировала перегородки, а мы были вынуждены постоянно отключать нечто одно, чтобы включить другое. Ариэль, с болью в сердце наблюдавший вопиющую трату рабочего времени, со свойственной ему безудержностью установил объём мер, предпринимаемых по решению энергетического кризиса. Однако и Джошуа даром времени не терял, и по окончании строительства офис неузнаваемо преобразился: отовсюду хищно щерились стаи розеток, а где не было розеток, скопищами гнездились инструкции.

И всё же истинный венец, настоящий шедевр процессуального жанра, предстал перед нами чуть позже. После того как кутерьма с вынужденной реконструкцией была окончена, дражайший Джошуа как ни в чём не бывало открыл нам великую тайну. Оказалось, что если небезопасный объект, скажем, удлинитель, приличествующим образом оформить, составив соответствующий формуляр и объяснив в каждом конкретном случае, почему он необходим, то означенный объект переходит в иную категорию, становясь безопасным и допустимым к использованию.

Тут Ариэль поразил всех своим самообладанием. Я был уверен, что он удушит эту мразь прямо там же, в ходе очередного заседания, но он лишь побледнел, проскрежетал что-то невнятное и, пошатываясь, покинул помещение.

* * *

На выходные я поленился возвращаться в LA и остался в мотеле, где уже прослыл завсегдаем – факт, лишний раз напоминающий, что пора как-то решать жилищный вопрос. В пятницу познакомился с очень даже миловидной девушкой лет двадцати пяти, вечером подъезжаю к её дому и звоню сообщить, что можно спускаться. Она выходит, вся расфуфыренная, на каблуках и в яркой курточке, чмокает меня в щёчку, и салон заполняется сладковатым запахом духов.

– Прикинь, – начинает она без всякой подтанцовки, – говорила с сестрой, и этот мудака, её бывший, припёрся поддатый в парикмахерскую и затеял скандал. Что она,

типа, должна отстёгивать с выручки, хотя сам он ни хрена не делает, только пьёт да обжимается с каждой подвернувшейся тёлкой. Он...

– Погоди, – прервал я этот экзальтированный монолог, пытаюсь одновременно проявить вежливый интерес и несколько сбавить обороты, – а они эту... кхм, это дело вместе открывали?

– Какое вместе?! О чём ты? Он всю жизнь сидел у неё на шее, пользовался её умом и красотой, и нет же, всё ему мало, этот кобелюка ещё имеет наглость что-то требовать! Это ж надо, вламываться среди бела дня, при людях и качать права! Подумать только, какой гадёныш!

– Ну... ты же понимаешь, когда люди расстаются, разногласия неизбежны. У каждого своя правда.

– Какая правда? Всё это тянется уже столько лет, какая ещё правда?! Он же просто эксплуатирует её! Ей-богу, что она в нём нашла... Ни кожи ни рожи. Конченный неудачник.

– Может, это настоящая любовь? – вяло пытаюсь пошутить я.

– Любовь? – презрительно фыркает она. – Ой, скажешь тоже – любовь, я тебя умоляю. Мы с мамой ещё вначале говорили, что ничего путного из этого не выйдет. У него ж на физиономии написано – жеребец.

– Так кобель или жеребец? Пора, наконец, определиться... после стольких-то лет.

– Она запнулась, и я продолжаю: – Слушай, давай решим, куда ехать. Есть одно местечко, там варят пиво, неплохая еда и атмосфера вполне себе.

Вытаращившись, будто ей предлагают крысиный яд, причём в донельзя непристойной форме, барышня возмущённо отворачивается к окну.

– Ты чего?

– Пиво? – переспрашивает она сдавленным голосом.

– Да, а что? Ты не любишь пиво?

Она пару раз оглядывается, но так ничего и не произносит.

– Ну не хочешь пива, выпьешь что-нибудь другое...

По-видимому, и в этой фразе что-то не так.

– Выпьешь что-нибудь? – цедит она, словно не веря своим ушам.

– Ну там... чай или кофе. У тебя с кофе как? Нормальные отношения?

– Ты предлагаешь девушке пиво? – уточняет она ледяным тоном.

– А что, женщинам пиво противопоказано? – я еле сдерживаюсь, чтобы не расхохотаться.

– Нет, но не на первом же свидании! Незнакомой девушке – пиво?! На первом

свидании?!

– Я ж тебе не трахаться предлагаю, всего лишь выпить.

– Трахаться? – она поперхнулась. – Вместо того чтобы пригласить в приличное место, где можно культурно отдохнуть... Так нет же, сразу выпить! Пиво! На первом свидании! Пиво!

На этом вопле я бью по тормозам и разворачиваю машину через сплошную полосу.

– А куда мы теперь? – спрашивает она, не выпуская ручку двери, в которую судорожно вцепилась во время последнего виража.

– А теперь – домой.

Обратный путь проходит в гробовом молчании. Выйдя, она надменно одёргивает курточку, а я еду в местечко, где варят пиво и водятся сочные свиные стейки, которые не выходили из головы ещё по дороге к ней.

* * *

Тем временем подходил срок сдачи проекта, да и сама работа во многом завершена. На прошлой неделе мы окончательно определились с датой эксперимента в больнице. На этот раз предполагалось обойтись без приключений, всё штатно: опыт на свинье, без человеческих трупов и без переписывания кода за час до отлёта.

В преддверии ответственного события я пожертвовал последней отдушиной и остался в пятницу на работе. Впрочем, и дома, и в офисе я и так трудился целыми днями, а зачастую и ночами.

Вечерело. Все разошлись, и лишь Ариэль, как двести девяносто девятый спартанец, бьётся с превосходящими силами противника. С телефонной трубкой, словно партизан со связкой гранат, бросающийся под гусеницы фашистского танка... Впрочем, я увлёкся, спартанцы с фашистами – это художественный перебор. Как бы то ни было, из кабинета доносятся сдавленные взрыки, чувствуется, что борьба идёт не на жизнь, а на смерть. Но вот отзвучал последний яростный рёв и, шваркнув трубку, Ариэль распахивает дверь, чуть не срывая её с петель.

Начальник ошалело осматривается и, не обнаружив более достойного объекта для приложения организационно-созидательного порыва, бросается ко мне, занятому упаковкой аппаратуры в лаборатории.

– Ну? Что? Как оно?

Протараторив дежурную форму приветствия, он выдёргивает из горы приборов первый попавшийся и с ушераздирающим треском заворачивает его в несколько слоёв пузырьчатого полиэтилена, который так любят щёлкать барышни определённого склада ума. Потом хватает изоленту и, с пронзительным скрипом обмотав всё это дело, принимается остервенело пихать в коробку.

Однако ёмкость заметно уступает в размерах предполагаемому содержимому, что нисколько не смущает шефа, не привыкшего пасовать пред лицом обстоятельств. В таком ключе и примерно с таким же успехом мы некоторое время пытаемся работать в паре, пока он не успокаивается, и мне не удаётся выпроводить его, заверив, что осталось не так уж много, и я прекрасно управлюсь сам.

– Только учти: наше будущее в твоих руках, – взмолился Ариэль, завершая свои ЦУ, – прошу тебя...

– Не беспокойся, – я с трудом сдерживаю улыбку. – Иди отдохни, ты тоже немаловажный элемент нашего успеха, почти как генератор-приёмник.

* * *

Вернувшись в мотель, я стал дожидаться назначенного часа. Настояв на том, что поведёт сама, Зои обещалась забрать меня в начале двенадцатого. В сущности, я вообще не хотел никуда ехать и с гораздо большим удовольствием скоротал бы ночь, забывшись в её ненасытных объятиях. Зои была требовательна и неумоима. После наших любовных схваток у меня побаливал лобок от её неистовых телодвижений, а пальцы ещё долго хранили чуть терпкий, одурманивающий запах. Касаясь её гибкого, стройного тела, я забывал обо всём, и потом, истощённый до доньшка, ненадолго обретал внутренний покой, которого так не хватало в непрерывной череде офисных катаклизмов и моей общей бесприютности.

Успев задремать, я был разбужен гудками и вспышками дальнего света, озарявшего комнату сквозь размалёванные гостиничные занавески. Я выбрался из своей берлоги, протирая заспанные глаза. Зои выглядела настоящей амазонкой с замысловатой конструкцией из перьев на голове и вся разукрашенная вызывающими узорами, на фоне матово-миндальной кожи смотревшимися запредельно эротично.

Сонливость моментально улетучилась, захотелось всё похерить и немедленно затащить её в постель. Очевидно, предвидя такой поворот событий, она заранее наотрез отказалась зайти. Амазонка скептически оглядела меня, мотнула пёстрой гривой, звонко поцеловала в ухо и швырнула перья на заднее сиденье.

Ехать предстояло довольно далеко, впрочем, куда именно – я не знал. Позвонив, когда я мчался на работу, она протараторила, что ночью состоится Burning Man Decompression party, куда непременно стоит попасть, и спешно отключилась. Мне невдомёк, как должна выглядеть декомпрессионная вечеринка, но Зои была бескомпромиссна, а оставаться одному не хотелось. Кроме того, мне часто грезилось недавно пережитое, и казалось глупым отказываться от возможности встретиться с людьми, прошедшими тем же путём.

Всю дорогу Зои чатилась в фейсбуке, умудряясь при этом нестись, будто на гоночном симуляторе, агрессивно обгоняя попутные машины и всякий раз взвизгивая, узнав о том, что очередной знакомый отписался, подтверждая участие в предстоящем сабантуйчике. Я попытался завести разговор о своих похождениях на Burning Man, но каскадёрское управление автомобилем и мониторинг предвечериночного ажиотажа в Сети полностью оккупировали её внимание, и на мои разглагольствования ресурсов просто не оставалось.

По приезде она отхлебнула текилы из фляги на поясе, угостила меня и, нахлобучив перья, устремилась к импровизированному танцполу. Я прошвырнулся по территории мероприятия, повтыкал на поделки креативных неформалов, но особой приподнятости духа так и не ощутил. Место было выбрано отлично – стоило отойти от огней, и в лунном свете открывался живописный ландшафт, да и сам лагерь был обставлен искусно и колоритно и в чём-то действительно напоминал Burning Man. Но музыка была не в моём вкусе, а душевное состояние и общая атмосфера не соответствовали ни друг другу, ни моим ожиданиям. Волшебства, по которому я тосковал и втайне надеялся воссоздать, не происходило.

Я уже начинал подумывать, как бы слинять, что несколько осложнялось отсутствием машины, как вдруг из шумной ватаги вынырнул Ян – лесник из заповедника секвой, который впервые рассказал мне о Burning Man. Не выдавшись с тех пор, как я перебрался в LA, и искренне обрадовавшись встрече, мы сошлись на том, что самое время сваливать. Ян предложил отправиться к нему в Санта-Круз, и я рассудил, что лучшего компаньона для завершения декомпрессии и не сыщешь.

* * *

Обменявшись впечатлениями, или, скорее, излив собственные, так как для Яна Burning Man давно стал органичной частью жизни, я приступил к тому, что часто приходило на ум в последнее время.

– Вот объясни, почему это происходит? – я приглушил музыку. – Как работает этот

magic?

– Знаешь, я давно зарёкся задумываться на темы типа «отчего?» да «почему?». Я как бы наслаждаюсь самими ощущениями. Вот солнце светит – и светит. Или Индия... про индийскую магию все говорят, она общеизвестна... Как? Не знаю. И никто не знает, почему там чудеса и совпадения на каждом шагу. Непонятно. Исполнение желаний, всякие азиатские штуки – то же самое и Burning Man. Или, скажем, такая классическая история...

Он углубился в запутанный рассказ из серии восточных походов, полный метафор и аллегорий, и сводившийся к тому, как всё неизъяснимо удивительно.

– Не, погоди, – спохватился я, когда, закончив первую историю, он плавно перешёл к следующей, – давай разберёмся.

– В чём разбираться? Это совершенно уникальная ситуация, где люди изначально приходят для того чтобы открыться друг другу всей душой. И когда встречаются существа, преисполненные чистой любви, возникает мощнейшая волна, поглощающая всех окружающих. Это – поле, создающееся духовным слиянием десятков тысяч людей. Даже если два чистых...

– Однако ж, такое не происходит на других больших пати?

– Почему? Может, и происходит, пусть не то, но нечто похожее. И вообще, Burning Man – это не пати. Там отсутствует элемент вечеринки. А на обычной пати очень просто попасться в ловушку вечериночности.

– О, вот, что это? Опиши мне.

– Burning Man – это не вечеринка.

– А что такое ловушка вечериночности? Попасться куда?

– На пати масса лишних раздражителей: алкоголь, музыка, танцы... Люди забывают, что достаточно просто открыться. Попадают на вечеринку и думают, что надо непременно выёживаться. Но, на самом деле, все хотят одного и того же – счастья и любви. Остальное побочно: музыка, выпивка – это ерунда. А любовь исконна и всегда присутствует в душе человека.

Порой в ходе подобных рассуждений я остро чувствую некую фальшь. Кажется, весь смысл, и в особенности метафизический смысл, кроется в прорехах между неплотно прилегающими друг к другу значениями слов. Даже не кроется, а возникает, прорастая из самого пространства семантических щелей, – словно мох или плесень. Впрочем, где бы и как бы этот смысл ни возникал, при попытке его высказать он, как правило, теряется, исчезая в таких же зазорах.

– Проблема в том, – помолчав, продолжил он, – что веры мало. И там поначалу не верили. Но Burning Man существует уже тридцать лет, и есть основа – люди, которые возвращаются из года в год и приезжают, уже умея и будучи готовы ко всему этому.

Понимаешь... Я всё чаще убеждаюсь, что любовь – штука заразная. Ты не можешь её спрятать. Как только попадаешь в поле любви, какой бы ты ни был тупой урод, оно действует. Ибо это и есть наша истинная природа.

– За тебя бы Иисус очень порадовался. Но, увы, одна эта ваша любовь всухомятку неудобоварима для обычного человека.

– Конечно. Этого мало, необходимо открыть душу.

– Так просто?!

– Естественно. Душа у всех одинаковая. Она хочет любви, и едва ты туда попадаешь, сама находит путь. Мозг не нужно включать, он лишь мешает.

– Ох, начались восточные напевы: мозг не нужен и даже мешает во время самого переживания. Но сейчас-то мы не там, не грех и включить. Возможно, я, будучи инженером, склонен искать во всём скрытую закономерность, но как-никак в большинстве духовных учений не «просто» вдруг решают и трах-бабах – наступает нирвана. Нет, туда идут целым комплексом неких упражнений, телесных и духовных практик. То есть, опять же, одного хотения мало.

– Ай, оставь, дело не в технике. Ещё раз, архиважный момент: я утверждаю, что если из ста есть хотя бы двое по-настоящему чистых, то эти сто уже под угрозой заражения.

– А тебе не кажется, что под угрозой эти двое? – расхохотался я.

Он продолжил отстаивать свою идеалистическую точку зрения, на что я возражал: мол, будь он прав, Burning Man царил бы повсюду, и уже давным-давно. К этому моменту мы сидели на веранде, развалившись в глубоких бамбуковых креслах, и взирали на буйно разросшийся газон, на котором громоздились массивные валуны. Видимо, сия композиция долженствовала символизировать сад камней.

– Но послушай, – не выдержал я, – ведь даже самые великие маги и кудесники, прежде чем впасть в медитацию, совершают...

– Я верю, что для того чтобы познать истинную любовь, вообще ничего не надо, – заявил он потягиваясь.

– О чём ты? Опомнись: звучит, конечно, красиво, но это же не работает!

– Это работает, в неких... эм... тепличных условиях.

– Пусть будут тепличные условия. Вот я и спрашиваю, в чём их природа?

– Я ведь уже сказал – открытость души.

– Открытость души? Грандиозно! И что это такое? Как этого добиться?

– Добиться? Ну ты даёшь! Не надо биться. Надо просто открыть душу.

– Это бессмысленное словосочетание.

Он вздохнул и посмотрел на меня, несмышлёныша, очами, лучащимися беспредельным буддистским терпением.

– Ладно, если тебе для полноты ощущений непременно нужно проанализировать механизм собственных переживаний, что, по-моему, абсолютно излишне, то, во-первых, опять же – люди, пропорция между старожилами и новичками... как это у вас называется? Критическая масса, так? Во-вторых – творчество...

– О! О! Хорошо, творчество, – воспрянул я.

– Не знаю, как точно сформулировать взаимосвязь между творчеством и любовью, но это родственные материи. Творческие люди легко находят общий язык, как музыканты, которым не нужно слов, чтобы понять друг друга.

– Наконец-то, добрались до сути. А я вот ещё что думаю...

Я принялся пересказывать собственную теорию о том, что инсталляции и перформансы на Burning Man нужны не только для пущей красоты, а чтобы создать сплошной поток ударов по сознанию, перенасытить мозг впечатлениями и заставить отказаться от привычки категоризировать. И хоть на миг увидеть и непосредственно ощутить окружающий мир.

– Это известная практика, – отмахнулся он, – но к любви отношения не имеет.

– Да уймись уже со своей любовью, – огрызнулся я, задетый тем, что долго вынашиваемая идея не была должным образом оценена. Мне даже подумалось, не затеял ли я весь разговор лишь для того, чтобы ею блеснуть.

– Потом языческие ритуалы, сжигание эффигий... Люди строят их, помня, что в конце всё будет предано огню.

– Это красиво, – вынужденно согласился я. – Поиск смысла в действии, а не в результате. Созидание ради самого акта.

– Да, более того, человек не увозит с собой груз, как принято в обществе потребления. И потом, сожжение – это ритуал духовного очищения.

– Ишь, как завернул, а говоришь – не знаю.

– И вот ещё – подарки. А, кстати, денег же нет, и всё даётся или дарится. Ты не обратил внимания, что если что-то действительно нужно, то тебе это кто-то даст? Причём даже не придётся просить.

Я кивнул, вспомнив про подаренные мне очки, а потом и про маску моего спутника Илюхи.

– И эти подарки – их не меняют, не продают, а дарят искренне и от души. И люди воочию убеждаются, что можно иначе. Осмеливаются поверить. Сбрасывают скованность и глупые привычки... Проблема в том, что веры мало.

– Веры мало? Привычки глупые? Очнись, это реалии нашего мира. Человек взрослеет, и ему наглядно показывают, что если он станет открываться где ни попадя, то будет постоянно получать по башке.

– Плохо.

– Да, что уж тут хорошего. Всю жизнь тебе вдалбливают: держи себя в руках, контролируй эмоции, ты чуткий и отзывчивый – значит, ты слабый. Ты слабый – тебя будут пинать. И ты учишься помаленьку, обрастаешь бронёй.

– Ну да, а Burning Man – это попытка объявить перемирие. Священный водопой. И... возвращаясь к твоим «как» да «почему»: в конце концов, сама земля, кто-то скажет – место силы, природа. Ведь нельзя исключить из этой формулы магию красоты. К слову, о красоте... ещё занятая история. Ты в курсе, как всё начиналось?

О том, как всё начиналось, я не имел ни малейшего представления. Ян заварил свежего чая и принялся рассказывать.

– Вкратце... Изначально Горящий Человек был женщиной. Некий парень расстался с девушкой и, чтобы залечить душевные раны, сделал деревянную фигуру, пригласил друзей и совершил ритуальное сожжение. Подтянулись люди, всем понравилось, и на следующий год решили повторить. С каждым разом народу становилось больше, и местное население возмутилось... А было это, кстати, на диком пляже во Фриско. И тогда мероприятие переехало в индейскую резервацию Black Rock Desert²⁵. Отсюда и Пляя – так называют высохшие озёра в Мексике.

– Кхм, интересное совпадение... – протянул я.

– Видишь, – усмехнулся он, будто догадываясь, о чём я думаю, – а ты говоришь – «почему?».

Мы помолчали, и Ян, решив, что метафизики на сегодня хватит, стал расспрашивать о том, что творилось со мной в последние годы. Когда я, предусмотрительно оборачивая свои невзгоды в иронию, добрался до работы в BioSpectrum, он неожиданно оживился.

– Ну-ка, идём, – он встал и одёрнул полы изношенной куртки.

– Куда? Зачем? – простонал я. – Что ты ещё удумал?

– Идём-идём, и вино прихвати.

По опыту я знал, если Яну что-то втемяшилось, он не отступит, и проще согласиться. Мы погрузились в старенький джип, выехали на дорогу, извиляющуюся вдоль обрыва, миновали несколько уходящих вглубь мыса улиц и остановились у слегка обветшавшего каменного коттеджа с черепичной крышей. Ян по-хозяйски толкнул калитку и поманил за собой.

– И что это означает? – спросил я, опасаясь, что предстоит знакомство с какими-

---

²⁵ Black Rock Desert – Пустыня Чёрного Камня.

нибудь маргинальными дружками, но окна были темны, и эта версия отпадала.

Мы прошли через задний двор с любовно запущенной лужайкой, в восковом свете луны имевший несколько апокалиптический видок, и, завершив круг, вернулись к крыльцу. Повозившись с ключом, Ян распахнул дверь и изобразил приглашающий жест.

В полумраке гостиной витал лёгкий запах костра и старого дерева. Я осмотрелся и, чтобы развеять старательно нагнетаемую им таинственность, щёлкнул выключателем – ничего не произошло.

– Люстр нет, – бросил Ян, взбегая по лестнице.

Смирившись с тем, что приходится и дальше играть по его правилам, я направился следом и очутился в комнате со скатными потолками, где за стеклом чернели перекладины перил. На балконе, опершись на широкий, потемневший от времени поручень, стоял Ян и всматривался в ночную даль. Остро-свежий бриз с солоноватым вкусом, к которому примешивался запах водорослей и ещё чего-то неуловимого, раскачивал верхушки кипарисов. Я отхлебнул, поставил бутылку рядом с его локтем и тоже принялся разглядывать водный простор. Слева, изгибаясь вдоль набережной и подрагивая на фоне сгущавшегося по краям неба, светились огни ночного города. Ломаной линией мерцающих сигнальных огней врезался в гладь залива дощатый пирс, возвышавшийся над водой на зарослях свай, отбрасывавших длинные тени. А справа до горизонта, искрясь отблесками звёзд, величественно раскинулся океан.

– Что скажешь?

– Впечатляюще...

– Думаю, в самый раз.

– В каком смысле?

– Ты разве не говорил, что нужен новый дом?

Глава 17

Я сам себе и небо, и луна,
голая, довольная луна,
долгая дорога, да и то не моя.
За мною зажигали города,
глупые, чужие города,
там меня любили, только это не я.

Аукцион

В понедельник состоялся эксперимент, без особых эксцессов, но довольно продолжительный. Проведя полдня в свинцовых халатах, мы вернулись лишь под вечер. Следующее утро ушло на то, чтобы привести в прежнее состояние аппаратуру. Покончив с этим, я принялся за обработку результатов – однообразное и ещё более муторное занятие, нежели настройка параметров.

В отсутствие спешки можно было бы воспринять это как благотворную смену деятельности и даже отдых от мучительного процесса оптимизации, но близилось время сдачи проекта, и сроки поджимали. Моё самонадеянное поведение вылилось в завышенные ожидания коллег и самого Ариэля. А значит, надо во что бы то ни стало продемонстрировать компетентность и способность в решающий момент добиться результата.

Зарекомендовав себя, я буду контролировать основную часть продукта. Кроме меня, поддерживать и развивать его никто не сможет ввиду незнания внутреннего устройства, нигде не задокументированного, и принцип действия которого хранится исключительно в моей голове. Удобная позиция для решения вопросов в дальнейшем. И заодно, будет уместно напомнить Арику про золотые горы, обещанные в небе над Солт-Лейк-Сити.

Чтобы гарантировать полный успех, желательно сделать больше или лучше, чем запланировано, а предпочтительно и больше, и лучше. Выкраивая время по вечерам, в выходные и в праздники, я исследовал разнообразные идеи, связанные с усовершенствованием нынешних решений и возможными направлениями дальнейшего развития. Где успел – приготовил упрощённые демоверсии, где временные рамки исключали такой подход – ограничился подробными описаниями и схематическими иллюстрациями.

Однако до поры наполеоновским замыслам суждено томиться в ожидании, поскольку результаты никак не желают выкристаллизовываться в стройную

структуру. В целом из уже обработанного большинство данных укладывается в рамки нормального разброса вокруг теоретических значений, но чем дальше, тем чаще всплывают странные случаи.

Данные, на первый взгляд кажущиеся достоверными, при ближайшем рассмотрении приводят к противоречивым конечным значениям и вызывают сбои в функционировании алгоритма. Стоит ли упоминать, что при напрашивающихся воспоминаниях о нашем, а точнее, моём фиаско на прошлом опыте, в голове воцаряется сумятица, на фоне которой сами собой выстраиваются мрачные параллели.

Я в комнате один, Ирис нет – у неё экзамен, Тамагочи тоже куда-то запропастился. Заглянув поинтересоваться предварительными выводами и узнав об осложнениях, Стив предлагает помочь. Мы пересматриваем проблематичные случаи, и ситуация несколько проясняется. Удаётся выявить значительную группу, где карта частот имеет характерные искажения. Складывается впечатление, что опять что-то не так с настройками, хотя я предпринял все необходимые меры по предотвращению подобных казусов.

Продолжаем работать, временами непроизвольно переглядываясь, и призрак прежнего эксперимента практически зримо витает в комнате. В какой-то момент я замечаю, что Стив сидит, обхватив голову и уставившись в пол. Тормошу его, и он, выйдя из оцепенения, тусклым, совершенно не свойственным ему голосом озвучивает давно напрашивающийся вывод:

- Неужто снова...
- Похоже на то, – обречённо отзываюсь я.
- Вот Тим-то обрадуется, – помолчав, усмехается он. – Непременно запоёт о процессах и правильном планировании.
- Да уж... Кстати, а где его носит? Отгул без уведомления – как-то не вяжется.

Вопрос повисает в воздухе. Стив снова задумывается, а я погружаюсь в пучину самотерзания.

- Знаешь, – произносит он через некоторое время, – он и вчера был какой-то странный.
- Что значит «странный»? Тим всегда странный.
- Не-не, – хмыкает Стив, – реально странный, не в его стиле. Хотя, может, я и ошибаюсь...
- Что ты имеешь в виду?

Стив отнекивается, но потом рассказывает, что перед опытом застал Тамагочи за моим ноутбуком, и при его появлении Тим поспешил покинуть операционную.

- И что тут такого? – недоумеваю я. – Там бегут и его компоненты...
- Возможно... Хотя он и потом вёл себя подозрительно. Особенно в твоём присутствии.
- Неудивительно, что ему некомфортно в моём присутствии. Учитывая предысторию...
- Вот видишь! – встрепенулся Стив.
- Что вижу? погоди, – до меня постепенно доходит, – не считаешь же ты...
- Подумай сам. Мы всё проверили, так?
- Так.
- С теперешними настройками таких результатов быть не могло, верно?
- Верно, верно, но...
- Ты калибровочные файлы не менял, не правил? Вспомни хорошенько.
- Конечно, нет. С чего бы?!
- О'кей, получается – во время опыта значения были другие, а потом поменялись обратно? Каким образом? Сами? По собственной воле?
- Ладно-ладно... То есть ты предполагаешь, что это он?
- А кто? Ариэль?!

Вопреки убедительности доводов, никак не хотелось верить в такую возможность. Не доведись Стиву застукать Тамагочи и не реши он оказать мне помощь, махинация с подтасовкой результатов прошла бы гладко, и ответственность целиком легла бы на мои плечи. Сорванный эксперимент, да ещё второй кряду, бесповоротно подрывал мою репутацию и ставил жирный крест на далеко идущих планах. Допустить подобное развитие событий было нельзя и, гоня крепнущие подозрения, я предложил проверить всё снова.

Мы убили ещё часа два и установили, какие параметры приводят к обнаруженным искажениям. Теперь появлялся шанс компенсировать их при соответствующей модификации алгоритма. Это обнадеживало, но не давало ответа на вопрос: что делать с ублюдком, посмевающим поганить мои результаты?

Перед уходом Стив предложил завтра же улучшить момент и потолковать с Тимом с глазу на глаз. Вывести его на чистую воду и решить всё по-тихому, не дав ситуации выйти из-под контроля.

Признаюсь, первым моим позывом было отказаться. Ненависть и отвращение при мысли об этом поганце лишали всякого желания искать мирных путей. Но Стив отговорил меня, обрисовав перспективы: шумный скандал с непредсказуемыми

последствиями; Ариэль, лишаящийся остатков здравого смысла и подозревающий всех и вся; увольнение Тамагочи, которое приведёт к тому, что его какие-никакие обязанности разделятся между нами; и потом долгие поиски замены со всеми сопряжёнными мытарствами.

Оставшись один, я ещё раз всё взвесил. Стив был безусловно прав, хоть с этой правотой и не хотелось соглашаться, а то, что Тамагочи отважился на такой шаг, до сих пор не укладывалось в голове. Но иных кандидатов не наблюдалось, никому не был выгоден ни срыв опыта, ни мой личный провал. Вдобавок, никто не был достаточно знаком с кодом, чтобы суметь повернуть такое с практической точки зрения. Тим – единственный, у кого имелись и мотив, и средства.

С моим появлением Ариэль отобрал у него почти всё, а искать случая свести счёты с начальником – гиблая затея. Да и я с ним особо не церемонился, насмеялся и наверняка не раз задевал своим иронично-пренебрежительным отношением.

И всё же, имелись более насущные вопросы. Оставалось совершенно неясным, как его разоблачить, не располагая конкретными фактами. Вряд ли в ответ на обвинения, подкреплённые смутными догадками, он вскинет лапки и взмолится о пощаде. Решившись на такой поступок, единственное, что остаётся, – играть до последнего. Значит, необходимо просчитать все возможные варианты. Стив с его косвенными уликами и логическими выкладками – это, конечно, хорошо, но, пожалуй, недостаточно.

* * *

Утро началось ранним подъёмом из-за лекции по управлению процессами. Уставший и невыспавшийся, я всю дорогу боролся с подкатывающими волнами раздражения, понимая, как важно не допустить, чтобы Тим Чи преждевременно догадался о наших замыслах.

По прибытии меня ждал сюрприз. Я вошёл, махнул в знак приветствия и сделал вид, что с ходу погрузился в работу, то и дело незаметно косясь на Тамагочи. Необходимо было присмотреться свежим взглядом к этому подпольному диверсанту. По всей видимости, он был мной недооценён, если можно так выразиться в данном контексте. Вдруг я заметил, что запущенный на ночь скрипт, долженствовавший выявить, до какой степени изменение конфигураций способно компенсировать искажения, выдал непредвиденные ошибки и застопорился.

Забыв про Тамагочи, я наскоро просмотрел лог-файл, взглянул на аппаратуру, расставленную вокруг аквариума, и обнаружил, что вся она выключена. Пощёлкал

выключателями. Экраны оставались мертвы. Я вскочил. Провода валялись на полу, а на стене, закрывая розетки, висела большая магнитная доска. Во главе красовалась гордая надпись «Personal Task Board», пространство под ней делилось на несколько колонок, а поверх лепились цветные наклёпки. Ни желания, ни времени на созерцание этого новшества – не было. Сотрудники уже расселись, а Джошуа суетился, регулируя проектор. Выругавшись, я отодрал край доски, воткнул провода на место, и пока Джошуа гундосил про какие-то Daily Stand-Up Meetings, заново настраивал приборы.

– В обязанности работника вменяется ежедневное обновление информации на личной доске. – Он забежал мне за спину и принялся перешлёпывать наклёпки из одной ячейки в другую, подробно разъясняя логику своих действий. – Таблички текущих заданий – тасков – следует перемещать соответственно этапам выполнения и соотносить с планом работы.

подавив приступ злобы, я продолжил валандаться с симуляцией и, завершив приготовления, запустил всё сызнова.

– Учтите: по состоянию индикаторов еженедельно выставляются оценки. Об этом мы поговорим после перерыва, – потирая руки, резюмировал Джош. – А теперь, пожалуйста, буду рад вопросам.

Как правило, на эту реплику угодливо отзывался Тамагочи, но на сей раз я перебил его, лишь этот деятель собрался раскрыть рот.

– Вопрос: какого чёрта ты присобачил свою доску поверх моих розеток? Как же грёбаная безопасность?!

Проигнорировав квохтанье Джошуа, я демонстративно встал и, вместо второй лекции, отправился на обед, чтобы лишний раз не мозолить Тиму глаза, не будучи уверен, что сумею скрыть свои чувства.

* * *

В течение дня мы подготовились к решающему разговору. Оставалось расчистить сцену и создать правильную обстановку. Всё складывалось как нельзя лучше: работники разошлись раньше обычного, а Тамагочи засиделся, вникая в подsunутые мной документы. Когда в офисе не осталось никого лишнего, Стив подсел к Тиму, а я устроился на противоположном краю стола.

– Тим, необходима твоя помощь, – взялся Стив. – Мы столкнулись с проблемой.

Полученные данные кажутся... как бы это выразиться... недостоверными.

Подопытный насторожился, но в целом держался молодцом, лишь нервно теребил провод от блока питания.

– Хотим с тобой проконсультироваться. Ты знаешь, как это важно для всех нас, как много зависит от этих результатов и какие надежды возлагает на них Ариэль.

– Конечно-конечно. Необходимо изолировать и последовательно проверить компоненты алгоритма. Полагаю, удастся обнаружить проблему в одном из... Ведь и прежде были схожие... эм... неурядицы.

Стив сосредоточенно слушал, временами согласно кивая, хотя всем троим было известно, что проблемы прошлого опыта не имели никакой связи с алгоритмом. Напрашивалось порекомендовать начать с настроек, но Тамагочи старательно избегал этой темы, косвенно подтверждая наши подозрения.

– Вот-вот, мы так и поступили, – подхватил Стив. – Проверили каждый в отдельности, но не нашли заметных отклонений. Тогда мы решили – возможно, дело в настройках. В исходных данных обнаружилось помехи, имеющие определённые, ярко выраженные характеристики.

Тут бы самое время заинтересоваться помехами и их характером, о коих ему якобы прежде слышать не доводилось, но Тим Чи лишь поморщился и принялся ожесточённой теребить ни в чём не повинный провод.

– Настройки? Разумеется, настройки влияют... – он откашлялся. – Но не столь кардинально. Ведь это может быть просто какой-то баг. К примеру, баг, который... эм... проявляется в частных случаях. Или Илья использовал неправильную версию. Но, скорее, баг... или не та версия. Одно из двух. Я почти уверен.

– Вот как? Ускользящие баги – такая каверзная штука...

Стив обернулся, как бы показывая, что мы возьмём это на заметку. Я кивнул в том смысле, что держу себя в руках, и мордобоя не предвидится.

– Ах да, ещё и версия... – продолжил Стив рассеянно. – У нас, правда, имеется несколько иная версия, но всему своё время. К сожалению, мы до этого не додумались... и взялись за настройки. Изолировали, протестировали, и ты не поверишь, нам таки удалось воспроизвести искажения. Любопытно, не правда ли?

Тамагочи выпустил измусоленный провод, и тот, влажный от пота, свесился к ногам хозяина, наглядно олицетворяя бренность бытия и тщетность всяческих усилий.

– И, что парадоксально, в наборе, согласованном с Ариэлем, таких конфигураций быть не должно. Но не волнуйся, мы не поленились всё перепроверить и убедились, что их действительно нет. Всё хорошо. Вот только, что ж получается... Прямо перед опытом настройки каким-то загадочным образом изменились, а после, опять же, неясно как, вернулись в прежнее состояние. Не догадываешься, как такое приключилось?

– Я откуда знаю?! – Тамагочи вскочил с места. – Почему вы...

– Потому, что мы все в одной лодке, – Стив положил руку ему на плечо и мягко усадил обратно. – И прежде, чем напрасно тревожить Ариэля, мы решили посоветоваться...

– А при чём тут я?! – Тим Чи покрылся багровыми пятнами. – Должно быть, Илья где-то ошибся... Что-то по... путал...

– Это ты – что-то попутал! – заорал я, теряя терпение и тоже вскакивая. – За кого ты меня принимаешь? Я тебе не Таня-Марина! Мы все трое прекрасно знаем, что такое мог повернуть только ты! Пораскинь мозгами! Представляешь, что я с тобой теперь сделаю?!

– погоди, это не ваш личный междусобойчик, всё гораздо серьезней, – поспешил вмешаться Стив. – Дело даже не в заваленном опыте, к которому мы долго готовились. опыте, на который и Ариэль, и Харви возлагают столько надежд... Речь о преднамеренном саботаже деятельности всей компании.

– Почему я должен вас слушать?! – хорохорился Тим Чи, в отчаянной попытке выскользнуть из собственноручно сконструированной мышеловки. – Как вы смеете предъявлять такие беспочвенные обвинения?!

– Ах, как мы смеем? – вкрадчиво проговорил я. – Слушай ты, крыса, во-первых, Стив видел, как ты ковырялся в моём компе перед началом эксперимента. А во-вторых...

– Ну и что?! С какой стати...

– А во-вторых, – оборвал я, – тебе улик мало? Что ж, я устрою тебе улики, расследование и мотив преступления, который, как ни странно, есть только у тебя. Я знаю, слышишь?! Знаю, а не догадываюсь, что ты залез в мой ноут и скопировал файлы.

Это был блеф чистой воды и, окажись я не прав, вся комбинация рушилась бы как карточный домик. Но риск был неизбежен: как-никак, твёрдых фактов не имелось. Однако Тим, будучи неглупым и осторожным, вряд ли подкручивал настройки на авось, рискуя вызвать подозрения и упустить редкий шанс – ведь любое недостаточно выверенное значение могло кардинально изменить данные и бросалось бы в глаза. А значит, он был вынужден скопировать и изучить мой код, неоднократно гоня на своём компе. Предположение? Да, хоть и тщательно взвешенное.

– Но ты не учёл, что все операции фиксируются системой, и можно в два счёта проверить, какие файлы, куда и когда были переписаны, отредактированы и так далее. И даже если ты принял меры предосторожности, полностью уничтожить следы невозможно, а попытка таких манипуляций – уже в своём роде улика. Так что не переживай: когда придут системщики, которых, после того как утром я положу свой лэптоп на стол Ариэля, присовокупив эту занимательную историю, он непременно вызовет, – этих самых улик, дорогуша, будет хоть отбавляй. А дальше, дабы развеять последние сомнения, мы вместе полюбуемся на логи с твоего компа, где как пить дать обнаружится престранная активность. Я не специалист, но даже мне в общих чертах известно, как это делается.

Я хорошенько подготовился, понимая, что, если сейчас удастся отвертеться, он догадается, что нет способов доказать его причастность к переписыванию файлов, выяснит, что заявление о невозможности замести следы не совсем верно, и предпримет меры, то второго шанса нам не представится. Необходимо было найти что-то наглядное или хотя бы подкрепить наш блеф максимальным количеством убедительных подробностей.

Просмотрев множество материала в Сети, я нарыл искомые улики, точнее, то, что могло за таковые сойти. Плюс нахватался звучных терминов из лексикона компьютерной безопасности, которые теперь вывалил на обалдевшего Тамагочи.

– И тогда мы посмотрим, как ты запоёшь, объясняя Ариэлю, как ради карьерного роста подставил коллегу и по ходу угробил эксперимент, стоивший фирме несколько сотен тысяч долларов.

– Сотни тысяч – деньги, конечно, большие, – протянул Стив, – но вряд ли удастся ограничиться внутренним расследованием. Боюсь, действия подобного рода расцениваются как уголовное преступление, и после визита компьютерщиков придёт полиция.

Он выдержал паузу, давая Тиму осознать масштаб и неотвратимость происходящего. Я же, повинувшись театральной логике, требующей придать моменту вящего драматизма, отбарабанил тревожную дробь.

– Уже поздно, всем пора домой, а в твоих интересах разойтись по-хорошему, – почти ласково подытожил Стив. – Сделай себе одолжение, прекрати юлить и давай серьёзно. В сложившемся положении лучше с нами договориться.

– Ладно... Что вы хотите?

– Чтобы ты признал, – отчеканил Стив, – что нарочно изменил параметры. Второе – мы придумаем, как объяснить подпорченные результаты, не бросая ни на кого

ть и не открывая всей правды, и ты полностью нас поддержишь. И третье – ты прекратишь копать под Илью и наушничать об остальных работниках. И тогда этот инцидент останется между нами.

Что-то сообразив, Тамагочи взмолился об отсрочке, но Стив пресёк его, дав понять, что игры окончены, и либо мы решаем всё сейчас, либо продолжаем завтра в кабинете Ариэля. Тим шумно выдохнул и уткнулся глазами в стол. Еле сдерживаясь, я дослушал сбивчивые признания, кивнул Стиву и вышел, не в силах лицезреть это тошнотворное создание.

* * *

Едва выехав, я наглухо влип в пробку. Хмурое утро трепало душу порывами ветра, бросая в стекло брызги морозящего дождя, сливающегося с гулом мотора и шелестом мокрых шин, опустошая и навевая мрачные мысли. Как же надо было довести эту серую мышку, чтобы он так окрысился! Конечно, Тима можно в чём-то понять, если допустить, что в борьбе за место под офисным солнцем все методы хороши... Ведь, если разобраться, я занял его жизненное пространство, даже чисто физически.

Ариэль в первый же день согнал его с места, отобрал должность, лэптоп и перепоручил начатый им проект, во многом превратив Тима в моего подручного. И хоть Тамагочи удалось отвоевать эквизишн, сейчас, по окончании разработки, становится неясно, в чём состоят его функции, и целесообразность дальнейшего пребывания в фирме оказывается под вопросом.

Но понимание не успокаивало, а замыкало порочный круг. Чувства вины и сопричастности лишь распалили. Чем больше я думал, тем запутанней представлялась сложившаяся ситуация. Неужели я оказался настолько глух, что дал положению докатиться до того, чтобы сподвигнуть этого, страшящегося собственной тени, законопослушного педанта на столь отчаянный шаг, ставящий под угрозу не только его нынешнюю работу, но и будущую карьеру.

Теперь, из-за унижительной взбучки, он станет ненавидеть меня пуще прежнего. И если на данный момент удалось добиться некоего преимущества, вряд ли тему нашей вражды можно считать закрытой. Холодная война на этом не кончится, а после временного затишья выйдет на новый, более жестокий и изощрённый уровень.

Единственным светлым пятном на фоне последних событий был Стив. Без него я бы не заподозрил подвох. Не посчастливилось нам установить первопричину, не

удалось бы подстроить алгоритм, и – плакал наш опыт. А если каким-то чудом я бы и догадался, то, действуя импульсивно, наломал бы дров.

Выдайся шанс, Тим не преминул бы замести следы, которых, возможно, и не было, и тогда я бы предстал в ещё более негативном свете как человек, обвинивший коллегу в собственной неудаче. То, что этого удалось избежать, – всецело заслуга Стива, и при случае надо выказать ему признательность. Получается, я обрёл не только заклятого врага, но и нового союзника.

Истерзанный раздумьями, добираюсь до офиса, наспех паркуюсь и, взбегая по лестнице, прикидываю, ждёт ли меня традиционный утренний нагоняй или же на сей раз обойдётся.

– Привет, зайти, пожалуйста, на минутку, – мурлычет Кимберли, скалясь улыбкой крокодилицы, выигравшей кастинг на рекламу зубных протезов.

– Что стряслось? – я плюхаюсь в кресло напротив неё. – Где Ариэль?

– Твой шеф уехал, – она одаривает меня многозначительным взглядом.

К подобным ужимкам я уже выработал иммунитет, а известие об отсутствии начальства сразу поднимает настроение на пару градусов.

– Послушай, Илья, – медоточиво начинает офис-менеджер, – у нас реорганизация... Кстати, с тобой всё нормально? Цвет лица какой-то... Надеюсь, всё хорошо? Я тут подумала, это ведь не совсем правильно, опять же коллектив, и с точки зрения процессов... А твои опоздания сказываются на трудовой атмосфере. Ведь это действительно имеет значение, и я решила взять на себя смелость сообщить мнение, с которым, полагаю, многие коллеги...

– Так! – Я грохнул ладонью по столу. – Кимберли!

Вроде получилось не так уж громко, но она аж подпрыгнула и смотрит на меня глазами-блюдцами. Заметив неподдельный испуг этой, казалось, абсолютно непробиваемой особы, я мгновенно успокаиваюсь, и ситуация начинает даже несколько забавлять.

– Давай-ка каждый заниматься своими прямыми обязанностями, – продолжаю подчёркнуто тихим угрожающим тоном. – Процессы, говоришь? Так вот, процесс у нас следующий: ты – перекладываешь бумажки, я – работаю, Ариэль – делает выговоры. И не тебе – секретарше, высказывать мне – главному инженеру, замечания. Это понятно?

– Но я... Я лишь хотела... – блеет густо пунцовеющая Кимберли. – Просто подумала...

Хотела она, понимаете ли. Только Ариэль чуток утихомирился с постоянными выволочками, и я было решил, что смогу спокойно вздохнуть, так нет же, нашлось кому проявить бдительность.

– А не надо. Думать – не твоя прерогатива, – подавшись вперёд, ласково проговариваю я. – Занимайся своим рукоделием и не лезь, куда не следует. Ага?

Оторопевшая крокодилица кивает.

– Вот и славно, – хлопнув по коленям, я бодро встаю и поправляю покосившийся календарик на её столе. – Всего хорошего.

* * *

В один из вечеров я сгонял в Санта-Круз. Выяснилось, что коттедж принадлежит приятелю Яна, укатившему в Новую Зеландию спасать китов или, наоборот, – девственные пляжи, которые те в суицидальном порыве захламляют своими тучными трупами. Он вырос в этом доме и потому не спешил сдать его лишь бы кому. Ян позвонил хозяину и заверил, что я «свой», в то время как этот самый «свой», пытаясь развести огонь в камине, чуть не спалил всё к чёртовой бабушке. На этом переговоры были окончены. При желании я хоть сегодня получал в распоряжение отличное жилище фактически за полцены.

Субботним утром я заказал перевозку и взялся за сборы, но со временем всё же не рассчитал. Даром что обстановка хозяйская, а остального барахла, в сущности, негусто и, казалось, рассовать его не составит труда; к полуночи выяснилось, что я катастрофически не успеваю. Кроме прочего, то и дело попадаются подводные мины – предметы, связанные с воспоминаниями о каком-либо периоде жизни или человеке и по-прежнему хранящие эмоциональный заряд. Мимо них сложно пройти, не получается просто сунуть в коробку или с лёгкостью определить на выброс.

И вот я шатаюсь из угла в угол, перебирая в пальцах непальский браслет из черепов Кали, символизирующий бесконечную череду мнимых эго, чужих и моих собственных, умерщвлённых мною на жизненном пути. Или рассматриваю какой-то смутно знакомый клык и никак не могу восстановить в памяти историю его происхождения. А потом нахожу осколок Звёздного ветра, добытый на берегу Сан-Диего, когда, будучи в просветлённом состоянии духа, мы спасали луну, чтобы та не потонула в океане... И кость птичьего крыла, и простенькое кольцо, выпрошенное у одной девушки, которой уже давно нет.

Но предутренние часы летят быстро. Я перешагиваю и продолжаю как заведённый: склеиваю картонные ящики, распихиваю шмотки и, наскоро обернув лентой, составляю штабелями в гостиной. Перед рассветом, когда большая часть уже собрана, на вешалке в прихожей, под тёплой курткой, купленной для поездки в канадские Скалистые горы и в итоге забытой дома, обнаруживается Ирин шарф. Помедлив, подношу его к лицу, и внутри всё сжимается.

Оглушённый, сижу, глотая слёзы, и вою, до боли стискивая зубы. Я плачу не о куске цветного шёлка, не о ещё сохранившемся в нём знакомом запахе, и даже не об Ире или наших отношениях – я оплакиваю себя. Того себя, преисполненного мечтами, поверившего в возможность прорваться и отыскать дверь в иной чудесный мир. Тоскую о том мне, бросившем едва начавшуюся блистательную карьеру ради того, что казалась настоящим и было наполнено истинным смыслом.

Сегодня я покидаю не место жительства и не LA – город искалеченных судеб и проклятых надежд, – я покидаю себя, сбрасываю отжившую оболочку. Всем спасибо – затянувшийся пикник на обочине окончен. Однако теперь, в отличие от тех времён, я не знаю, что меня ждёт, не верю в новый мир и не вижу дверь. За этот период я не обрёл ничего, кроме понимания ещё нескольких горьких истин, новых шрамов и вороха никчёмных вещей. А из той жизни остался, пожалуй, только мой добрый старый Challenger, который увезёт меня отсюда, постаревшего на пять лет и разочарованного на все двадцать.

Но расклеиваться некогда. Оставшиеся часы проносятся в бешеном темпе. Упаковка завершается и вовсе кое-как – при грузчиках и одновременной попытке уследить за правильным размещением коробок в кузове. Около полудня всё заканчивается. Я оглядываю неказистую и на поверку небольшую кучку своих пожитков, горстку чудом уцелевших робинзонов, – безотрадный итог очередного кораблекрушения. Водила, посмеиваясь, обменивается со мной рукопожатием, и они отчаливают.

Я возвращаюсь сделать прощальный круг по дому и убедиться, что ничего не забыто. Учитывая разницу в скорости, спешить особо некуда. Я сажусь в машину и еду к Дятлу.

Со дня нашего знакомства это далеко не первый визит. Мучимый бессонницей, я приходил сюда повидаться с товарищем по разуму. Как и подобает верному другу, Дятел всегда был на месте, встречая издали различимым в предрассветной тиши размеренно-методичным стуком и вселяя некую абсурдную надежду. Впрочем, не такова ли природа всех человеческих надежд... От него я уходил с чувством облегчения. Он будто выдалбливал из меня неизбывную скорбь, ожившую в

последние месяцы.

И сегодня Дятел, по обыкновению, приветствует меня бравым маршем. Я присаживаюсь и наблюдаю, как он долбит. Придя позже обычного, я боялся не застать его, но он тут и будто чувствует неладное. Он оглядывается и смотрит протяжным, внимательным взглядом. Если бы я мог забрать с собой что-то одно, то без колебаний выбрал бы его. Ну и, конечно, столб с жестяной заплаткой бы прихватил, куда нам без них... Но этого не случится. Я уеду, а он останется. И в этом есть своя сермяжная правда.

Да он и не согласится покинуть пост. Не оставит священных обязанностей. Ибо есть предел и небесному терпению, и когда придут ангелы Божие к вратам Содома сего и не найдут в стенах его ни единого праведника, воздастся каждому по делам его, и вопиет камень, и реки потекут вспять, и будет велик и неотвратим гнев Господень. И сдаётся мне, что без моего Дятла этому городу грозит попросту кануть в тартарары, а я не готов стать виновником катаклизма национальных масштабов.

* * *

После передрыг с экспериментом воцарилось зыбкое затишье. Подошёл срок сдачи проекта. Составив отчёт, я усиленно работал, стремясь получше подготовиться к знаменательному событию. При соответствующих настройках, подавляющая часть данных уложилась в допустимый диапазон, что весьма обнадеживало, доказывая устойчивость и универсальность алгоритма, а неудачные случаи – отголоски саботажа, я списал на неминуемые погрешности, и в целом отчёт был принят вполне благосклонно.

Единственным примечательным событием оказался внеочередной бзик Ариэля. Уж не знаю, какие именно завихрения веяли в его дюжей башке, но как-то во время послеобеденного штиля, когда разомлевшие работники погружаются в безмятежное оцепенение, наш гигант мысли в каком-то припадке умопомрачения выскакивает из кабинета и принимается метаться по коридору.

– У меня нет жизни! – воет Ариэль, обхватив голову руками.

Преодолев в три-четыре прыжка небольшое прямоугольное пространство, он скидывает руки к пенопластовым панелям фальшпотолка и неистово потрясает ими в воздухе.

– У меня нет жизни! – стенает он, кидаясь обратно.

Наблюдая за этими вокально-атлетическими упражнениями, я всякий раз опасливо отстраняюсь. Из-за дверей в испуге выглядывают лица сотрудников.

– Что это с шефом? – шепчет Ирис. – Утром застала его спящим, уткнувшись лбом в стол.

– Должно быть, издержки производства. Кстати, как там у тебя с дифференциальными уравнениями?

– Да... всё обошлось. Спасибо. Купили программу, начертили, решили. Ничего сверхъестественного.

Вслед за ним, влекомый вихрем, парит листопад инструкций по технике безопасности, опрометчиво подвернувшись под горячую руку.

– У меня нет жизни! – надрывается Ариэль.

В этом вопле души, в этом отрицании жизни звучит не раскаяние опомнившегося, не ужас осознания, а бешеный азарт. Он упивается своим самопожертвованием. Я смотрю на происходящее, словно на собственное отражение. Ведь, подобно ему, умеренность никогда не была моей сильной стороной, а меж тем я иду по его стопам, просто ещё не забрался так далеко. И пока не поздно, надо что-то менять. Нельзя дать себе докатиться до такого состояния. При всём сочувствии, становиться Ариком номер два мне отнюдь не улыбается.

* * *

В выходные я выбрался в центр пообедать, да и поужинать заодно. Повар из меня неважнецкий, и посуда ещё не распакована, так что дома в смысле продовольствия хоть шаром покати.

Санта-Круз – город хиппи, сёрферов и морских чаек, предрассветного тумана и запаха океана, беззаботно радовался погожему дню ранней осени. Проезжая мимо Калифорнийского университета, останавливаюсь на перекрёстке и вижу девушку из студии звукозаписи.

– Эй, ты чего тут делаешь? – положив локти на край окна, она заглядывает внутрь салона.

Её волосы растрепались, а в глазах поблёскивают озорные огоньки.

– Тебя разыскиваю, что ж ещё.

– А я тут учусь.

Загорается зелёный, и сзади слышатся гудки. Помедлив, она распахивает дверь и садится рядом.

– Соскучилась?

– С какой стати?

– А я, признаться, скучал. Безмерно. Места не находил... – влекомый словесным водоворотом, я ещё не вполне понимаю, где вынырну. – Тосковал. Можно даже сказать – томился... Думал: будешь ждать на ступенях под звёздным небом, изнывая, стонать при моём появлении, и всё такое.

Она улыбается, делая вид, что рассматривает окрестные пейзажи.

– Тебя как зовут?

– Джейн Винтер.

– Очень поэтично. Так вот, Джейн, пока мы были в разлуке, я понял... Нет: понял – это не в полной мере выражает всю мощь и, так сказать, глубину моего чувства, – я не понял, я осознал! О чём это... а вот, я осознал, насколько твои эротичные завывания стимулировали моё воображение... Без тебя наука зашла в тупик, буквально погрязла в пучине невежества. Тысячи, нет, миллионы страждущих алчут исцеления, а я сижу долгими вечерами и грежу о тебе. – И, не дав ей опомниться, продолжаю: – Кстати, ты голодна?

Мы поели, и она изъявила желание посмотреть, где я поселился.

– Это что? – удивляется Джейн, оглядывая пустую гостиную и гору ящиков у лестницы. – Ты аскет? Что это символизирует?

– Это... кхм... видишь ли, это моя неуклюжая попытка создать романтическую обстановку.

– Ты считаешь, что картонные коробки и голые потолки – это романтично? – осматриваясь, она не забывает держать меня в напряжении насмешливым взглядом и двусмысленными улыбками.

– Не, всё гораздо хитрее. Теперь придётся зажечь свечи. Но, ты ж понимаешь, просто зажечь свечи и погасить свет – это не то. У нас будет по-настоящему – романтика, не обременённая патетикой.

– Bravo. Bravo.

– Вот если бы я не снял предварительно люстры, а притащил тебя сюда и стал зажигать свечи, ты бы могла подумать, что я тебя охмуряю.

– Я о таких вещах не думаю, я либо вспоминаю, либо фантазирую. А свечи и вовсе не люблю.

– Значит, будет ещё более романтично и уж совсем без патетики.

- Это мы ещё посмотрим, что будет, а чего нет, – она на мгновение приближается, и я чувствую запах её волос. – А пока я бы разожгла камин. Дрова есть, романтик?
- Дрова-то есть, но камин не работает.
- Не работает?
- Угу.
- Камин не работает! – развеселилась она. – Батарейки кончились?
- Нет, ну... не батарейки, конечно. Чего ты так обрадовалась? Я пробовал развести, но только напустил дыму...
- А-а, ну ясно, ты ж учёный! – залиvisto хохочет Джейн. – Научный работник!

Осмотрев кирпичную кладку, она подёргала ручки на её торце, на которые я прежде не обращал внимания. Раздался негромкий скрежет, и до меня сразу дошло, в чём тут дело.

– Тоже мне перпетуум-мобиле, – победоносно объявила она, задрвав подбородок, и в полумраке красиво вырисовалась линия шеи, ямочки ключиц и тонкие сухожилия, меж которых притаилась трогательная ложбинка.

* * *

Проснувшись, я впервые позволил себе написать Арику и сказать себя больным. Вернувшись в спальню, тихонько вышел на балкон, покурил с видом на залив и, ещё раз порадовавшись решению перебраться сюда, вернулся внутрь. Джейн, заворочавшись, приподнялась и, смешно поморщившись, открыла один глаз. Пристально осмотрев меня, она показала язык и, отвернувшись, зарылась в подушку. Покопошившись, Джейн недовольно заурчала и натянула одеяло на голову так, что с другого конца высунулись голые лодыжки. Пальцы задумчиво пошевелились и, слегка помедлив, юркнули вслед за своей хозяйкой.

Выбрались мы далеко за полдень, Джейн потащила меня в ресторанчик на пирсе. И вот мы сидим за дощатыми столиками, она щурится на суетливые стайки солнечных зайчиков, отбрасываемых мерно колышущимися волнами, а за оградой на лодочном причале нежатся вылезшие погреться морские котики. Неподалёку от них не менее забавно роится набежавшая невесть откуда кодла китайских туристов в единообразных панамках. И те и другие гармонируют друг с другом какой-то нездешностью... инопланетностью что ли.

С ходу не понять, что является бóльшим аттракционом – семейство ушастых тюленей или китайская делегация. Они фыркают, разбрасывая брызги воды, потешно переваливаются, ползая друг по другу и лоснясь мокрыми телами... в смысле котики, а не китайцы, конечно. Впрочем, на этакое счастье я налюбовался

ещё в Лос-Анджелесе и больше засматриваюсь на Джейн, которая следит за ними с неподдельным умилением, будто видит это обыденное для здешних широт представление впервые.

Глава 18

Меня разыграли, как ребёнка. Пообещали показать настоящего Санта-Клауса, а появился пьяный сосед в маске. Потому что в этом году его очередь дурачить детей из нашего дома.

Иржи Грошек

И настал день истины. День, к которому я шёл долгие месяцы. Все усилия, надежды и старания, направленные к достижению цели, спрессованные в единую цепь событий, проносятся на невыносимой скорости, пока я взбегаю по лестнице, и меня выбрасывает из туннеля сознания так, что едва удаётся затормозить, чтобы не врезаться в офисную входную дверь.

Всё работает, местами даже лучше ожидаемого. По функциональности данный прототип является фактически конечным продуктом, и хоть сейчас можно отправляться демонстрировать наши достижения на конференции Американской ассоциации кардиологов с забавной аббревиатурой АНА²⁶, не раз благоговейно упомянутой Ариком. А оттуда до победного конца – пусть не близко, зато по накатанной.

Технология есть, осталось провести серию клинических исследований, результаты которых вполне предсказуемы, накопить статьи в парочку уважаемых журналов, согласовать графический и внешний дизайн, составить проспекты и... и тому подобные прелести. Ох уж эта сладкая канитель в преддверии долгожданного успеха!

Но условленного часа ещё надо дождаться, а пока начинается Stand-Up Meeting, и затем лекция Джошуа. Stand-Up Meeting при ближайшем рассмотрении оказывается ежедневной четвертьчасовой планёркой, проводимой стоя, чтобы подчеркнуть её динамичность и оперативность. Мы собираемся в тесном коридоре и поочередно отчитываемся о продвижении за последние сутки. Выглядит это довольно комично: докладчик, балансируя ноутбуком на задранном колене, силится второпях ввести толпящихся вокруг коллег в курс дела касательно состояния в своём сегменте. Абсурд в том, что изменения за день незначительны, и, чтобы разъяснить их суть, требуется входить в детали, на что катастрофически не хватает времени. По истечении двух минут говорящего прерывают и переходят к следующему, превращая Stand-Up Meetings в пёструю нарезку импровизаций на околomedicalные темы.

---

²⁶ АНА – American Heart Association.

Отыграв роль в этой клоунаде, ловлю взгляд Стива, знаками показываю, что нам необходимо переговорить, и в перерыве тащу его на улицу поделиться тем, что тревожило в последние дни.

- Слушай, Стив, мы два идиота!
- Чрезвычайно ценное наблюдение. Ты для этого меня звал?
- Да нет же, я насчёт Тима.
- А-а... и что с ним? Мы ж всё уладили.
- В том-то и дело, уладить-то уладили, но в чём наше преимущество? Как можно что-либо доказать в случае чего?
- Да не парься, – он нетерпеливо переминается, хотя в преддверии мозгосушительной лекции, причина спешки не вполне понятна.
- Как не парься?! – не унимаюсь я. – Мы просто так его отпустили? Что у нас на руках? Устное признание? И что с того?!
- Вот ты о чём... Говорю же: не волнуйся, – Стив отступает к входу в здание. – Я записал разговор на диктофон.
- Скинь мне запись на мыло, – спохватившись, кричу я вслед.
- Да-да, разумеется.

Для затравки Джошуа не преминул напомнить о важности обновления данных на личной доске, о чём и без того уже успел прожужжать нам уши. Как и всё связанное с процессами, Personal Task Boards являлись примером здоровой в корне идеи, доведённой до полного маразма. Предназначенные для предоставления актуальной и прозрачной информации, они стали лишь бестолковой обузой. Как и Stand-Up Meetings, ввиду обособленности деятельности каждого из работников, наименования задач, ужатые до аббревиатур, не только теряли наглядность, но и вовсе превращались в бессмысленные буквосочетания даже для тех, к кому они относились, не говоря уж об остальных.

Вдобавок, сообразно миграции нашлёпок с кодовыми названиями по поверхности доски, выставлялись оценки, разделённые на три категории: от красного – символизирующего неудовлетворительную успеваемость до зелёного – присущего высоким показателям. Полоска соответствующего цвета наклеивалась прямо над рабочим местом. Что характерно, зелёного не удостоился никто, кроме самого Джоша. Политика светофорной градации породила массу толков и разнообразных шуточек, среди коих предлагалось не ограничиваться принятыми мерами, а принудить отстающих ходить в красных майках или вообще ставить метки прямо на лбы тунеядцев.

* * *

И пробил час – я на пороге кабинета, дабы предстать пред светлыми очами руководства, как какой-нибудь рыцарь короля Артура, приволокший к Круглому столу чашу Святого Грааля. Но Ариэль – не Артур, его не проймёшь антикварной посудиной, зато в моих руках ключ от его мечты на блюдечке с голубой каёмочкой в виде красивого оформления, ради которого я почти не спал в течение минувшей недели.

Я аккуратист, зануда и перфекционист. Этого у меня не отнять. Не имея стопроцентной уверенности в итоговых эксплуатационных характеристиках до окончания всех тестов, я был вынужден преуменьшать предполагаемые успехи. Зато теперь мог без колебаний продемонстрировать возможности алгоритма в полном объёме.

– Готов? – требовательно осведомился Ариэль. – Великолепно! Садись.

Я взглянул на него в ожидании приглашения приступить. Лицо начальника омрачилось мало уместной для столь триумфального момента досадой.

– Ве-ли-ко-лепно, – рассеянно повторил он и нахмурился. – Но сначала – серьёзный разговор.

Ариэль открыл ящик и вытащил пачку листов.

– Вот, – волосатая рука припечатала бумагу к столу. – У нас проблема.

– Ариэ-эль! – взмолился я, догадавшись, что сейчас начнётся.

– Нет, Илья, – шеф вскинул ладонь в предостерегающем жесте, как принято изображать на дорожном знаке Stop. – Потом всё покажешь, но сперва...

Я непроизвольно застонал. Ариэль взял первую страницу и пробежался по объёмистому абзацу.

– Первое, – он строго взглянул на меня и снова вонзился в текст, – ты постоянно опаздываешь.

Застрявший в горле ком лишал не только дара речи, но и способности дышать.

– Желаешь прокомментировать? – холодно поинтересовался Ариэль.

Я задыхался.

– Илья?

Кровь тяжело стучала в висках. Пальцы судорожно впились в пластиковый корпус ноутбука.

– Илья?! – повторил Ариэль с нажимом.

Я заставил одеревеневшие позвонки прийти в движение и медленно повёл головой из стороны в сторону.

– Больше так продолжаться не может! Я тобой недоволен. И далеко не впервые. Я записал по пунктам, – он шмякнул по стопке, – и сейчас мы во всём разберёмся.

Пока он бубнил, способность мыслить постепенно восстанавливалась. Переехав в Санта-Круз, я не сообщил об этом в офисе, чтобы сохранить возможность по пятницам работать дома. Но теперь приходил вовремя, что стоило немалых усилий, ввиду врождённого опоздания. Некогда меня даже в пионеры не приняли по этому поводу, но то совсем иная история. Так или иначе, вступать в споры на эту, да и на какую-либо другую тему не было никакого смысла. Разочарованный и оскорблённый, я решил снести экзекуцию, не проронив ни звука.

– Я требую ответа, до каких пор это будет продолжаться?

Я молчал.

– Илья! Это принципиальная тема. Мы...

– Я прихожу вовремя, – не удержавшись, процедил я.

– Не перебивай меня!

– Да, больше так продолжаться не может.

Возобновление гордого молчания теряло всяческий смысл. Я отложил лэптоп, пристроил на колене тетрадь, вывел цифру один, поставил точку и обрисовал.

– Вот-вот, так продолжаться не может! – воодушевился Ариэль. – Ты должен усвоить: время прибытия – не шутка, как тебе, вероятно, кажется.

Какие уж тут шутки? До шуток ли теперь? Я изобразил растекающийся циферблат и принялся вычерчивать разлетающиеся стрелки в стиле Дали.

– Не пустая условность! Не третьестепенная мелочь! – рвал горло Ариэль. – Время прихода на работу – это основа основ! Фундамент! То, на чём зиждется...

Закончив, он шумно выдохнул и воззрился на меня.

– Приму к сведению, – подтвердил я, успев немного остыть, пока он громоздил эту монументальную ахинею.

Начальник удовлетворённо кивнул и погладил бумагу своей лапицей.

– Пункт второй, – он бросил короткий взгляд на записи и вновь всверлился в меня.
– Невыполнение обязательств.

Я вывел красивую цифру два. Обрисовывал в другом стиле и написал печатными буквами – ОБЯЗАТЕЛЬСТВА.

– Взяв обязательства касательно работы, её содержания, объёма, сроков или того же времени прибытия, ты должен неукоснительно их исполнять!

Ариэль сделал паузу. Возражений не последовало, и он продолжил:

– Когда сотрудник не способен исполнять обязательства в полной мере и в оговорённые сроки, происходит сбой здорового рабочего процесса! А здоровый процесс...

Ариэль смотрел уже не на меня, а куда-то мимо – в мир заветной мечты, где, осенённые благодатью здорового рабочего процесса, дисциплинированные, пунктуальные служащие, сущие агнцы златорунные, беспрекословно исполняют обязательства и с трепетом прислушиваются к начальству, предугадывая все его прихоти.

– О'кей, – сказал я, когда он утихомирился. – Я учту.

Ариэль прочёл следующий параграф, приподнял верхний лист и, словно сличая, внимательно посмотрел на меня, а затем снова на лист.

– Пункт три, – с олимпийским спокойствием начал он. – Твои представления о том, в чём заключаются твои обязанности, не соответствуют моим. Мы никак не можем определиться в базисных понятиях.

Я обречённо вздохнул. Неужто снова два аспекта «мы договорились»? Хотя нет, с «обоюдным согласием» мы вроде уже давно разобрались. Значит, подразумевается второй аспект, относящийся к погрешностям человеческой памяти и буйной

фантазии моего начальника.

– Ты не принимаешь мою позицию, да что там мою, – единственно верную! Мы дожили до того, что приходится прибегать к помощи Аристотеля! Но даже он не помогает!

Я уже давно отчаялся решить эту проблему, так как Ариэль отказывался фиксировать договорённости в письменной форме, почти всегда приплетал что-то к изначальному соглашению и в итоге так или иначе оставался мной недоволен.

– Нынешнее положение неприемлемо! Необходимо немедленно принять самые категоричные меры!

– Ты прав, самое время, – я подобрался, готовясь к серьёзному разговору.

– Покончить с этим раз и навсегда! – он потряс указательным пальцем.

– Давай, я готов.

– Превосходно. Но сначала разберёмся с остальными пунктами. Не менее важными.

Я закашлялся, скрывая нервный смехок.

– Пункт четвёртый, – торжественно провозгласил он.

Я вывел номер, прислушался, записал название и углубился в украшение надписи зубчатым орнаментом. Арик говорил упоённо, с красноречием, достойным лучшего применения, снабжая обличительную речь выразительными образами и напыщенными сравнениями. Когда он истощился, я склонил голову, демонстрируя согласие.

– Пункт пять.

– Да, я записываю.

– Пятый пункт, – повторил он.

Пункт оказался запутанным и, заплутав в метафорах и аллегориях, Ариэль отчаянно бился с ними минут пятнадцать.

– Ты всё понял? – он подозрительно уставился на меня.

– Ага, предлагаю двигаться дальше. У нас ещё немало... – я покосился на стопку,

– кхм... дел впереди.

Я написал новую цифру и нарочито нахмурил брови.

- Ты не отвечаешь на телефон! – Арик стиснул кулаки, но, не найдя им приложения, хлопнул по столу ладонью.
- Так ты звонишь мне по сто раз на дню! – возмутился я.
- Я твой начальник, и ты обязан мне отвечать. Должна быть постоянная линия связи. Прямая и открытая коммуникация...
- Куда прямее? Я же сижу за стенкой от тебя, мы и так...
- Неважно, – отрезал Ариэль. – Подумать только! Я звоню, а ты...
- Я понял.
- Нет, ты не понял.

Пока он распинался, я набросал дисковый телефон с ушастой трубкой, рядом крестик умножения и число сто. Когда он выдохся, я сидел, уткнувшись в тетрадь, и вяло симулировал осознание собственной вины. Арик выдержал назидательную паузу, потом вздохнул, выровнял стопку и взялся за новый запил.

- Халатное отношение к составлению графиков работы.
- Просто возмутительно! Я знаю, как это для тебя важно.
- Вот именно!

Нажевавшись моими ушами под соусом первостепенной значимости составления рабочих планов, Ариэль отложил очередной лист.

- Пункт восьмой, – с сытым довольством протянул он. – Твои профессиональные качества не соответствуют занимаемой должности. Ты не способен...
- Всё, Ариэль, всё, – я захлопнул тетрадь. – Возможно, наши взгляды во многом не совпадают. Я могу терпеть претензии на тему времени прибытия, смириться с тем, что мои методы отличны от твоих и потому являются ущербными. Я готов выслушивать практически любые придирки – что я не выполняю обязательства, что я не Платон или, наоборот, упрёки, адресованные Платону. Но я не допущу отрицания моих профессиональных качеств!

Арик, привыкший к тому, что я давно прекратил спорить с ним во время подобных экзекуций, на миг растерялся.

- Во-первых, – продолжил я, – ты прекрасно знаешь, что это не так. Во-вторых, ты в три раза укоротил сроки, но, тем не менее, я закончил вовремя. И, в-третьих, ты провёл несколько собеседований и определил меня на эту должность. Мы работаем бок о бок, и тебе доподлинно известно, что я отлично разбираюсь в том, чем мы занимаемся.

Арик долго гипнотизировал меня удавчим взглядом.

– Давай не отвлекаться, – я кивнул на кипу листов.

Похрустев страницей с восьмым пунктом, он отложил её и вчитался в следующий параграф, а я с карикатурным злорадством взялся вырисовывать его портрет.

– Девять, – объявил Ариэль.

Пока он тархтел, словно кукурузник, набирающий высоту, на бумагу ложились контуры несколько несимметричного черепа с массивным изгибом нижней челюсти, широким лбом, оттенённым глубокими мысами пропleshин, и тяжёлые надбровные дуги, какими мог похвастаться не каждый питекантроп.

– Десять, – неистовствовал Ариэль. – Пункт десять.

Я разделался с крупным носом и вздувшимися от натуги ноздрями. Закончив, Ариэль перебрал бумажки и отложил часть в сторону. Несвойственная обстоятельность и неторопливость наводили на мысль, что, вопреки внешнему недовольству, он втайне наслаждается этой процедурой.

– Где мы были? – спросил он осипшим голосом.

– Одиннадцать, – подсказал я, не отрываясь от тетради. – Параграф одиннадцать.

– Верно! – Ариэль любовно разровнял страницы. – Одиннадцать – дресс-код.

Я в недоумении обзрел начальничка и даже заглянул под стол, где красовались волосатые ноги в шортах и сандалиях. Но, видимо, что позволено Юпитеру, не позволено быку. Я хмыкнул и окинул взглядом результаты своих художеств. Отметив, что надо ещё вернуться к скулам и жёсткому излому губ, очертил плечи, шею с бычьими венами и буйную растительность, выбивавшуюся из-под ворота.

– Пункт двенадцать – пренебрежительное отношение к методикам организации.

Можно подумать, кто-то, кроме Джошуа и Тамагочи, относится к ним иначе. Но почему-то мой, именно мой Personal Task Board просто позорище, – негодовал Ариэль, – неужто даже в таком нехитром деле я не могу придерживаться установленных правил?!

Пока он разорялся на эту животрепещущую тему, я наводил последний глянец, акцентируя детали резкими штрихами.

– Что там у нас... – пробормотал Ариэль, шебурша листами. – Тринадцать, так-так.

Нечто в его голосе заставило насторожиться.

– Пункт тринадцать – ты плохо запаковал коробки. Казалось бы, безделица, пустяк? Но нет! Коробки – не безделица! И отнюдь не пустяк! Коробки – это всё!

Он вскочил и растопырил пальцы, явно не зная, куда деть свои мощные верхние конечности. Мышцы предплечий дрожали от напряжения.

– Коробки! – восклицал он. – То, как ты обращаешься с коробками, отражает всё отношение к работе. Я пришёл, увидел их, и у меня... у меня... – Ариэль задышался. – Ты вообще отдаёшь себе отчёт, – хрипел он, – что всё здесь создано моими руками?!

Я осмотрел обстановку в стиле класса эконома: шкаф из ДСП, стол, три стула.

– Я тебе доверял, а ты не можешь нормально выполнить простейшее задание?! Ты хоть понимаешь, какая на мне ответственность?! Сколько я в это вкладываю! За каждую вещь, которую ты видишь, я кровью харкал!

– Та-а-ак! – заорал я, тоже вскакивая. – Ариэль! – я грохнул тетрадью о стол. – Я запаковал коробки нормально!

Он отпрянул и злобно уставился на меня. Некоторое время мы молча мерились взглядами, пока его глаза несколько не прояснились. Он потёр воспалённые веки и осел в кресло.

– Так вот, я запаковал коробки как надо. Я умею делать вещи руками и если за что-то берусь, то не успокоюсь, пока не получится не просто сносно, а хорошо. И уж тем более, когда пакую аппаратуру, на которой сам работаю и от которой зависит мой алгоритм, ради которого я тоже не сплю ночами.

– Какая разница?! Может, и не ты... Дело ведь не в самих коробках, а в безалаберном... Хотя, кто ж их так запаковал?

– Я! Это я их паковал! Ты видел, как я это делаю, и никто другой к ним не притрагивался.

– Тогда, как же так?

– Хватит о коробках. – Больше не делая вид, что вникаю, я вернулся к прерванным экзерсисам и пририсовал этому уроду роскошные бычьи рога.

Несмотря на многозначительные паузы и испытующие взгляды, вплоть до заключительного – семнадцатого – параграфа, я не проронил ни слова, мстительно прорабатывая детали: вздыбившиеся пучки шерсти, жирные тени набухших

желваков и, напоследок, увесистое кольцо в перегородке между ноздрями, выполненное с особой тщательностью.

– Сейчас мы перейдём к результатам, – подытожил Ариэль севшим голосом, – а потом тебе следует отправиться домой и основательно подумать.

Портрет Минотавра был окончен, я отложил тетрадь.

– Настоятельно рекомендую поразмыслить о том, как ты собираешься работать в нашей фирме, хочешь ли ты и способен ли ты работать в нашей фирме. И если ты действительно всего этого хочешь, ты придёшь завтра не как обычно, – можешь прийти позже... – Ариэль сделал широкий жест. – Выспись, отдохни и составь план того, как намерен исправляться, и мы всё должным образом обмозгуем.

Я напрягся. Эдакой постановки вопроса я никак не ожидал.

– Мне самому неприятно, но ситуация зашла слишком далеко. Ты должен уразуметь: всё предельно серьёзно. Речь о том, продолжишь ли ты работать под моим руководством.

Да уж, зашла ситуация... воистину, жизнь полна неожиданностей. Особенно моя. Однако как это «продолжишь ли»? Неужто он действительно решится? Хотя, стоп-стоп-стоп. А как же проект? Над моим алгоритмом ещё пахать и пахать. А конференция? А сроки? А обязательства перед инвесторами? Что-то он тут передёргивает. Или просто пытается взять меня на понт... Не лучший способ мотивировать подчинённых, а ежели у тех хватит ума понять, что за угрозами ничего не стоит, и подавно.

Или Арик начинает слетать с катушек? Угрожать увольнением по поводу какой-то стены... Неужели и впрямь готов собственноручно пустить всё под откос? Шантажист хренов. Впрочем, времени на раздумья не оставалось: выложив последний козырь, Ариэль пристально разглядывал меня, ожидая реакции.

– Семнадцать параграфов. Я понял... кхм... уразумел. Даже записал, – проговорил я, стараясь придать голосу нейтральный оттенок. – Непременно последую твоему совету, отдохну и поразмыслю.

– Замечательно! – Ариэль энергично потёр ладони, лицо переменилось, и проступило простодушное нетерпение, будто сейчас состоится раздача рождественских подарков. – Давай сделаем десятиминутный перерыв, и покажешь алгоритм. Скажи только, есть что-нибудь новенькое? Как результаты?

Я вышел пройтись, отгоняя мысли об ультиматуме. Рефлексировать было не время. Вернусь домой, накурюсь и обдумаю всё на трезвую голову.

– погоди! Хочу сперва почувствовать своими руками, – засуетился Ариэль, едва я открыл презентацию. – Наверняка ведь есть какая-нибудь демоверсия?

Да что ж такое! Демо, конечно, имелось, но что он там поймёт, не выслушав объяснений. Разве только кнопками пощёлкает... Я запустил демо, и Ариэль принялся самозабвенно тыкать в виртуальные клавиши.

– Ну? Как результаты? – не оборачиваясь, бросил он через пару минут. – Как эта штука вообще работает?

– Нормально, отлично работает. Может, вернёмся к презентации? Покажу тебе статистику, графики, сравнительный анализ – закачаешься.

Ариэль продолжал с нездоровым азартом клацать куда попало.

– Постой-постой... А это что такое? – замерев, проговорил он изменившимся голосом. – Кнопка Start – синяя? Как это? Почему?

– В каком смысле?

– В прямом – почему она синяя?

– Ну... потому что я окрасил её в синий, а отчего, собственно...

– И, по-твоему, это приемлемо?

– Приемлемо? А что, разве нет?

Арик сердито отвернулся и застыл в таком положении.

– Ариэль, в чём проблема? Кнопка не может быть синей? Да и какое это имеет значение? Не хочешь синюю, сделаем её какой угодно, хоть серо-буро-малиновой, если тебе так нравится.

– Как какое?! – вспыхнул Ариэль. – Ты разве не понимаешь? Кнопка Start должна быть красной! Неужто это так сложно?

– Ариэль, может, хватит? Может, делом займёмся? Красной так красной.

Теперь уже отвернулся я.

– Нет, ты послушай! Дело не в том, нравится мне или не нравится, а в том, что правильно, а что нет. Ты несколько недель рассказываешь сказки о том, как всё закончил, и вот мы встречаемся и оказывается, что ты даже кнопку не можешь

сделать по-человечески! Элементарную кнопку! Как же так?! Одумайся, что ты творишь?! Кнопка Start должна выделяться, верно? Сразу бросаться в глаза! Так или нет? – Ариэль оседлал любимого конька. – Это не просто кнопка, а кнопка Start! Ключевая кнопка! Кнопка, которая...

По идее, в оформлении медицинской аппаратуры не принято без веского повода использовать красный цвет, но какое это имело теперь значение... Перед внутренним взором в сочных подробностях предстала панорама дискуссии о расцветке кнопки Start. От этого зрелища стремительно темнело в глазах. Я попробовал подавить волну ненависти, но было поздно.

– Ариэль, ты совсем очумел?! – я не заметил, как оказался на ногах. – Пожалуй, если бы ты поменьше компостировал мозг своими маразматическими претензиями, я мог бы задуматься над тем, что кнопка Start должна или не должна и какого она цвета. Но пока мне ежедневно приходится выслушивать весь этот несусветный бред, о таких нюансах и речи быть не может. Семнадцать параграфов, ё-моё! Я пришёл показывать проект, а ты не способен обуздать свои шизоидные припадки?! Ты что куришь? Расписал по пунктам, циферки проставил! Дел важнее не нашлось?! – Думаешь, я развлекаюсь? – Ариэль медленно поднялся и навис надо мной. – Уверю, ты ошибаешься!

– Да пошёл ты... Сколько можно? – я махнул рукой и сел.

– Предупреждаю, я не намерен это терпеть. Если ты не отнесёшься к критике с должным вниманием и не примешь надлежащие меры, я буду вынужден...

– Ох, как ты задолбал...

– Учти, это последнее предупреждение.

– Вау... сколько пафоса, сколько драматизма! – я закинул руки за голову, ухмыляясь ему в лицо. – Bravo! Брависсимо! Зрительницы падают в обморок от восторга и умиления. Не намерен он, видите ли, терпеть! Да не смей меня, ты скорее руку себе отрежешь, чем меня уволишь.

– Илья, учти, я не шучу! – Арик грохнул по столу.

– Да, я вижу. Настоящая греческая трагедия. Гнев и ярость Минотавра. Ты ещё грохни кулаком, грохни, – я положил вытянутые ноги на соседний стул. – У тебя эффектно получается.

– Убирайся! – гаркнул он, приобретая совершенно неопиcуемый цвет лица.

– Э-э-э... а как же последнее предупреждение?

– Во-о-он!

– Как так? Увольнение отменяется?

– Во-о-о-он!!!

– А зрительницы? Что ж с ними?

– Катись вон отсюда! – проскрежетал Ариэль сквозь стиснутые зубы.

Побелевшие пальцы вцепились в крышку стола, послышался скрип прессованной стружки.

– Ладно-ладно, всё, ухожу. Чего ты разнервничался, ей-богу? – я резко встал и под испепеляющим взглядом Ариэля сунул под мышку тетрадь и лэптоп. – Блестящее совещание. Давно не получал такого удовольствия. Надо делать это почаще. – На прощание я помахал дымящемуся от ярости Минотавру. – Ах да, кстати, искренне благодарен за совет. Я хорошенечко подумаю, могу ли я, а главное – хочу ли я продолжать работать под твоим руководством.

В комнате было пусто. Я наткнулся взглядом на Personal Task Board, выдрал с мясом из гипсовой панели, разбил о колено и сунул обломки в урну.

Глава 19

Мне осталась одна забава:
пальцы в рот и весёлый свист.
Прокатилась дурная слава,
что похабник я и скандалист.

Сергей Есенин

Первым позывом было разбить всё вдребезги – в лучших моих традициях. Перед внутренним взором мельтешили сцены увольнения по собственному желанию, сочинялись обличительные речи, одна красочней другой, и вскипала подогреваемая ими злоба. Копившаяся месяцами фрустрация требовала выхода, и я, смакуя подробности, представлял картины моего торжества и Арикова раскаяния. Раздавленный осознанием глубин своей вины, он буквально ползал на коленях и вымаливал прощение, но ответ был неизменен и холоден.

Я непреклонно заявлял, что метаться поздно и задуматься о последствиях следовало прежде, чем исчерпаются резервы моего терпения. А теперь ему предстоит в полной мере ощутить собственную беспомощность и всю тяжесть утраты столь квалифицированного специалиста и верного соратника.

Когда приступы бешенства и опьяняющей ненависти уступили место проблескам рассудка, я осознал, что, по сути, являюсь хозяином положения и начал задумываться об альтернативах. Поколебавшись, я счёл за лучшее выждать и посмотреть, что будет дальше, но теперь играть исключительно по своим правилам, не идти у Арика на поводу и не расшаркиваться перед ним по каждому вздорному поводу.

И всё же я пребывал в прескверном расположении духа и остался дома, злорадно наблюдая бесплодные попытки достучаться до меня. Два дня подряд, как брошенная потаскушка, он трезвонил и слал сообщения, то гневные, то просительные, а я жёлчно посмеивался, вспоминая, скольких усилий стоила подготовка презентации и каким трудом далась прочая дребедень, проделанная лишь ради того, чтобы его порадовать.

На третий день Ариэль опустил руки, и за дело взялась Кимберли. Настойчиво и методично – ровно каждые пятнадцать минут. Её звонки постигла та же участь. Единственным человеком, с которым я говорил, была Ирис, развлекавшая меня сводками о смятении в лагере неприятеля.

Я откровенно бездельничал и отсыпался после марафона последних месяцев. Успев немного обжиться в новом доме, я постепенно влюблялся в это место: в одичавший сад и завораживающий бескрайний простор, открывавшийся с обрыва, у подножья которого вздыхал и мерно урчал прибоем океан.

Несколько раз я звонил Джейн, но она не отвечала. Это было ей свойственно. Временами она впадала в аутичные состояния и, запершись дома, занималась какой-либо монотонной деятельностью. Лелея свою меланхолию, Джейн обретала некое умиротворение. Однажды, нагрянув без предупреждения, я застал её за перебиранием книжек, которых у неё была тьма-тьмущая. Попытки привести её в чувство не увенчались успехом, и я ушёл ни с чем.

Обычно Джейн была вполне жизнерадостна, обаятельна и остра на язык, но вот её переклинивало, двери во внешний мир захлопывались, и она погружалась либо в продолжительное оцепенение, либо в вышеописанную гиперактивность. Как правило, этому предшествовали периоды крайней взбудораженности и маниакальной озабоченности какой-нибудь эфемерной проблемой в стиле сопоставления трансцендентально-диалектического онтологизма с сенсуалистическим эмпиризмом – сферы, в которых мне было трудно поддержать вразумительную беседу. При этом она нагнетала и усугубляла всё до полной неразрешимости, то и дело уходя в себя и потом отвечая односложно и невпопад.

В такие периоды Джейн предпочитала замкнутость, и я отстранялся, хоть и не мог не переживать за неё. Впрочем, эти состояния были непродолжительны. Спустя пару дней она появлялась и, нервно встряхивая чёлкой, говорила, что ей было необходимо побыть одной. Её вполне устраивала необязательность наших отношений, а хорошие периоды сторицей компенсировали эмоциональный дискомфорт, связанный с переживаниями.

Поначалу меня несколько смущало соседство со студией звукозаписи, и я опасался, что теперь будет сложнее абстрагироваться от порнушных стонов и всхлипов. Однако её халтура оказалась временной, и раздутая на пустом месте проблема отпала сама собой. В целом, исключая отдельные моменты лунатизма, мы чудесно ладили. А кроме того, радовало, что отношения с Зои перестали быть эксклюзивными. С недавних пор я стал замечать за собой первые признаки развивающейся помимо воли, неуместной и абсолютно ненужной нам обоим привязанности.

* * *

Расценив прекращение попыток достучаться до меня как полную капитуляцию, я

соизволил снизойти с Олимпа на брентную твердь и заявился на работу, угодив в разгар очередного заседания по методикам управления. Обычно собрания проводились утром, и потому я намеренно пришёл после обеда, отнюдь не горя желанием лишний раз участвовать в этом параде кретинизма.

Однако полуторачасовые лекции показались начальству недостаточными, и было принято решение их удвоить и перенести на более позднее время. Я оглядел собравшихся, с удовлетворением отмечая произведённый эффект.

- Разрешаю продолжить, – произнёс я спустя полминуты неловкого молчания.
- Секрет продуктивной работы с задачами, – откашлявшись, повторил Джошуа, – заключается в их грамотном распределении по приоритетам и категориям.

Некоторое время он буровил об иерархии рабочих заданий и её значимости. Чувствовалось, что утомлённым слушателям с трудом удаётся совладать с неиссякаемым напором околесицы, и их психическое здоровье под угрозой. Однако вскоре Джош смилостивился и объявил перерыв.

- Где ты пропадал? – выпалил Ариэль, ринувшись ко мне, как только был дан отбой.
- Осмысливал твои семнадцать параграфов, – радостно отозвался я.
- Нам необходимо...
- Что-то свеженькое? Ты выдумал новые пункты?
- Уймись. У нас остались нерешённые вопросы!
- Неужто? – изумился я, всеми порами ощущая внимание ещё не успевших разойтись сотрудников. – Не знаю как ты, а я для себя уже всё решил.
- И что же?

Я кинул быстрый взгляд на Ирис и картинно уставился в потолок.

- Полагаю посвятить ближайшую неделю выбору расцветки кнопки Start.
- Сейчас же прекрати эти дурацкие игры! – вскипая, процедил представитель подвида жвачных парнокопытных.
- Знаешь... я бы на это не рассчитывал.

Минотавр раздул ноздри, помотал бычьей башкой в бессильном негодовании и счёл за лучшее ретироваться, чтобы не привлекать излишний интерес к разговору, который у него не клеился.

- Прошу внимания! У нас важное сообщение... – приступил Джошуа ко второй части, – ввиду загруженности в инженерной сфере Тим вынужден отказаться от

занимаемой должности в пользу Стива. Спасибо Тиму Чи, безусловно исполнявшему роль процесс-лидера и спешащему уступить её человеку, который, по его словам, обладает коммуникативными навыками и сможет способствовать всем нам в достижении новых горизонтов. Решение, достойное наивысших похвал, – он указал на Тамагочи, перекосившегося в резиновой улыбке. – В силу опыта и компетенции Тим продолжит ассистировать Стиву по мере надобности, и вы можете обращаться к нему по любым вопросам.

Занимательный поворот событий. Интересно, какая такая загруженность? В чём подоплёка столь неожиданной самоотверженности? Добровольный отказ не вязался с тем, насколько Тамагочи дорожил своей должностью и на какой риск пошёл, пытаясь расширить полномочия. Что же получается: если это не его собственная инициатива, то... Внезапно разрозненные фрагменты встали на свои места, и пазл сложился воедино.

Ответ оказался до омерзения прост и, как водится, находился прямо под носом. Конечно же без Стива не обошлось. Кому это на руку? Кто имел рычаг давления на бедного Тамагочи? И почему, собственно, он так и не выслал запись? Я запоздало вспомнил, как поспешил уйти сразу после капитуляции Тима, а ведь Стив зачем-то остался, и, видимо, тогда же состоялась вторая часть переговоров, не предназначенная для моих ушей.

Но отчего Стив предпочёл разыграть меня втёмную, представ эталом альтруистом, заботящимся исключительно о моих интересах? Ведь он знал, что пертурбации внутри должностной лестницы процессов меня не волнуют. Хотел не только добиться своего, но и сделать так, чтобы я чувствовал себя обязанным? А в случае неудачи – оказаться в стороне и подставить под удар меня? Или имелись и другие скрытые мотивы...

Вдобавок, с новой остротой вставал вопрос шаткого положения Тима Чи, и поди гадай, в какой форме и на чью голову это выльется на сей раз... Впрочем, уже понятого было вполне достаточно. Навалилась апатия, смешанная с гадливым отвращением, свойственным осмыслению пошлости механизмов социальных интриг.

Тем временем Джошуа упоённо триндел о рабочих заданиях и приоритетах, разворачивая перед тихо шалеющей публикой шизоидную схему их организации.

Сперва каждому таску присваивался статус, определяющий его удельный вес и значимость в каких-то абстрактных единицах. Затем всё это поступало в хранилище текущих задач, где по некой формуле, которую Джошуа наотрез отказался

обнародовать, исходя из совокупности характеристик выстраивалась динамическая очерёдность. По завершении этих метаморфоз наиболее приоритетные задачи извлекались из хранилища и неясным образом, якобы гарантирующим оптимальное распределение трудовой нагрузки, рассредоточивались между работниками. Вся эта бодяга дробилась на двухнедельные циклы, по истечении каковых подводились итоги и заново разделялись задания.

Отвлёкшись, я рассеянно блуждал глазами, то и дело спотыкаясь о зловеще зияющие дыры от выдранных доски, недвусмысленно напоминающие о безрадостном положении. Почему я должен тратить лучшие годы в этом убожестве? Каждодневно выслушивать несусветный бред и притом неким непостижимым образом сохранять энтузиазм и выкладываться, достигая каких-то там целей, когда все благие намерения сублимируются в бессмысленной и тошнотворной возне? В междоусобной грызне сотрудников, вульгарном самодурстве начальства, подлости и показухе, подобострастного лизоблюдства, с одной стороны, и взаимного презрения и ненависти, с другой, лишь едва прикрытыми двуличной корпоративной этикой, ложью, ханжеством и искусно ретушированным пусканием пыли в глаза.

Как, интересно, я должен жить и плодотворно трудиться в этом гадюшнике? Единственный возможный ответ напрашивался сам собой – никак. А раз так, дальнейшее участие в апофеозе этого безобразия – методиках управления – баснословной ярмарке тщеславия, густо замешанной на формализме и лицемерии, теряло всяческий смысл.

- Внимание, ещё одно важное сообщение! – заявил я, перебив Джоша посреди очередной пустой реплики. – В процессах я больше не участвую.
- Но... такова политика компании! – прокудахтал Джошуа.
- Политика? Превратили фирму в гибрид детсада с дуркой. Это уже и компанией называть стыдно.

* * *

Вернувшись из заветного скверика и не испытывая ни малейшего желания заниматься делом, я засел за сайт знакомств. Хотя невыносимая лёгкость бытия уже несколько поднадоела, планы есть планы, и замысел построения пирамиды троебабия необходимо было довести до победного конца. Для полноты не хватало домохозяйки, а при моём образе жизни дейтинг-сайт – лучшая площадка для поисков такого типажа. Да и построение модели Учкудук являлось идеальным сочетанием дополнительной формы социального бунта и наилучшим способом скоротать остаток рабочего дня.

Времяпровождение на подобных сайтах вселяет бодрящую смесь азарта и раздражения, вполне гармонирующую с моим теперешним состоянием. Я зашёл на портал, оплатил абонемент и оказался в этой юдоли посредственности, одиночества и дешёвых понтов, раздуваемых уязвлённой гордыней и инфантильным стремлением найти ту самую, единственную и неповторимую «вторую половинку». В душе робко заворчалось чувство жалости с гнильцой отвращения, но я задушил его, не дав окрепнуть. В мире половинчатых людей, отчаявшихся и потому отчаянно озлобленных принцесс, ждущих принцев и принцев, ищущих уж не знаю кого, всё отдавало пафосом и враждебностью, и держаться следовало подобающе – холодно, расчётливо и неумолимо.

Я давно убедился, что нет никакого смысла выкладываться, сочиняя вступительные фразы, ориентированные на конкретную собеседницу. Стараешься или нет, процент ответов неизменно остаётся низким. Объём прилагаемых усилий несущественно влияет на КПД. И неудивительно – женщин здесь в несколько раз меньше, чем мужчин. Кроме того, немало представительниц так называемого прекрасного пола пребывают тут ради эмоционального вампиризма и, насытившись настырным вниманием оголодавших самцов, ни с кем не встречаются.

Хотя, возможно, я слишком строг в отношении гетер сетевого пространства, ведь весь мир сегодня занят тем же самым – собиранием виртуальных поглаживаний в социальных сетях.

С точки зрения КПД наилучшую отдачу приносят бесхитростные вступительные фразы. Барышни с запросом на неординарность с первого слова меня несколько поражают. Это классический пример пагубного замкнутого круга – в результате завышенных требований они постоянно разочаровываются, озлобляются и начинают ещё более придирчиво относиться к претендентам, силясь оградиться от новых разочарований. И немудрено, ведь зачастую та самая пресловутая неординарность должна каким-то непостижимым образом вписаться в узкие рамки их шаблонного мировосприятия или настроения в данный конкретный момент, а любой шаг вправо-влево – и ты либо фрик, либо чудак, либо ещё что похлеще.

А как, спрашивается, можно угадать единственно верное сочетание слов, располагая минимальной информацией о собеседнице – инсценированных фоток и кокетливо-бессодержательного описания: чужих цитат, смайликов и перечня стандартных параметров из заботливо предоставленных администрацией вариантов. Мало того, большинство представительниц и вовсе не утруждаются описанием своей персоны и снисходят лишь до нескольких слов о том, кого они хотят найти, настолько же надуманных, как и всё остальное.

Откуда, собственно, взялся этот повальный запрос на оригинальность? Из зомбоящика? Ведь это не более чем нынешняя мода. Никому из них, на самом деле, экстравагантный партнёр даром не нужен, а ищут они, как правило, «серьёзные отношения» и будущего мужа или отчима для детей от неудачного брака. Чем в таком контексте хороша оригинальность – загадка, разобраться в которой, возможно, удастся нашим далёким потомкам, но уж никак не мне.

Убедившись в нецелесообразности сочинения лично ориентированных обращений, я завёл файл, где хранил наиболее эффективные вступительные фразы и удачные ответы на часто повторяющиеся вопросы. Файл так и назывался – flirt.doc. Открыв его, выбрал односложное приветствие, сделал поиск в своём регионе на подходящий диапазон возрастов, отмёл явно несимпатичных и разослал всем прошедшим отборочный тур одно и то же сообщение.

Прошу прощения читательниц, если такой подход кажется вам циничным, но реалии способны переупрямить любые сантименты. Мой шеф с первой работы, о котором я упоминал как о гениальном физике, шагнул на пути автоматизации сетевого охмурения гораздо дальше. Поканителлившись с таким же файлом, он прикинул масштаб энергозатрат и навалил скрипт для съёма. Программа собирала данные кандидаток, отсеивала по заданным критериям и выдавала галерею фотографий. Шеф производил визуальную селекцию, и скрипт начинал общение, подбирая реплики, исходя из статистического анализа прошлых разговоров. Когда диалог выходил за рамки предусмотренных вариантов, он получал уведомление и, оценив ситуацию, самолично вступал в рукопашную.

Так что моя стандартизация – ещё цветочки. К слову, о цветочках: я заметил, что наличие роскошной флоры на фотографиях – плохой признак, частенько указывающий на попытку отвлечь внимание. Если внешность в чём-либо подкачала, всегда можно спрятать неудачные фрагменты в букете или, ещё лучше, забраться в раскидисто-пышный куст.

Тут надобно быть начеку и зорко подмечать предостерегающие знаки. Если вам попалась дева в кустах, самое время задуматься, прежде чем поставить себя в положение, когда придётся битый час вежливо улыбаться, делая вид, что вы внимательно слушаете, при этом закатывая глаза под невообразимыми углами, пытаясь скрыть... На этом этапе броуновское движение моих мыслей было прервано неожиданно возникшим за спиной Ариэлем.

- Ну что? – дружелюбно начал он. – Как дела?
- Чудесно. А ты как поживаешь?
- Как идёт? – игнорируя вопрос, Арик продолжал приводить в исполнение давно

установленный протокол зондирования подчинённых.

– Что-то ты неважно выглядишь! – ахнул я, решив взять на вооружение тактику из арсенала Кимберли. – Всё нормально? Как себя чувствуешь?

– Необходимо поговорить.

– Ты чего? – я кивнул на экран, где дружными рядами выстроились девушки в позах разной привлекательности и распушенности. – Не видишь? Я занят.

Арик вздохнул, стоически сохраняя самообладание.

– Я всё же думаю, было бы лучше...

– Спасибо, мне и так хорошо, – отрезал я, отворачиваясь.

Шефа перекорёжило, он заскрежетал зубами, переступая с ноги на ногу и роя копытами землю. Минуту-другую он околачивался подле меня, силясь привлечь внимание к своей уникальной персоне, потом резко развернулся и вышел. Впрочем, отсутствовал он недолго и скоро прискакал вновь, преисполненный непоколебимой решимости.

– Илья, что происходит?

– В каком таком смысле? Ты не мог бы конкретизировать?

– Чем ты занимаешься? – поигрывая желваками, прошипел он.

– У меня широкий спектр интересов.

– Чем ты занимаешься в данный момент?!

– Это риторический вопрос? – я покосился на экран.

– Я о работе! – завопил Ариэль. – Чёрт подери, о ра-бо-те!

– А-а... о работе? Вот как... А что с ней?

Повисло гнетущее молчание. Сотрудники замерли, боясь шелохнуться, и лишь под потолком чуть слышно похрустывала неисправная люминесцентная лампа.

– Что ты вытворяешь? – взвыл Минотавр. – Совсем уже...

– Э-э, ты повторяешься. Нет бы что-нибудь менее тривиальное придумать. Ты же начальник и всё такое...

Сведя брови в угрожающую гримасу, Ариэль надвигался на меня, но тут из кабинета донёсся пронзительный звонок. Подступив вплотную, он открыл было рот, однако телефон трезвонил всё более требовательно. Глаза шефа сузились, полоснув ледяным огнём. Аппарат продолжал разрываться. Ариэль стиснул зубы, тряхнул головой и ринулся прочь, оставляя за собой наэлектризованный шлейф священного негодования.

– Мы к этому ещё вернёмся, – рявкнул он уже из коридора.

Я переглянулся с Ирис, которая, силясь не рассмеяться, старательно изображала античную статую.

– Прямая трансляция с арены событий возобновится после технического перерыва. Коррида, Калифорния, 2015, – продекламировал я голосом заправского комментатора.

Ариэля не было довольно долго. Значительно дольше, чем я ожидал. Коротая время до следующего раунда, я мысленно примерял роль матадора. Может, обзавестись красными рубашками? Тем более что мои успехи по шкале процессов соответствуют именно этому цвету.

– Илья?!

– Ариэль?!

Минотавр наконец соизволил осчастливить своим присутствием заждавшуюся публику.

– Пойдём.

– Не смешно.

Он выглядел посвежевшим и буквально фосфоресцировал радушием. Видно, без тета-волнового излучателя не обошлось.

– Что, снова мозги поджаривал?

– Илья! – он дёрнулся, как от удара хлыстом, но быстро овладел собой.

– Знаешь... добром это увлечение не кончится.

– Пойдём, я настаиваю.

– Это твоё право.

– Ты идёшь?

– Неа.

– Нам нужно поговорить.

– Я так не думаю.

– Тут решаю я, – отчеканил Ариэль.

– Довольно спорное утверждение. Говори, я слушаю тебя, затаив дыхание. Мы все...

– Необходимо поговорить наедине.

– Сомневаюсь, что это хорошая идея.

– Почему?

- Я боюсь.
- Илья, что за чепуху ты несёшь?
- Да ты вконец распоясался. Возможно, это последствие облучения. Не то чтобы раньше был так уж вменяем, но сегодня... у-у... совсем озверел.
- Думаешь, ты в цирке?! – пролаял Ариэль, теряя остатки хладнокровия.
- Я не думаю, я уверен. А тебе, небось, кажется – ты угодил в фильм ужасов?
- Что?! – он шагнул ко мне, сжимая кулаки.
- Арик, к чему дешёвые жесты? Ты всё норовишь превратить это в боевик...
- Илья, ты уже окончательно зарвался, – проговорил он севшим голосом. – Хорош, а? Сколько можно?
- О-о... уверяю тебя, я могу ещё долго.

Я сделал паузу, наслаждаясь полной триумфа и предоставляя зрителям возможность осознать новую расстановку сил.

– Но увы, – продолжил я, – ты мешаешь не только мне, твои эскапады препятствуют гармоничному протеканию процессов. Вон, Тим уже в панике под стол забился.

Ариэль окинул комнату тоскливым взглядом, а Тамагочи воровато шмыгнул глазками по сторонам и скукожился, прикинувшись элементом офисного интерьера.

* * *

from: maya@akutra.me
to: ilya.dikovsky@gmail.com
date: 21.11.2015
subject: Namaste

я в штатах, скоро буду в калифорнии.

OM namah Shivaya!

* * *

Шли дни, стычки с Ариэлем продолжались полным ходом, неизменно оканчиваясь взятием быка за рога. Минотавр не сдавался и предпринимал всё новые вылазки, а я придерживался той же тактики: избегая разговоров наедине, выставлял его на посмешище при сотрудниках. Борьба Тесея с Минотавром в офисных лабиринтах становилась более масштабной. Окружённый людьми, которым не мог доверять, я тоже ожесточался. Единственной отрадой – Ариадной во враждебном царстве – была Ирис. Дело оставалось за малым: выйти победителем и отыскать нить,

которая выведет из мрачных катакомб.

Тем временем планета продолжала путь вокруг солнца, и всё шло своим чередом, единственным новым контрапунктом в какофонии моих мыслей был неожиданный и будоражащий мейл. Но земной шар не остановился, а невозмутимо вращался вокруг своей оси, и его естественный спутник двигался по орбите, вызывая приливы и отливы, размывая и сглаживая ощущение остроты поначалу приведшего меня в смятение конфликта.

Сайтовые похождения вылились в четыре свидания, два из которых я по-быстрому закруглил из-за занудства и недостаточной привлекательности соискательниц большого приза. Третья мне понравилась, но была зациклена на полноценных отношениях и замужестве, и я остановился на четвёртой, не без радости отделавшись от необходимости принимать дневную дозу густопсового коктейля, замешанного на приторном яде показной доброжелательности.

Итак, четвёртую звали Келли, она была неисправимой тараторкой, задорной и весёлой, с простыми и ясными взглядами. Получив для галочки гуманитарное образование, она решила, что исполнила дочерний долг, и с чистой совестью пошла учиться на флориста. Её квартира была обставлена с лёгким плюшевым прибабахом – бархатистые подушки, занавесочки, ворсистые коврики и, естественно, множество комнатных растений. Всё со вкусом подобрано, уравновешено и выдержано в сиреневой гамме с вкраплением пастельных тонов.

Она неизменно пребывала в беззаботно-приподнятом настроении, обожала поворковать с хомячками, которых у неё было целых три, и много времени уделяла занятиям. Келли была любвеобильна и постоянно находилась на грани оргазма, однако, что именно нужно для его достижения, разобраться никак не удавалось. Поэтому секс с ней был своеобразен – нечто среднее между вольной борьбой и игрой в кошки-мышки. Ещё она ухитрялась совмещать жизнерадостность с капризностью, чертой характера, которую я никогда не воспринимал. Впрочем, поняв, что эти приёмы на меня не действуют, она практически прекратила их использовать, и в целом мы славно ладили.

* * *

– Так что, приступим? – проговорил я, решив ускорить события.

Настало время прервать затянувшееся обсуждение вчерашнего чемпионата и перейти к новому.

- Давайте, – отозвался Стив. – Я за!
- Ну хорошо, кто будет Ариэлем?
- Я, – выпалила Ирис, – Ариэлем я ещё не была.
- О'кей, а кто Ильёй? – перехватил инициативу Стив.
- А Ильёй – Илья, – рассмеялась Ирис.
- Не... не пойдёт! Мне и так хватает. Лучше я буду Ариэлем.
- Фигушки, ты всё время забираешь Ариэля. Сегодня – я. Пусть тогда Стив, а ты арбитр.

Игра в Ариэля превратилась в традиционную приправу совместных обедов, став отдушиной от вездесущих процессов и повседневных треволнений, усиливающихся по мере приближения судьбоносной конференции.

- А кем же я?! – обиделась Таня-Марина.
- А ты будешь... Татьяной, – нашёлся я, чуть было не ляпнув «тумбочкой».
- Ну вот, так не интересно...
- Ещё как интересно! Быть Татьяной – самое почётное, – поддержал Стив. – Это – как... рыцарский турнир. А ты... прекрасная дама, вершительница судеб.

Вершительница зарделась, махнула на Стива ладошкой и была безболезненно оставлена за бортом.

- Поехали. Начинай, – Стив поставил локти на стол и положил подбородок на сплетённые пальцы.
- Почему ты мне не перезвонил? – требовательно спросила Ирис.
- Когда?
- Вчера!
- Не успел.
- Хорошенькое дело! – Ирис грозно нахмурилась. – И чем же ты занимался?
- Работал. Я так усердно работал, что не мог ответить. А когда ты звонил?
- Я не звонил, – отрезала Ирис. – Я хотел, но был в кафе.
- Жаль, мне так нужно было поговорить.
- Почему ж ты не позвонил сам? Возмутительно! Мало того, что ты не перезваниваешь, когда нужно мне, ты ещё и не звонишь, когда тебе самому необходимо что-то сообщить!
- Ты прав, я просто не хотел тебя компрометировать.
- Да, но...
- Пять секунд... – взялся отсчитывать я. – Восемь... Десять.

Я махнул салфеткой.

- Один – ноль в пользу Стива.
- Ладно-ладно, давай ещё... – Ирис разорвала пакетик подсластителя и нетерпеливо перемешала.
- Погодите, а в чём тема? – спохватился я. – При чём тут компрометировать?
- Ну ты ж знаешь, Ариэль всегда занят работой, даже когда возвращается домой или идёт есть. Но в ресторане о работе говорить нельзя.
- Это почему?
- Потому что... – оглянувшись по сторонам, проговорила Ирис трагическим шёпотом. – Его могут подслушивать.
- Кто? – допытывался я.
- Лазутчики. Кругом вражеские лазутчики, – произнесла она ещё тише. – Неусыпно бдят и чинят козни, норовя похитить его гениальные...
- Да ну вас, – я взглянул на Стива и снова на неё. – Вы шутите.
- Тебя ещё что-то удивляет? Ты же сам рассказывал про камеры и микрофоны. Типа, слежка за подчинёнными – это нормально, а тайные агенты конкурирующих фирм – уже перебор?
- М-да... – только и смог выдавить я, припоминая, как Ариэль советовался насчёт установки аппаратуры наблюдения для окончательного решения проблемы второго аспекта «мы договорились» посредством прослушивания в записи спорных моментов.
- Так, давайте не углубляться в обсуждение симптомов, – призвал к порядку Стив.
- Верно, – я тряхнул головой, отгоняя параноидальное наваждение об офисной слежке и индустриальном шпионаже. – Раунд два. Готовы?

Ирис кивнула.

- О'кей, бокс! – я хлопнул в ладоши.
- Дрр... Дрр... – Ирис приложила ладонь к уху и изобразила крайнюю степень озабоченности.

Стив растянулся в кресле, зажмурился, запрокинул голову и, приоткрыв рот, пару раз всхрапнул, дёрнулся и принялся суетливо ощупывать всё вокруг в поисках воображаемого телефона.

- Алло, – прохрипел он, резко вскидывая руку.
- Ты где?
- А ты кто?
- Я твой начальник! – возмутилась Ирис.
- С какой стати? – парировал Стив.
- Потому... что...
- Пять...

- Эм... Потому... – Ирис была явно не в форме, с ходу можно было предложить минимум два варианта ответа на этот выпад.
- Семь... десять, – я подмигнул Стиву. – Два – ноль.
- Ну, мальчики, сейчас я вам устрою. – Ирис подалась вперёд и снова вскинула ладонь к уху. – Дрр, дрр.

Стив покосился на телефон, развёл руками и сделал «дрр, дрр».

- Дрр, дрр, – требовательно повторила Ирис. – Это ещё что такое?!
- Дрр, дрр, – передразнивает Стив, пожимая плечами. – Я не беру трубку.

Ирис насупилась, а Таня-Марина, оттаяв, начинает подхихикивать.

- Пять.
- Дрр, дрр, – повторяет Стив, качая головой.
- Это мухлёж! – Ирис оборачивается, требуя восстановить справедливость.
- Восемь, – давась от смеха, я делаю вид, что не замечаю укоризненных взглядов.
- Дрр, дрр.
- Брейк! Три – ноль, в пользу Стива, то есть в мою.
- Нечестный ход! – настаивает Ирис, скорчив обиженную гримасу. – Рефери, я требую правосудия.
- Хорошо, Арик, не кипятись, будем переигрывать, – я грожу Стиву вилкой. – Смотри у меня – первое предупреждение.

Стив, деланно смутившись, скалится своей проделке и хитро посматривает на Ирис.

- Ну что, готовы?

И тут принимается трезвонить мой телефон. Я кошусь на экран, затем встречаюсь взглядом с Ирис, потом со Стивом, и мы дружно покатываемся со смеху.

- Дрр, дрр, – делает Ариэль.

Все хохочут, включая Татьяну, а я, держа мобильник в вытянутой руке, шепчу сквозь слёзы:

- Не-не... не могу... Я не в состоянии...
- Дрр, дрр, – делает Ариэль.

Веселье достигает критической отметки, на пол летит задетая чьим-то локтем ложка, и на нас уже начинают оборачиваться.

- Дрр, дрр, – делает Ариэль.
- Ты же сказал, – внезапно посерьёзнев, встречается Таня-Марина, – что это нечестный приём!
- Дрр, дрр, – делает Ариэль.
- Это в нашей игре – нечестный, – с трудом выговариваю я, – а с настоящим Ариэлем – только так!
- Дрр... др... – жалобно делает Ариэль и затихает.

Глава 20

...Ей представился дымный горизонт, выжженные поля с напрасным урожаем, закат на западе и пламя на востоке, сумеречный лес, в котором по случаю конца света пробуждаются самые страшные сущности, дремавшие доселе в дуплах, ветвях, пнях, брошенные огороды, разорённые дома и жалкая кучка беженцев с убогим скарбом, плетущаяся через посёлок и усугубляющая кошмар визгливыми, бессмысленными взаимными обвинениями. Это была война, землетрясение, голод и мор, за лесом выло, на железной дороге грохотало, и хрустела под ногами колючая стерня, схваченная первыми заморозками.

Дмитрий Быков

- Не, ну что ты творишь?
- В каком смысле?
- Вот именно, я о смысле. Чем ты вообще занимаешься?
- Работаю в хай-теке.
- И что? Какой в этом толк? Это, типа, круто? Бабки зашибаешь?
- Толк? Ну как! Я это... эм... разрабатываю медоборудование, чтобы лечить людей, спасти человечество от...
- Кого спасать? От кого?
- От смерти... Спасать людей от смерти, разве есть более благородное ремесло?
- «Спасать человечество», «лечить от смерти», – передразнила Майя. – Это лозунги. Бессмысленные сотрясения воздуха. Отмазки, которые ты сочинил, чтобы не думать о том, о чём действительно стоит задуматься.
- Неужели! И о чём же стоит задуматься?
- О том, что ты порешь херню. Самого себя спасать нужно, а ты слепо следуешь чужим установкам, воображая, что это круто. И не просто круто, а «благородно»! Это наживка, которую ты добровольно заглатываешь, даже не замечая крючка.
- Какого ещё крючка?
- Того самого, который заставляет вновь и вновь идти в никому не нужный бой. Опомнись! Где в этом настоящий Илья? Его нет. Ты ослик, бегущий за морковкой. Суетишься, мечешься, стараешься исполнить то, что велели мама с папой. Жить, работать и учиться, как завещал великий Ленин. Тебе тридцать три года, а ты никак не можешь остановиться. К чему всё это? Четыре степени, охренеть!
- Ну да, я и сам это ощутил в какой-то момент... бросил, уехал...
- И что из этого вышло? Оглянись, ты в том же болоте. Снова в хай-теке, со всеми своими понтами и лозунгами. Вон ты пишешь, как ставишь раком Ариэля...
- А что, не смешно?

– Нет. Не смешно. В этой ситуации смешон ты. Нет никакого Ариэля, ты сам ставишь себя раком. Это театр одного актёра, который поочерёдно исполняет все роли, и сам же является единственным зрителем.

– Как так – нет Ариэля? Давай без этой твоей эзотерики. И потом, можно подумать, у меня есть выбор...

– Конечно есть. Есть бесчисленное количество вариантов в любой ситуации, но ты почему-то выбираешь быть либо Ариэлем, либо анти-Ариэлем. Что, собственно, одно и то же.

– Как одно и то же?! Я воин. Я долгое время был сдержан и терпелив, но всему есть предел.

– Ариэль, с которым ты каждый день впутываешься в бессмысленные потасовки, существуют исключительно в твоей голове. И раз уж ты воин, выбирай бои осознанно, и нечего чуть что выхватывать сверкающий меч идеализма. А выбрав, ты должен быть отрешён, безоглядно решителен и готов поставить на карту всё ради своей правды. И лишь тогда, это будет иметь смысл. Всякий иной подход – безрассудство, а склоки с Ариэлем и вовсе – полное разгильдяйство. Пижонство. Понимаешь? Пижонство.

– Кажется, прогулки по заморским странам не пошли тебе на пользу, – попробовал пошутить я. – Чего ты взбеленилась? Ариэль – достойный противник. Нам бок о бок работать, и необходимо поставить его на место.

– «Достойный противник»! Ещё скажи, что это «благородный бой». Смешно! Ты просто кормишь своё эго самим собой. Убедил себя, что это «достойно» и «благородно», а на самом деле ты отрезаешь от себя куски и бросаешь на растерзание собственным демонам. И получаешь извращённое наслаждение. Гордишься, мне хвастаешься да, небось, и перед друзьями куражишься. Бесконечно прокручиваешь эти сцены в уме. Как ты не понимаешь – всё это не более чем самопожирание?!

– Ну...

– Что ну? Что ну?

Нечто подсказывало: если я хочу выйти из этой игры с честью, нужно во что бы то ни стало сохранять спокойствие.

– Так, Майя, уймись. Давай лучше о Катманду поговорим.

– Ага, сейчас... сейчас стану тебе сказки сказывать, может, ещё колыбельную сплясать? Очнись, ты всё норовишь зарыться головой в песок, едва мы затрагиваем что-то настоящее. Не согласен? Спорь, защищайся. Ты же воин! Думаешь, я тебя атакую? Я просто указываю на то, что ты предпочитаешь замести под ковёр. Фигли увиливать? От кого...

– Хорошо, Майя, хорошо...

– Ничего хорошего, это жутко. Как тебе самому не жутко? Это твоя жизнь, тебе

выбирать и тебе расхлёбывать. А ты отсиживаешься в кустах. Чего трусишь? Это ведь так или иначе происходит. Где-то там, глубоко внутри, ты знаешь, но боишься признаться и впустую наворачиваешь круги в карусели бичей и морковок. Хочешь оставаться слепцом? Бегать за морковкой, которую сегодня тебе даже показывать не надо? Ты так заучил этот урок, что самостоятельно визуализируешь её перед носом. И тебя не смущает ни то, что бичи страданий очень даже ощутимы и их много, а морковки иллюзорны и их мало, ни то, что тебя держат за ломовую скотину, впахивающую ради чужих интересов. Ты настолько растворился в них, что уже считаешь своими, и потому ишачишь с искренним энтузиазмом. Чего весь сморщился? Нечего смотреть с укором, будь всё о'кей, тебя бы не задевали чьи-то слова... – Она сломала в пепельнице недокуренную сигарету. – А это твоё, как его... троеборье!

– Троебабие, – огрызнулся я.

– Да один чёрт.

– А что, красиво... и по Юнгу. Карл Густав Юнг, был такой немецкий товарищ.

– Сногшибательно, Карл Густав!

– Не понял, уж к Юнгу-то какие претензии?

– К Юнгу – никаких, речь о тебе, – казалось, она больше не считала нужным скрывать наслаждение этим измывательством. – Нашёл за кого спрятаться!

– Ни за кого я не прячусь! Просто, когда мы с Шуриком...

– Значит, Юнг с Шуриком виноваты?

Я вздохнул и, прикрыв глаза, попытался восстановить внутреннее равновесие.

– Ты на Burning Man ездил, провёл неделю в пустыне... И что? – ковровая бомбардировка возобновилась. – Что ты вынес из этого переживания? Троеборье? Бред! Дикость это твоё троеборье.

– Ой, ты вся из себя невероятно продвинутая, а в вопросах секса вдруг такая консервативность. С чего бы? А?! Кто теперь ретранслирует маму с папой? Чем, интересно, моногамия лучше полигамии?

– Ничем. Ничто одно ничем не лучше ничего другого, если делается с чистым сердцем. Всё едино. Но ты выбрал скользкую тропинку. Возможно, твои намерения были чисты и красивы там, на фестивале. Но разве они таковы сейчас? Я же чувствую... Ладно, не хочешь мне признаваться, – признайся хоть сам себе. Шёпотом, в глубине, но признайся. Разве ты не продолжаешь просто ради очередной победы? Ради того, чтобы пририсовать ещё звёздочку на фюзеляже? Дорогой мой, чтобы идти этой дорожкой и не скатиться, надо быть мегамонстром, а тебе до этой точки сознания ещё грести и грести!

Я стиснул зубы, стараясь побороть нарастающее ощущение смутной тревоги.

- Так и будешь отмалчиваться? – она глядела в упор, прожигая до самого нутра.
- Ну, Майя... – я снова вздохнул, отводя глаза.
- Опять «ну»! Что ты мнёшься? Увиливаешь, вздыхаешь... Тяжко? Бедненький, сложно ему с самим собой. Ладно, будь по-твоему... Раз не хочешь признаваться в слабостях, давай хоть поиграем. Возьмём простейшую практику, первый шаг к осознанности. Или это тоже для тебя слишком?
- Да ничего не слишком! Ты слова не даёшь ввернуть, беспрестанно перебиваешь. Хочешь практику? Давай практику.
- Отлично, значит... необходимо научиться отслеживать себя, это называется охота. Охотиться можно на что угодно, тут важна не дичь, а навык. Задача – отстранённо наблюдать за душевными порывами, умственными явлениями и тому подобной чехардой. И постепенно обрести некий контроль, прекратить идти на поводу...
- Контроль? Какого чёрта? Я хочу, чтобы мои чувства были настоящими, истинными и искренними!
- Нет ничего истинного в мельтешении эмоций. Бесконечное преследование бредовых фантазий, подкармливаемых вбитыми с детства чужими и чуждыми идеалами. Преследование, которое гонит вперёд и вперёд, причём всякий раз в ином направлении.
- Та-а-ак... Я, значит, мельтешу, пытаюсь поймать за хвост эфемерную мечту. А вы там, в Непале, все эдакие высокомудрые до полного опупения, монополизировали духовность и единственно верную истину и теперь стройными рядами маршируете правильным курсом?
- Охотник прежде всего должен изучить повадки зверя... – продолжила Майя, игнорируя мой выпад. – Хотя, вижу, ты не со мной... Тебя нужно как-то мотивировать. Итак, хочешь прекратить быть осликом?
- А-а, я снова ослик! Отличная мотивация.
- Ослик. Смешной такой, милый ослик. Но знаешь, в чём проблема?
- Нет, куда уж... Просвети меня!
- Проблема в том, что это вижу не я одна. И если тебе начхать на то, что ты, точно замороженный, мечешься за химерами ума, не имеющими к тебе никакого отношения, может, хоть наглядный пример приведёт тебя в чувство. Пойми, каждый, кто это видит, будет тобой манипулировать.
- Да ну?!
- Не да ну, а ну да. Хочешь продемонстрирую?
- Давай. Очень, знаешь ли, интересно.
- Хорошо, я про охоту рассказывала, будешь слушать?
- Буду, поехали.
- Так вот, можно попытаться контролировать речь – очистить от слов-паразитов, всяких там: «ну», «вообще», «типа»...
- Я в курсе, что такое слова-паразиты.

- Чудненько, вперёд.
- Что-то не вижу, чтоб ты от них избавилась.
- Мы о тебе, у меня другая практика.
- Какая?
- Это сейчас неважно.
- Ну конечно! Ничего иного я и не ожидал.
- «Ну» – слово-паразит. Согласен?

Ага, значит ей кажется, что она сумеет меня уделать. Чёрта с два! Быть не может, чтоб ей это удалось с её восточными уловками и смысловыми тупичками.

- Нет, не согласен.
- Вот это да! Не согласен?! Прямо с места в карьер? Изумительно! – неясно чему обрадовалась Майя.
- То есть такие слова, конечно, можно назвать паразитами, но это не означает, что они не содержат смысла. У слова «ну» есть два... эм... – Соображать приходилось быстро. – Нет, три различных значения.
- Ого, аж три? – Она рассмеялась. – Ты не галлюцинируешь?
- Три, я уверен.
- Вот это да! Посвятите, пожалуйста, в ход ваших мыслей.
- Прекрати ухахатываться.
- Тебе мешает, что я в хорошем расположении духа?
- Нет, отчего же. – Попадаться на удочку очередной провокации я не собирался. – Короче...

Я принялся разъяснять, что первое значение – призыв, досада или ирония, как «Ну, ладно» или «Ну давай!», а второе – это вывод, заключение – «Ну, а теперь». И, наконец, выражение согласия и приглашение продолжать. К примеру, когда собеседник замолкает, произносится вопросительное «Ну?».

Майя слушала с ехидной улыбкой и временами предлагала дышать глубже и поменьше размахивать руками, а я гнул своё, не обращая внимания ни на её сарказм, ни на ощущение, что нечто упускаю.

- Ну ты даёшь! – с издёвкой вымолвила она, когда я закончил. – Чрезвычайно занимательно. Это, кстати, какое значение было?
- Первое, подвид первого значения!
- И ты уверен, что первое и третье – не одно и то же?
- Уверен.
- А я нет, – усмехнулась она.
- Хорошо, давай погуглим.

- Не переводит стрелки.
- Майя! В конце концов! Что происходит?
- Как что? Вместо того чтобы вникать в охоту, ты зачем-то доказываешь, что у слова «ну» целых три значения, а я демонстрирую, как водят за нос ушастых осликов. Тоже охота, в своём роде.
- Может... – я с натугой подавил вспышку злобы, – растолкуешь, что к чему?
- Я уже растолковала всеми возможными способами, но до тебя не доходит. Что ж, я готова продолжать. Или ты решил сдаться?
- Нет уж. Я тоже готов.

Ещё с полчаса она делала вид, что пытается поточней разобраться в том, что я нагородил о разных значениях «ну», ежеминутно перебивая и то и дело взрываясь припадками хохота, пока я не заставил себя заткнуться, чувствуя, что еле сдерживаюсь. Я встал и прошёлся туда-сюда, силясь справиться с раздражением и вернуть хоть толику самообладания.

- Садись, чего разбежался, – вкрадчиво произнесла Майя. – Попробуем с другого конца: объясни-ка, что такое слово-паразит?
- Паразит, – начал я, следя за речью и тщательно избегая употребления этих самых слов-паразитов, – это слово, применяющееся в качестве...
- Вот умора! Скажи лучше, ты абсолютно уверен, что «ну» не может быть паразитом?
- Ну... – начал было я забывшись.
- Это какое «ну»? Какой категории?
- Это «ну»...
- Ты неподражаем! Значит, и дальше будешь утверждать, что «ну» – не паразит? И что у него аккурат три значения?
- Да! Три, ё-моё, три!
- Ты настаиваешь? Не два, не четыре?
- Майя!
- На все сто процентов?
- На двести!
- На двести?! Ого! Ты уверен?
- Да, уверен!
- Точно?
- Точно! Точно!
- И ты готов за это умереть?
- Да!!! – заорал я, вскакивая. – Да, я готов за это умереть!
- Ну и дурак, – она покатила со смеху, валясь на бок и сотрясаясь всем телом. – Илюша... за что? – с трудом выговорила Майя сквозь приступы неудержимого хохота. – За что умереть? За «три ну»?

Я стоял над ней, стараясь упорядочить дыхание и успокоиться, чтобы казаться хоть чуть-чуть меньшим дурнем. Но при этом чувствовал себя идеально круглым, законченным идиотом. Эталоном беспросветной дурости.

– Это развод, – выдохнул я, когда она утомилась, и пена этого разговора стала понемногу оседать.

– Да, развод, – она улыбнулась той самой улыбкой, за которую я прощал ей всё что угодно. – Но... ведь этот развод происходит в твоей голове. Тебя разводят твои же демоны. Я лишь подкидываю им поводы для ссоры. Однако ты совершенно не обязан в этой грызне участвовать.

Она задумалась.

– Видишь... – на её губах играла печальная улыбка, – как легко манипулировать эго, заманив его наживкой вызова. Ты проиграл, потому что взялся отстаивать позицию, которую отстаивать не стоило, и докатился до того, что был готов погибнуть за «три ну». Если так и принимать все вызовы подряд, то рано или поздно выдохнешься, оступишься и попадешься.

Она была права. Я остро ощущал эту правоту, понимая, что любые слова теперь излишни. Уставившись в никуда, я понемногу оттаивал, чувствуя, как истощение сменяется приятной пустотой и лёгкостью.

– Может, чайку? – встрепелась она. – И какие-нибудь печеньки... у тебя не водятся?

После чая мы вышли прогуляться. Воздух наполнился ароматом прелой листвы. Мы шли вдоль обрыва, приближаясь к северной окраине спящего города. Покинув его пределы, пересекли поле и поднялись на пологий утёс, с которого открывался вид на лунную бухту.

– Ну что, оклемался? Поехали дальше? – поинтересовалась Майя, устроившись на вросшем в землю округлом валуне.

– Поехали. С чего начнём?

– Да с чего угодно. Выбирай.

– Хорошо, давай выясним, что, в сущности, такое – эта ваша духовность?

– Отлично, тогда сперва разберёмся с вопросом «зачем». Зачем нужна духовность? Чего, по сути, мы хотим? – Каждое существо стремится к счастью.

– Постой... постой, что ты мне задвигаешь? Буддизм говорит совсем иное: жизнь наполнена страданием, и по этому поводу Будда предлагает избавиться от

первопричины – от изменчивых желаний и погони за удовольствиями.

– Мы не о буддизме, а о духовности в широком понимании. Так вот, человек хочет быть счастливым. Любой человек, который занимается практиками, ходит в церковь или на работу... неважно. Что утверждают восточные учения? В чём их основная идея? Что значит «открыть глаза»? Озарение то самое... Что это по сути?

– И что же?

– Тебе предлагают измениться. Стать Сверхчеловеком, не в смысле каких-то суперспособностей, а в смысле освобождения из плена разума и социальных установок. В создании этого Сверхчеловека и заключается дальний стратегический план. Сперва необходимо научиться наблюдать за собой, убрать туман, коловращение мыслей и тем самым открыть глаза и увидеть бескрайнее звёздное небо.

– Но это – снова манипуляция, все эти аллюзии к звёздам...

– Всё манипуляция – тобой вечно манипулируют. С самого детства – семья, близкие, общество. Мама сказала: это – красное, это – синее, и посеяла первые семена зла. Задача – заново научиться беспристрастно смотреть на мир. А пока ты существуешь исключительно в рамках определённого смыслового среза, контекста некой культуры...

– Но любая попытка меня вытащить – тоже манипуляция.

– Из двух зол – меньшее. Манипуляция колышет листья, а искренность сдвигает звёзды. Не ты ли писал: «Дайте мне искренность, и я переверну весь мир»? Ведь ты всё знаешь, но туман, гололедица и тяжёлые погодные условия постоянно мешают. А искренность ближе к источнику.

– К источнику чего?

– Того, что сдвигает звёзды... к духовности твоей вездесучей.

– Ладно-ладно, и что же тогда духовность?

– А духовность и есть тот центр, к которому всё стремится.

– Не, раз уж на то пошло, Центр – это то, что ты называешь счастьем.

– А духовность?

– А духовность – движение к Центру. Само стремление к счастью.

– А что, если нет счастья? – усмехнулась Майя. – Тут всё тонко.

– То есть как? Тогда духовность теряет всякий смысл. Получается – некуда идти.

– Нет-нет. В том то и дело, что – нет.

– Эй, постой. Как это – нет счастья? Ты же с него начала!

– Да, начала, но это промежуточный этап.

– А-а... И что же тогда конечный?

– Это ещё не совсем ясно. Но счастье – это...

– Стало быть, ты зовёшь меня куда-то туда, незнамо куда... И вовсе не понятно, есть ли там... Так, стоп. А зачем же ты туда намылилась?

– Я могу лишь сказать, что путь туда, не знаю точно куда, он интуитивно... О'кей, есть такое понятие – Намерение.

- Намерение?
- Это не то намерение, когда что-то в голову взбрендило, и ты откаблучил какую-нибудь очередную хренотень. Истинное Намерение, оно... воплощение духа стихии, вселенной, мироздания. Намерение земли.
- Некая... э-э... совокупность сил природы?
- Да, есть подсознательная, никак не связанная с разумом, сила. Стремление всех существ. К счастью ли, к духовности ли... абсолютно фиолетово. Главное – оно есть. И наша задача научиться чують этот поток и выравниваться по нему, сливаться. Не надо ничего активно делать, строить, бороться... Борьба – те же шоры. В процессе ты увлекаешься и начинаешь верить, что в нём самом и заключается суть, что он и есть звёзды, а это всего-навсего шоры в блёстках. Бороться не с кем. Ты и окружающий мир – одно. Надо лишь снять латы, смыть эту дребедень, наклепленную лицемерием и манипуляциями, и почувствовать Намерение, которое и так есть. Ты с ним родился. Нет нужды ничего созидать или разрушать. Всё уже есть. Есть Намерение, как у человека, так и у этого камня, и у дерева, – она кивнула на заросли юкки, раскинувшие шипастые листья, – оно одинаковое. Всё меняется, всё течёт и при том всё едино и неизменно на уровне этого Намерения. Просто человек запутался, ему сложнее, чем этой каменюке.
- Потому что он вечно мечется?
- Хуже того, у него схемы. Схемы, поверх них ещё схемы, ещё и ещё. Он смотрит и решает: тут – красное, там – зелёное, субъект – объект... А камню это не нужно. Он целостен и един с Намерением.
- То есть человек хуже камня?
- О! Главное – посоревноваться. Хоть с камнем! Нечего оценивать всё в понятиях «хуже» – «лучше», «хорошо» и «плохо». Это ещё одна тухлая схема. Человек, в отличие от камня, способен распоряжаться направлением намерения – это дар и в то же время проклятие. В итоге ты сам дуришь себе голову.
- И окружающим...
- И окружающим, и его не слушаешь, – она похлопала по камню.
- И портишь.
- И портишь, но это твоя проблема. У него всё в порядке. Что с ним ни делай, его намерение никак не меняется.
- Значит, это ещё одно проявление моего скверного намерения?
- Намерение у всех одинаковое, но у тебя... мм... пыль. А на нём нет пыли, даже если она есть. Его намерение совершенно, и нет прослойки, где она могла бы скопиться. А у человека есть. Почему – вопрос двадцать второй. Но у нас на Востоке это засекли. Не вчера. Несколько тысячелетий назад.
- Давай без «у нас на Востоке», объясняй сама, без ссылок на авторитеты.
- О Намерении и подобных материях вообще нельзя ничего объяснить. Слова сами по себе содержат корень зла и потому усугубляют путаницу.
- Выходит, весь этот разговор бессмыслен?

– По большому счёту – да. Во всяком случае, смысл не в словах, а в ощущении, возникающем, если не сбиться с пути и миновать языковые западни. Он – в отблеске, искре истинного Намерения, которые иногда удаётся высечь из столкновения слов... Или не удаётся.

Майя звонко рассмеялась.

– А что за ловушки слов, к чему ты клонишь?

– Слова, сам язык – это результат толкования мира, попытка рассечь неделимое целое. Они изначально содержат двойственность... дуализм и сопутствующие ему ложь, боль и тоску.

– Это опять слова, а конкретно? В чём ловушка?

– Хорошо, если совсем по-простому... есть старая байка о том, как буддийский монах спрашивает каждого встречного: «Кто ты есть?», и ему отвечают: «Я бизнесмен», «Я фотограф». – «Нет, но кто ты есть?» – «Я русский». – «Нет, но кто же ты всё-таки?» В итоге человек останавливается и понимает, что он не знает. Кто же он на самом деле? Ответа нет. И он затыкает дыру словесным суррогатом – бизнесмен, журналист, фотограф...

– О'кей...

– А где вода? – спохватилась она. – Воду-то мы взяли?

– Да, есть сок, – я потянулся за сумкой. – Красненький такой, из этой... как её... клюквы. Кстати, давай заодно покурим.

Я принялся скручивать, что несколько осложнялось порывами ночного бриза. Прикрываясь полами куртки, я свернул два косяка. Шорох пахучего ветра уходящей осени сливался с шуршанием прибоя в завораживающем, переливающимся и в то же время неизменном звуке.

– На самом деле, кошмар в том, что настоящего тебя вообще нет. Настоящий ты появляешься на единственный миг перед сном. Ты ложишься, закрываешь глаза, погружаешься, и мгновение перед тем, как наступает сам сон, когда ложные эго уже уснули, остаёшься истинный ты, в ужасе озираешься и едва успеваешь подумать «что же со мной творится?», как сознание отключается. А в остальное время на сцене сознания отплясывают демоны-самозванцы. И это происходит с тех пор, как ты себя помнишь, и оттого выглядит правдоподобно. Настолько правдоподобно, что ты привык считать этот вертеп своим внутренним миром. Ты весь такой тонкий и сложный, у тебя эдакая насыщенная внутренняя жизнь. И прорва проблем во взаимоотношениях этих сущностей, ты пытаешься установить между ними некое подобие гармонии... А на самом деле проблема одна, и гораздо более насущная. Проблема в том, что тебя не существует.

Прежде чем я сформулировал контраргумент, в просвете, образовавшемся в цепочке мыслей, эта картина предстала с невероятной чёткостью, и я успел уловить и прочувствовать её. Майя посмотрела на меня долгим взглядом, и в тёмных глазах, еле различимых в сумрачном сиянии полумесяца, мерцало что-то до боли близкое, родное и в то же время чуждое и загадочное.

- Так вот, возвращаясь к нашему монаху, задача – узнать самого себя.
- Главный путь – это путь внутрь себя, – процитировал я завалявшуюся в памяти фразу.
- Да, путь внутрь одеяла... Загвоздка в том, что никто не знает. У всех шоры. У каждого свои. Кто-то думает, что он инженер, кто-то – что у него лапка болит, а кому-то кажется, что у него депрессия, но в действительности никто не понимает, кто он такой.
- И... кто ж я такой? – я потянулся, расправляя затёкшие конечности.
- О, с этого и начинается. Задавая вопрос, ты уже сделал сто тысяч шагов. Но не стоит пытаться найти ответ. Это тоже западня, и люди, «ищущие себя», в неё влипли. Всё уже и так есть внутри, надо лишь научиться не быть инженером, тем-сем, пятым-десятым, и даже когда приходится исполнять роль инженера, осознавать, что это не ты, а роль.
- Стало быть, вместо того чтобы отвечать на вопрос «Кто ты есть?», нужно разобраться с тем «Кто ты НЕ есть?»
- Да, и понять, что ты не инженер, не еврей, не русский.
- И что отвечать некому.
- Нет, отвечать есть кому.
- Так ведь меня нет! – возмутился я.
- Как это нет? К кому ж я в гости приехала? Ты есть! Есть ты, есть камень, и дерево тоже есть. Всё оно есть.
- Только что ты сказала...
- Я сказала, что тебя не существует, но это не философская идея для умственного обсасывания. Возня вокруг этого вопроса лишь загонит нас в очередной тупик. Я хотела, чтобы ты ощутил, и в тот момент ты...
- Ощутил.
- Вот и отлично. Нечего переворачивать вверх тормашками... Тебя не нет! Ты очень даже есть, – проговорила она, акцентируя каждое слово, – это суперважный фактор.
- Но как это соотносится с тем монахом? – не уступал я, невольно улыбаясь.
- Илья, ау-у! Вопросы «КТО ты есть?» и «ЕСТЬ ли ты?» различны по своей сути.

Я не выдержал и расхохотался.

- Это чрезвычайно важный момент, и нечего хихикать, – она тоже засмеялась. –

Аксиома, understand?

– Yes, ma'am. I understand.²⁷

– Есть ты, есть Намерение, и когда разгоняешь ложных «я», истинный ты наконец получает возможность выйти на сцену. И ему всё понятно, как камню и дереву. Хочешь – не хочешь, спрашиваешь себя «Кто ты есть?» или не спрашиваешь, так или иначе – ты есть, и чтобы видеть, достаточно смахнуть пыль. Желаеть увидеть камень – надо смахнуть с него пыль, желаеть себя – смахнуть пыль с себя. А не мучиться вопросом «Ой, где же я?».

– Да, но внутри столько голосов всяческих...

– Во-о-от... и когда на Востоке это засекали, они пригорюнились и сказали: «Блин, что ж такое, эти голоса так мешают»...

– То есть ты предлагаешь хотя бы дисциплину навести в этом ансамбле песни и пляски имени товарища Ильи Диковского?

– Это они предлагают, а я предлагаю ещё покурить.

Мы закурили. Я откинулся назад, подставляя лицо ветру. От ударного расширения сознания голова порядком опухла. Мысли были уже не совсем мысли, а какие-то тени обрывков.

– Кстати, ничего нового я ведь не рассказываю. Та же Библия о том же говорит.

– Библия? Да ладно, ты уже вовсе что попало мне заливаешь.

– Конечно, просто там это описывается на том пределе искренности, который граничит с пафосом – «Возлюби ближнего своего».

– А каким боком «Возлюби ближнего»...

– Речь не о техниках его достижения, а о самом Намерении. Именно о нём, без культурно-социальных наслоений.

– Погоди, но чудеса, которые Иисус начудил, – это же манипуляция.

– Да, чудеса – довольно пошлая штука. В сущности, всё чудо. Небо, воздух, земля. Ты дышишь – это чудо, дым выдохнул – чудо.

Я проследил за клубящимися завитушками, влекомыми воздушным потоком.

– Между прочим, одна из двух нерешённых проблем физики.

– Что, дым?

– Турбулентное течение. Самолёты летают, а мы до сих пор толком не знаем как и почему.

– Вот видишь – чудеса повсюду, а никто не замечает.

– Ну да, но ты же понимаешь почему...

– Потому что привыкли?

---

²⁷ Yes, ma'am. I understand. – Да, мэ. Я понимаю.

– Да, потому что когда сто раз видишь нечто, пусть даже самое расчудесное, оно уже не чудо.

– Поэтому привычка – одна из самых ужасных вещей.

– Ужасно, прям-таки ужасно! Майя, так устроен наш организм: почти во всём, кроме некоторых видов боли, мы замечаем не сами ощущения, а их изменения – градиент. Вот ты легла и почувствовала соприкосновения с подушкой, с простынями, одеялом... замерла – ощущение контакта растаяло, заворочалась – снова почувствовала. Из общего потока информации вычленяются критичные сегменты. Сознание в каждый конкретный момент фокусируется лишь на одной точке. И даже когда ты думаешь о нескольких вещах сразу – на микроуровне сосредотачиваешься то на одном, то на другом – поочерёдно.

– Да, именно. Это и ограничивает бескрайний мир до единственной точки.

– Если бы ты всё воспринимала, все тактильные контакты, звуки, запахи, не говоря уж о зрительных впечатлениях, сознание не справлялось бы. Его бы затопило. Мы и шагу не могли бы ступить – беспрерывно падали.

– Ничего, научились бы ходить заново. Это как, прекратив быть инженером, евреем, русским, ты не исчезаешь, а становишься всем. Есть моменты... эм... назовём их прозрением, когда впитываешь мир целиком. У тебя ж они тоже были.

– Да, были. Были моменты, когда я видел звёзды. Но вот миг прозрения, а вот зачесалась жопа, – идиллия перекосилась, и звёзд уже не видно. Хотя они, естественно, никуда не делись.

– Вот и отлично. А если уметь видеть звёзды не только урывками, то не окажешься в ситуации, где придётся погибать за «три ну». Погибнуть за «три ну» можно лишь чрезмерно сосредоточив на них внимание. Стоит научиться этого не делать, и тот факт, что чешется жопа, звёздам уже не помешает.

– Допустим... вероятно, действительно можно насобачиться продлевать эти состояния и со временем произойдёт качественное изменение, но это долгий путь.

– На то он и есть путь. А ты предпочитаешь регулярно погибать за «три ну», и только у разбитого корыта, когда выдохся и не способен метаться, – урывками видеть звёзды? Или научиться осознанно открывать глаза? Дорога в сказочный сад начинается прямо перед тобой, а ты тупишь, зажмурившись от ужаса. Но иногда, даже сквозь закрытые веки, каким-то чудом пробивается луч истины...

Темнота сгустилась, небо заволочло пеленой низких туч. Ветер усилился, окружающие звуки и запахи сделались более резкими.

– Ты есть, сад есть, и глаза тоже есть. Дело за малым – осталось их открыть.

– Ладно, предположим. Скажи лучше, а что, если нет никакого Намерения?

– Смотри, на Востоке они в один голос говорят, что есть.

– Но ты ж не они? Или они? И без них уже никак?

– О'кей. О'кей, – Майя сдержанно улыбнулась. – Да, я видела звёзды и уверена, что

Намерение есть.

- Почему?
- Спроси у камня.
- Я с камнями ещё как-то не научился общаться.
- Нет, просто эта каменюка, – она погладила его ладонью, – и есть ответ. Вот оно
- Намерение в чистом виде. Вот, потрогай.
- Намерение? Каменюку я могу потрогать, а прикоснуться к Намерению мне гораздо сложнее.
- Нет тут ничего сложного, стоит ему на тебя свалиться – сразу прикоснёшься.
- Да уж! В философской полемике бейсбольная бита – неопровержимый аргумент.

Она рассмеялась.

- Вот именно, именно. Ощущение и есть лучшее доказательство.
- Ну серьёзно! Ощущения обманчивы. Даже на трезвую голову можно тако-о-ое почувствовать, а если что-нибудь употребить – недолго и вообще в чём угодно усомниться. Не то что Намерение – многое становится неоднозначным. «Есть ли ты?», «Есть ли камень?» – и, если он есть, то «Камень ли он?» – вовсе не тривиально. Но давай не будем уж совсем... Допустим, что камень есть, но у него нет намерения... и вообще, нет нигде никакого Намерения. Что тогда?
- Вот для этого и нужна бита. Как только жизнь берёт в руки биту, ты уже не спрашиваешь: «Есть ли бита?» и «Бита ли она?», всё моментально встаёт на свои места.
- Но острота ощущений не является признаком истинности. Субъективные переживания обманчивы вне зависимости от своей интенсивности.
- Обманчивы, но штука в том... и тут я уже не могу привести доказательств, но на Востоке говорят, что обманчивость присуща лишь половинчатым переживаниям. При истинном свете вопросы и потребность в доказательствах отпадают. Ведь, вопреки своему скептицизму, ты ни разу не усомнился в том, что есть звёзды. Потому что целостность не оставляет места сомнению.
- Хороший ответ. Но... то они. А мы, во всяком случае я, ещё не вижу истинный свет. И поэтому, давай предположим, что Намерения нет.
- Ну... – она откинула волосы со лба. – Давай предположим.
- Тогда что?
- Продолжаем... продолжаем открывать глаза. Ничего не изменилось...
- Куда открывать?
- Дальше.
- Куда дальше? На ложный свет?
- Да. А что? Глаза по-любому стоит открыть. Ну нет счастья... – её голос сделался глухим и тихим. – Предположим... Ну нет, что ты будешь делать...
- И... Что тогда? – также понижая тон, спросил я.

– То же самое. Нет – и ладно, – Майя помедлила. – Не в счастье счастье. И без счастья зашибись. Только сложнее... но не в нём цель и даже не в звёздах. И это уже серьёзно. Ты отворяешь дверь, а в саду могут быть хищные звери, драконы, инопланетяне... Открыл глаза, и тут же – шмяк, – она резко хлопнула, – динозавр голову откусил. А что? Легко... Скажем, у них договорённость такая, у динозавров этих, не трогать тех, кто тихо сидит и не отсвечивает.

Мы помолчали. Не знаю, о чём думала Майя, но меня захлестнула волна щемящей тоски, и захотелось обнять её и прижать к себе, пока нас не слопали динозавры.

– Они говорят, что будет хорошо.

– Но мы не знаем?

– Мы не знаем. Тебя учат быть готовым ко всему и принимать мир, каков он есть. Динозавр? – Отлично. Откусил голову? – Замечательно. Это никак счастью не мешает. Наоборот. Ты стал частью динозавра и всё пучком. Ты своё сделал: открыл глаза и слился с миром в едином, как они говорят, Намерении.

– погоди, ты где-то подменила понятия...

Она звонко рассмеялась своему трюку.

– Мы же предположили...

– Что Намерения нет, – закончила она сквозь хохот.

– А ты всё свела к тому, что снова там очутилась.

– Ну конечно, мы снова там очутились. Потому что... – её рысьи глаза светились, – тебя не должно останавливать то, чего нет. Это сомнения и страхи. Думал, спасут звёзды? Дудки! Засмотрелся, и хлоп – динозавр. А может, нужно было не в небо пялиться, а сразу меры принять, и самому что-нибудь ему откусить. Или в сторону отбежать, и он бы мимо проскакал. Кто знает... А ты на две лишние секунды зазевался на звёзды.

Она потянулась, оглядываясь кругом. За нашими спинами назревал рассвет. Гребни холмов вырисовывались на фоне светлеющего неба. Всё замерло в ожидании, и только волны мерным шелестом размывали последние сгустки отступающей ночи.

– Как там сок?

– Увы, наш сок – вшь... – я махнул в неопределённом направлении.

– А трава тоже – вшь?

– Обижаешь!

– Покурим?

* * *

Когда мы подошли к крыльцу, я обогнал её и прислонился спиной к входной двери.

– Оставайся, не уезжай. Ты бежишь не от западного образа жизни, ты бежишь от себя... а это дохлый номер. Катманду не где-то там на Востоке, он внутри. Сколько можно скользить по краю?! Майя, ты просыпаешься каждую неделю в другом городе, если не в другой стране; ты меняешь скутер на поезд, поезд на самолёт, на скрипучий автобус, ползущий над ущельем... Ты молодец, ты смелая, ты сильная, но разве ты ещё не поняла, что нет никакого там и тут?! Хочешь освободиться от привязанностей, чтоб избежать потерь и разочарований? Я тебя понимаю, но нельзя избавиться от человеческой формы. Невозможно навсегда разрешить конфликт души и разума, и уж точно не за счёт метаний из одной точки глобуса в другую. Бездну внутреннего одиночества не заполнить ни людьми, ни событиями, ни заморскими странствиями. Это неотъемлемая часть бытия. Ты уехала, и без тебя Калифорния – пустыня, населённая тусклыми тенями. Я иду по миру и встречаю лишь призраки. Иногда, всё реже и реже, на краткий миг кажется, что они люди. А ты – настоящая. И на фоне этого чуда... Майя... На Востоке считается, что, если от всего избавиться, наступит состояние высшего покоя и умиротворения. Звучит круто, но уйти туда с концами я не хочу. И пускай мне страшно и больно, и я остро ощущаю всю бессмысленность и обречённую суетность окружающего – я не готов слиться с предвечным светом и исчезнуть в этом сомнительном блаженстве. Если уж на то пошло, нам всем в один прекрасный день это предстоит, а раз так – я пока побарахтаюсь. Мы... человеки, а не эфирные создания. И потом, стоит ли отказываться от всего из страха его потерять? Это же нонсенс! Майя... Мы не виделись шесть лет, я смотрю на тебя и хочу тебя обнять. И мне всё равно, что нагородил Кришна и что приглючилось Будде. Я ни за что не променяю это ни на какую преблаженную нирвану.

Майя стояла передо мной и долго не отводила пристальный взгляд, но казалось, смотрит она не на меня, а куда-то сквозь. За её спиной, лучась и слепя глаза, переливалась океанская гладь. И в ауре этого свечения она была такой близкой и родной и вместе с тем совершенно недоступной.

– Нет, Илья, – тихо проговорила Майя, – я уже давно не живу в этих понятиях. Я приехала в Штаты повидаться с родителями и с тобой проститься. И собрать нити... И напомнить о звёздах, потому что ты тоже мне дорог. Но моё сердце не здесь, я спешу продолжить странствие. Я сделала, что должна была сделать, и теперь уже всё неважно. Там, куда я направляюсь, от всего этого нужно избавиться. Ещё недели две-три побуду тут, может, увидимся, если срастётся... Потом слетаю домой, и тю-тю – меня ждёт обратный рейс.

Глава 21

ладно, ладно, давай не о смысле жизни, больше вообще ни о чём таком лучше вот о том, как в подвальном баре со стробоскопом под потолком пахнет липкой самбукой и табаком
в пятницу народу всегда битком
и красивые, пьяные и не мы выбегают курить, он в ботинках, она на цыпочках, босиком
у неё в руке босоножка со сломанным каблуком
он хохочет так, что едва не давится кадыком...

Вера Полозкова

Получив отпор, Ариэль притих, окопавшись в своём логове и вынашивая коварные планы по сведению со мной счётов и скорейшему подавлению бунта на корабле. Воцарился штиль, мы дрейфовали в неясном направлении, влекомые подводными течениями, а я посвятил рабочее время расширению познаний в буддизме и других восточных учениях, рассчитывая впечатлить Майю и оказаться чуть менее беспомощным оппонентом при новой встрече.

Но вот затишье нарушается. На пороге знойная крокодилица:

- Приветик, чудесно выглядишь! – слащаво пропела Кимберли.
- Харе Кришна, – отозвался я.
- Спешу напомнить о сегодняшнем совещании с Ариэлем, – запнувшись, продолжила она. – Все подробности в электронке.
- Благодарю, – сложив ладони, поклонился я. – Ступай с миром, сестра.

Однако Кимберли не уходила, и я с благодушной улыбкой созерцал, как офис-менеджер силится собраться с мыслями.

- Мы приближаемся к судьбоносному рубежу! В преддверии конференции настало время отбросить... – казалось, она вызубрила эту тираду наизусть, – отбросить разногласия и, сомкнув ряды, встретить грядущее испытание. – Брови сдвинулись, голос окреп. – Для каждого в отдельности и всей компании в целом предстоящая конференция обещает стать поворотным событием на нашем пути!
- Все пути одинаковы и ведут в никуда, – кротко молвил я, дав отзвучать эху прочувствованного воззвания. – Любой из них – всего лишь один из бесконечного множества, и ничто не мешает оставить его, если в нём нет сердца.

Закончив формулировать эту сентенцию, выуженную из винегрета, создавшегося в

ходе ликбеза в сфере оккультных наук, я отвернулся и отрешённо уставился в экран. Кимберли поошивалась за спиной, тужась сочинить ответ, но так и не сумела ничем разродиться. Открыв электронную почту, я ехидно отклонил назначенную по всем правилам офисного этикета встречу. И тут же на месте ретировавшейся секретарши возник наш несравненный командор.

– Рад видеть тебя в добром здравии! – он старательно растянул мясистую физиономию в благожелательном оскале. – Передай, пожалуйста, материалы, чтобы я мог ознакомиться с ними перед совещанием.

Я молча разглядывал его, развалившись в кресле.

– Понимаю, что не уделил должного внимания... – с трудом выдавил Ариэль изменившимся голосом. – Погорячился, не вник... при нашей тогдашней встрече, – искажённая мимика кричала о том, что публичное покаяние даётся ему нелегко. – Но теперь, накануне конференции, – приободрился он, миновав сложный участок, – мы должны перешагнуть через былые... эм... распри ради общего блага и будущего нашей компании!

Забавно, этот поц думает пронять меня новой тактикой канцелярских прибабасов.

– Конференция – мираж. Нет её и никогда не было. Глупая, тщетная, а главное, бессмысленная суета. Дым, тлен... тень на стене пещеры.

Минотавр озадаченно насупился.

– Ну как же! Платон, миф о пещере... No comprende, amigo?²⁸

– Чего?!

– Чего-чего... – передразнил я. – Как-то ты сдал... в апокрифы не заглядываешь... Миф. О. Пещере. Чё тут неясного?

– Илья?! – всплеснул руками Ариэль.

– Ладно-ладно, не кипятись. Сейчас я всё популярно рассую по полочкам. Значится, твой закадычный враг – Платон Аристонич... возможно, пребывая в алкогольном изумлении (история умалчивает)... эм... утверждал, что все люди сидят в пещере, задом к выходу и не могут повернуться. За их спинами другие люди носят разную утварь... ну там... вазы, амфоры, мраморные статуи – Древняя Греция, сам понимаешь. Так вот, прикованные рабы с рождения видят перед собой лишь тени, а потому уверены, что это и есть мир. Мы – рабы, томящиеся в заточении собственных чувств и эмоций, и твоя конференция – лишь крохотный завиток...

---

²⁸ No comprende, amigo? (исп.) – Не врубился, приятель?

зыбкий блик на стене, плод болезненного воображения.

Ариэль впал в ступор, лихорадочно слясь нарыть достойный аргумент из эллинского наследия.

– Пора дать решительный бой нелепой и порочной суетности! – взвыл я. – Покончить единым махом. Настало время порвать цепи, скинуть оковы и узреть подлинный свет! Я верю в тебя, Арик! Ты как начальник и предводитель всего чего ни попадя выведешь нас на стезю истины! К свету, к радости, к надежде!

Шеф угрюмо набычился.

– Мы любим тебя, Арик! – безумно завопил я, вскакивая на стол. – Ура-а-а!!!

* * *

После встречи с Майей я пребывал в приподнятом настроении, не ходил, а буквально парил, не касаясь земли. Новое чувство крепло, обволакивая невидимым облаком, даря свежесть красок, остроту и лёгкость, вместе с некой наполненностью. Я вновь открыл в себе способность радоваться простым вещам, и меня переполняло счастье. То самое счастье, о котором говорила она.

Всё стало чётче, сочнее, выпуклей, объёмней, будто спала пелена, причём не только с глаз, а со всех душевных и телесных ощущений. Я стал бережней относиться к внешним и внутренним впечатлениям, прислушиваясь к себе и к тому, что нашёптывал окружающий мир. И от этого даже мелкие переживания пронизывались спокойной, стойкой радостью и целостностью того непререкаемого смысла, который не нуждается ни в определении, ни в доказательствах.

Однако неурядицы, сыплющиеся непрерывным потоком, вовлечённость в офисную возню и остальные составляющие рутинной, давно приевшейся бытовухи, постепенно накапливаясь, как клочья пыли под старым диваном, замутняли кристальную чистоту новообретённого состояния. Всё чаще посещали мысли о Майе, с сопутствующей им тоской скорого расставания... Хоть мы и давно поняли, что не можем быть вместе, я считал её единственным душевно близким человеком, единственным существом моей крови, единственной, кто чувствовал и переживал так же остро и глубоко. А теперь, встретив после долгой разлуки, оттаяв в её лучах, я вновь теряю её. И, возможно, навсегда.

* * *

Вопреки напоминаниям, Стив так и не прислал записку, что лишний раз подтверждало подозрения в вероломстве. И всё же, в голове не укладывалось внезапное преображение эдакого рубахи-парня в ушлого махинатора. Откуда это неуёмное рвение к продвижению по служебной лестнице процессов, над которыми он с готовностью потешался на совместных обедах? Как ни крути, сформировавшееся мнение о Стиве требовало переоценки.

Нельзя не признать, что он провернул ловкую комбинацию – занял желанную должность и навьючил основную часть работы на Тима, продолжавшего корячиться не покладая рук, но уже без прежнего рвения. Таскать для Стива каштаны из огня ему не улыбалось, самолюбие было задето, честолюбивые планы рухнули, но он с подкисшей миной корчил из себя командного игрока.

Близилось Рождество, давно превратившееся в праздник потребления, с повальным обострением шопингового зуда. Невзрачная офисная обстановка навевала уныние. Несмотря на кураж войны с начальником, ситуация оставалась безрадостной. Заигравшись, я ухитрился настроить против себя всех. Ариэля, одержимо несущегося за заветной мечтой – для него это уже давно не погоня, а снежный ком, который настиг, поглотил и влечёт всё дальше и дальше, не давая ни остановиться, ни даже оглянуться. Тамагочи, и без того затюканного, однако отважившегося на рискованный шаг. Тамагочи, поставившего на кон всё и проигравшего вчистую, с позором и унижением. А ведь не будь меня, ничего подобного бы с ним не приключилось... Кимберли, в общем-то нормальную женщину, беззлобную и бесхитростную, но со своей придурью, пришедшейся мне не по вкусу. Джошуа, постоянно подворачивающегося под горячую руку... Возможно, и эпизод со Стивом, меркантильно использовавшим моё положение под предлогом бескорыстной помощи, тоже не возник на ровном месте. Точно во вражьем тылу: полагаться практически не на кого, брать в расчёт Таню-Марину, с которой по чистой случайности я ещё не успел испоганить отношения, было смешно, оставалась лишь Ирис.

Полностью отделаться от процессов так и не удалось. Их метастазы стремительно разрастались. Все заражены и зомбированы. Деться некуда. Если Ариэлю можно было нахамить, и он отступал, не в силах стерпеть прилюдного глумления, то с Джошуа дело обстояло значительно хуже. Как я ни изощрялся, ничего не действовало. Точнее, он просто не уходил, продолжая увиваться за мной и в любой ситуации находя до омерзения вежливые ответы. Это было невыносимо, и я часами ломал голову, гадая, как отделаться от этого субъекта.

На время заседаний по процессам я повадился эвакуироваться в комнату Геннадия. Он был немногословен, в интригах участия не принимал и не особо интересовался

перипетиями копошения в нашей песочнице, порой забавлявшими его, но не более. Работы, дававшей возможность заниматься любимым ремеслом, Геннадию хватало с лихвой. Дочка, внучка да милый сердцу паяльник обеспечивали комфорт и счастье этого немолодого и сдержанного человека.

– Что, снова удрал? – бросил он, когда я в очередной раз ввалился в комнату с ноутбуком под мышкой.

– Ох, да... у меня уже перехлестнуло ватерлинию.

Сам Геннадий был привлечён к процессам только на ранних стадиях, и то исключительно для галочки. Посетив несколько лекций, он тихо самоустранился, что никого не удивило, и даже непреклонный Джошуа не осмелился поднимать шум по этому поводу.

– Я лишь наблюдаю со стороны, но такого маразма не доводилось видеть со времён застоя. – Геннадий отложил инструмент и выключил лампу увеличительного стекла. – Те же ухватки, та же пустопорожняя болтология...

– Меня только разочаровывает, что на это повёлся Ариэль. Он всё-таки человек действия, а не балабол.

– Ну, ты же понимаешь, – протянул Геннадий, – у него не было выбора.

Безусловно, он был прав. Всё это затевалось неспроста и, несмотря на личную неприязнь, причина введения процессов была мне ясна. Чтобы выйти на рынок с продуктом в сфере медицинского оборудования, необходимо получить разрешение FDA²⁹. Министерство здравоохранения и другие ведомства сертификации не имеют ни средств, ни возможности оценивать каждое поступающее на рассмотрение лекарство или аппарат, и поэтому, вместо того чтоб делать своё дело, занимаются преимущественно прикрытием задницы от всевозможных судебных исков.

Для этой цели учреждена тучная туча всяческих государственных и отраслевых стандартов – вроде методики управления процессами. Предполагается, что если разработка ведётся по узаконенной схеме, то всё о'кей. Таким образом, FDA проверяет не изделие или его функциональность, а исправность соблюдения бюрократических процедур. Именно для этой цели Харви инициировал внедрение процессов, и Ариэль был не в силах воспротивиться, как бы те ни стояли ему поперёк горла.

Тем временем абсурд приобрёл дополнительное измерение. Посоветовавшись с Джошуа, Ариэль пришёл к заключению, что работники слишком много едят, точнее,

---

²⁹ FDA – Управление по надзору за качеством пищевых продуктов и медикаментов США.

тратят чересчур много времени на приём пищи. Объединившись в мозговом штурме, они ринулись в схватку со скрытым тунеядством и расточительством человеко-часов, взяв в подкрепление доблестного Тамагочи, который вообще не ходил обедать, а втихаря подъедал что-то из герметичного контейнера.

Спустя неделю споров и пересудов в урочные и сверхурочные часы, лучшие умы компании родили регламент поочерёдного отбытия сотрудников на перерыв, долженствовавший обеспечить непрерывность рабочего процесса и кардинально сократить количество обедо-часов. Подразумевалось, что в отсутствие общения мы будем жрать гораздо проворней. Продолжительность перерыва отныне стала строго нормированной, и каждый должен был заблаговременно записываться, чтобы застолбить определённую смену.

И всё же, это не мешало находить лазейки, встречаться и продолжать игру в Ариэля, интерес к которой лишь окреп вследствие трапезных реформ. Во время последнего чемпионата Ирис поведала о случайно обнаруженном в локальной сети: Арик таки приступил к воплощению параноидальной идеи. Не осмелившись использовать аппаратуру наблюдения без общего ведома, он поступился замыслом тотальной слежки и установил замаскированные камеры у себя в кабинете. В таком случае юридические осложнения отпадали при условии, что он сам участвует в записываемых разговорах. Стив попробовал съязвить: мол, теперь мы сможем дистанционно наблюдать за большим боссом, но его не поддержали. Собравшихся беспокоила обратная сторона медали: никто не рвался становиться участником этого блокбастера. Известие вызвало ажиотаж у всех, кроме Тани-Марины, которая пялилась на меня немигающим взглядом и вдруг, вынырнув из забытья, отжарила ни к селу ни к городу:

– Нет, всё никак не могу поверить, что у тебя нет телевизора!

* * *

Когда я вошёл в кабинет директора, Ариэль был уже там. Харви предложил садиться и начал в своей гладкой выхолощенной манере:

– Я пригласил вас, чтобы прояснить ситуацию, мешающую полноценно функционировать как тебе – Ариэль, так и тебе – Илья, – Харви по-отечески взглянул на меня, потом на него. – Мне стало известно, что ваши отношения вышли за конструктивные рамки и приобрели характер трений личного толка. Поскольку вы являетесь основополагающими фигурами в осуществлении инженерного развития компании, я счёл своим долгом вмешаться и поспособствовать устранению этой досадной и, в свете предстоящей конференции, несвоевременной помехи. Верю –

рациональный диалог поможет нам вернуться в рабочее русло. Итак, хотелось бы услышать ваши соображения.

Покончив с преамбулой, Харви мельком глянул на часы и упёрся в меня вопросительным взглядом. Хотя я и не ждал, что Арик побежит ябедничать директору, тактика защиты пришла на ум почти мгновенно. Загнанный месяцем отборной изгалятины в маловменяемое состояние, Ариэль представлял из себя слабого соперника в состязании на самообладание, которое я собрался ему навязать.

– Трения? Между мной и Ариэлем? – Я повернулся к Минотавру и развёл руками, изображая недоумение. – Арик, неужто между нами могут быть трения? У нас с тобой? Трения? Я ошеломлён... – И снова повернулся к директору. – Даже не знаю, разумеется, я мог что-то упустить, но, с моей точки зрения, у нас в высшей степени гармоничные и, я бы не побоялся этого слова, дружеские отношения... мм... взаимопонимание... эм... признаюсь, для меня это просто... просто как снег на голову.

Я растерянно переводил взгляд с одного босса на другого.

– Конечно, мы к этому ещё непременно вернёмся, а пока сосредоточимся на рабочих аспектах. Случается, что разногласия на профессиональной почве выходят из пропорции, порождая напрасные конфликты.

– Хм... – я подпёр щеку и уставился в пол. – Да-а нет, вроде нет... Как-то не припомню, чтобы что-то выходило из пропорции. Естественно, есть мелкие разногласия, но это нормальная составляющая творческого процесса. К примеру, мы не сошлись во мнениях о расцветке кнопки Start. Но даже над этим я сейчас работаю. Я воспринял критику и работаю, исправляюсь. Не правда ли, Арик?

Харви взглянул на Ариэля, но тот не проронил ни слова.

– Хорошо, тогда вернёмся к личным аспектам, – помедлив, продолжил Харви.
– Извольте. Хотя где-где, а тут уж точно и речи быть не может ни о каких трениях. Напротив, у нас на редкость дружеские взаимоотношения. И... надо отдать должное Ариэлю, это преимущественно его заслуга. – Я обратился к начальнику: – Хочу, чтобы ты знал, как я ценю твоё внимание. Правда, для меня это необычайно важно, и я искренне благодарен за всё, что ты делаешь ради меня.

Минотавр оцетинился. Ставка оправдалась: какой амбициозный начальник стал бы докладывать директору, что позволяет высмеивать себя перед подчинёнными?

– Вот, Ариэль не даст соврать: у нас масса общих интересов, античную философию регулярно обсуждаем, намеренно состоялся интересный диспут о концепциях Платона. Если угодно, могу вкратце: миф о пещере, знаменитая аллегория...

– Как-нибудь с удовольствием послушаю, – поспешил пресечь моё словоблудие директор. – Ариэль, складывается впечатление...

– Диспут?! Да как он смеет! – взъярился начальник, но тут же прикусил язык, сообразив, что дальнейшее развитие темы ему не на руку. – Давайте, наконец, о действительно важном! – громыхнул он. – На носу конференция, а у него конь не валялся! Мы на грани катастрофы, а он целыми днями на сайтах знакомств.

Харви чуть заметно поморщился.

– Как так? – изумился я. – Всё готово. Ариэль, ведь была встреча, я продемонстрировал всё, на что ты пожелал обратить внимание. Безусловно, ввиду твоей загруженности и широкого круга ответственности, мы не могли вдаваться в нюансы. Я знаю, как ты переживаешь, мы все знаем... Арик, можешь на меня рассчитывать: ни малейшая деталь не ускользнёт и не останется без должного внимания. И действительно, – я вновь обратился к Харви, – всегда есть место для усовершенствования... опять-таки, расцветка, однако, как я уже говорил...

Возражений не предвиделось – не мог же шеф сознаться, что не имеет ни малейшего представления о творящемся в подотчётной сфере. Загнав себя в тупик, Ариэль в бессилии сжал кулаки, что не ускользнуло от цепкого взгляда директора.

– Хотите, могу принести лэптоп, и вы сами убедитесь.

Резюмировал я, догадываясь, что Харви и без того есть чем заняться. Он появлялся редко и заботился лишь о том, чтобы всё на первый взгляд имело благопристойный вид. Судя по всему, он полностью отдавал себе отчёт о масштабах раздора, в котором находилась возглавляемая им компания, и стремился отгородиться от неприглядных подробностей. Титул, хорошая зарплата и поменьше ненужных проблем – таковым представлялось мне кредо нашего директора.

– Но сайты знакомств! В рабочее время сутками торчат на сайтах!

Харви опять поморщился и нетерпеливо глянул на часы. Уловив этот жест, Ариэль сглотнул, издав какой-то нечленораздельный сип, и окончательно приобрёл стойкий мутно-фиолетовый оттенок.

– Ариэль, прости, мне невдомёк, кто рассказывает тебе эти бредни. Не хочу делать необоснованные предположения...

- Но, но... – захлебнулся негодованием Минотавр. – Ведь я сам...
- Арик, – ласково проговорил я, – ой, я же ещё не успел поделиться с тобой последней новостью: дело в том, что я увлёкся буддизмом. Настраиваю тонкий мир, медитирую и... и сейчас мне совершенно не до женщин. На данный момент единственная женщина в моей жизни – это мама.

Под конец этой бессовестной тирады зазвонил мой телефон.

- Привет. Как дела? – раздался звонкий голос Келли.
- Как в сказке... мм... Я тут слегка занят, можешь коротко?
- А, да-да, понимаю. Я только сказать... я... я хочу птифуры.
- Кого?
- Птифу-у-уры.
- Это ещё кто?
- Пирожные. Маленькие такие. Пирожные.
- Какие? Как это пишется?

Я взглянул на Харви и изобразил извиняющуюся гримасу. Тот кивнул, взял мобильник и стал сосредоточенно тыкать в экран.

- Пти-фу-ры. Такие крохотные, цветные и разных сортов, а бывают... Мм... – протянула она с вожделением. – Знаешь, я их жутко люблю. Просто умираю...
- погоди, не надо умирать. Можешь по буквам?
- Пи, и, ти, – принялась диктовать она, – ай, эф...
- Так-так... понятно, вышли название эсэмэской. Я попробую... но не обещаю.

Я поспешил отключиться.

- Прошу прощения, это как раз мама, – смущённо улыбнулся я. – Так о чём... а, вот, я решил посвятить себя духовной практике, и женщины меня теперь отнюдь не интересуют. Однако, возвращаясь к существу вопроса, хотя Арик не раз признавался, что все начальники и в особенности его начальники, – я красноречиво взглянул на директора, – полные идиоты, мне несказанно повезло с шефом, и я не устану это повторять.

Ариэль попробовал возмутиться, но был остановлен коротким властным жестом.

- На данном этапе будем считать тему закрытой. – Директор приосанился. – Спасибо и успехов в подготовке к конференции. Полагаю, излишне напоминать о её важности.

Я поблагодарил Харви и повторно заверил Ариэля в непреходящем почтении, от чего Минотавру сделалось совсем худо.

– Ариэль, мы ещё не закончили, – прозвучало за моей спиной, и я заботливо прикрыл дверь, чтобы директор мог вольготно устраивать моему начальничку внеплановую головомойку.

* * *

– Почему Юнг? Почему Платон? Потому что за всем стоят прообразы. Ариэль говорит – фигня, а меж тем конфликту три тысячи лет, и пошло всё даже не с Платона с Аристотелем... Это же и есть раскол между язычеством и иудаизмом.

– О чём ты? – в недоумении покосилась Майя.

– Выход Авраама из Вавилона, книга Бытия... Hello?! Зарождение первой монотеистической религии...

– При чём тут одно к другому?

– А, ну смотри... Вавилон – поклонение золотому истукану, а иудео-христианский подход – альтернатива всему этому. Для того и придуман миф о башне. Зачем она строилась? Чтобы достать до неба. Люди возомнили, что Бог где-то там, – я ткнул пальцем в потолок, – что до него можно дотянуться, ан нет, чёрта с два! Еврейцы просекли фишку и сказали: «Вы чего? Бог абстрактен!»

– Вопрос: может ли человек верить в абстракцию, либо он всегда придумывает образ и верит в него, а не в какую-то бесформенную идею?

– Может, конечно может. Оглянись: сегодня, благодаря Христу и Голливуду, все поголовно верят в любовь. Но не надо пытаться до неё дотронуться. До её объекта – пожалуйста, но не до неё самой. И это прекрасно! Она неуязвима, как сиятельные идеи Платона, её не запятнать никакой пошлостью или низостью.

– Но люди всё равно ищут конкретики.

– Да, индусу, чтобы верить, нужны рудракши или алтарь, или статуэтка Шивы... А евреи как бы не такие, хотя у них тоже свой антураж.

– Они обожествляют Тору. К священной книге надо относиться с благоговением.

– Вот именно! Слово! Образ! Не вещь, не бумагу. Нет священных косточек рудракши, есть то, что стоит за ними, а их самих нет, в смысле – нет в них святости. Великий Вавилон пал, а занюханной иудейской вере четвертое тысячелетие пошло.

– Допустим, – Майя поправила бусы из рудракши и кристаллов, – но в христианстве не совсем так: там Иисус, пророки всякие... святые, великомученики – классические пережитки идолопоклонства. Да и зачем христиан с иудеями смешивать? Истоки, конечно, одни...

– К слову об Иисусе, тебе на редкость повезло. Угощу тебя рыбой собственного приготовления.

Я торжественно извлёк из холодильника две свежих, ещё пахнущих морем и водорослями, рыбины.

– Не бойся. Я правда умею, – поспешил заверить я, заметив скептическое выражение. – А христианство... видишь ли... христианство – это адаптированный вариант иудаизма, – вымарали особо пикантные места, заменили невнятным бормотанием о вселенской любви, втюхали половине цивилизованного мира – и вуаля! Почти две тысячи лет торгуют индульгенциями.

– Ага, иудаизм тоже хорош, это ж надо такое удумать: Господь един, он наш, мы избранный народ, и он только с нами общается. А остальные гои, и с ними Бог не разговаривает. Бред! Им, значит, Бога не полагается? Нет, оказывается, нет. Иудеи утверждают, что все прочие боги ложны, а к себе никого не зовут.

– Нормальный жидовский национальный нарциссизм.

– Скорее шовинизм.

– За то по шее и получали от всех, кому не лень. Избранный – это в смысле избравший себя в козлы отпущения.

– В любой здоровой монотеистической религии есть элемент миссионерства. Без него эта идея хромает. Отсутствие миссионерства свойственно политеизму, где у каждого селения свой божок, у каждой роци нимфа, у источника – наяда... Либо Бог един, и тогда – айда к нам, либо у каждого свой и никаких «айда». – Майя принялась расхаживать вокруг, следя за моими действиями. – Ладно, вернёмся к абстрактности.

– Ага, так вот... с абстрактностью в христианстве почти, как в иудаизме. Ну, сделали им поблажку с Иисусом, чтоб чуть попонятней было, почеловечней...

– Но люди всё равно выдумывают символы, иконы... Им нужен зримый образ. Человек не может иначе. Трудно уповать на вакуум!

– Может! Сложнее? – Да. Но может! О чём речь? Любовь – абстрактная штука. Мы – люди науки, люди искусства, постоянно оперируем умозрительными предметами. Понятия умственной и душевной деятельности абстрактны и никаким боком не материальны. Невозможно нарисовать любовь. Можно изобразить половой акт, ссору, объятия, но не любовь. И не пытайся. Так взять, нарисовать и поставить – вот, мол, полюбуйтесь, это любовь.

– Однако мои представления о любви и твои... Не факт, что они одни и те же.

– Ну да, – усмехнулся я, – это уж точно.

Я откупорил белое вино, налил треть стакана, перемешал с оливковым маслом и сладкой горчицей. В ароматной золотистой смеси закружились, поднимаясь и скапливаясь на поверхности, искристые шарики.

– То есть понятия не существует? – неожиданно раздался вкрадчиво-коварный голос у моего уха.

- Че-е-го? – отшатнулся я.
- Нет общего понятия – любовь, – рассмеялась Майя. – Оно не абстрактное, оно у каждого своё.
- Своё, Майя, своё... – я вздохнул. – Оно у каждого своё... потому что сложно охватить сиятельную идею во всей её полноте. Можно увидеть отражения, тени... Ты видела один отблеск, я другой. Мы пытаемся сложить их и договориться о свойствах оригинала.
- О'кей. Абстрактные идеи существуют, но их описывают, используя объекты материального мира. И это всего лишь идеи, а чтобы найти и сохранить веру, необходимо нечто...
- Может, что-то не так с верой, раз в неё так сложно поверить? Художники, учёные стремятся к абстрактному, недостижимому идеалу. Он безупречен, и даже если тебе отрезали ногу...

Майя расхохоталась, не выдержав зашкаливающего пафоса. Я обернулся, сжимая в руке только что разделанную и вымытую рыбу.

- Да, даже если отрезали ногу...
- С трупом рыбы! Платон, блин...
- А?
- Платон – в одной руке рыба, в другой нож... – заливаясь смехом, Майя плюхнулась на стул. – Даже если тебе отсекут руку или хвост...

Я тоже рассмеялся, стараясь при этом не упустить скользкую рыбку.

- Хорошо, Майечкина, отлично, молодец, вот именно, даже если...

Майя снова покатила со смеху.

- Даже если я весь по уши в чешуе и капаю на пол, это никак ничего не портит, потому что идеал абстрактен и совершенен.
- Ты просто рыбой брызгаешь на меня, а так ничего не портишь...

Новый приступ хохота закончился на полу в компании злосчастной представительницы водной фауны.

- Понимаешь, – продолжил я, когда мы отдышались, и я отловил и снова вымыл хвостатую беглянку, – зачем нужно много богов? В чём фишка?

Я накрошил чеснок и разрезал лимон. С лезвия скатилось несколько капель сока, и по кухне распространился терпкий прохладный запах.

– Вот какая хрена... – я напрягся, сплющивая лимон в соковыжималке, – тень, если Творец един, крайне сложно объяснить, почему мир так несовершенен и противоречив. Ведь, если один закон, всё чётко и понятно, то с чего такая неразбериха? Вот и объясняют: о'кей, есть папа, мама, они поссорились. Ну, или чуть хитрее... А еврею такого не говорят. Ему говорят: Бог непостижим. Делай как написано и не суйся куда не следует. Не думай, тут тебе не мыльная опера. Ведь, если Бог – это мыльная опера, можно иметь предпочтения, быть против или за, и есть немало места сомнению. Кстати, Ариэль как-то выдал о Боге...

– А он у вас тоже безбожник?

– Нет, серьёзно, ты можешь представить его в храме? Бьющим поклоны?

Майя уклончиво хмыкнула. Я выжал другую половинку, вылил в стакан, туда же высыпал чеснок, добавил соли и ещё раз перемешал.

– Ну, я ему: Ариэль, мол, давай хоть Бога в наши разборки не впутывать. Платон, Аристотель... как-то так. Короче, Майя, мы в Силиконовой долине – в самом центре современной Вавилонской башни. Те, кто строят башню, заявляют – мы в Бога не верим, мы сделаем сами.

– Ага, жрецы веры Неверия.

– Почему неверия? И я, и Ариэль – адепты веры в науку. Это следующий шаг. От язычества к монотеизму, ратующему о единстве законов и абстрактном Боге, но табуирующем всё связанное с истоками этих законов. И дальше – к науке, которая говорит: погодите, вы твердите о стремлении к Господу – законам мироздания, по-нашему, вот и давайте разберёмся. – Я схватил рыбу и победоносно взмахнул. – Свободу Богу! Даёшь Бога в народ. А вы – нет-нет, тут низя там невозможно, осторожно, обратите внимание, там рудракши, здесь святые коровы.

Достав противень, соорудил аккуратные ладьи из фольги, на дно уложил по рыбине, залил соусом, украсил базиликом и веточками розмарина.

– Жуткая картина, прям сатанинская. Мы заявляем обывателю: «Ты, сука, будешь умирать, у тебя будет инфаркт, и ты попадёшь к нам на стол...», не, ещё лучше – «к нам в лапы!» «А мы не верим в твоего Бога! Ты душу запродашь, приползёшь к нам, и мы даруем тебе жизнь. Либо ты наш, либо иди бей поклоны и помирай». Мы же не говорим: «Колет сердце – значит, следует усердней молиться». «С Богом ты там как-то сам. А мы тебя пофиксим, и побежишь по дорожке... Ну, может, не побежишь, но уверенно пойдёшь. А там молись Богу, раз неймётся. Твоё лёгкое помешательство нас, безбожников, не интересует».

– Так, хватит ересь молоть. Я к тебе на стол не собираюсь. Разве что за стол... и то ещё подумаю. Ты лучше чёртову рыбу жарь, Мефистофель доморощенный.

– Но-но! Тут тебе не Катманду, без обстоятельной теоретической подготовки рыба как надо не запечётся.

Я сунул своё творение в разогретую духовку, выставил время и проверил температуру.

– Теперь двадцать минут отдыхаем. – Я потёр ладони. – А хочешь, я так же наглядно докажу, что Бог есть? Идём, нечего смущать её голодными взглядами.

Мы поднялись по лестнице и прошли через спальню на балкон. Майя облокотилась на перила, а я смотрю, как она чудесно жмурится, улыбаясь сама себе. И воздух вокруг неё звенит. Неужто я больше никогда этого не увижу...

– Значит, кхм... – я тряхнул головой, отгоняя нахлынувшую ностальгию по будущему. – Значит, Бог есть, Шива... или там Кали есть, знаешь почему?

– Почему? – Майя посмотрела мне в глаза.

– Потому что... – я снова запнулся. – Потому что для миллионов христиан или там... индуистов, он есть. Они соотносят с ним свои действия, и он имеет основной атрибут понятия «есть» – влияние на окружающее. Допустим, мы договоримся, что есть некие лазоревые плюшки с мохнатыми ушками и... перепончатыми лапами. Теперь, как только ты согласишься – они есть! Они есть в нашем мире и уже влияют на него. Мы можем наделить их свойствами: скажем, им нравится, чтоб их приверженцы думали о них, и если завтра ты хоть раз вспомнишь... Это как «три ну» – оно есть, и его хрен сотрёшь. Мы чётко понимаем его значение, в нём есть сила, и, когда ты указываешь на какой-то поступок и говоришь это опять «три ну», мне сложно отмахнуться. То есть оно способно изменять мир. И так же с Богом, но в иных масштабах.

– Складно завернул... Но человек хочет Бога, который больше него самого, который живёт не только в его сознании.

– Да, вопрос таков: Бог есть только в моём уме? Если все люди умрут, останется ли Бог?

– И как по-твоему?

– Не знаю... не обижайся, но я сомневаюсь... Единственное, что достоверно: пока есть люди, есть Бог. Но ты права: в мире, где всё иллюзорно, хочется ухватиться за нечто абсолютное. Мы умрём, плоды наших стараний рано или поздно исчезнут, и так хочется иметь что-то, выходящее за рамки нашего мушиного роения... Но я не думаю, точнее, не вижу ничего, что бы на это указывало... Слишком удобно эта фантазия совпадает с нашими слабостями. Мой скептицизм бунтует и требует двойной осмотрительности. Уж больно заманчив самообман. А насчёт веры Неверия... я просто пытаюсь быть честен. Достоевский опасался, что без веры нет морали и всё дозволено. Но сегодня есть достаточно атеистов и агностиков, и мы

знаем, что это не так. Мораль свойственна человеку, для неё не нужен Страх Божий. Она даже у некоторых животных имеется... Не Бог вселил в нас мораль, а люди придали его философии моральные качества. Истинное чудо религии в провозглашении сверхличностных ценностей.

– Ладно, чудовище, я в курсе, что ты начитан. Но одно дело – верить в науку, а другое – не верить вообще. Вера в науку – это ещё нормально, наверное... Многие же вообще ни во что не верят.

– Не-не. Все во что-то верят. Не в науку, так в Пепси-Колу, в джинсы Кельвин Кляйн... или в бабло. Если уж не в Бога, то в бабло – кстати, тоже насквозь абстрактная штука... Ау, – окликнул я, заметив рассеянное выражение, – Майя, ты жива? Или я уже доконал тебя разглагольствованиами?

– Жива, жива, только есть хочу.

– Потерпи пять минут. В общем, мы занимаемся служением Богу науки, а вы говорите – богохульство, вы говорите – мы оскверняем... Ой-вей, вера разрушится. Вера во что? В святой крест? В косточку рудракши? Да, разрушится. Но вы же не за рудракшу, вы ж за Бога. А рудракша мешает к нему идти. Вы идёте, а тут трах – корова. И всё, вы останавливаетесь, и начинаются охи-вздохи. Мы, конечно, не предлагаем их прямо завтра порубать на котлеты, упаси Господи, но нельзя загромождать путь к этому самому Богу вашими святыми коровами.

– Смотри, кто-то не ест коров, кто-то к ним иначе относится.

– Да, кто-то не ест коров, но если этот кто-то возомнил, что то, что он не ест коров, делает его ближе к Богу, то этому «кто-то» нужен доктор.

– Да никто не думает, что он ближе. Не волнуйся.

– Учёный – он жрец! Жрец Бога науки, жрец законов природы. Он ищет, собирает по крупицам, а потом приходит и проповедует – он говорит: «Смотрите, я познал истину!» Научился у Всевышнего, и сделал... мм... ну, скажем, смартфон. Ведь это сущее чудо! В самых смелых фантазиях ещё лет пятьдесят назад мы о таком даже не мечтали. Пожалуйста, ходите по воде. Кому от этого хуже? Никому. Значит, будем ходить по воде и дальше искать Бога.

– Так Арик, по-твоему, жрец?

– Разумеется! Более того, истовый фанатик! Он забылся, запутался, где Бог, где его атрибуты, и разбивает лоб, кладя поклоны.

– Кстати, в оккультизме Ариэль – львиноголовый ангел, надзирающий за наказаниями грешников в аду. Он хочет, – хихикнула Майя, – чтоб вы сами их разбивали.

– Ага, автономно – по принципу самообслуживания. Но по сути Арик такой же, как ты, такой же, как я.

– А я что, тоже жрица?

– А кто? Ты же занимаешься духовным поиском. И потом, нарыв истину, приезжаешь и заливаешь её мне, да и не только мне, небось разливаешь направо и налево. Ты лидер, ты веришь и хочешь вести за собой. Кто же ты, если не жрица?

И ты, и я постоянно пытаемся проповедовать...

Тин-тин – прозвенело ласково снизу.

– А вот и рыба.

Глава 22

Никогда не встанут на колени,
даже если заберут их в плен,
гордые и смелые тюлени,
ибо вовсе нет у них колен.

Александр Македонский

После визита к директору в поведении шефа произошла перемена. Вылазки пошли на спад, что было как нельзя кстати ввиду приближения конференции и интеграции нового поколения сенсоров, подразумевающей настройки, проверки, калибровки и вновь проверки и перепроверки. И всё же полностью утихомириться Ариэль был генетически не способен и продолжал практиковать свои рейды, но уже без прежнего энтузиазма, а уныло и обречённо. Приготовления шли своим чередом, и моё внимание безраздельно сосредоточилось на этой цели. Выступить с презентацией продукта предстояло мне, и я не собирался позориться из-за придури моего неисправимого начальничка.

Но сегодня у Ариэля резкое обострение хронического недуга с маниакальными припадками и остальными характерными симптомами минотаврства. После того как в течение часа он четыре раза нагрянул в совершенно невменяемом состоянии, я решил, что пора менять тактику. Не желая откладывать начатый эксперимент, я ушёл ужинать, но, вернувшись, застал шефа по-прежнему в офисе.

Тогда я отправился прогуляться и, проходя мимо машины, обнаружил заднюю дверь незапертой. Забравшись внутрь, откинул сиденье и включил тихую музыку. Тем временем принялся накрапывать заунывный дождь, и я задремал под мерный шелест капель. Проснувшись, задраил Challenger и, подойдя к зданию, убедился, что в кабинете уже потушен свет. Взбежав по лестнице, провёл магнитную карту, машинально повторив это действие несколько раз, пока до меня не дошло – Арик запер компанию.

Все вещи, включая кошелёк, телефон и ключи, томились в офисном плену. Поначалу я даже не сообразил, как выпутаться из такой ситуации. Но потом вспомнил, что Зои подрабатывает барменшей в пабе неподалёку. Я отправился туда в надежде застать её или заполнить номер телефона.

В пабе, несмотря на будний день, было на удивление людно, но моей Амазонки нигде не наблюдалось. Протолкавшись к стойке, окликнул девушку азиатской наружности в смешной панамке, задумчиво поливающую струёй из крана большой

длинный нож, поворачивая лезвие то одной, то другой стороной.

– О-о, а ты, должно быть, Илья! – радостно защебетала она и протянула ладошку.

– А я Зоина соседка. Меня зовут Шисато Шиохара. Мы вместе живём. Хочешь подождать? Садись. Её пока нет. Ты ей звонил?

– Не, я мобильник посеял.

– А... Ой... Ну вот... А я звонила, но она не отвечает. Может, это у вас... хи-хи, – прыснула она, точь-в-точь как школьница из мультфильмов аниме.

Узнав, что я остался без денег и вообще без вещей, она нацедила мне пива и насыпала целую гору орешков. Через пару часов её смена закончилась, и, так как Зои ещё не появилась, Шисато предложила поехать дожидаться к ним домой.

В квартире, куда мы пришли, гостиной как таковой не оказалось.

– А-а... там комната Зои, – японка кивнула на одну из дверей в прихожей. – Не знаю... Давай, наверное, побудем у меня.

Она скинула панамку, включила компьютер и смахнула на пол наваленную на стуле одежду.

– Погоди, почту проверю, – бросила Шисато, высвобождаясь из браслетов, со звоном рассыпавшихся по столу. – Ты пока... это... располагайся, в общем.

Сесть было негде, и я принялся расхаживать, рассматривая детали интерьера. Ничего особо занимательного там не наблюдалось, кроме больших профессионально выполненных фотографий высокой девушки в строгом облегающем костюме.

– Это кто? – поинтересовался я.

– Эй, ты чего... – хихикнула она, – про меня не догадался?

Я пожал плечами.

– Это моя невеста, – просияла она от гордости, и мелкие странности в её поведении мигом встали на свои места.

Шисато уткнулась в экран, а я заглянул в приоткрытую дверь в противоположном конце комнаты. За ней находилось помещение, драпированное тяжёлыми полотнами глубоких золотисто-бордовых оттенков, со свисающими с потолка стилизованными кожаными ремешками.

- О-о! – не удержался я.
- А! Ой... – она изобразила лёгкое замешательство, снова в духе японских мультиков. – Ну... можешь посмотреть, если охота.

Внутри оказалась недурно обставленная БДСМ-комната. У входа удобно развешаны несколько видов наручников, ошейник, плётки, пару стеков и тому подобные аксессуары. Интересная у Зои соседка, – подумал я, подобрав валявшийся на полу кнут и похлопывая им по ладони. Впрочем, чего-то в этом роде можно было ожидать. Я остановился у добротного косоного креста с креплениями для запястий и лодыжек, в верхней части несколько отходившего от стены.

- Ауч... – войдя, Шисато задела табурет с круглым отверстием. – Будешь есть? Могу что-нибудь сварганить. Уф, сама ещё с утра ничего не кушала.
- Видела? У тебя тут проблема.
- Знаю, – она приблизилась, потирая коленку. – Надо бы починить, да вот...
- Это небезопасно. Могут пострадать люди, – усмехнулся я, осторожно пошатывая плохо закреплённый агрегат. – Женщины! Могут пострадать женщины!

Отмахнувшись, она заковыляла обратно, охая и поглаживая ушибленное место.

- Слушай, а... инструменты есть? Попробую починить, пока ты там...

Шисато немного подумала и поманила за собой. В комнате Зои она уселась на пол и стала выволакивать из-под кровати объёмистый пластиковый чемодан, оказавшийся профессиональным столярным комплектом.

- Осталось от... – неуверенно прокомментировала она, – в общем, осталось.

Пока она возилась на кухне, я покопался в кейсе, где обнаружилось всё необходимое, и взялся за работу, наконец найдя, чем заняться после долгого вечера неприкаянности. Освободил хлипкие крепления, отставил крест в сторону и принялся углублять отверстия в стене.

Одно из наиболее любопытных открытий, сделанное в процессе экспериментирования с БДСМ-играми, было то, что настоящее наслаждение получает тот, кто подчиняется. Контролирующий остаётся трезвым и осознанным, и его задача вывести партнёра за привычные пределы.

По существу, имеются два типа сценариев: где контролирующий, тонко чувствуя партнёра, воплощает его сокровенные фантазии, или когда дразнит, заставляя

делать обратное, с отдушинами того, чего хотелось бы ведомому, тем самым всё больше распаяя его за счёт наращивания предвкушения. Для этого требуется открытость и раскрепощенность, а главное – чуткость и внимательность.

В физическом плане не обязательно должно происходить нечто неординарное, вся фишка в тайминге – в правильном ритме прикосновений, и ещё важнее – пауз, оставляющих место воображению. Как раскачивая маятник, в нужный момент прикладывается точно выверенное воздействие и постепенно достигается высшая точка. И в ней, умеючи, можно удерживать партнёра сколь угодно долго, и, в конце концов, он забывается и растворяется без остатка. Мир замирает и останавливается. Наступает состояние невесомости. Это и есть истинный пик наслаждения, далеко выходящий за рамки физических ощущений. Тут начинается самое интересное, ибо в этот момент доминирующий управляет уже не телом или разумом, а держит в ладонях душу, суть, трепещущее сердце партнёра и может вести его куда угодно.

Тизинг, не в пример лучше монотонного елозинья туда-обратно, позволяет нагнетать сексуальный накал и держать ведомого в высокой фазе возбуждения. Во многом он основывается на взаимности и знании граней и границ. Его воздействие приходится на фантазию. Фантазия ярче, красочней и действует мощнее, чем что-либо иное, и, когда на пике она сливается с реальностью, происходит короткое замыкание.

Существует множество техник достижения этой цели, как сенсорные депривации, простейшая и наиболее эффективная из которых – депривация зрения. В отсутствие визуальных впечатлений чувства обостряются, воображение высвобождается, и каждая интеракция ощущается интенсивней, непредсказуемей и потому более обжигающей.

Вокруг этого наворачена ещё куча всего, но суть остаётся той же: подчинённый должен находиться в постоянном предвкушении, томясь и изнывая, и, одурманенный нарастающим желанием, постепенно войти в состояние транса, наваждения и забытья... В возможности дарить это переживание и заключается роль, кайф и счастье доминирующего. А помимо прочего, обе стороны переходят множество внутренних барьеров, что само по себе интересно и доставляет утончённое наслаждение. Это здорово и в то же время очень непросто, и требует много заботы, терпения и понимания.

Покончив с отверстиями, вставил дюбели, водрузил обратно крест и стал вгонять шурупы креплений. Когда я уже почти управился, Шисато принесла панкейки с ягодами и сиропом.

- Ой, класс! Шикарно! – она хотела хлопнуть в ладоши, но передумала, уловив мою ухмылку. – Спасибо!
- Теперь сможешь... – из деликатности я решил не завершать фразу. – Короче, твоей невесте понравится.
- А давай... – Шисато смутилась. – Давай попробуем?
- Что попробуем? – подозрительно уточнил я.
- Да ну тебя! Я только посмотреть. Пристегни меня на секунду.

Она стала у креста, нагнулась, зашнуровала поножи и, закинув руки, нетерпеливо мотнула головой. Помедлив, я закрепил наручники на запястьях. Вертясь и изгибаясь, чтобы получше на себя наглядеться, Шисато лучилась улыбкой озорной старшеклассницы. Ещё раз осмотрев крепления, я принялся складывать инструменты.

- Что за... – внезапно раздаётся за спиной гневный окрик. – Совсем охуел?!

Я оборачиваюсь, сжимая в руке беспроводную дрель-шуруповёрт.

- Зои... – начал было я.
- О, Зои! – радостно визжит Шисато. – Где ты пропадала? Весь вечер не могу дозвониться!

Медля, словно пантера перед прыжком, Амазонка стоит на пороге, воинственно сверкая глазами, и на губах её бродит коварная улыбка.

- Зои! Да ты чего?! – верещит Шисато. – Он же к тебе! Я только...

Зои быстро пересекает комнату и со словами:

- А с тобой, маленькая шлюшка, я разберусь позже.

Вопреки отчаянному сопротивлению, напяливает на неё намордник и заталкивает в рот пластиковый шарик кляпа.

- А-айм... Но-о... – мотая головой, мычит Шисато Шиохара.

Танцующей походкой Зои обходит помещение, останавливается у табурета и, полюбовавшись трогательным панкейковым натюрмортом, подхватывает баллончик со взбитыми сливками, затем подмигивает мне и вызывающе покачивая бёдрами направляется обратно к распятой жертве.

– Зо-оы Хы-ы из... Но-о... – продолжая биться, блеет Шисато Шиохара.

Приблизившись вплотную, Зои мучительно долго рассматривает эту пантомиму, потом встряхивает баллончик и методично запшикивает лицо Шисато белой пеной в несколько слоёв. Японка визжит и отфыркивается. Хлопья пены падают ей на грудь и с неё на пол. А я, сжимая дрель, наблюдаю эту вакханалию и ожидаю своей участи.

– Вуманайзер³⁰ хренов, – разделавшись, зловеще цедит Зои, наступая на меня. – Что, другой пизды не нашлось?! А?! Те чё, тёлка в Калифорнии мало? Я, конечно, понимаю – свободные отношения и всё такое! Но скажи, дорогой, тебе непременно нужно отыметь мою соседку? Лесбиянку?! У меня дома?!

– Зои-Зои! – повторяю я, отступая и пытаюсь придать голосу предостерегающий тон.

Зои взмахивает баллончиком, я вскидываю руку, чтобы защититься, и в следующий момент меня сгибает ошеломляющей вспышкой боли в паху. Дрель падает на пол, и за ней со стоном оседаю я – сначала грохаюсь на колени, а потом валюсь на бок.

Амазонка стоит надо мной, поигрывая баллончиком. Я гляжу на неё снизу вверх, стиснув зубы и стараясь выть не слишком жалобно. Зои приседает на корточки и пристально наблюдает, как недавно рассматривала Шисато, уже прекратившую трепыхаться и лишь тихонько поскуливающую. Затем Зои выдувает жемчужную пену на точёную ореховую ладонь и одним движением слизывает сладкий шарик.

– Мм-м... вкуснятина, – шепчет Зои, чувственно облизываясь.

Она резко встаёт, переступает через меня и выходит. Слышится грохот двери и ритмично удаляющиеся шаги по лестнице. А я так и лежу, прикрывая пострадавшее место и зажмурившись от вновь и вновь накатывающих приступов нестерпимой боли.

* * *

Наутро я пребывал в подавленном состоянии. Дело было не только в отвратительном разрыве с Зои, – вечером улетела Майя, и, несмотря на все усилия, ни свыкнуться, ни примириться с этим никак не удавалось. Сосредоточиться на работе тоже не получилось, и я уехал раньше обычного. Арика не было, и, запирая

---

³⁰ Womanizer – бабник, ловелас.

компанию, я тешил себя надеждой поквитаться с ним за вчерашнее, что несколько притупляло общую угнетённость. Однако, когда добрался домой, снова навалилось отчаяние, и я бесцельно слонялся, бередя душу воспоминаниями и тщетными грёзами о том, как всё могло сложиться иначе.

К тоске расставания примешивалось всегда незаметно присутствующее где-то на фоне, но остро ощутимое сегодня чувство тревоги. Как ни сложно, приходилось признать: я переживаю за неё, одиноко странствующую в чужих, далеко не самых благополучных странах. Майя стала колкой и независимой, но под этой скорлупой жила всё та же взбалмошная девчонка с задорной, чуть застенчивой улыбкой и выкрашенными в красный цвет волосами, так бесившая меня в начале нашего знакомства.

Это сочетание беззащитности и безоглядной решимости отзывается щемящей мукой и жгучим желанием её спасти. Спасти от этого мира, который она, как и я, чувствует слишком пронзительно, будто у неё нет кожи и всё тело покрыто воспалёнными нервными окончаниями.

В её душе гудит колокол. Одиноко гудит в пустоте, и я, кажется, единственный, кто отчётливо его слышит. Этот голос созвучен мне, как ничто иное. Он звонит по мне.

Как долго казалось, что я всё-таки смогу помочь ей и, возможно, сам обрету утраченную целостность, а может, и нечто большее... Но я знаю: это мне не дано, я никого не спасу и не сумею ничего изменить. Я тратил и продолжаю тратить свою жизнь впустую. Мне не под силу избавить её от страданий, защитить, уберечь от неумолимой жестокости окружающего, но сейчас я могу отогреть её. Обнять, приютить, укутать, чтобы она оттаяла от нескончаемых скитаний. И хоть на время утолить скорбь, затаившуюся в глубине её глаз под вуалью отрешённости и азартом бесстрашной странницы.

Но настаивать или уговаривать остаться – бессмысленно. Ничего путного не выйдет. Не тот случай... И невесть откуда всплывает давно затерявшийся в закоулках памяти вечер. Стылый ветер клонит сухую траву, ворошит и шуршит зарослями терновника на обрывистом склоне. Майя зябко ёжится, но она не тронется с места, пока не научит меня растворять облака. Её брови нахмурены, а взгляд устремлён на лохматую тучу.

– Майя, – шепчу я, – может, выберем облако поменьше? Ты же вся продрогла.

Майя упрямо качает головой, возвращается к туче и, нахохлившись, надолго замирает. Не смея нарушать её сосредоточенности, я пялюсь на этот продукт

конденсации водяного пара, в надежде хоть как-то поспособствовать... хотя, какой из меня помощник в таком деле...

Решив провентилировать тоску свежим воздухом, выхожу из дома, минуя каменистую осыпь, спускаюсь к воде и плетусь, шаркая подошвами, вслушиваясь в шелест песка и монотонные всплески прибоя. Вдоль берега тянутся шеренги столбов, на которые крепятся солнечные зонты. По вечерам бриз усиливается, полотняные купола снимают и остаются вкопанные в землю обрубки полутораметровой высоты, сиротливо торчащие нескончаемыми рядами. Я бреду среди них, слегка прихрамывая после вчерашнего, пропитываясь шумом ветра и шёпотом океана, лижущего солёной пеной мокрую кромку суши.

Постепенно различаю, что к шороху ветра то и дело примешиваются протяжные чистые звуки. Сперва ничего не разобрать, но вот тихое, как стон, гудение раздаётся издалека, а потом с другой стороны вторит долгий, низкий, вибрирующий вой. Настороженно прислушиваюсь и улавливаю всё новые и новые ноты. Звуки диковинно сплетаются с порывами колючего бриза, вторя и перекликаясь с ними. Уловив чёткую ноту, быстро шагаю в её направлении, но она умолкает задолго до моего приближения. Новый вздох слишком тих и тонет, прежде чем удаётся сфокусироваться.

Бестолково верчусь на месте, но вижу лишь ряды столбов. Трясу головой, отгоняя наваждение. Вдруг откуда-то слева вновь доносится негромкий, но отчётливый свист. Осторожно крадусь к нему, источник смещается. Ветер на мгновение затихает, я тоже замираю и жду. Новый порыв и новое жалобное завывание. Я резко оборачиваюсь. Исходя со стороны соседнего столба, звук подрагивает вокруг глубокой протяжной ноты. Иду навстречу, и он усиливается. Приблизившись, понимаю, что гудение льётся от самой металлической опоры. Она поёт, задумчиво и печально отзываясь на танец потоков воздуха.

Присмотревшись, соображаю, в чём дело: в верхней части железной трубы расположен ряд отверстий для фиксации несущего зонт стержня. Воздух, обтекая полый цилиндр, создаёт вибрацию и рождает низкие подрагивающие тона, отдалённо напоминающие флейту. Я вслушиваюсь в мелодию ветра, песка и моря, в которую вплетаются тоскливые и прекрасные звуки. Весь берег, словно гигантский орган, переливается в ночной тиши, опустошающей душу гармонией. И на глаза наворачиваются слёзы, потому что этого для меня слишком много и не с кем разделить неизъяснимую красоту.

Постепенно все чувства выветриваются, и внутри воцаряется тишина. Я прощаюсь с поющими столбами и иду домой. Возвращаюсь далеко за полночь и падаю в

кровать. Уснуть не удаётся, я долго ворочаюсь, пытаюсь отогреть пальцы. Зимой от одиночества постоянно мёрзнут ступни ног... Встаю, спускаюсь в гостиную и закурываю косяк – моё ультимативное лекарство, сомнительная панацея от жизненных невзгод. Заторможенно сижу, уставившись в одну точку и со смешанным чувством тоски и обиды думаю, что Майя могла бы хоть позвонить перед отъездом... Наконец стряхиваю оцепенение, тащусь наверх, валюсь в постель, сворачиваюсь и незаметно засыпаю.

Снится один из моих навязчивых сюжетов: я пробираюсь мрачными обшарпанными развалинами, зарослями, спёртыми склизкими катакомбами, слепыми проулками вглубь неприятельской территории. Нас мало, мы разрознены. Связь прерывиста, нестабильна. Мы крадёмся, подолгу затаиваясь, прикинув к сырой земле и напряжённо вслушиваясь в глухую мглу. Противника не видно, но его присутствие ощутимо и нарастает с каждым неловким шорохом, хрустом сучьев и скрежетом битого стекла под жёсткими подошвами.

* * *

С треском распаивается балконная дверь, я подскакиваю и ошарашенно пялюсь на то, как знакомый силуэт, путаясь в занавесках, вваливается в комнату.

- О! Здорово, Челленджер. Что, не спится?
- Майя?!
- Какой-то ты квёлый, не рад меня видеть? – Она пересекает спальню и останавливается у двери.
- Что происходит?
- Решила сделать романтический сюрприз! – усмехается Майя при виде моей заспанной физиономии.
- Что стряслось? Ты не улетела?
- Рейс перенесли. Вот подумала зайти на прощанье, тем более компания тёплая подобралась. Вижу, ты не теряешь вкус.

Пошвырившись этими невнятными репликами, она разворачивается и начинает спускаться по лестнице.

- Майя, ты чего? Какая компания?
- Встречай гостей! – доносится снизу. – Как, блин, тут открывается...

Выползаю из кровати и озираюсь в потёмках, отыскивая что бы напялить на голую задницу. Штанов в пределах досягаемости не обнаруживается. Я присаживаюсь на край матраса и принимаюсь массировать гудящую голову, но в этот момент с

лестницы раздаются приглушённые голоса и стук каблуков.

Я вскакиваю, едва успеваю опоясаться одеялом, как на пороге возникают два силуэта. Щёлкает выключатель, меня ослепляет нещадным светом. Сморщившись и придерживая норовящее соскользнуть покрывало, я тупо пялюсь на растерянно замерших Джейн и Келли.

Воцаряется убийственная тишина.

– Проходите, девочки, – опомнившись первым, произношу я небрежным тоном, – раздевайтесь!

– Ах ты дрянь! – взрывается Келли. – Сволочь! Подонок! Ничтожество!

Сквозь ненависть в её голосе прорываются плаксивые нотки. Майя весело дирижирует в такт выкрикам, а Джейн, не реагируя на происходящее, рассматривает помещение, будто находится тут впервые.

– Сукин сын! Скотина! Урод! – горланит Келли.

– Что новенького? – светским тоном осведомляется Майя, когда та на миг умолкает, захлебнувшись гневом. – Как дела на работе?

– Да, знаешь ли... всё штатно, – я спешу ухватиться за конструктивную ноту. – По чётным дням – спасаем человечество, по нечётным – собачимся с начальством. Как-то так... Вот, конференция на носу.

– А почему ты один? Мы думали застать тебя...

– Майя! – одёргиваю я.

– Как поживает Ирис? – как ни в чём не бывало продолжает она.

– Ирис?! – взвизгивает утихомирившаяся было Келли. – Какая ещё Ирис?!

Оглянувшись на соратниц, Келли начинает медленно надвигаться на меня.

– Кто такая Ирис?! – сдавленно сипит она.

– Вот-вот, Джейн, ты ж тоже хотела побольше узнать об Ирис, – подливает масло в огонь Майя. – Илья, мы заинтригованы. Расскажи-ка, как там она?

Выпустив объёмистый пакет, Келли хватает мой лэптоп и угрожающе заносит его, то ли для удара, то ли для броска. Воспоминания о вчерашнем ещё болезненно свежи, и, не горя желанием проверить, что именно она выберет, я опасливо пачусь, путаясь в одеяле.

– Майя, прошу, оставь Ирис в покое.

– Ладно, оставим пока твою Ирис.

- Ирис не моя, – уточняю я как можно более спокойно. – Мы вместе работаем.
- Ах, работаете? И над чем же вы... – взмахивая ноутбуком, Келли делает очередной шаг, заставляя меня отступить вплотную к стене.
- Кел, не стоит разбрасываться электронными приборами, – примирительно произносит Майя, – мы против телесных увечий. Отложим обсуждение Ирис. Нет так нет. Можно и без Ирис.
- Я так и думала... – выдыхает Келли.

Потрясая ноутбуком, она озирается, и, немного помешкав, швыряет его в сторону кровати. Тот с хрустом ударяется о стену и падает на мягкую подушку.

- Мне никогда не импонировала эта фотография, – невпопад отчебучивает Джейн, с отсутствующим видом глядя на постер абстрактного содержания.

Все с минуту изучают уже не раз виденную над изголовьем кровати репродукцию из нью-йоркского музея современного искусства.

- Вот, девочки, полюбуйтесь на своего рыцаря. Это и есть то счастье, по которому вы сохнете? – участливо вопрошает Майя и продолжает, обернувшись ко мне: – Что ж, прелюдия затянулась. Одевайся, герой-любовник, оргии не предвидится. Может, предложишь чаю? Мы всё-таки к тебе в гости пришли.
- Давайте я сделаю, – неожиданно вызвалась Келли. – Кто ещё будет?
- Не откажусь, – тут же соглашается Майя. – Посидим, чайку попьём, заодно во всём разберёмся.
- А ты, Джейн?

Высказавшись на тему авангардного искусства, Джейн отошла к окну и смотрит вдаль, будто ничего не слыша.

- Я бы тоже от кофе не отказался, – осторожно роняю я.

Келли выходит, не достаивая меня ответом. Помедлив, Джейн следует за ней.

- Крепись, Челленджер, – многообещающе подмигивает Майя, окончательно входя в образ Фурии, – до рассвета ещё далеко.

Я наспех одеваюсь и спешу вниз. Келли уже орудует на кухне, а Джейн дефилирует вдоль полка с книгами, выставленными в гостиной, дабы продемонстрировать всем любопытствующим необъятную широту моего кругозора.

- Итак, вы зачем, собственно, пожаловали? – спускаясь по лестнице, я застёгиваю

на ходу рубашку. – Я, конечно, счастлив видеть вас вместе, особенно в три часа ночи, но с какой радости мне такая честь?

Майя снисходительно усмехается моей попытке обрести контроль над ситуацией. Джейн наклоняется и, отодвинув увесистый том Шопенгауэра, извлекает потёртую книгу «Легенды и мифы Древней Греции».

Устроившись в кресле, она раскрывает наугад и принимается читать вслух: «Быстро схватил Персей голову Медузы и спрятал в чудесную сумку. Извиваясь в судорогах смерти, тело Медузы упало со скалы в море. От шума его падения проснулись сёстры Медузы – Стейно и Эвриала. Взмахнув могучими крыльями, они взвились над островом и горящими яростью глазами смотрят кругом. Горгоны с шумом носятся по воздуху, но бесследно исчез убийца»...

– Давайте только без Греции, – простонал я. – У меня и так постоянная Греция на работе.

– Обычная история, – восторгалась Майя. – Все они, Персеи, одинаковые. Появляются из ниоткуда, достанут даже на острове, не успеешь оглянуться, как ты уже без башки и ничего не видишь вокруг. А они, словно так и надо, ещё и тащат куда-то.

– Пока другую не встретят, – поддерживает Келли.

– А наш тащит, даже если встретит. Как вам втроём в одной чудесной сумке? – всё больше воодушевляется Фурия. – А знаете, как он это называет?

– Майя, не надо, – спешу вклиниться я.

– Троебабие, – припечатывает Майя.

– Что?! – раздаётся из кухни.

– Модель тро-е-ба-би-я, – нараспев повторяет Фурия.

– Сво-о-олочь!

Я оглядываюсь на Келли, и очень кстати: мне с трудом удаётся увернуться от летящего стакана. Споткнувшись, чуть не падаю и еле успеваю отпрянуть от нового метательного снаряда, вдребезги разбивающегося о стену рядом с моей головой.

– Это прозрачный намёк, – кивая на осколки, назидательно произносит Фурия, – на то, что не всем в твоей модели так уж уютно. Самое время задуматься, Персей ты или не Персей.

– Да, признаю, я не Персей, – киваю я. – И никого никуда не тащу и не тащил. Свободные отношения – без обязательств. Мы открыто обсуждали. Никто. Никому. Ничего. Не навязывал. Всех всё устраивало.

Вместо ответа ещё один объект, на сей раз – чашка, перемещается по траектории:

кухня – моя голова – стена – пол.

– Ну как, теперь понял, что заблуждался, или нужны ещё доказательства? – проследив за полётом, осведомилась Фурия.

В подтверждение мимо тут же просвистели две большие тарелки.

- Кел, такими темпами посуды не останется, побереги на десерт.
- Тут ещё полно! И потом есть ножи и вилки.
- Не увлекайся, – урезонивает её Майя.

Вскоре Домохозяйка приносит чай и ставит по чашке рядом с Майей и Джейн. Я выжидаю несколько секунд, потом иду на кухню, плеснув себе виски, залпом выпиваю и, прихватив стаканы, возвращаюсь в гостиную. Майя и Джейн от спиртного тоже не отказываются, и, налив по порции, я приземляюсь на безопасном расстоянии от их буйной подельницы, но не успеваю сделать пару глотков, как раздаётся звонок моего телефона.

- О, кто же эта прекрасная незнакомка, истосковавшаяся по нашему Персею? – оживляется Майя.
- А... это мой неугомонный начальничек, – морщусь я, глянув на экран.

Звонок обрывается, однако через полминуты телефон начинает трезвонить снова. Так повторяется три раза подряд.

- Алло? – устало отзываюсь я.
- Алло, Илья? Это Ариэль.
- Да я так и понял.

Минотавр принимается долдонить про запертую компанию, про ключи, про Ирис, которая живёт неподалёку, и про то, что я должен немедленно с ней связаться.

- Ты что, хочешь, чтобы я будил Ирис посреди ночи?! – нетерпеливо прерываю я.
- Ирис?! – вопит Келли, хватая бутылку с журнального столика и начиная замах. Я спешно вырубая мобильник. – Враль! Самец! Ни на минуту не способен отвлечься от своих баб.
- Так как, будем будить Ирис? – Фурия поигрывает отобранной бутылкой.
- Майя, хватит уже, – взмолился я. – Достаточно.
- Отчего же? Мы не вправе лишать Ирис такого удовольствия. Девочки, хотите познакомиться с Ирис? Уверена, она будет рада примкнуть к нашей славной...
- Ирис никак к делу не относится. Ирис – это работа, а не игрушки. Я не завожу

интимных отношений с коллегами!

– К какому делу? – очнулась Джейн.

– Ах, а я, значит, для тебя игрушка?! – вновь активизируется Домохозяйка.

Я обречённо вздохнул, поднялся и прошёлся по комнате.

– Так, девушки, время позднее, как бы ни было приятно ваше общество, пора закруглять этот импровизированный митинг воинствующих феминисток. Голливуд неподалёку, думаю, там гастроли с этим вашим концертным номером будут куда как уместней.

– Без тебя нам никак, – парирует Майя. – Разве что ещё за какой-нибудь твоей подружкой заехать... А где, кстати, обретается Ирис? Может, и её прихватим.

– Ирис – это работа. Ра-бо-та. Майя, мы же договаривались её не впутывать.

– Вообще-то, я с тобой ни о чём не договаривалась. Но... так уж и быть.

– Благодарю, – кланяюсь я. – Девушки, серьёзно, мне рано вставать. Спасибо вам, было очень занимательно. Заходите ещё.

– Ненавижу тебя! – выкрикивает Домохозяйка, ринувшись к двери.

– Кхм... Ты пакет забыла, – напомнил я.

Она оборачивается, обжигает меня презрительным взглядом, и я запоздало жалею, что не промолчал.

– Гад, гад... – бормочет Келли, топая по лестнице. – Как же я...

Вскоре она появляется, сжимая в одной руке злосчастный пакет, а в другой – подозрительно дымящегося плюшевого бобра. Спустившись, она кидает его на кресло, и обивка тут же принимается тлеть, отвратительно чадя.

– Тут всё, что от тебя осталось, – мстительно скрежещет Келли, высыпая туда же содержимое мешка: забытую мной рубашку и какие-то мелочи.

– Ой, а у меня такой же, – вздыхает Джейн, замороженно наблюдая за разгорающимся пламенем. – Он подарил мне на День влюблённых.

– Какой День влюблённых?! Приди в себя! – не выдержал я. – Мы осенью познакомились.

– Разве это существенно? – вяло отзывается она. – Просто «День влюблённых» звучит трагичней.

Я развожу руками, не зная, что противопоставить такой логике.

– Никакой фантазии, – язвительно констатирует Майя. – Уверена, и с Ирис без бобра не обошлось.

- Ты что, издеваешься? – снова заводится Келли. – Это мерзко. Так меня ещё никто не унижал! Не мог выбрать личный сувенир? Всем раздал одинаковые?
- Вы что, совсем рехнулись? – ору я, теряя самообладание.

Банда бобров ядрёной расцветки была всучена мне пару лет назад знакомым горез-бизнесменом, чьи предпринимательские замыслы ничем не увенчались, а остатки товара так и валялись у приятелей.

- Ни хрена я никому не дарил. Вы ж сами их выпросили! Вот вам и одинаковые бобры!

Но озверевшая Домохозяйка уже ничего не слышит. Проществовав на кухню, она принимается методично извлекать недобитую посуду и мрачно, без прежнего воодушевления, крушить её об пол. Тем временем комната заполняется едким дымом и запахом гари, но я не спешу переключаться на тушение пожара, опасаясь упустить из виду беснующуюся Келли. Впрочем, кухонная утварь вскоре заканчивается, она обводит опустошённым взглядом плоды своих стараний и удаляется, сохраняя гробовое молчание.

Я принимаюсь метаться, выискивая уцелевшую ёмкость, чтобы набрать воды для ликвидации источника возгорания. За спиной слышится шипение, оборачиваюсь и вижу, как Майя поливает кресло минералкой. Она опорожняет одну бутылку за другой, пока кресло полностью не пропитывается влагой и вокруг не образовывается лужа с разводами сажи и обрывками обугленной ткани.

- Красиво горело... – траурно произносит Джейн в пространство.

Мы с Майей переглядываемся. Она качает головой, намекая на мой незаурядный талант в выборе женщин.

- Я, между прочим, зашла сообщить, что у меня появился молодой человек, – бесцветно вымолвила Джейн, наблюдая, как падающие хлопья пепла растворяются в мутном болоте. – Прощай, милый.

Она отворачивается и идёт к выходу, осторожно переступая через осколки. На этом дебош заканчивается, и мы остаёмся одни. Майя растерянно оглядывает разгромленное помещение.

- Ну что, Майечка? Довольна? – утомлённо усмехаюсь я. – Почудила на славу?
- Погоди, кажется, сверху ещё тянет гарью.

Я ввинчиваюсь по лестнице и обнаруживаю, что Келли подожгла кровать. Но полусинтетические простыни горят плохо, и, кроме тучи дыма, не представляют реальной опасности. Спихнув разбитый лэптоп, переворачиваю матрас на каменный пол и, убедившись, что огонь задохнулся, плетусь вниз.

– Мне пора, – тускло говорит Майя. – Открой окна, пусть проветрится...

У двери она застывает в нерешительности, будто собираясь что-то добавить, но, помедлив, так ничего и не произносит. По её лицу пробегает тень, Майя смущённо улыбается и уходит.

Я опускаюсь на чудом уцелевший диван, а в перекрестье окна, вспучившись грязно-багровой зарёй, набухает новый день...

Глава 23

Луна двурога.
Блестит ковыль.
Бела дорога.
Летает пыль.

Андрей Белый

Я ехал на работу, подводя удручающие итоги минувшей ночи. На фоне маячила конференция, до отлёта – меньше двух недель, а интеграция новых сенсоров ещё не окончена. Не предвещавшая осложнений рутинная процедура затягивалась и не давала приступить к массе других срочных задач, связанных с поездкой и презентацией.

Но наличие трудностей даже радовало. Я спешил окунуться в них и поскорее выкинуть из головы всех этих Зой и Домохозяек, с которыми, как водится в отношениях с женщинами, о чём бы ни договаривался, в любом случае останешься в дураках и кругом виноват.

Прибыв в офис, я наскоро разгрёб результаты и, поколебавшись, решил прекратить затянувшиеся разборки с Ариэлем и попросил его перепроверить характеристики сенсоров. Шеф потёр набухшие мешки под глазами и злобно осведомился, почему он узнаёт об этой проблеме только сейчас. Его недовольство было вполне понятным. Но это были очередные новые датчики, которые прибыли с большим опозданием, и я не мог заранее откалибровать систему под их характеристики.

Надо отдать ему должное, напоминать обо всём этом не пришлось, он выхватил распечатки и погрузился в их изучение. Я принялся сопоставлять противоречивые случаи, пытаюсь обнаружить закономерность в с виду разрозненных, но в чём-то несомненно взаимосвязанных явлениях.

Сквозь поток хаотичных чисел вновь и вновь прорывались мысли о Майе. Её выходка никак не укладывалась в голове. К чему было устраивать прощальный погром? Как, вообще, это понимать? Банальная ревность или нечто большее... Вероятно, она придумала некую высокую цель. Скажем, избавить меня от бремени ложных связей... С неё станется... Не исключено, что она тоже по-своему хотела меня спасти. Разорвать порочный круговорот. Помочь совершить поступок, на который я, в силу малодушия, уже не способен.

Конечно, она права. Но что остаётся, если я ощущаю себя на борту затерявшегося

в штормящем море потрёпанного судёнышка, где еле успеваю латать новые и новые пробоины? И тут уж не до сантиментов, я затыкаю их чем придётся: полуправдами, «белой» ложью, обманом, сделками с совестью, ухищрениями и отмазками... С годами они наслаиваются, и, несмотря на растущее безразличие к окружающему, я в конце концов захлебнусь в этом океане вранья, если во мне ещё остался тот, кто не способен этим дышать. Или его давно нет, а чувство смутной тоски и привычное желание вырваться на некую свободу есть не что иное, как очередной самообман? Психозащитный механизм? Фантомная боль? Ведь всё кажется, что ещё одна ничтожная ложь, ещё один компромисс, заключённый где-то в дальнем чулане сознания, и удастся выпутаться, выбраться из непролазной трясины... Но куда? И кто вырвется?

– Всё нормально, – Ариэль бросил на стол кипу уже порядком измятых листов, – не вижу значительных отклонений.

– Ясно, – я кивнул, машинально отметив, что прошло меньше часа.

– Ты разобрался, в чём дело? Есть какие-нибудь новости?

– Не... Пока нет.

– Что, никаких зацепок?

– Да нет... – я заставил остановиться теснящуюся перед глазами череду чисел. – Не то что совсем никаких, ты же понимаешь: если дело не в сенсорах, значит, в настройках. Придётся перебрать массу вариантов. Дай мне время до конца дня, там видно будет.

– Знаешь, есть идея получше. Попробуй прогнать вот это. – На стопку бумаги легла флешка. – Результаты из больницы.

– Как из больницы? – растерялся я. – С новыми датчиками? Откуда?

– Не хотел тебя отвлекать, сделал сам на прошлой неделе.

– То есть как «сам»? – продолжал недоумевать я. – А алгоритм, а параметры... Ты заказал опыт и поехал без меня? С некалиброванной аппаратурой?

– Это необработанные данные. Тим установил эквизишн, и я произвёл пару измерений в конце чужого опыта. – Он заговорщицки подмигнул. – У меня немало полезных связей, среди них – несколько врачей и анестезиологов.

Я оглянулся на Тамагочи, вернувшегося незадолго до прихода начальника и по обыкновению сразу уткнувшегося в экран. После упоминания своего имени он, казалось, напрочь забыл о намерении изображать безразличие и буквально ел Ариэля взглядом.

– Постой-постой... – спохватился я. – Всё это очень хорошо, но в буклетах указано, что мы будем демонстрировать эксперимент в реальном времени.

– Так это гораздо круче – не просто аквариум, а среда, максимально приближенная к действительности.

- Да, но фокус же в том, чтобы всё происходило у них на глазах.
- Ничего. Обработай, проверь, я раздобуду необходимые медицинские снимки и посмотрим.

Неужели они действительно стали мутить опыты за моей спиной? Я приступил к обработке и вскоре получил вполне стабильные результаты, с чёткими, ярко выраженными деталями, какие нечасто встречаются в нашей практике. Кроме того, оптимальные параметры оказались на удивление близки к применяемым для старых сенсоров. Это не вязалось с прежними наблюдениями, и я взялся за анализ выборочных точек.

Когда на покрытом сеткой уродливых трещин экране начали выстраиваться графики, голос Ариэля вернул меня к действительности. Я поспешил поделиться сомнениями, но он отмахнулся, заявив: дескать, нет причин для тревоги – характерное смещение частот в живой ткани давно известно.

- Арик, давай я лучше продолжу тюнинг.
- Не время затевать научные изыскания, – нетерпеливо отрезал он. – Можем попросить Тима пересмотреть заново и выслушать ещё одно мнение.
- Но опять же, это не режим реального времени...
- А кто виноват?! Ты два месяца хвастаешься, что всё готово, – в его тоне прорезался металл, – а теперь признаёшься, что это не так? Я дал тебе решение, скажи: «Спасибо»! Я не позволю до последней минуты ковыряться в параметрах. Презентация недоделана, оформление...
- Да презентация почти готова! Добавлю потом пару графиков. Дай мне работать, и я всё налажу.
- Значит, так: в твоём распоряжении два часа, потом ты сворачиваешься, и едем с тем, что есть. Тим, – продолжил он, – зайди ко мне в кабинет.

Двухчасовая подачка только злила. Впрочем, вскоре в глаза бросилась характерная особенность, полностью поглотившая моё внимание – в спектральной репрезентации присутствовали два ярко выраженных пика, будто у новых сенсоров имелось две близкие собственные частоты. Теоретически такое было возможно, но встречаться с подобным явлением прежде не доводилось. Кроме того, один из двух «горбов» подозрительно напоминал старые датчики, что объясняло, почему наилучшие результаты получались именно с теми параметрами.

Неужто Арик отобрал удачные случаи из прошлых экспериментов и просто усилил частоты в типичном для новых сенсоров диапазоне? Верить в это не хотелось, и я наваял простенький поисковик, сравнивающий информацию с базой данных.

В этот момент снова ворвался Ариэль.

- Слушай, что ты мне подсунул? – перебил я с ходу начавшиеся настырные требования. – Давай начистоту: не было никакого опыта ни в какой больнице.
- Что ты такое несёшь? – скривился Ариэль.
- Именно то, что ты слышишь. Скажи лучше: где ты это надыбал?
- Тим, ты сделал, что я просил?
- Всё готово, – отрапортовал Тим.
- Великолепно! Твои соображения?
- Существенных отклонений не обнаружено, – вскочив, Тим расправил плечи и, кажется, даже стал на пару сантиметров выше. Это был уже не Тамагочи, а Тим Могучий, грозный и ужасный Тим! – Напротив, налицо все признаки валидности. Естественно, местами присутствуют локальные аномалии, в совокупности не выходящие за...
- Ты издеваешься?! – Прервав его, я обратился к начальнику: – Думаешь, я не понимаю, что происходит?

На шум пришёл Стив и остался в дверях.

- Два человека говорят тебе... – продолжал напирать Минотавр.
- Ага, будто мы не знаем, что Тим с готовностью озвучит любую твою прихоть. Для кого устраивается этот театр?
- На что ты намекаешь?!
- Я не намекаю, а прямо говорю: твои данные – сфабрикованы. Я ещё не во всём разобрался, но уже понял...

И я стал вываливать обнаруженные факты. Сочтя происходящее достойным внимания, Стив сел рядом с Ирис, тоже прислушивающейся к разговору. Наконец, потеряв терпение, шеф рявкнул, что нам сейчас не до бредовых теорий конспирологии, сделал рубящий жест и ринулся к выходу. В этот момент поисковик, за которым я следил краем глаза, выплюнул первый итог.

- О! Вот оно! Вот откуда ты это передрал! – захохотал я, разворачивая лэптоп так, чтобы все могли полюбоваться на два практически идентичных графика, к одному из которых была прилеплена искусственная загогулина. – Ариэль, знаешь... это выглядит просто жалко!

Минотавр замер на пороге.

- Тим, самое время высказать авторитетное мнение, – глумился я. – Нет? Желание отпало? Стра-анно. Такой случай выслужиться перед начальством! Может, ты, Арик,

желаешь как-то прокомментировать выводы «научных изысканий»?

На мониторе возникла новая пара верблюдоподобных контуров.

– Значит, давай уточним: ты хочешь, чтобы на конференции я вышел с данными, собранными в ходе эксперимента, имевшего место исключительно в твоей и вот его, – я ткнул в сторону Тима, – фантазиях?!

– Думаю, основная идея – продемонстрировать полную функциональность, – примирительно проговорила Ирис, прежде чем Ариэль успел разразиться ответной тирадой. – Используя измерения из аквариума, пусть даже со старыми датчиками...

– На повестке инженерный вопрос, не входящий в твою компетенцию, – бесцеремонно перебил Ариэль.

Он явно передёргивал, это был вовсе не инженерный вопрос, и уж кого-кого, а её это касалось не меньше, чем меня с Ариэлем.

– Кстати, ты закончила проспекты? Тогда, пожалуйста... – Он снова обратился ко мне: – А ты, умерь-ка свой пыл. И знаешь, если тебе так легче, можешь считать это результатами симуляции, каковыми они по сути и являются.

– Ах, симуляции? – развеселился я. – Великолепно! И что же мы симулируем? Поездку в больницу? опыты на животных?

– Коллеги, – дипломатично вымолвил Стив, – не стоит преувеличивать. Мы не вводим никого в заблуждение. Есть хорошие результаты для старой конфигурации. Есть новое поколение сенсоров. Интеграция одного с другим – не концептуальный вопрос. Конечно, в идеале хотелось бы решить его до конференции, но мы не можем позволить себе такую роскошь. Эта ссора тем более неуместна, что у всех общие цели. Вы оба по-своему правы, но Ариэлю лучше видна полная картина, и, если он считает, что синтезированные данные допустимы, нет причин прерывать плановую подготовку.

Ирис едва заметно скривила губы. Пока Стив изливался, притащился Джошуа, судя по всему, прекрасно слышавший последнюю часть этого интенсивного обмена мнениями. Вслед за хозяином пришкандыбал, в придачу ко всем остальным уродствам, недавно охромевший пёсик.

– Можешь хоть на уши встать, но с этим вот... дерьмом я никуда не поеду, – проигнорировав Стива, заявил я Ариэлю.

– Поедешь! Ещё как поедешь! Два месяца валял дурня, а в последний момент опомнился? Ты сам создал эту ситуацию, и нечего теперь разыгрывать из себя борца за правду, в то время как я пытаюсь спасти компанию, место работы для всех и нашу, в том числе и твою, репутацию! – Он ткнул в меня пальцем. – Это на твоей

совести. Ты несёшь ответственность не только передо мной, но и перед коллегами. Короче, пройдишь по новым данным, и к концу дня жду отчёт о продвижениях с презентацией.

– Не хотел вмешиваться, но вы так шумите, что сложно не быть в курсе... – протянул Джошуа. – Полагаю, надо дать Илье шанс завершить начатое. В крайнем случае, выступите со старыми сенсорами, а в течение ближайших месяцев выпустим новую статью. Можете объявить о подготовке публикации, в которую войдёт развёрнутый анализ...

– Всё упирается в то, – оборвал Ариэль, – что старые сделаны по технологии, непригодной для медицинской аппаратуры. В новых нет существенных изменений, но с формальной точки зрения это абсолютно разные вещи. Выйти со старыми датчиками равносильно... да всё равно что выйти с пустыми руками! Это во-первых, а во-вторых, – срываясь на крик, продолжил он, – с каких пор в нашей фирме повелось лезть в сферы деятельности, не относящиеся к прямым обязанностям?!

Джошуа покосился на него с оттенком печального сожаления на немолодом и в последнее время как-то осунувшемся лице.

– Чрезвычайно трогательно, – саркастически произнёс я. – Вот только непонятно, что именно из всего вышесказанного даёт нам право врать врачам и будущим пациентам?

– Можешь называть это как угодно... – огрызнулся Минотавр. – Мы в этом положении из-за твоего наплевательства!

– А я и не прошу, чтобы кто-то за меня отдувался. Если с сенсорами всё в порядке, в чём, кстати, мы всё ещё не уверены, то за двенадцать дней я выверну алгоритм наизнанку. Буду ночевать тут, если потребуется, но они у меня заработают!

На слове «заработают» колченогий пудель зашёлся визгливым лаем.

– Убрать вон эту паршивую псину! – дёрнувшись от неожиданности, закричал Ариэль. – Тут вам не собачий приют.

Собачонка взвизгнула и забилась в щель между стеной и створкой двери.

– Прения окончены, – проговорил Ариэль изменившимся голосом. – Ты два месяца морочил голову, что всё в порядке. – Сунув лапу в аквариум, он выудил сенсор, а потом сграбастал и остальные. – Вот и всё в порядке.

Он оглядел подчинённых тяжёлым взглядом и вышел, сжимая датчики, с которых ещё капала вода. Некоторое время никто не двигался с места, но постепенно работники стали расползаться. Ирис принялась подавать какие-то знаки, пытаясь

привлечь внимание, но я пребывал в полном ауте. Будто облитый помоями, сидел и глазел в опустевший аквариум.

Когда рябь улеглась, я медленно встал.

- Эй... – тихо позвала Ирис, – пойдём на улицу.
- Не сейчас.
- Илья, не надо. Остынь...

Я аккуратно отодвинул кресло и вышел в коридор, на ходу ускоряя шаг. Ворвавшись в кабинет, захлопнул дверь, пнул в сторону стул и принялся орать:

- Думаешь, я позволю провернуть такую махинацию?!
- Достаточно, – отрезал он, не отрываясь от экрана. – Иди работай.
- Ты думаешь, я не знаю, что это не в первый раз?! Полагаешь, никто не видел картинки, которые ты втюхал инвесторам? Когда это проворачивалось ради инвестиций, я ещё мог промолчать, но переиграть никогда не поздно. То-то они обрадуются...
- Я долго терпел твои выходки, – прорычал Минотавр, грузно поднимаясь, – но, если тебе кажется, что удастся меня шантажировать, – ты ошибаешься! Сам создал ситуацию, вот и выкручивайся.
- А я и не уваливаю от ответственности, верни сенсоры, – я грохнул по крышке стола, – иначе я никуда не поеду.
- Считаешь себя незаменимым? – осклабился он. – Значит, поедет Стив. Уж он-то справится с презентацией никак не хуже. И вообще, алгоритм закончен, а тюнинг можно порекомендовать Тиму. Не обольщайся, от тебя можно избавиться в два счёта. Так что катись, пока я не вышвырнул...
- Мне насрать, уволишь ты меня или нет, – приблизившись вплотную, я принимаюсь вопить ему прямо в лицо, – в любом случае, я не дам тебе это проделать. Я уничтожу этот твой говённый BioSpectrum. Ты хорошо меня слышишь?! Я обращусь к инвесторам и покажу, как ты грабишь их, впаривая намалёванные в фотешопе картинки, я заявлюсь на конференцию с графиками, которые ты только что видел, я урою всю эту жалкую пародию на стартап, потому что ты уже окончательно ссучился! Скажи, каково это: превратиться из учёного в кабинетную поблядушку, стелющуюся под каждого, кто готов платить?!

В ответ Ариэль коротко замахивается и врзает мне в челюсть. Голова мотнулась, я ударяюсь спиной о дверь и, падая, задеваю ручку кресла, которое переворачивается и валится на меня. Я оказываюсь на полу, чётко различая ворсинки ковра и солоноватый привкус во рту. Порываясь вскочить, отфутболиваю стул и вижу Минотавра, застывшего со сжатыми кулаками, а за его плечом зрачок

камеры, утопленный в стену под потолком. И тут меня прорывает, я валюсь обратно, захлёбываясь в приступе истерического хохота. Арик, дёрнувшись, как от пощёчины, свирепо надвигается. Брызжа кровью сквозь приступы гогота, я указываю на камеру. Он оборачивается и замирает.

Приподнявшись, я слежу за стремительным искажением его лица. Когда ненависть сменяется последней стадией отчаяния, я валюсь обратно, корчась в новом припадке гомерического смеха. В боку колет от ушиба, но я не в силах остановиться. Ариэль срывается с места, подхватывает кресло и начинает молотить им по стене.

Слышится треск, куски пластикового корпуса сыплются на ковёр вперемешку с обломками гипсовой перегородки. Огрызок камеры вываливается наружу, повисает на проводах. Минотавр перехватывает кресло поудобней и в остервенении принимается лупить без разбора. Пенопластовые панели фальшпотолка с гадким хрустом разлетаются во все стороны. Хватаясь за стол, пытаюсь подняться, но сдавленный клёкот бессильной ярости, вырывающийся из горла моего начальника, вновь подкашивает меня.

Минотавр останавливается, лишь когда ему удаётся расколошматить всё в радиусе метра от камеры, и, отбросив разломанное кресло, выдирает ошметки проводов. Потом он в изнеможении приваливается к стене и сползает на пол. Подносит руки к лицу, заторможенно смотрит на зажатый в кулаке подлокотник и отбрасывает его на стол. Мой смех обрывается. Я сплёвываю слюну со сгустками крови на ковровое покрытие и поднимаюсь на ноги.

– Надеюсь, ты сможешь закончить тут без меня, – я утираю рукавом разбитые губы, – потому что, когда я покончу с тобой, у тебя не останется ничего! – Мой язык ощущает шатающиеся передние зубы. – Запомни этот день. День, когда ты навсегда лишился свободы. Теперь ты работаешь на меня! Каждая копейка, всё сделанное тобой, пойдёт на выплату компенсаций, так как мы, дружище, живём в правовом государстве, где охувшие начальники не бьют по морде подчинённых за отказ подделывать результаты! Ты понял меня?! – Схватив подлокотник, врезаю по крышке ноутбука. – Я спрашиваю, ты хорошо меня понял, босс?!

Я ещё раз бью, наотмашь, по стильному вогнутому монитору, который опрокидывается к стене и, издавая жалкие потрескивания, рушится вниз, увлекая док-станцию с разломанным ноутбуком. Оглядев комнату, заваленную обломками, и Ариэля, сгорбившегося на полу, я отшвыриваю подлокотник и распахиваю дверь.

* * *

Challenger несётся по хайвею 101 в сторону Сан-Франциско. Сев в машину, позвонил Шурику – было необходимо выговориться. Наконец-то я отделался и от Минотавра, и от давно обрыдшей работы. Я уже видел себя на самолёте, улетающем в Таиланд, где на несколько месяцев погрязну в беспробудном блуде и наркоте. И хотя можно бы придумать что-нибудь позаковыристей, начну я непременно с Таиланда, куда так давно хотел. Но Шурику не до меня, его младшенький приболел, жена взвинчена, и он спешит распрощаться. Затем пробую выцепить Раби и раз за разом попадаю на автоответчик. Набираю ещё пару номеров – с тем же результатом. Проглотив застрявшую комом в горле невысказанность, звоню местному дилеру. Он тоже пытается отвертеться, но я настаиваю, предлагая накинуть сотню-другую, и в конце концов мы забиваем стрелку в парке у моста.

Разжившись втридорога двумя граммами перворазрядного кокаина, нанюхиваюсь до полного остекленения. С непривычки сильно ведёт, но взгляд проясняется, колкие детали буквально режут зрение, а гудящую голову сразу отпускает. Я возвращаюсь в машину, врубаю музыку и еду в паб, где всегда темно и прохладно, и куда частенько заглядывал в прежние времена. На перекрёстке останавливается пикап с буйволовыми рогами на капоте и чувачком в растаманской шапке. Я рассеянно созерцаю этот драндулет и вдруг понимаю, что это Майк. Майк из группы «Bizarre чего-то»! Или не Майк?.. Загорается зелёный, опомнившись, я начинаю надсадно сигналить, но пикап берёт с места, разворачивается и уносится в обратном направлении.

Выматерившись, еду дальше, а в голове в ослепительных подробностях вспыхивают: искажённое лицо начальника, капли крови, разбивающиеся о шероховатую поверхность, хруст, скрежет, обрывки проводов, и я поминутно нащупываю в потайном кармане, рядом с пакетиком кокса, флешку с видеозаписью – мой билет в вечную свободу от лживого мира процессов, слоганов корпоративной этики и вусмерть охреневших начальников.

...Покинув разгромленный кабинет, я окриком выгнал Тима и бросился к Ирис. Отмахнувшись от расспросов, попросил отыскать и скинуть на флешку последние полчаса записи с видеокамеры. Пока она ковырялась в сети, я сгрёб личные вещи и швырнул на стол магнитную карту. Заполучив файлы, наскоро поблагодарил, подхватил сумку и метнулся к двери, спеша покинуть ненавистные стены. Но Ирис порывисто встала и провела тыльной стороной ладони по моей щеке. Это лёгкое прикосновение на миг обожгло кожу, и сейчас, на фоне бурлящих эмоций, нет-нет да мерцает в памяти тёплым отсветом...

Приехав в паб, сажусь у стойки и целенаправленно надираюсь, силясь побыстрее

утопить в алкоголе приступы агрессии и омерзение ко всему окружающему. Неверной походкой подваливает девица и принимается неумело, но напористо заигрывать, нашёптывая липким голосом какую-то пошлятину. Судя по мутным глазам, ей уже совершенно по барабану, куда и с кем ехать в ночь из этого вертепа. Грохочущий попсовый музон, которого прежде здесь и в помине не водилось, лишь усиливает раздражение, и тут она начинает отплясывать, похотливо подпевая гнусавым завываниям солиста и норовя потереться об меня призывно выпирающими потными сиськами. Я отстраняю её и принимаюсь прокладывать дорогу к выходу. Забираюсь в машину и высыпаю кокс прямо на приборную панель. Не дробя комки, раскатываю и быстро убираю обе дорожки. Едкий порошок лезвием проходится по слизистой оболочке. Резко втягиваю воздух, сглатываю и чувствую, как немеет носоглотка.

Дальнейшей мрачный загул вспоминается несвязными урывками. Где-то я разбиваю стакан какого-то жирного ублюдка, и по столу растекается отвратительное пойло. Его не менее тучная подружка, на платье которой попадает добрая часть жидкости, начинает верещать, а он вскакивает и принимается наступать на меня, разыгрывая настоящего мачо перед так называемой дамой. Я упираюсь в него ледяным взглядом, и, присмотревшись к разбитой физиономии, они требуют пересадить их подальше от этого психа. В другом баре две смазливые тёлочки, напросившиеся разнюхаться на халяву, хихикая, тянут меня в туалет, но там настолько засрано, что нам приходится долго протискиваться сквозь пьяную толпу в поисках укромного закутка. Потом, хотя за хронологию в моём состоянии ручаться не стоит, на входе в очередной клубешник задираюсь с каким-то верзилкой, с сальным самодовольством заявляющим, что оборванцам у них не место. В итоге его коллеги выталкивают меня на улицу, тащат за угол, в ближайшем переулке пару раз темпераментно встряхивают, швыряют на мостовую и уходят, оправляя борта форменных костюмов.

Меня несёт дальше и глубже, и происходящее всё бесповоротней тонет в алкогольно-наркотическом дурмане. Последнее, что помню: яркие блики рекламных щитов, светящиеся витрины и мелькающие огни уличных фонарей. Меланхоличная музыка убаюкивает истерзанную душу, из кондиционера приятно льются потоки прохладного воздуха, а пятна света сплетаются в красивые линии, уплывающие за пределы лобового стекла... Внезапно слышится пронзительный визг покрышек и вихрем нарастающее гудение. Заламывая руль, я бью по тормозам. Машина подскакивает, налетев на бордюр, раздаётся жуткий треск, скрежет, удар... И темнота.

* * *

Кое-как наведя резкость, вижу перед собой смятую подушку безопасности с багровыми потёками. Запускаю руку в потайной карман, но, кроме остатков кокаина, там ничего не обнаруживается. С отстранённым безразличием обследую одежду, но, кажется, заранее знаю, что всё напрасно. И действительно, флешки с видеофайлом нигде нет. Я криво усмехаюсь, облизывая едва успевшие затянуться губы. После нескольких попыток высвобождаю защёлку ремня, выбираюсь из машины и смотрю на вдребезги разможжённый капот, вмятый в покосившийся столб.

*Птицы горят в полете,
голод подходит ближе...*

Надрываясь, рыдает АукцЫон. Я ковыляю к стене ближайшего дома, прислоняюсь и тяжело опускаюсь на тротуар напротив разбитого Challenger-а, из которого, шкворча, тянется сизый дымок. Вокруг никого, ветер гонит грязные куски газет по пустынным улицам. На перекрёстках жёлтыми пятнами перемигиваются слепые светофоры.

*...Город устал от пепла,
нищие ждут тепла.*

Меня мутит. Я сжимаюсь, силясь унять тошноту. Я сам, как эти обрывки, гонимые порывами воздуха: одинок и печален, как опавший лист на ветру.

*Падаю – и не больно,
думаю, но не вижу...*

Моя жизнь – череда реабилитационных периодов от наслаивающихся друг на друга катаклизмов. Нескончаемое кладбище разбитых корыт. Я бреду меж могил, мимоходом отрезая от себя и хороня отмирающие куски.

*...Кожа моя ослепла,
ты от меня ушла.*

Сколько можно?! Когда это кончится? Зачем, зачем это всё? Кому оно надо? Уж точно не мне! Я не просил всего этого!

*Кожа моя ослепла,
холодно мне и стыдно...*

Я чувствую, что хрипну и понимаю, что ору во всё горло, и мои крики срываются в жалкий сип. Я запрокидываю голову, пытаюсь отдышаться. Меж отвесных высоток –

рванные клочья туч.

*...Сделано – и довольно,
ты от меня ушла.*

Ветер усиливается, облака сносит в сторону, и на фоне антрацитово-чёрного неба отчётливо проступают четыре звёзды.

*Глупо бояться пепла,
спрятался – и не видно...*

Крайняя, самая яркая, пульсирует, мерцая и переливаясь. Всё останавливается, замирает в неподвижности, и лишь ветер треплет разодранную одежду.

*...Нет меня – и не больно,
падаю ниже нуля...*

Это уже не АукцЫон, это звучит внутри. Звучит и звучит нескончаемым рефреном... и последняя щемящая нота беспредельно растягивается, заполняя и сливаясь со мной, небом и ветром в единое всепоглощающее ничто, на фоне которого мерцает одинокая звезда, вторящая затихающему звуку. Но вот и он угасает. Всё исчезает. Воцаряется оглушительное безмолвие, невесомо застывшее в бескрайней пустоте.

* * *

Завывание сирен разрывает оцепенение. Сквозь закрытые веки различаю бешено вспыхивающие красно-синие цвета.

– Отойти от машины, – рокочет искажённый громкоговорителем голос. – Лицом к стене.

Я стою, как приказано, и свет мигалок выхватывает слишком подробные детали бетона с отпечатками опалубки. «Самое время испугаться», – мысль прорисовывается вяло, будто всё происходит не со мной.

- Пьян? – полуутвердительно спрашивает один из охранников правопорядка.
- Пьян, – киваю я.
- Оружие? Наркотики?

Я молчу. За спиной ведётся обмен односложными репликами, после чего я отстранённо чувствую, как обшаривают мои карманы.

– Оп-п-па, – извлекая остатки кокаина, присвистывает второй, – ну-ка, ну-ка, что тут у нас?

Он грубо тормозит меня, развернув к себе. Самодовольный прищур его рыхлой одутловатой рожи несколько возвращает меня к действительности, и я нахально скалюсь, глядя в его свинячьи глазки.

- А ты как думаешь? – развязно пародирую его издевательский тон.
- Я тебя спрашиваю. – Для острастки меня ещё раз встряхивают.
- Это сахар, – продолжаю куражиться я. – Сахар для моей любимой бабушки.

Меня снова хватают, заламывают руки и укладывают лицом в капот. Шмон возобновляется, а я смотрю на свой Challenger, ещё не в состоянии переварить...

- Так, а это тогда что? – одутловатый мент трясёт перед моим носом пакетиком травы.
- А это чай. Ну, типа, для которого сахар.
- Тоже для бабушки?
- А то!
- Вяжи этого болвана, – подаёт голос напарник.
- О-о! Тоже чайку захотелось?
- Ага, поедем чаи распивать, – одутловатый надевает на меня наручники, – и бабушку пригласим.

И тут я вспоминаю про меч, воткнутый в приборную панель, и меня переклинивает. Я вырываюсь, ору, но они лишь посмеиваются, запихивая меня на заднее сиденье ментовской тачки, которая продолжает завывать, полоумно мигая и придавая всей сцене несколько аномальный вид. Мы трогаемся, они выключают сирену, и вслед несётся:

*Птицы горят в полете,
голод подходит ближе,
город устал от пепла,
нищие ждут тепла...*

* * *

По дороге в обезьянник остатки бесшабашного настроения улечиваются, и я осознаю, что вождение в нетрезвом виде – это две недели в каталажке вообще без каких-либо разбирательств, а хранение и употребление марихуаны – серьёзная

уголовная статья, не говоря уж о коксе, мерзком, тупом наркотике, по сути, никогда мне не нравившемся.

Разом наваливаются таящиеся в закоулках подсознания архетипы тюремной тематики: испещрённые татуировками ниггеры и бритоголовые латинос, заточки, общие душевые, расовые группировки, больные изуродованные бомжи и коррумпированные надсмотрщики, только и ждущие возможности выместить годами гниющую внутри агрессию и отвращение к собственной судьбе.

По прибытии в участок меня ещё раз обыскивают, заставив раздеться догола, затем ведут тюремным коридором мимо ряда железных прутьев, местами зачем-то обтянутых металлической сеткой. Один из сопровождающих распахивает дверь, другой молча тычет между лопаток, я шагаю внутрь, и решётка захлопывается.

Слева кто-то заворочался. Я затравленно топчусь у входа. Когда всё стихает, подхожу к двухэтажным нарам, мельком гляжу на мужика, развалившегося на нижней койке, и осторожно лезу вверх по предательски поскрипывающей стремянке. Подушка отдаёт химией. Надо выровнять дыхание и унять мельтешащие страхи. Где-то рядом раздаётся сдавленное кряхтение. Я напряжённо замираю, пережидаю и потом поплотнее укутываюсь тонким колючим одеялом. Постепенно удаётся согреться, я закрываю глаза и, прислушиваясь к окружающим шорохам, впадаю в болезненное полузабытьё.

* * *

У классной доски строго одетая Ира тягуче выводит слова, которые я мучительно переписываю в тетрадь:

– Я мать. У меня ребёнок. – Скрип мела по грифельной поверхности судорогой сводит скулы. Я ужасно волнуюсь, боясь допустить ошибку, а карандаш так и норовит выскользнуть из влажных пальцев. – Я должна думать о будущем, а ты оболтус и шалопай.

Дописав, поднимаю глаза и вижу на её месте Ариэля.

– Как, опять десять ноль-пять?! – Он выхватывает тетрадь с моими каракулями, отгрызает большой кусок и, скривившись, сплёвывает обложку. – Это никуда не годится!

– Это наша общая война! – Я вскакиваю и вручаю ему банку с заформалиненным сердцем.

Ариэль принимается сдирать крышку. Он плотоядно облизывается, стремительно обрастая бурой шерстью. Раздаётся школьный звонок, и с потолка валятся Платоновы яблоки раздора. Я выскакиваю в коридор, поскользываясь, несусь по узкому проходу, дёргаю ручки дверей и раз за разом убеждаюсь, что все они заперты.

Наконец одна поддаётся, я влетаю внутрь и оказываюсь в кинозале, полном едва различимых в полумраке зрителей. На экране крупно: моё перекошенное пьяное лицо с красными пятнами и каплями пота. Потом крупно: розовато-ребристый след от резинки трусиков. Крупно: пальцы сжимают копну тугих волос.

– Я хрупкая и ранимая. Мне нужен человек, чтобы идти рука об руку... – стонет певица, когда мой двойник берёт её, прижав лицом к стене и стиснув в кулаке задранное платье. – развиваться со мной, радоваться со мной... и... и-и... Пожалуйста-а-а... А-а! Пожалуйста-а-а... А-а! Прекрати манипулировать моими чувства-а-а-ми-и-и...

Гремят оглушительные аплодисменты, меня перекорёживает, а тем временем на экране следующая сцена. Становясь на колени, Вера расстёгивает ремень, приспускает джинсы и, выгибаясь, призывно обнажает белые ягодички. Всхлип восторженного умиления прокатывается по залу. Я бросаюсь наружу и мчусь дальше.

Коридор внезапно обрывается; балансируя на краю, не могу оторвать взгляд от развершейся бездны. Оглянувшись, вижу, что стою на вершине башни. Вход за спиной гулко схлопывается. У ног, змеясь, разворачивается узкая винтовая лестница, я кидаюсь вниз, ежесекундно рискуя сорваться. Спешу во что бы то ни стало добраться до той упущенной червоточины, где зародилась первая трещина, а за ней и вся необратимая цепь последующих событий... И тут, резко спикировав, передо мной приземляется громадный птерозавр.

– Ты хорошо подготовился к конференции? – ревет он, роняя ядовитую слюну. – Вызубрил Книгу мёртвых?

Я выхватываю сверкающий меч оголтелого идеализма и раз за разом тычу в чудовище, но он не пробивает броню, а лишь высекает снопы раскалённых искр. Монстр разевает пасть. Я отбрасываю оружие, одним движением откусываю ему голову и чувствую сладостный вкус. Окровавленная туша рушится в пропасть, конвульсивно потрясая костистыми крыльями. Я испускаю победный клич, прыгаю, спотыкаюсь на выбоине, отступаю и, раздирая ладони об ускользающий край, срываюсь вслед за чудовищем.

Падение ускоряется. В ушах хлещутся струи ветра. Ключья мыслей захлёбываются во всепоглощающем ужасе. Я принимаюсь орать, кувыркаясь и суматошно размахивая руками, и вдруг чувствую, что воздух держит меня.

Расправив крылья, я планирую, широкими кругами опускаясь к подножию, где сквозь рваную пелену виднеется дремучий лес. Коснувшись земли, замираю, втягиваю сырой, наполненный лесными ароматами ветер и безошибочно чую нужное направление. Мановением руками, и крылья разлетаются, оседая белёсым ворохом перьев.

Перемахнув через выкорчеванный пенёк, бросаюсь в чащу. Ветки нещадно хлещут лицо и тело. Я продираюсь сквозь бурелом, минуя мшистый ельник, опушку и врываюсь в топкие дебри густого тростника. Стрекозы шарахаются при моём приближении. Острые листья режут кожу, я спотыкаюсь, падаю, но, не обращая внимания на боль, рвусь дальше. Заросли внезапно расступаются, я на краю лесного пруда.

Вокруг никого. Звонящая тишина. В застывшей прозрачной воде отражается бирюзовое небо, наискось рассечённое бороздой перистых облаков. Я замираю и долго смотрю на неподвижную гладь.

Очнувшись, вижу на другом берегу девочку с красными волосами.

– Где ты был? – вкрадчивый голос заполняет всё пространство.

Я пытаюсь ответить, но горло сжимается, и не удаётся выдать ни звука. Она смотрит не мигая, и мне хочется забиться обратно в чащу, но я только отвожу глаза, чтобы не видеть её взгляда.

– Почему ты не приехал ко мне за все эти шесть лет?

Внутри что-то обрывается. Я понимаю, что сказать нечего, и это молчание мне никогда не простится. Мгновения невыносимого безмолвия растягиваются и падают, бесшумно и безвозвратно растворяясь в удушливой пустоте.

– Траа-та-та! – Осколками эха лопаются хрустальная тишина.

Я вздрагиваю, оборачиваюсь и вижу Дятла. Вывернув шею, он смотрит на меня, потом на неё.

– Я боялся, Майя, – шепчу я. – Я боялся.

Дятел срывается с ветки, шумно хлопая крыльями, проносится над водой и исчезает за кронами деревьев. Я снова вздрагиваю, выныриваю из беспамятства и у изголовья, среди похабных надписей и разухабистой настенной живописи, различаю строки, косо выцарапанные по масляной краске:

*манит в далёкие дали,
гонит к бредовой мечте,
жаждой изменчивой память,
глухо урчит в пустоте.*

*зверь истощён и изранен,
странно, так часто во снах
падают с гор великаны
на журавлиных ногах.*

Эпилог

Свобода – это когда нечего терять.

Дженис Джоплин

Разбуженный резким окриком, озираюсь, не понимая, где нахожусь, но меня снова одёргивают, громко и нещадно коверкая мою фамилию. Спускаясь по лестнице, чуть не падаю, задеваю спящего снизу здорового мужика, который приоткрывает глаза и смотрит мутным, тяжёлым взглядом.

Пока меня тащат по коридору, наваливается безжалостная действительность в виде жёсткой депрессуки, свойственной кокаиновым отходнякам, раскалывающей череп головной боли, пошатывающихся передних зубов и остальных прелестей, довершающих похмельную икебану. В памяти всплывают обрывки вчерашних событий, вспоминается разбитый Challenger и становится окончательно тошно.

Стены окрашены мутно-серой краской, как нельзя лучше гармонирующей с общей атмосферой. Останавливаемся. Охранник, раздражённый моей спотыкающейся походкой, толкает внутрь и захлопывает дверь тесной комнаты. Я пытаюсь собраться с мыслями перед допросом, но в голову во всех смачных подробностях лезут картины предстоящего знакомства с сокамерниками.

Дверь распахивается, я вздрагиваю, поднимаю воспалённые глаза, но вижу не следователя в полицейской форме, а Ариэля.

– Я внёс залог, – постояв на пороге, он тяжело опускается на стул напротив. – Поехали работать. Адвокаты со всем разберутся.

Как только до меня доходит суть его слов, внутри всё переворачивается и вместо облегчения я остро ощущаю, как нестерпима была сама мысль о возвращении за решётку. Я облизываю разбитые губы и стараюсь придать голосу твёрдый тон:

– Но мы едем работать. Работать, а не подделывать результаты.

Ариэль криво усмехается, рассматривая мою одежду, разодранную в ходе загула и контакта с органами правопорядка.

– Хотел бы подделывать, – устало произносит он, – обошёлся бы без тебя.

Осунувшееся лицо и сизо-лиловые круги под глазами свидетельствуют об

очередной бессонной ночи. Помедлив, Ариэль встряхивается всем телом и поднимается.

Я остаюсь один. Страх сменяется заторможенной апатией. Чувство общей потерянности и неприкаянности обретает новую, ещё не знакомую глубину. Кажется, этот добавочный объём пустоты и есть та самая свобода, которую я всегда воспевал.

Меня ведут оформлять документы, снимают отпечатки, возвращают телефон и ключи от разбитой машины. На выходе из участка я останавливаюсь, жмурясь от яркого солнца, и замечаю вчерашнего мордатого мента, который, закуривая и тоже щурясь, поглядывает на меня. Я инстинктивно запускаю руки в карманы и запоздало вспоминаю, что сигарет нет.

Угадав смысл моих бестолковых действий, он помахивает раскрытой пачкой. Я беру сигарету, с удовольствием затягиваюсь и, выпуская дым, смотрю на этого ухмыляющегося типа уже почти по-братски, но тут телефон издаёт сигнал входящего сообщения. Я киваю блюстителю порядка, на ходу выуживаю мобильник и читаю:

где тебя носит, Челленджер? я отменила билет.

THE END

Благодарности

Огромное спасибо:

Владимиру Ключнеру – крылатость, эстетика, антураж;
Елене Коркия – самобытность и чёртнамнебратство;
Светлане Боярской – тонкие материи и беззаветность;
Илье Рабиновичу – риторика, стилистика, деформация сознания;
Елене Шабалиной – лингвистический жемчуг и реновация романа;
Евгению Ковалю – советнику по широчайшему кругу вопросов;
Елене Тюль – тюльность и поддержка;
Евгении Гадас – потусторонность, буддизм, неистовство;
Шурику а.к.а. Шурик С Приветом – драма, динамика, бытовой реализм;
Ире Шустерман – эксцентричность и графический дизайн;
Наташе Филипповой – полемика, азарт, брейнсторминг;
Юлии Олеговне Польшин – астрофизика и лунные слоны;

а также пани Александре Сашневой (Алыч) и ВСЕМ, принявшим участие в создании романа.

За неоценимый вклад в русскую литературу.

*

Спасибо за ваше время и интерес, проявленный к этой книге. Ваше внимание очень ценно для меня, поскольку прочитанное произведение – лучшая награда для автора.

Роман никак не рекламируется, его судьба в ваших руках. Единственными способами продвижения этой книги будут отзывы в библиотеках и размещение ссылок на мой сайт <https://yanross.net> в соцсетях и других интернет-ресурсах самими читателями.

Ян Росс